

DK

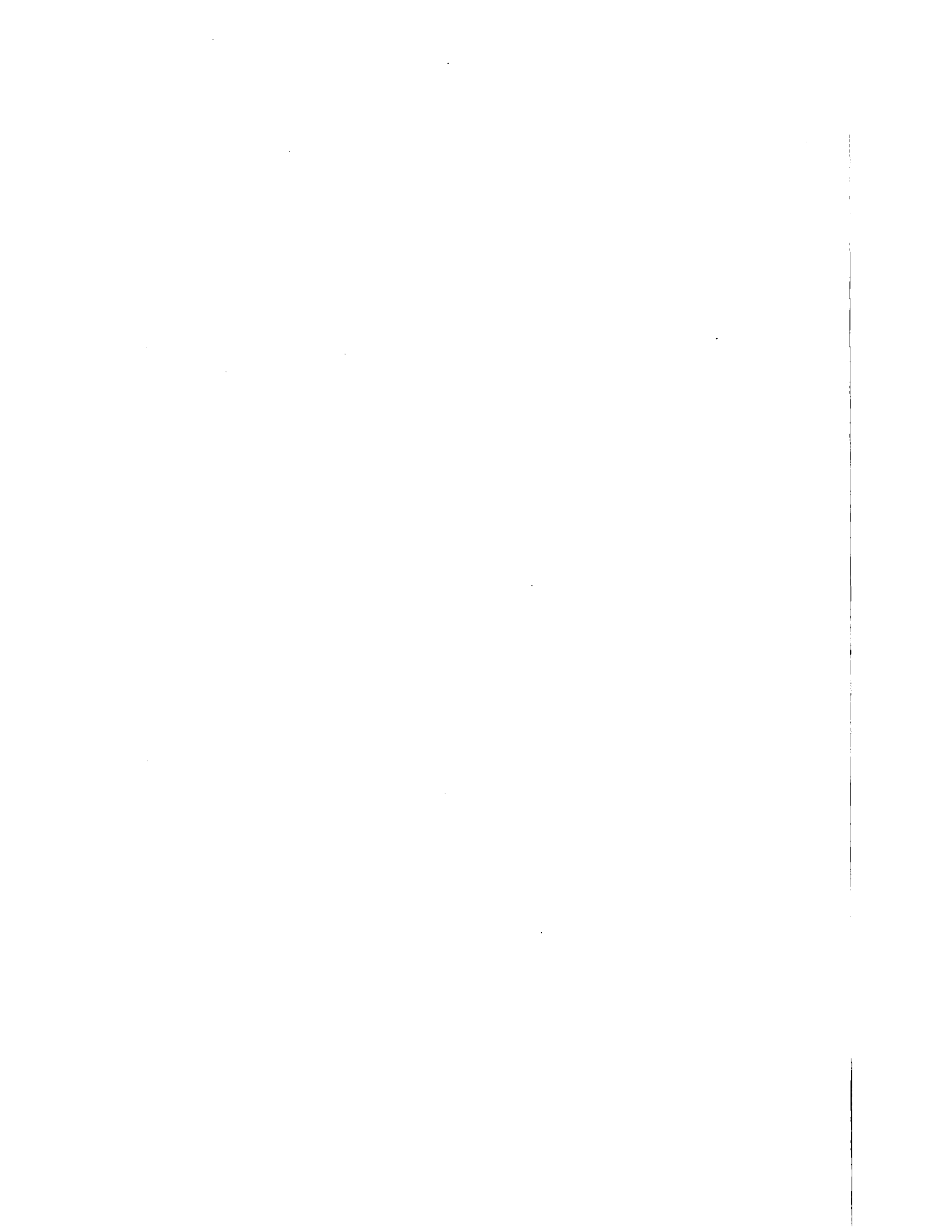
1

v98

v.14

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ДИСЦИПЛИНЫ

XIV

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ДИСЦИПЛИНЫ

XIV

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1983

В очередной том сборника включены статьи по источниковедению отечественной истории, текстологии письменных памятников средневековой и новейшей истории СССР. Специальный раздел посвящен анализу общих и частных вопросов вспомогательных исторических дисциплин. Завершает том раздел, содержащий исследования по древнегреческой эпиграфике и латинской палеографии.

Редакционная коллегия:

А. И. КОПАНЕВ, акад. *Д. С. ЛИХАЧЕВ*,
Н. Е. НОСОВ (отв. редактор),
чл.-кор. АН СССР *В. И. РУТЕНБУРГ*,
М. Б. СВЕРДЛОВ (отв. секретарь),
В. Г. ЧЕРНУХА, чл.-кор. АН СССР *В. Л. ЯНИН*

М. Е. БЫЧКОВА

**НЕКОТОРЫЕ ЗАДАЧИ
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Роль вспомогательных исторических дисциплин в современном исследовании, вопросы совершенствования их методики, установление новых связей между различными традиционными дисциплинами — проблемы, неоднократно обсуждавшиеся на страницах научных изданий. Так, В. Л. Янин наиболее четко и последовательно определил изменение роли вспомогательных исторических дисциплин. С одной стороны, они совершенствуют свою исследовательскую методику и создают справочники, необходимые для своего собственного развития, с другой — исследование, посвященное источникам этих дисциплин (монеты, печати, формуляры актов), часто выливается в работу по истории международной торговли, государственного аппарата и др. Автор видит основные перспективы их развития не только в совершенствовании методики исследования, но и в интеграции, в тесной связи параллельных исследований ряда вспомогательных дисциплин.¹

Генеалогия — одна из дисциплин, которая постоянно присутствует в творческой лаборатории историка, но чьи задачи на современном уровне развития науки, основной круг источников, этапы развития давно не были предметом специального исследования. Опубликована лишь первая проба определения задач генеалогии и эволюции ее роли в советской исторической литературе.² Генеалогия, как палеография, дипломатика, нумизматика и некоторые другие дисциплины, родилась в практической деятельности, выз-

¹ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977, с. 5—10, 19—21. См. также: Буганов В. И., Зимин А. А. О некоторых задачах специальных исторических дисциплин в изучении и издании письменных источников по истории русского средневековья. — История СССР, 1980, № 1, с. 117—118; Соболева Н. А. О тенденциях развития специальных исторических дисциплин. — Источниковедение отечественной истории, 1979. М., 1980.

² Бычкова М. Е. Генеалогия в советской исторической литературе. — Вспомогат. истор. дисциплины, VII. Л., 1976; см. также: Аksenov А. И. Генеалогия. — Вопросы истории, 1972, № 10.

ванная потребностью официального оформления места семей и лиц в феодальном обществе; но она дольше, чем другие исторические дисциплины, сохраняет свое практическое значение.

Основное отличие генеалогии от, скажем, нумизматики, сфрагистики, палеографии состоит в том, что практическая генеалогия — история семьи, установление степени родства — может существовать вне исторической науки. Любое целенаправленное коллекционирование рукописей, монет, печатей и других объектов исследования вспомогательных дисциплин невозможно без знания специальной литературы, каталогов, изучения музейных собраний и др. Коллекционер приобщается к специальным работам лишь внося свою лепту в общее развитие науки, расширяя круг источников, уточняя их хронологию. Знание истории своей семьи, своих предков и ближайших родственников может существовать вне исторических исследований, создавая семейную традицию, давая локальное знание исторических событий, в которых принимали участие родственники. Поскольку эти знания в свою очередь могут стать источником исследования, само понятие генеалогии как будто становится расплывчатым. Но эта расплывчатость мнимая; как и другие отрасли истории, генеалогия имеет свои закономерности, вытекающие из закономерностей исторического процесса и из закономерностей исторической науки.

Генеалогия — самая древняя из вспомогательных исторических дисциплин. Если нумизматика, сфрагистика в практической деятельности появляются в обществе, где есть товарообмен и классы, палеография и дипломатика связаны с развитием письменности и работой государственного аппарата, то знание своих предков и истории своей семьи появилось одновременно с человеком. Первые сведения по генеалогии содержатся в этногенетических преданиях. Сведениями о родстве и происхождении семей, преимущественно правящего класса, изобилуют летописи, хроники, саги и другие исторические произведения. Но генеалогия окончательно конституируется в развитом классовом феодальном обществе, когда появляются специальные генеалогические документы, имеющие юридическую силу. Происхождение семьи и служебное положение предков давали права на земельные владения, чин или должность и определяли место в сословной иерархии. Сословность, по определению К. Маркса и Ф. Энгельса, — неотделимая черта феодального общества, когда существуют не классы, а сословия «с определенными и строго ограниченными привилегиями».³ Историческое развитие сословий в классы завершается буржуазной революцией, когда «условием освобождения третьего сословия, буржуазии, было уничтожение всех и всяческих сословий».⁴

Представление о сословности феодального общества позволяет выработать определенный подход и к генеалогическим источникам.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 4, с. 184.

⁴ Там же.

Источники генеалогического исследования практически неограничены, ими может быть любой памятник (письменный, архитектурный, археологический, предметы искусства), содержащий биографические сведения об отдельном лице. Основным моментом генеалогического исследования здесь является отнесение определенного круга фактов к жизни и деятельности этого лица. Часто в процессе такой работы генеалогия смыкается с источниковедением.

Источники генеалогии, создававшиеся в процессе деятельности лиц и учреждений и имевшие юридическую силу, — это поколенные росписи и таблицы, которые устанавливали родственные связи между отдельными членами семьи. В задачи научной дисциплины генеалогии входит исследование истории создания ее источников, проверка достоверности их сведений. Кроме этого, генеалогия создает свои справочники о жизни и деятельности лиц и семей, используя весь доступный объем исторических источников. Такие справочники являются надежным фундаментом различных исследований по социально-экономической и социально-политической тематике, а также сами могут перерасти в подобные исследования.

Различия между практической и научной генеалогией принципиальны. Научная генеалогия всегда подчинена задачам исторического исследования, практическая — юридически оформляет степень родства между определенным кругом лиц, определяя их положение в структуре общества.

Между Государевым родословцем 1555 г. и «Русской родословной книгой» П. В. Долгорукого (1841 г.) как генеалогическими справочниками нет принципиальной разницы. Оба они создавались как документ, где зафиксированы родственные связи между членами различных семей. Их различие не в назначении, а в разных уровнях развития общества XVI и XIX вв. Именно этим обусловлены и отбор семей, и проверка достоверности сведений о родстве, и отбор биографических сведений, и способ размножения книги. А уже в книге Н. П. Лихачева «Разрядные дьяки XVI в.» изучение истории создания основных источников русской генеалогии органически входит в исследование деятельности одного из ведущих государственных учреждений России. Именно здесь генеалогия как вспомогательная историческая дисциплина начинает раскрывать свои возможности.

Методика составления родословных таблиц в России научно не разрабатывалась. Основным источником русской генеалогии являются росписи нисходящего родства: в них записываются все потомки какого-либо лица, как правило, только по мужской линии. Росписи восходящего родства, где записаны все предки какого-либо лица, русской генеалогии также практически неизвестны.

В родословных росписях можно выделить два элемента — так называемую легенду о происхождении семьи, где записан ее родоначальник, и поколенную роспись.

Поколенная роспись — это перечень всех членов семьи с указанием степени родства, в своей древней части она иногда баснословна, форма росписи в русских источниках существенно не менялась в течение столетий, в каком бы виде эти документы не существовали (как приписки к летописным сводам, самостоятельно, объединенные в родословные книги). Поколенная роспись имеет практическое значение при установлении степени родства как внутри членов одной семьи, так и между разными семьями, если известны их родственные связи.

Родословные росписи чаще привлекают историков, так как именно они содержат основную массу сведений, часто уникальных.

Родословные легенды исследуют гораздо реже, в основном с точки зрения достоверности происхождения родоначальника. Представляется, что их значение более глубокое. Родословие наряду с документами, где оформлялось служебное положение семьи в иерархии феодального общества (например, в России — докончальные и жалованные грамоты, разряды и т. п.), закрепляло сословное происхождение рода, право его членов занимать определенное положение. Именно родословная легенда фиксировала происхождение из княжеской семьи, древность службы великим князьям и положение предков при их дворах. Причем, оставаясь в рамках семейных преданий, эти факты не имели юридической силы, а официально зафиксированные ставили потомков на определенную ступень сословной лестницы, предоставляя им соответствующие права и привилегии.

Правительство периодически было вынуждено дополнять и редактировать родословные документы, что давало возможность семьям, выдвинувшимся на службе после предшествующего редактирования, официально закрепить уже совершившиеся изменения сословной принадлежности.

На определенном уровне развития феодального общества создавалось официальное учреждение, которое занималось сбором, проверкой и утверждением родословных документов. Деятельность таких учреждений и лиц в разных странах была схожей.

В России первоначально родословиями занимался Разрядный приказ, основной функцией которого были вопросы службы дворян, этого, по выражению Ф. Энгельса, «по преимуществу военного класса».⁵ Это еще раз говорит о тесной связи «службы» и «происхождения» в период феодализма. В Разрядном приказе был составлен Государев родословец 1555 г. и другие родословные книги.⁶ В 1682 г. при Разрядном приказе было создано специальное учреждение — Палата родословных дел, которая занималась сбором и проверкой родословных документов. Продукт ее дея-

⁵ Там же, т. 7, с. 394.

⁶ Бычкова М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975.

тельности — Бархатная книга, имеющая в основе тот же Государев родословец.⁷

О значении, которое придавалось родословным росписям, говорит состав лиц, занимавшихся ими. Государев родословец был составлен, как доказал Н. П. Лихачев, разрядным дьяком Е. Цыплатевым, одним из крупнейших государственных деятелей середины XVI в.⁸ В XVII в. разработкой указов о составлении родословной книги занимался среди других Ф. Шакловитый. Справки о проверке документов о происхождении в Посольском приказе подписывал думный дьяк Е. И. Украинцев, спорные вопросы решали бояре В. Д. Долгорукий и В. В. Голицын. Бархатную книгу подписали три думных дьяка — Е. И. Украинцев, В. Г. Семенов и Д. Т. Полянский. Такое оформление, скрепленное высокопоставленными должностными лицами, имело в прямом смысле слова вечное значение. Адашевы попали в Государев родословец 1555 г., куда записаны в основном потомки первых великих князей Рюрика и Гедимины и старомосковских бояр, так как влияние А. Ф. Адашева при великокняжеском дворе в середине XVI в. было необыкновенно велико. Роспись Адашевых осталась и в Бархатной книге, когда этого рода уже не существовало, как символ сословной принадлежности.

С начала XVIII в. до 1917 г. при Правительствующем сенате была Герольдмейстерская контора, затем Департамент герольдии, высший арбитр споров о происхождении семей, в ее архиве были сосредоточены документы о происхождении русского дворянства.

В Англии XIV в. в судах при спорах об имуществе росписи еще не привлекаются в качестве документальных свидетельств. Одним из первых толчков к их составлению была война Алой и Белой розы. С 20-х гг. XVI в. — времени правления Генриха VIII — до последней четверти XVII в. — правления Карла II — здесь велись так называемые «книги посещений» герольдов. Посланные по заданию короля, герольды объезжали графства, смотрели гербы и вели родословные записи. Составленные ими росписи в основном опирались на семейные предания, но во время этих посещений проверялись фамильные документы, надписи на гробницах и т. д. Записи герольдов имели юридическую силу. В XVII в. росписи регистрировались в герольдии. Кроме того, генеалогическую работу вели антиквары, это была частная инициатива, росписи отдельных родов часто заносились в истории различных графств.⁹

Во Франции первые шаги генеалогии также были связаны с вопросами наследования и историей правящего дома. В 1595 г. здесь была юридически оформлена должность генеалога, а в 1615 г. — Суд о гербах Франции.¹⁰ В этих учреждениях про-

⁷ Бычкова М. И. Из истории создания росписей конца XVII в. и Бархатной книги. — Вспомогат. истор. дисциплины, XII. Л., 1981.

⁸ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888, с. 353, 414—416.

⁹ Genealogy. — Encyclopedia Britannica, 1963, v. 10.

¹⁰ Duruy P. La généalogie. Paris, 1971, p. 15—16.

верялись и утверждались родословные документы. Именно здесь сформировались основные источники по французской генеалогии. Обе должности — генеалога и судьи — долгое время сохранялись за членами одной семьи.

Но и во Франции с середины XVI в. развивалась частная инициатива в написании королевской и различных знатных семей генеалогий. Она особенно процветает в XVII в., когда появляются работы, показывающие родство между правящими домами стран Европы или излагающие историю дворянских родов отдельных провинций.¹¹ В это же время появляется интерес к теоретической генеалогии, разрабатываются принципы начертания родословных таблиц и составления поколенных росписей. Одна из этих систем, разработанная испанцем Жеромом Соса, в усовершенствованном виде существует до наших дней.¹²

XVIII век, наоборот, привел к упадку генеалогических исследований.¹³ Возможно, это вызвано тем, что генеалогия всегда обслуживала интересы дворянства, что создавало однообразие тем исследований. В эпоху Французской революции, которая «уничтожила сословия вместе с их привилегиями»,¹⁴ такие работы теряли свое значение.

В это же время в Германии зарождается интерес к теоретическим основам генеалогии, что можно признать за зарождение научной генеалогии. В 1721 г. организуется первая кафедра генеалогии в университете Вены, в 50-е гг. выходит учебник генеалогии, а в Геттингенском университете читается курс лекций; генеалогия ставится в один ряд с такими дисциплинами, как палеография, дипломатика, хронология, сфрагистика.¹⁵

В Польше составление первых генеалогических справочников — гербовников — также относится к концу XVI в. В отличие от других стран здесь генеалогия более тесно связана с геральдикой; сами работы являются авторскими исследованиями, а не продуктом деятельности должностных лиц.¹⁶ Это отразилось и в отборе фамилий (так, один из авторов — иезуит К. Несецкий — широко использовал материалы семейных архивов и документы ордена иезуитов, но обошел молчанием историю не католических семей),¹⁷ и на оформлении самих работ, в которых история происхождения семей часто наполнена вымышленными фактами, иногда фальшиво использованными записями польских хроник.¹⁸ Но там, где описываются события, современные авторам гербовников, их книги являются важным и достоверным источником.

¹¹ Ibid., p. 12—14; Dworzaczek W. Genealogia. Warszawa, 1959, s. 98—99.

¹² Durye P. La généalogie, p. 62—65.

¹³ Ibid., p. 18—20; Dworzaczek W. Genealogia, s. 100—101.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 4, с. 184.

¹⁵ Dworzaczek W. Genealogia, s. 101.

¹⁶ Ibid., s. 109—114.

¹⁷ Ibid., s. 112.

¹⁸ Ibid., s. 109—110.

Некоторые из этих работ (гербовники Б. Папроцкого и Ш. Окольского) использовались наряду с польскими хрониками в Посольском приказе при составлении в XVII в. справок о происхождении дворянских семей.

И наконец, окончательное рождение генеалогии как вспомогательной исторической дисциплины связано с именем профессора Венского университета О. Форст Баттаглия. Его первая книга по теории генеалогии была опубликована в 1913 г.;¹⁹ в 40-е гг. он сформулировал принципы критики источников генеалогии, методики работы с ними, задачи генеалогии как вспомогательной исторической дисциплины.²⁰ Его наблюдения легли в основу всех позднейших работ по генеалогии.

В исторической литературе последних десятилетий различных стран все чаще ставится вопрос о значении генеалогии как вспомогательной исторической дисциплины в историческом исследовании.²¹ Неоднократно возвращались к нему французские исследователи. Современная генеалогия в их работах признается вспомогательной наукой многочисленных гуманитарных наук и собственно наукой об истории возникновения и развития индивидуумов, объединенных в семьи.²² В основном задачи генеалогии определяются в двух направлениях. Первое — совершенствование методики исследования (расширение круга источников, более обоснованный отбор фактов о деятельности лиц). В частности, большое внимание отводится выявлению родства по женской линии. В практической генеалогии, когда при назначении на службу учитывалось родство только по мужской линии, в этом не было необходимости; для научной генеалогии важно как можно подробнее установить родство между различными семьями. Совершенствование методов составления таблиц, росписей, карточек на отдельных лиц вызвано распространением машинных методов обработки материалов.²³ Второе направление — это связь генеалогии с различными аспектами исторического исследования. Здесь принципиально новым является установление взаимовлияния генеалогии и демографии. Сами демографические исследования появились в исторической науке сравнительно недавно, и важность генеалогического метода для них несомненна. Машинная обработка материалов демографии привела к усовершенствованию генеалогических таблиц. Это обогатило обе дисциплины.²⁴

Все чаще признается ведущая роль генеалогических исследований при разработке истории государственных учреждений сред-

¹⁹ Ibid., s. 103—104.

²⁰ Forst de Battaglia O. Wissenschaftliche Genealogie. Bern, 1948.

²¹ Медушевская О. М. Историческая наука и генеалогия. — Вопросы истории, 1970, № 2, с. 187.

²² Dugue P. La généalogie, p. 37.

²³ См. подробнее: Соболева Н. А. Некоторые аспекты методики генеалогических исследований в современной французской литературе. — В кн.: История и генеалогия. М., 1977.

²⁴ Meurgeu de Tupigny J. Généalogie. — In: L'histoire et ses méthodes. Paris, 1961, p. 724—737.

невековья, когда должности при дворе, трансформировавшиеся позднее в аппарат государственной власти, были наследственными в кругу определенных семей, иногда вырастали из придворных, также наследственных функций.²⁵

В этом принципиальное отличие научной и практической генеалогии. Для историка генеалогия — это техника обработки документа, предполагающая дальнейшее исследование; для генеалогии — это самоцель.²⁶

Наибольшее место в исследованиях о цели и задачах генеалогии отводится определению круга ее источников, их анализу, показу, в какой обстановке и для каких нужд они составлялись. Однако, поднимая вопрос о расширении круга источников для генеалогии, французские авторы, в частности М. Перроне, не конкретизируют вопрос об их объективности.²⁷

Как видно, задачи, которые ставятся перед современной генеалогией в связи с историческим исследованием, исходят из того, что ее основной источник, сформировавшийся на протяжении нескольких веков, дает схему родства лиц.

Именно это качество используется в работах по социальной истории, демографии, истории землевладения и государственных учреждений. Все эти проблемы традиционно связаны с работами практической генеалогии, которая основное внимание уделяла проверке степени родства между отдельными лицами.

Большое значение генеалогии в исследовании истории крестьянства и новые перспективы, какие дает такая работа, были сразу признаны в советской исторической литературе. Об этом говорил в своих лекциях в 1939 г. С. Б. Веселовский. Тогда же вышла первая работа, посвященная генеалогии крестьянской семьи.²⁸

Существенные сдвиги произошли в последние десятилетия. Историки, занимавшиеся генеалогией крестьянских семей, выявили два основных комплекса источников, позволяющих реконструировать их состав и родственные связи — это частные акты на определенные земельные угодья, писцовые и переписные книги. Наличие в наше время собственно архивов крестьянских семей — явление чрезвычайно редкое. Такие комплексы документов иногда восходят к середине XVI в., а чаще охватывают XVII—XVIII вв.²⁹ и имеют ограниченную территорию — Север Европей-

²⁵ Гейштор А. Заметки о центральном управлении в славянских государствах в IX—XI вв. — В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972.

²⁶ Perronet M. *Généalogie et histoire; approches méthodiques.* — *Revue historique*, 1968, t. 239, p. 113.

²⁷ См. подробнее: Медушевская О. М. Историческая наука и генеалогия, с. 183.

²⁸ Введенский А. А. Крестьяне Строгановы в XVI—XIX вв. — *Труды Тбилисск. гос. ун-та*, 1939, т. X.

²⁹ Воскобойникова Н. П. Родовой архив крестьянской семьи Артемьевых—Хлызовых. — *Археограф. ежегодник за 1966 г.*, М., 1968; Амосов А. А. Крестьянский архив XVI столетия. — *Археограф. ежегодник за 1973 г.*, М., 1974.

ской части России, Поморье, Предуралье, районы, где преобладало черносочное землевладение и где длительное время сохранялась собственность крестьян на землю.

Методика работы с частными актами с целью составить родословие крестьянской семьи подробно изложена в работе А. А. Амосова.³⁰ Эта методика тесно связана с методикой реконструкции дворянских родословий по актам, в тех случаях, когда нет поколенных росписей (работы А. А. Зимина по исследованию происхождения И. С. Пересветова; С. Б. Веселовского — по исследованию Басенковых, Кучецких и В. Л. Янина — о новгородских боярских семьях).

В ряде работ по истории феодального землевладения реконструированы архивы около полутора десятков крестьянских семей. Наиболее ценны в этом плане работы А. А. Преображенского. Под архивами в данном случае подразумеваются от 2—3 до нескольких десятков актов, относящихся к одной семье и сохранившихся как в составе единого комплекса, так и в различных архивных фондах. В зависимости от числа и хронологических рамок этих документов они могут давать широкий горизонтальный срез семьи. Таковы акты (3) семьи Шуковых (40—50-е гг. XVII в.), Сапегиных (40—60-е гг. XVII в.) и некоторых других.³¹

Документы некоторых семей охватывают период до 120—150 лет. Таков реконструированный А. А. Преображенским семейный архив крестьян Артемьевых, сохранившийся до нашего времени в руках крестьянской семьи, родовой архив Артемьевых—Хлызовых, документы крестьянской ветви Строгановых и некоторые другие.

Для всех этих архивов характерна одна черта: они относятся к верхушке крестьянства, втянутой в торговлю земельными участками, иногда солеварение, иногда участвующей в волостном управлении (Хлызовы). Многие из них позднее перешли в купеческое сословие. А. А. Преображенский особо отмечал, что еще в конце прошлого века отдельные купеческие семьи стремились создать свои архивы, собирая ранние документы, говорящие об их происхождении из крестьян.³²

История двинских «лучших мужей» ярко представлена в исследовании Н. Е. Носова.³³ Автор показывает сложный процесс

³⁰ Амосов А. А. Частный акт — источник генеалогических изысканий (к проблеме реконструкции крестьянских архивов). — В кн.: Проблемы социально-экономической и политической истории СССР. Научная конференция молодых ученых. Тезисы докладов. М., 1975.

³¹ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII века. М., 1972, с. 192—210.

³² Там же, с. 193—194.

³³ Носов Н. Е. Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России. («Лучшие люди» и «Торговые мужики» двинских актов XVI в.). — Вспомогат. истор. дисциплины, I. Л., 1968.

эволюции богатого крестьянского хозяйства Подвинья в XVI—XVII вв., где в то время практически отсутствовала феодальная вотчина, на примере семьи Амосовых, бывших новгородских бояр, «окрестьянившихся» после присоединения Новгорода к Москве в 1478 г. и к концу XVI в. в результате своей торгово-экономической деятельности перешедших в купеческое сословие.

Генеалогия двинских крестьянских семей прослежена и в работе Н. Н. Покровского, но А. И. Копанев на основе генеалогического исследования показал, что ряд семей (Амосовы, Шуйгины и др.), которых раньше авторы относили к крестьянским, являются боярскими, представляют собой измельчавшие и обедневшие ветви новгородского боярства.³⁴

В этих работах, которые различают и хронологические рамки, и отчасти географические районы, определяется общая тенденция генеалогического изучения крестьянской семьи. Прежде всего это верхушка класса, имевшая возможность перейти в число «гостей». Именно такие семьи вели активную экономическую деятельность: скупали земельные участки, занимались промыслами, участвовали в государственных мероприятиях по освоению новых земель.³⁵ Сохранившиеся актовые материалы позволяют изучать не просто историю крестьянских семей, а историю «лучших мужей». Вторая особенность — то, что исследование ограничивается изучением экономических процессов в деревне, расслоения крестьянской общины. Практически история каждой крестьянской семьи имеет замкнутый характер и мало соприкасается с историей соседних семей. Крестьянская генеалогия XVI—XVII вв. — это яркие пятна на фоне общих экономических процессов русской деревни.

Большие возможности в изучении генеалогии крестьянской семьи последней четверти XVII—первой четверти XVIII в. дают переписные книги. Е. Н. Бакланова, исследовавшая их,³⁶ показала, что в книгах точно определено родство между членами семьи, живущими в одном дворе. Большой интерес представляет замечание автора о том, что сравнение показаний этих источников за разный период приводит к выводу, что в одном и том же дворе длительное время жили одни и те же лица или их потомки. Сведения книг настолько подробны, что дают возможность точно установить степень родства и свойства между отдельными лицами из одного двора.

Работа Е. Н. Баклановой показала значение переписных книг для истории крестьянских семей, но автор в силу специфики своей работы дала статистическую, а не генеалогическую обработку этих материалов.

³⁴ Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978, с. 71—110.

³⁵ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... с. 199—210.

³⁶ Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII—начало XVIII в. М., 1976.

Гораздо меньше внимания уделяется изучению родословных легенд, методике их обработки, а, как уже отмечалось, именно в легенду о происхождении родоначальника вкладывалась идея сословной принадлежности семьи. Легенда, как правило, восходит не только к семейным традициям, но и к традициям общественных идей того времени, когда ее юридически оформляли. Это позволяет изучать родословия как памятники общественной мысли своего времени.³⁷

Дореволюционная научная генеалогия, как правило, выборочно изучала родословные легенды отдельных семей; проверялись содержащиеся в них факты, древние грамоты, поданные вместе с росписями. Основная критика падала именно на грамоты; методами дипломатики устанавливалась их подлинность или подложность. В окончательных выводах о происхождении родоначальника историки проявляли большую сдержанность. Очевидно, в классовом обществе и научная генеалогия связана с интересами правящего класса.

В советской историографии, наоборот, родословные легенды правящих домов XVI в. стали изучаться как литературно-публицистические произведения, но при этом недоучитывался тот момент, что они создавались как генеалогические произведения и в этом качестве подчинялись традициям генеалогии своего времени.

Прежде всего здесь надо назвать работу Р. П. Дмитриевой, которая выявила, исследовала и опубликовала Сказание о князьях владимирских и связанные с ним произведения.³⁸ Ее работа — наиболее совершенное исследование легенд русских и литовских великих князей.

В области генеалогии Р. П. Дмитриева выделяет два аспекта: прослеживает, как эти произведения отразились в более поздних генеалогических памятниках (Государеве родословце, родословных статьях Воскресенской летописи), и проводит конкретно-генеалогические наблюдения над изучаемым текстом. Сама по себе такая постановка вопроса очень плодотворна.

При конкретно-генеалогическом анализе такого рода источников важно выяснить и разграничить два момента: 1) что мог знать автор родословий (общий круг доступных ему источников), что и как из своих знаний он использовал (это покажет цель его произведения); 2) что мы знаем об упоминаемых в произведении лицах и событиях.

Большинство генеалогических наблюдений Р. П. Дмитриевой относится к родословию литовских князей, разные редакции которого помещены после Сказания о князьях владимирских и Послания Спиридона-Саввы. Автор очень точно уловила связь между этими двумя памятниками, доказав, что «родословие литов-

³⁷ См. подробнее: Бычкова М. Е. Генеалогия в советской исторической литературе, с. 51—54.

³⁸ Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955.

ских князей как бы противопоставляется родословию князей русских и оба вместе в своем противопоставлении служат возвеличению великокняжеской власти на Руси».³⁹ Но перейдя к конкретному анализу генеалогических известий, она допустила неточности.

Родословие литовских князей начинается с прихода на Русь татар, после чего смоленский князь Витень бежит в Литву. Родоначальником литовских великих князей становится его преемник Гедимин. Р. П. Дмитриева считает, что Витень в редакциях родословия назван вассалом смоленского князя и соответственно Гедимин выступает как раб вассала смоленского князя; все это создавало четкую направленность легенды, выработанную еще хронистами Тевтонского ордена. Но Витень назван здесь не вассалом, а одним из смоленских князей. Разные редакции родословия дают ему различные определения.⁴⁰ Дело текстолога восстановить первоначальный текст, но смысл легенды — показать не безродность Витеня, а его происхождение от смоленских князей Рюриковичей. Связь же Витеня с родом смоленских князей должна была служить интересам русского правительства. В дальнейшем, создавая новую редакцию родословной легенды литовских князей для Воскресенской летописи и Государева родословца, авторы доказывали их прямое происхождение от полоцких Рюриковичей.

В родословной легенде литовских великих князей выдержана четкая хронологическая канва, описанные в ней события привязаны к конкретным датам и в значительной степени сопоставимы с летописным текстом. Все ее редакции начинаются с опустошительного татарского прихода, который, по Чудовской повести, произошел в 6801 (1293) г., а по Сказанию — в 6830 (1322) г. Р. П. Дмитриева пишет, что 6801 г. «является годом смерти литовского князя Путовера и годом вокняжения Витеня, упоминанием о котором начинается родословие в Чудовском списке».⁴¹ Установление родственных отношений между Путовером (Пуковером) и Витенем принадлежит современным исследователям.⁴² Русские летописи и родословия об этом не пишут; составители родословной, говоря о преемственности, как уже отмечалось, смоленских и литовских князей, не знают литовских предков Витеня.

³⁹ Там же, с. 87; см. также: Дмитриева Р. П. О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха. — ТОДРЛ, 1976, т. 30, с. 217—218.

⁴⁰ Дмитриева Р. П. 1) Сказание..., с. 88, 179, 201, 211; 2) О некоторых источниках «Послания» Спиридона-Саввы. — ТОДРЛ, 1957, т. 13, с. 440. — Здесь же Витень назван «медким вассалом» смоленского князя.

⁴¹ Дмитриева Р. П. 1) Сказание..., с. 101; 2) О текстологической зависимости..., с. 225—226.

⁴² В. Т. Пашуто (Образование Литовского государства. М., 1959, с. 389, 493) относит княжение братьев Путовера-Будивида и Букидида примерно к 1239—1294 гг.

Если же попытаться объяснить появление 6801 г. из русских источников, которые могли быть доступны автору родословия, то под этим годом во всех летописях записан приход Дюденовой рати, одного из самых опустошительных набегов татар на Русь.⁴³ В таком случае начальная дата не только раскрывает смысл родословной легенды, так как, согласно ей, Витень бежал в Литву от татар, но и объясняет дальнейшее развитие событий в родословии.

Следующее из них (поездка русских князей в Орду) во всех редакциях датируется 6825 г., вскоре после него Гедимин становится великим князем.⁴⁴ В легенде есть стандартное упоминание, что Витень жил в Литве 30 лет, таким образом, между его бегством от татар (6801 г. — по легенде) и первым упоминанием великого князя Гедимина (6834 г. — по летописи) проходит около 30 лет. Следовательно, хронологическая канва Чудовской повести совпадает с логикой изложения и соответствует летописным записям XV в.

6830 г. как начальная дата легенды появился в Сказании, по мнению Р. П. Дмитриевой, потому, что под ним впервые в летописях упомянут тверской князь Александр Михайлович. Но смысл родословия — бегство Витеня от татар, о котором сообщается под первой датой, остается единым во всех редакциях памятника, а под 6830 г. никакого нашествия татар нигде не записано. Более того, эта дата нарушает хронологию событий Сказания, поскольку за ней идет 6825 г., и делает нелепым сообщение о тридцатилетнем княжении Витеня. Скорее ее можно объяснить ошибкой, появившейся в результате близости написания цифр 1 (А) и 30 (Л), и в первоначальном тексте Сказания, возможно, также была цифра 6801 г.

Сопоставляя разные редакции родословия литовских князей, Р. П. Дмитриева полагает, что «спиридоновская версия» их происхождения оказалась «неприемлемой для великой княгини (Елены Глинской. — М. Б.), которая была в родственной связи с литовскими князьями».⁴⁵ Эта мысль используется автором при объяснении причин составления новой редакции родословия в Воскресенской летописи и при установлении верхней даты создания Сказания — 1533 г.⁴⁶

С точки зрения генеалогии, такое положение является совершенно несостоятельным. Елена Глинская ни в каком родстве с литовскими великими князьями не состояла, Глинские имели на

⁴³ ПСРЛ, т. 25. М.—Л., 1949, с. 157.

⁴⁴ Дмитриева Р. П. Сказание..., с. 179—180, 201—202; ср. ПСРЛ, т. 25, с. 167.

⁴⁵ Дмитриева Р. П. К истории создания «Сказания о князьях владимирских». — ТОДРЛ, 1961, т. 17, с. 342. — Этот документ повторен А. Л. Гольдбергом. (К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха. — ТОДРЛ, 1976, т. 30, с. 212).

⁴⁶ Дмитриева Р. П. Сказание..., с. 100.

Руси свою родословную легенду, и легенда Гедиминовичей их не касалась.⁴⁷ Зато при московском дворе сложилась влиятельная прослойка потомков Гедимины (Патрикеевы, Бельские, Мстиславские и др.), занимавшая высшие должности и заинтересованная в приличной легенде.⁴⁸ Для представителей этих семей было важно доказать свое родословное происхождение, уравнивавшее их положение при московском дворе с положением находившихся у власти Рюриковичей: Шуйских, Горбатовых и др. В то же время московскому правительству было важно доказать зависимое от них положение литовских князей. Этот момент Р. П. Дмитриева не учла. Она лишь использовала связь одной из редакций родословной легенды литовских князей с именем Вассиана Патрикеева для обоснования даты ее составления.⁴⁹

Работа Р. П. Дмитриевой была первой, где вскрыто значение родословных легенд как публицистических памятников своего времени. После ее публикации стало ясно, что такие произведения недостаточно изучать в отдельности; необходимо параллельное исследование одновременно созданных родословий. При этом условии удастся установить, что относится к семейным преданиям, а что является данью идеям времени.

Комплексное изучение легенд определенного хронологического отрезка и их дальнейшее сопоставление с легендами другого этапа (например, легенды книг середины XVI в. — росписей 80-х гг. XVII в. — «Общего гербовника» конца XVIII в.) не только позволят определить достоверность самих легенд, но и то, как легенда какой-либо семьи трансформировалась под влиянием традиций разных эпох. Это сравнение покажет и принципы, по которым создавались или переделывались легенды определенного времени, выявит критерии того, что в них относится к исторически возможным фактам, а что — к идейным требованиям того периода, когда эти легенды создавались.

Такое изучение родословных легенд расширит представления о социальной структуре русского дворянства, работе государственного аппарата, предоставит новый источник для исследования общественно-политических идей.

В последние годы в работах ряда историков показана связь генеалогии с другими вспомогательными историческими дисциплинами.⁵⁰

В настоящей статье хотелось бы подробнее остановиться на значении генеалогии при изучении истории летописания. Генеалогическое исследование здесь тесно переплетается с источник-

⁴⁷ Бычкова М. Е. Родословие Глинских из Румянцевского собрания. — Зап. Отдела рукописей ГБЛ, 1977, в. 38.

⁴⁸ См. подробнее: Бычкова М. Е. Первые родословные росписи литовских князей в России. — В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975, с. 133—140.

⁴⁹ Дмитриева Р. П. Сказание..., с. 80—84.

⁵⁰ Бычкова М. Е. Генеалогия в советской исторической литературе, с. 49—51.

ведческим. Можно наметить два аспекта: изучение различных, так называемых «дополнительных» статей к русским сводам XV—XVI вв., среди которых есть княжеские родословия и списки должностных лиц (митрополитов, архиепископов, посадников и т. п.),⁵¹ и изучение истории создания самих летописей.

Анализ летописных сводов позволил выделить в них генеалогические вставки, сделанные в отдельные списки в интересах некоторых семей и лиц. Начало этих исследований связано еще с именем А. А. Шахматова. Такие вставки широко использовал в своих работах по истории отдельных родов С. Б. Веселовский, который провел тщательное исследование их фактической стороны. А. Н. Насонов интересовался этим же материалом совершенно с другой целью — установить время и место, когда и где вставки были внесены в летописные своды, чтобы таким образом определить направленность сводов и их авторов. Поскольку оба историка привлекали один и тот же круг летописей, интересно сравнить их наблюдения.

В очерке о роде Басенковых С. Б. Веселовский анализирует известия Ермолинской летописи, содержащие ряд биографических сведений о Федоре Васильевиче Басенке. Он пришел к выводу, что в оценке деятельности Басенка Ермолинская летопись выгодно отличается от других сводов.⁵² В этом случае для Веселовского характерен тщательный анализ фактов, он ищет в актах подтверждения для сообщений летописи.

А. Н. Насонов, преследуя несколько иную цель — изучить историю создания Ермолинской летописи, выделил из ее текста все известия о Федоре Басенке, среди них определил уникальные, а также записи о Басенке, встречающиеся в разных сводах, но не попавшие в Ермолинскую летопись.⁵³ Это позволило ему установить источник таких биографических известий и их общую направленность в ряде летописных сводов; автор пришел к выводу, что Ермолинская летопись скорее компрометирует Федора Басенка: из общего круга биографических сведений, имеющих в разных летописях, в ней выбраны не самые яркие, а оригинальных записей немного.⁵⁴

Я. С. Лурье доказал, что биографические известия в Ермолинской летописи, связанные с именем Федора Басенка, противопоставляются аналогичным известиям о других московских воеводах. Федор Басенок пользуется сочувствием автора летописи, в то время как другие воеводы вызывают у него чувство враждебности. Это приводит Я. С. Лурье к выводу, что в основе Ер-

⁵¹ См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 17—49.

⁵² Веселовский С. Б. Исследования по истории класса..., с. 438—442; см. также: Бычкова М. Е. Степан Борисович Веселовский — генеалог. — В кн.: История и генеалогия. М., 1977, с. 50.

⁵³ Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969, с. 323—334, 351—353.

⁵⁴ Там же, с. 318—320 и сл.

Молинской летописи «лежит свод, близкий к оппозиционному московскому боярству».⁵⁵

Еще одной генеалогической вставкой в летописи, привлекавшей внимание историков, была родословная легенда Квашниных из Новгородской IV летописи (список Дубровского). Она отличается множеством подробностей и имеет некоторые черты, связанные с местническими делами второй половины XVI в.

Говоря о происхождении этой легенды, С. Б. Веселовский, который явно был увлечен ее красочностью и большим своеобразием по сравнению с другими легендами XVI в., писал: «В родовых преданиях правда смешана, намеренно и непреднамеренно, с вымыслами, но было бы неправильно отвергнуть их целиком, как и принимать на веру, без попытки разобраться в отдельных элементах».⁵⁶ Эти принципы применял сам Веселовский при анализе генеалогических источников. Он отвергал самые фантастические сведения легенды Квашниных и среди них факт местнической борьбы в XIV в. Анализ хронологии событий, изложенных в легенде, заставляет автора передатировать и сам выезд.⁵⁷

А. Н. Насонов рассмотрел этот же текст списка Дубровского вместе с другими вставками во владычные своды о представителях рода Квашниных и пришел к выводу, что все эти записи появились в сводах, когда к новгородскому архиепископу были близки несколько лиц рода Квашниных,⁵⁸ и связаны с их литературной деятельностью.

Наблюдения А. Н. Насонова над историей летописания привели его к выводам, важным для общей истории генеалогии. Большинство летописей XV—XVI вв., имеющих родословные добавления, своим происхождением так или иначе связано с Троице-Сергиевым монастырем. Этот факт, основанный на исследовании летописного материала, позволяет раскрыть деятельность крупнейшего феодала средневековой Руси в разработке генеалогических документов.⁵⁹

Очень часто данные генеалогии привлекаются при исследовании памятников Куликовского цикла. Обилие имен в этих произведениях, их неравномерный состав в различных редакциях, возможность иногда отыскать исторические реалии — вот узловые моменты генеалогического исследования. Цели, которые преследуются в этих случаях, также самые разнообразные: датировка отдельных редакций, определение их идейной направленности, круга описанных исторически достоверных фактов и др.

⁵⁵ Лурье Я. С. Из истории русского летописания конца XV в. — ТОДРЛ, 1955, т. XI, с. 163.

⁵⁶ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса..., с. 264—265.

⁵⁷ Там же, с. 265—266.

⁵⁸ Насонов А. Н. История русского летописания..., с. 353—358.

⁵⁹ Там же, с. 316—320, 359—360. — С. Б. Веселовский (Исследования по истории класса..., с. 22—26) связывал с деятельностью этого же монастыря составление ряда родословных памятней XV в.

Найти позитивное решение вопроса об исторических прототипах лиц, записанных в древнерусских произведениях, определить, когда и с какой целью в них включались новые «герои», — предмет специального исследования и в данной работе не ставится. Здесь лишь прослеживаются генеалогические приемы, которыми пользовались различные исследователи, анализируя памятники о Куликовской битве. Сразу надо сказать, что все упоминаемые в Задонщине лица исторически достоверны, о них есть известия в других источниках, поэтому в дальнейшем речь пойдет в основном о лицах, записанных только в Летописной повести и Сказании о Мамаевом побоище.

До последнего времени в исследованиях о «действующих лицах» разных редакций Сказания о Мамаевом побоище даже не ставился вопрос, какие транскрипции и число имен в нем первоначальные, как они изменялись в отдельных редакциях, изводах, списках. Без решения этого текстологического вопроса генеалогическое исследование чрезвычайно затруднено. Сейчас вся эта скрупулезная работа проделана В. С. Мингалевым,⁶⁰ остальные авторы пользовались сведениями памятника, обходясь без подобного текстологического анализа.

Большую работу по идентификации лиц, упоминающихся в Сказании, и исторических лиц проделал Ю. К. Бегунов.⁶¹ В то же время автор не определил достаточно четко своих позиций в подобном исследовании. Ю. К. Бегунов присоединяется к мнению А. Вайяна, что «в „Сказании“ отразилось стремление русского дворянства XVI в. приписать своим предкам славные подвиги на поле Куликовом, подобно тому, что французская и английская знать возвеличивала своих предков, отличившихся в битве при Азенкуре».⁶² Такая постановка вопроса требует от автора определения четкой эволюции имен участников битвы, записанных в различных редакциях памятника. Подозрение в том, что памятник использовали для доказательства древности службы при Московском великокняжеском дворе, т. е. для создания родословной легенды, требует осторожного и тщательного отбора источников для сопоставления. Надо сопоставить список участников битвы Сказания с современными памятниками — летописями и синодиками, посмотреть, в каком они соотношении и как использовались «излишки» других источников в поздних редакциях Сказания. Надо проверить состав участников битвы по родословиям XVI в.

Ю. К. Бегунов, проверяя исторические реалии Сказания, привлекает без достаточного анализа все генеалогические источники, включая поздние (XIX в.) специальные исследования.

⁶⁰ Мингалев В. С. «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники. Дис. на соиск. ученой степени канд. истор. наук. Москва—Вильнюс, 1971.

⁶¹ Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966, с. 490—506.

⁶² Там же, с. 505.

Для ряда имен белозерских и ярославских князей, т. е. в тех случаях, когда мы имеем достаточно полные ранние родословные росписи, автор с большой убедительностью доказал, что записанные в Сказании лица вымышленные.⁶³ Все фамилии, под которыми они упомянуты, появились и существовали позднее, но реальных лиц с такими именами, какие встречаются в Сказании, не было.

Без сомнения эта точка зрения более верна, чем утверждение Л. А. Дмитриева, что упоминание в Сказании имен белозерских и ярославских князей — это отражение реальных фактов.⁶⁴

Иное дело с боярскими именами героев Сказания, часть из них исторически достоверна: Иван Родионов Квашня, Федор Сабур, лица известные по актам, родословным росписям XVI в. и другим документам. Существование других лиц подтверждается только поздними (XVII—XVIII вв.) родословными.

Ю. К. Бегунов считает поздние легенды достоверными и подтверждающими известия Сказания. Так, определяя происхождение Михаила Бренка, исторического лица, участника Куликовской битвы, Бегунов приводит легенду, по которой он был потомком «Вильгельма-Леонтия, курфюрста Люнебургского, приехавшего в Новгород в XIII в.». По легенде, сын Михаила носил прозвище Чело, так как его отец «получил в Куликовском бою смертельную рану в лоб. Он был родоначальником Челищевых».⁶⁵

С. Б. Веселовский, специально исследовавший родословие Челищевых, писал, что, «судя по всему, Бренко был хундордным любимцем великого князя и ни его родители, ни потомки не входили в состав боярства. В XVII в. Челищевы, выведившие свой род ни мало ни много, как от Вильгельма Люнебургского, включили Михаила Бренко в свое генеалогическое древо».⁶⁶

Если мы обратимся непосредственно к родословной легенде Челищевых, сохранившейся лишь в рукописях XVII в., то там записано, что Федор Михайлович получил от Дмитрия Донского прозвище Чело «за то, что отец его, Михайла Андреевич Бренко, убит на Мамаеве побоище из пушки в чело под ево великого князя Дмитрия Ивановича Донскова знаменем».⁶⁷

Упоминание в легенде гибели Михаила Бренка под знаменем Дмитрия Донского, как это описано только в Сказании, говорит, что скорее оно и послужило одним из источников для авторов родословия, а фантастическая подробность о ране — «из пушки в чело» — о позднем происхождении легенды. Таким образом, легенда Челищевых подтверждает, что Сказание о Мамаевом по-

⁶³ Там же, с. 492—497.

⁶⁴ Дмитриев Л. А. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, 1954, т. X, л. 197—198. См. также: Греков И. Б. О первоначальном варианте «Сказания о Мамаевом побоище». — Сов. славяноведение, 1970. № 6, с. 30.

⁶⁵ Бегунов Ю. К. Об исторической основе... с. 504.

⁶⁶ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса... с. 498.

⁶⁷ ЦГАДА, ф. 201, № 84, л. 150 об.

боище в XVII в. использовалось для удостоверения исконной службы рода московскому великому князю, но ни в коем случае не подтверждает происхождение Михаила Бренка, как считает Ю. К. Бегунов.

Совершенно аналогично обращение Ю. К. Бегунова к родословным легендам «сторожей». Он прямо пишет, что «многие из названных в „Сказании“ „сторожей“ — лица исторические»,⁶⁸ и наряду с действительно историческими лицами, как Семен Мелик, Родион Ржевский, называет Андрея Волосатого и Петра Горского, существование которых подтверждается только поздними родословными легендами. Бегунов не рассмотрел перемену имен у этих лиц в разных редакциях Сказания.⁶⁹

Что касается «сторожа» Григория Судакова, которого Ю. К. Бегунов отнес к потомкам смоленских князей, то действительно такое прозвище было у лиц одной из ветвей Монастыревых, в XVI в. выведших свой род от князей смоленских. Однако Григория Судака в их родословии нет.⁷⁰ Это тем более показательное, что во всех росписях Монастыревых, восходящих к XVI в., показан погибшим от татар Дмитрий Монастырев, убитый на Воже в 1378 г. и попавший в Летописную повесть.

Автор совершенно не сопоставил состав лиц Сказания с персонажами Задонщины. А такое сравнение убеждает, что имена, впервые записанные в Задонщине и действительно имевшие исторических прототипов, остаются неизменными во всех редакциях Сказания, а лица, появившиеся в Сказании, не только меняют свои имена и прозвища в различных редакциях, но и состав их также различен. Так, записанный в Основной редакции среди белозерских князей Михаил Семенович в Летописной и Распространенной превращается в Семена Михайловича, Андрей Кемский — соответственно в Летописной назван «кемским и андомским», а в Распространенной — «икомским». Лев Курбский превращается в Серпьского, и Ю. К. Бегунов считает, что это Лев Морозов. Эти примеры можно распространить на всех героев Сказания.

В. С. Мингалев, детально проследивший изменение имен в различных группах списков всех редакций Сказаний, не сделал попытки идентифицировать их с реальными историческими лицами. Но он пришел к интересному выводу, что такие «неперсонифицированные» имена Сказания, как Сабур, Григорий Хлопищев,

⁶⁸ Бегунов Ю. К. Об исторической основе... с. 490.

⁶⁹ Повести о Куликовской битве. М., 1959. с. 50, 84, 120. — В. С. Мингалев считает одинаково возможными оба чтения — Яков Андреев сын Усатого и Яков Андреев сын Волосатого — в протографе Основной редакции (Мингалев В. С. «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники. с. 148).

⁷⁰ Временник ОИДР, 1851, кн. X, с. 168, 262—263. — Ю. К. Бегунов (Об исторической основе... с. 490) в подтверждение своей аргументации ссылается на книгу П. Долгорукого (Российская родословная книга, ч. 4. СПб., 1857, с. 37), однако Долгорукий, взявший это имя из Сказания о Мамаевом побоище, не отнес его ни к одному из известных ему родов.

Григорий Капустин, Григорий Судаков, «читаются в летописях северного происхождения».⁷¹ Это наблюдение позволило автору достаточно убедительно определить место создания памятника.

Из такого анализа работ, где используются методы генеалогии, можно сделать некоторые выводы, относящиеся, как представляется, к развитию генеалогии в целом.

Прежде всего расширился круг источников генеалогии и усовершенствовался метод их анализа. Из наиболее существенных достижений надо отметить использование актового материала как источника непосредственных генеалогических исследований при составлении родословных таблиц, установлении родственных связей между семьями и т. д. Привлечение летописного и актового материала не только расширяет фактическую базу генеалогии, но и позволяет ставить вопрос о значении родословных документов как источника общественно-политической мысли.

В связи с этим следует осторожнее подходить к родословным показаниям, содержащимся в литературных и публицистических произведениях XVI—XVII вв. У нас сейчас нет критериев, позволяющих отнести то или иное родословное известие к категории семейного предания, легенды, памфлета или какой-любой иной; практически никогда не ставился вопрос, что в родословных росписях или генеалогических записях воспринималось современниками как компрометирующее или восхваляющее определенное лицо или семью, как достоверное или легендарное, как соответствующее традиции родословных документов той или иной эпохи. Поэтому пока мы не можем по наличию или отсутствию в литературно-публицистических источниках определенного круга сведений об отдельных лицах или семьях говорить о времени происхождения подобных произведений и их направленности. Этот вопрос нуждается в дополнительном серьезном исследовании.

Очевидно, родословные росписи могут исследоваться как памятники общественных идей. В отличие от литературно-публицистических произведений, это массовый источник, четко укладывающийся в хронологические рамки и связанный с деятельностью официальных лиц. Их использование позволит по-новому взглянуть на представления о сословности в феодальном обществе и о связи дворянства с правящим домом. В родословных легендах сочетаются семейные предания о происхождении, иногда имеющие вековые традиции, и нормы определенной эпохи, когда они окончательно оформлялись, что делает их сложным источником. Знание генеалогических традиций определенного времени позволит четче понять идейную направленность литературных произведений.

Генеалогия в системе общественно-политических идей — тема новая, к ее разработке только приступают. Но ее значение как при изучении родословных документов, так и при исследовании этих идей представляется плодотворным и перспективным.

⁷¹ Мингалев В. С. «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники, с. 287.

УСТАВНАЯ КНИГА
РАЗБОЙНОГО ПРИКАЗА 1555—1556 гг.

Уставная книга Разбойного приказа 1555—1556 гг. была обнаружена А. А. Зиминим в начале 50-х гг. в одном из рукописных сборников XVII—XVIII вв., хранящемся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, и им же опубликована в IV выпуске «Памятников русского права» (М., 1956). Комментарии к книге были составлены А. Г. Поляком совместно с А. А. Зиминим. Это по существу первый и единственный общий анализ книги, имеющийся в научной литературе. Специального текстологического изучения Уставной книги пока нет. В то же время Уставная книга Разбойного приказа 1555—1556 гг. является не только важнейшим источником по истории уголовного права в России, но и вообще наиболее ранней из известных нам уставных книг московских приказов. Все дошедшие до нас уставные или указные приказные книги составлены, видимо, лишь в начале или середине XVII в. Наиболее ранняя из них — Указная книга приказа Холопьяго суда, содержащая указы за 1597—1609 гг. Что касается так называемой «указной книги ведомства казначеев» (Казенного приказа) 1550—1560 гг., то она создана М. Ф. Владимирским-Будановым, назвавшим ею собрание дополнительных статей к Судебнику 1550 г.¹ В XVI в. такой книги «ведомства казначеев» могло не быть.²

Цель настоящей статьи — дать историко-текстологический анализ Уставной книги Разбойного приказа 1555—1556 гг. и определить ее место в судебно-административных реформах 50-х гг. XVI в. как важнейшего источника по истории губного управления в России.

Указанный рукописный сборник написан различными почерками XVII—XVIII вв. и включает законодательные материалы начиная от Русской правды и кончая царскими указами, приговорами и наказами XVI—XVII вв. Уставная книга Разбойного

¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права, в. III. Изд. 2-е. Киев, 1885, с. 1—42. — Такой же точки зрения при издании «Памятников русского права» придерживался и А. А. Зимин, отмечавший, что «первая редакция дополнительных статей (к Судебнику 1550 г. — Н. Н.) составлена до 1 ноября 1560 г.», но «поскольку все указы и приговоры», за исключением памяти 5 мая 1555 г. о правеже исков и губного уложения 22 августа 1556 г., «имевшего общегосударственное значение», «сохранились в составе дьячьих памятей, направленных казначеем с 5 мая 1555 г. по 15 октября 1560 г., постольку мы можем первую редакцию дополнительных статей назвать книгой ведомства казначеев (государева казна в середине XVI века была центральной государственной канцелярией)» (ПРП, в IV, с. 543—544).

² Мюллер Р. Б. Законодательные акты второй половины XVI—первой половины XVII в. и принципы их издания. — Вспомогат. истор. дисциплины, VIII. Л., 1976, с. 87.

приказа 1555—1556 гг. помещена в сборнике за Судебником 1550 г., после дополнительных указов и указных книг Холопьяго и Земского приказов.³ Книга сформирована из следующих постановлений, касающихся нового губного ведомства: 1) Приговор о разбойном деле 18 января 1555 г.; 2) Память 5 мая 1555 г., содержащая указ о правеже исков; 3) Медынский губной наказ 25 августа 1555 г.; 4) Указ о татевных делах 26 ноября 1555 г.; 5) Приговор по сыскным и судебным делам 22 августа 1556 г. По своему составу, как мы видим, книга является собранием царских постановлений (указов, приговоров и губного наказа) по уголовным делам, без всякой их переработки или кодификации. В законодательном делопроизводстве XVI—XVII в., хранящемся в Разбойном приказе, она фигурировала под двумя названиями — «уставной» и «указной» книги. «А у подлинной уставной книги у того боярского доклада и у государева царева и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси указу и у государева приговору в бояры дьячи приписи нет», — сообщает ее переписчик после изложения приговора о судебных делах 22 августа 1556 г., которым книга завершается. И далее делает еще более конкретное разъяснение, удостоверяющее ее подлинность: «Да в том же приговоре на третьемнадесять листу на исподнем поле написано имя дьяка Григорья, а прозвище ему в той уставной книге не писано»⁴ (видимо, это дьяк Разбойного приказа Григорий Пестов, подписывавший губные указы 1555 г.).⁵ Это дает основание полагать, что в наших руках первая Уставная книга Разбойного приказа, выдержка из которой приводится в Указной книге Земского приказа XVII в.: «И в Разбойном приказе в указной книге лета 7064 году написано...».⁶ Именно о данной книге идет речь в Уставной книге Разбойного приказа 1616/17 г., составители которой отмечают, что «при государе царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Руси в Уставной книге написано, которая книга была в Разбойном приказе за прописью дьяков Василия Щелкалова и Мясоеда Вислова». Эта книга и подверглась по царскому

³ Состав сборника следующий: 1) типовые писцовые указы XVII в. (л. 1—67); 2) указы второй половины XVII в. (л. 68—97); Русская Правда (л. 98—131 об.); 3) Судебник 1550 г. (л. 133—164); 4) указы XVI в. (л. 164—177); 5) указная книга приказа Холопьяго суда (л. 177—184 об.); 6) указная книга Земского приказа (л. 185—236 об.); 7) первая уставная книга Разбойного приказа 1555—1556 гг., с включением в нее Медынского губного наказа 1555 г. (л. 237—267); 8) вторая уставная и указная книги Разбойного приказа 1616—1648 гг. (л. 267 об.—363), с включением здесь губных наказов 1555 г. во Владимир, Переяславль-Рязанский и Старую Рязань; 9) указы второй половины XVII в. (л. 364—389); 10) новоторговый устав (л. 370—422); 11) указная книга Поместного приказа 1672 г. (л. 428—596 об.); 12) указы второй половины XVII в. (л. 597—851) (ГБЛ, ф. 282, собр. рукописей Генерального штаба, № 68). Обе книги Разбойного приказа написаны почерком середины XVII в.

⁴ ПРП, в. IV, с. 370.

⁵ Зими́н А. А. Губные грамоты XVI в. из Музейного собрания. — Зап. Отдела рукописей ГБЛ, М., 1956, в. 18, с. 220, 229.

⁶ АИ, т. III, № 92.

распоряжению переработке и дополнению в 1617 г.⁷ Что же касается указания в ней на дьяков В. Щелкалова и М. Вислова, то, поскольку данные дьяки служили в Разбойном приказе лишь в 60-х гг. XVI в.,⁸ видимо, имелась в виду не первая Уставная книга Разбойного приказа 1555—1556 гг., которую заверил дьяк Григорий Пестов, а лишь хранящаяся в приказе официальная копия с нее, подписанная этими дьяками. Возможно, она была дополнена и рядом новых постановлений по разбойным делам.

Уложение 18 января 1555 г., которым открывается книга, может быть разделено на 13 статей (в самой рукописи нумерации статей нет). Уложение, по всей видимости, представляет собой ответы на специальные запросы Разбойного приказа, как это обычно имело место в законодательной практике XVI в. Иначе говоря, перед нами не новый губной устав, а ряд постановлений по разбойным делам, объединенных определенным тематическим единством и дополняющих или изменяющих отдельные положения губных наказов.

Статьи 1—2. Рассматривается вопрос о вершении дел о лицах, оговоренных разбойниками, как их соучастники. Имеются в виду два казуса. Первый казус (ст. 1), когда пойманный разбойник «на себя и на своих товарищев учнет говорити», сообщит, «что кому розбойного досталось», и это будет подтверждено изъятием у оговоренного человека поличного (награбленного и схороненного им имущества), но сам он даже под пыткой не признает своей вины. Решал обыск. Если в обыске оговоренного человека называли «лихим», то вина его считалась доказанной и его следовало «по обыску и по розбойничьим речем и по поличному казнить», т. е. предать смертной казни. В XVI в. разбойников вешали. Второй казус (ст. 2) предусматривал более сложный случай: не только отрицание вины оговоренным человеком на пытке, но и отсутствие прямых улик — поличного (пойманный разбойник даже не укажет, что «кому разбойное досталось»). И тут решающим доказательством были данные обыска. Человек, объявленный на обыске «лихим», предавался смертной казни. Но последнее предписание — это уже отступление от норм Судебника 1550 г., по которому без признания своей вины на пытке невозможно вынесение смертного приговора даже «лихому человеку», задержанному с поличным или совершившему две кражи (статьи 52, 56).⁹

Ст. 3 посвящена ведению следствия по частным искам — «на которых людех исцы ищут разбоев». Речь идет о ситуации, когда обвиняемые отрицают свою вину и на них не говорят на пытках другие разбойники («языки»), но в обыске их назовут «лихими людьми», хотя и не приведут «доводов» (конкретных

⁷ Там же, № 167.

⁸ ААЭ, т. II, № 225, с. 386.

⁹ Судебники XV—XVI веков. М.—Л., 1952, с. 157, 158.

улик). Таких лиц предписывалось пытать, и если они и под пыткой будут отрицать свою вину, то «тем людям сидети в тюрьме до смерти по обыскам». Другое дело лица, на которых в обыске скажут, что они «лихие люди», и «в лихе на них доведут», и на пытке они «на себя скажут» — этих полностью уличенных разбойников следовало казнить.

Таким образом, по сравнению с уголовными нормами Судебника 1550 г., в основе которых лежало, как правило, судебное обвинение, а одними из основных форм доказательства были судебный поединок («поле») и крестное целование, новое губное право, как право, применяемое к «лихим людям», полностью базировалось на сыском процессе, выдвигая главными свидетельствами виновности задержанного разбойника личное признание на пытке и обличование на обыске. Естественно поэтому, что организация обысков о «ликих людех», а главное — установление ответственности опрашиваемых лиц за свои показания нуждались в тщательной регламентации. Общие предписания губных наказов конца 40-х—начала 50-х гг., что губные старосты должны «обыскивать про ликих людей, про розбойников и татей, князьями, детьми боярскими, всякими служилыми людьми», а также старостами, сотскими и всеми крестьянами «по крестному целованью» и духовенством (игуменами, попами, дьяконами) — «по священству», были недостаточны (см. белозерские губные наказы Судской волости от 9 октября 1549 г. и селам Кирилло-Белозерского монастыря от 27 сентября 1549 г. и сентября 1550 г.).¹⁰ Требовались конкретные меры по пресечению лжесвидетельства, а также специальные разъяснения, как проводить обыск (а тем более оценивать его результаты), если показания опрашиваемых лиц будут неодинаковы. Ответы на эти вопросы и содержатся в статьях 4 и 5 уложения.

Ст. 4 (ср. статьи 6 и 7 Медынского губного наказа от 27 августа 1555 г.¹¹) рассматривает случай, когда какой-либо человек будет обвинен в «лихом деле», разбое или татьбе двумя или тремя «языками», т. е. подвергнутыми пытке «лихими людьми», но при обыске голоса распадутся: одна половина обыскных людей назовет его «добрым человеком», а другая — «лихим». Такой подозреваемый преступник подлежал пытке. Если обвиняемый не признавался на пытке, значит, не подлежал казни (по Медынскому губному наказу будет посажен в тюрьму до смерти); если же после того прибудет на него «иное лихое дело в разбое или в татьбе», он немедленно предавался смертной казни (никакого нового расследования уже не требовалось). Имущество казненных преступников, согласно Медынскому губному наказу, следовало отдать в уплату половины истцовых исков. Подвергались наказанию и одобрявшие разбойников обыскные люди, с них взыскивалась «выть»

¹⁰ ААЭ, т. I, № 224; Архив ЛОИИ СССР, к. 11, сб. 112, отд. IV, № 22; ГПБ, СПб. дух. акад., А II/47, № 104.

¹¹ ПРП, в. IV, с. 179—185.

(штраф, распределяемый по долям среди виновных). Сверх того, по тому же Медыньскому наказу двое или трое «лучших людей» из их числа подвергались телесному наказанию — битью кнутом, как это и предусмотрено в ст. 5 уложения.

Действительно, ст. 5 рассматривает разновидность этого же случая. Согласно ст. 5, оговоренного человека только одним «языком», после проведения обыска, во время которого одна половина людей назвала его «добрым», а другая — «лихим» человеком, надлежало пытаться. Если он на пытке не признавался, то его отдавали «на поруки» за обыскных людей, которые его одобрили, а с него взыскивалась «выть». Предусматривалось и иное решение, когда обыскных людей, назвавших его «лихим», больше, чем его одобрявших, но не менее 15—20 человек (квалификационный минимум). Тогда оговоренного, но не признавшегося на пытках человека сажали в тюрьму до смерти, а его имущество («животы») отдавали истцам в «выти» на покрытие, видимо, половины их исков (Медыньский губной наказ — «животы его отдати исцом вполы исцовых исков»). При прибытии «после того» на этого обличованного человека «инога лиха» в разбойном деле его казнили. Наказывались и лица, одобрявшие его; с них взымалась «выть», а двоих или троих «лучших людей» били кнутом.

В ст. 6 речь идет о поимке приезжего разбойника «с поличным» у кого-либо во дворе в Москве или в ином городе, «в которой сотне». Под сотней здесь понимается административно-полицейский округ, подведомственный сотским (условно 100 дворов), в обязанность которых, согласно еще учредительным губным грамотам конца 30-х—начала 40-х гг. XVI в., входили надзор вместе с пятидесятскими и десятскими за всеми приезжими в города или в торговые села людьми и задержание разбойников.¹²

В приговоре определяется характер следствия и расправы над посадским человеком, в доме которого будет задержан разбойник и изъято поличное. В первую очередь следовало пытаться пойманного разбойника и узнать у него, как давно он приезжает к хозяину двора и привозит «разбойную рухлядь», а главное — знает ли последний, что эти вещи с разбоя. Если это было известно хозяину двора, то пытали уже его самого как соучастника разбоя (укрывателя и содержателя притона), а с его сотни взымалась «выть» (на этот раз штраф, но в долевой раскладке между членами сотни). Если же на пытке, которой будет подвергнут задержанный разбойник, будет установлено, что хозяин двора не знал, что его постоялец — разбойник и привозит к нему вещи с разбоя, то тогда надлежит провести в сотне обыск. Назовут хозяина двора «добрым» человеком — он передается «на поруку» за обыскных людей и с сотни «выть» не взымается, назовут «лихим» — пытаются. Иначе говоря, хозяин двора сам признавался

¹² См. губные грамоты Соли-Галицкой от 31 августа 1540 г. и Троицкому Сергиеву монастырю от 23 ноября 1541 г. на его торговые села в Тверском, Новоторжском и Старицком уездах (ААЭ, т. I, № 192, 194).

преступником и на него распространялся следственный процесс, применяемый к «ведомым лихим людям», итогом которого могли быть только смертная казнь (при признании на пытках) или как крайний случай пожизненное заключение (при отрицании своей вины).

Статьи 7 и 8 определяют наказание за невыполнение губными старостами своих обязанностей. Тех губных старост, которые избраны к разбойному делу в городах и волостях, но не принимают присягу, не исполняют дела и не выполняют губных наказов — «грамот царя и великого князя не слушают», предписывалось привозить в Москву и сажать в тюрьму. После отбывания наказания и взыскания с них «прогонов» (стоимости их доставки в Москву) их отсылали снова в их губы, где они были обязаны «ведать» разбойными делами «по наказному списку». Если подобные меры не помогали, то предусматривались более строгие меры воздействия.

Приведению губных старост к присяге — «крестному целованию» — придавалось особое значение. Именно она, по понятиям того времени, должна была обеспечивать строжайшее выполнение ими возлагаемых на них обязанностей. Нарушение крестного целования являлось в XVI в. тягчайшим преступлением. Сохранился официальный образец крестоцеловальной записи губных старост 50-х гг. XVI в., излагающий их основные обязанности и обращающий особое внимание на их ответственность за свою деятельность перед правительством.¹³

Ст. 9. Приговор отмечает, что местные жители — многие дети боярские, их приказчики и крестьяне — уклоняются от обысков или приезжают к губным старостам в малом числе, 5—6 человек. Так же поступают они, когда к ним приезжают из Москвы царские «посланники» для проведения обысков. Уклоняются местные жители и от обязанностей ставить тюрьмы и выделять к ним сторожей и палачей. Уложение устанавливает наказания за подобные нарушения: 1) за неявку на обыски взыскивать со всех уклонившихся лиц «ослушание» в размере одного рубля с сохи; 2) если же разбойники сбегут из тюрьмы, с «ослушаников» и со всех лиц, которые не помогали в строительстве тюрем и их охране, предписывалось взимать иски людей, пострадавших от разбоев. Устанавливалась и строгая отчетность губных старост перед Разбойным приказом за взятые «ослушные деньги».

Согласно губным наказам конца XVI в., местные жители были обязаны в селах и деревнях «на разбойников и на татей тюрьмы поделывать и сторожей к тюрьмам выбирать» (см. губной наказ селам Троицкого Сергиева монастыря, во всех уездах, от 1586 г.).¹⁴ Правда, как конкретно распределялись эти повинности между населением в XVI в., неизвестно. Но можно полагать, что

¹³ Указанная крестоцеловальная запись опубликована нами в IV выпуске «Памятников русского права» (с. 186—188, комментарий с. 209—210).

¹⁴ ААЭ, т. I, № 330.

уже тогда они носили всеобщий характер (об этом и говорит уложение 18 января 1555 г.) и строго регламентировались.¹⁵

Ст. 10. В губных наказах 1555—1556 гг. устанавливается порядок переписки губных старост соседних губных округов (в это время уже не волостей, а уездов) по поводу задержания лиц, оговоренных разбойниками на пытках, и присылки их для очной ставки и обыска (ср. ст. 10 Медынского губного наказа). Уложение предписывает посылать подобные грамоты только с губными целовальниками, которые обязаны их передавать губным старостам в присутствии понятых — трех или четырех «добрых» «сторонних людей». Если и в этом случае губные старосты иных губ не проводили обыска и не задерживали преступников, то вмешивался Разбойный приказ. Предписывалось посылать из Москвы за этими нерадивыми губными старостами приставов и ставить их перед боярами вместе с посылавшимися к ним целовальниками и присутствовавшими при передаче грамот «сторонними людьми». Когда понятые подтверждали факт передачи грамоты, то, как указывается в уложении, «с теми людьми суда не дати». Не вполне ясно, кто с кем должен судиться. Видимо, при подтверждении понятыми факта передачи грамоты, привезенной из иных губ, вина нерадивых губных старост устанавливается бессудно и они должны понести наказание. Несут наказание и губные старосты, не пославшие своевременно сыскных грамот о поимке разбойников в иные губы (это тоже устанавливается в Разбойном приказе, если понятые не подтвердят факт передачи грамоты). Размер наказания для тех и других губных старост, уличенных в бездеятельности, одинаков: «которые губные старосты тех людей не пришлют, а в те поры разбойники утекут, — ино половина вытей имать на тех, которые упустили, а другая на тех, которые не прислали».

Ст. 11 рассматривает случай, когда на губных старост к боярам поступили жалобы истцов (ср. ст. 7 Судебника 1550 г.) о предвзятом, «по недружбе», «суде и обыске на них», проведенном на местах губными властями. В этом случае следовало поручать расследование спорных дел специальной губной коллегии, формируемой из губных старост соседних губ: бояре «примешивают» к губным старостам, на которых поступали жалобы, губных старост «из иных губ», чтобы они «съезжались и обыскивали вместе». За уклоняющимися губными старостами, кто не будет съезжаться, должны посылаться приставы «из езд», т. е. за их счет. Если они не придут и во второй раз, то с них взимались иски истцов.

Ст. 12 содержит предписания о порядке восстановления утраченных судебных дел о старых тюремных сидельцах. Дело в том,

¹⁵ О порядке выполнения населением «губной повинности» наглядно говорят акты материалы начала XVII в. (Носов Н. Е. Белозерская губная изба в начале XVII в. — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961, с. 50—53).

что в июне 1547 г. во время великого московского пожара сгорела почти половина города, в том числе и многие приказы. Горела Москва и в начале 50-х гг. Уложение предписывает для восстановления сведений о всех заключенных, дела которых сгорели во время пожара, провести их опрос и специальный обыск в целях выяснения их виновности.

Ст. 13. Уложение отмечает злоупотребления, которые совершают над тюремными сидельцами «тиуновы люди», живущие в качестве приставов при московских тюрьмах: требуют с заключенных взятки («поминок») или даже снимают с них платье. Поскольку применяемые к подобным приставам наказания, вплоть до битья кнутом, не помогают, уложение предписывает провести своеобразную тюремную реформу: заменить институт приставов, набираемый из числа «тиуновых людей», выборными земскими людьми. Для этих целей следовало выбирать «с земли», видимо из числа земских тяглых людей, 16 «добрых людей» и расписывать их по месяцам на год. Они и должны были выполнять обязанности тюремных надзирателей. Перевыборы земских людей должны были проводиться ежегодно.

Уложение подписано дьяком Борисом Алексеевичем Щекыным, подписывавшим губные указы в качестве дьяка Разбойного приказа в 1549—1555 гг.,¹⁶ хотя он одновременно служил, видимо, и по дворцовому ведомству.¹⁷

На приговоре у царя при принятии уложения присутствовали бояре кн. Юрий Михайлович Булгаков, кн. Дмитрий Иванович Курлятев, Василий Михайлович Юрьев, Иван Михайлович Воронцов, кн. Василий Семенович Серебряной, Иван Васильевич Шереметев, а также окольничий Алексей Федорович Адашев и постельничий Игнатий Михайлович Вишняков. Все указанные лица занимали в 50-х гг. ведущие посты в московском правительстве. Проведенный И. И. Смирновым анализ участников заседания 18 января 1555 г. дал ему основания сделать вывод, «что именно „ближняя дума“ (а не «все бояре») участвовала в принятии такого важнейшего закона, как уложение „О разбойном деле“».¹⁸ Мнение Смирнова по существу не отрицает и А. А. Зимин, хотя и солидаризируется в то же время с С. В. Бахрушиным, считавшим «избранную раду» Андрея Курбского и «ближнюю думу» одним и тем же учреждением, обозначенным лишь разными терминами (И. И. Смирнов подобное отождествление решительно отклоняет).¹⁹ Кто из названных бояр ведал в январе 1555 г. Разбойным приказом, неизвестно. Прямых данных об этом

¹⁶ ААЭ, т. I, № 224; Зимин А. А. Губные грамоты XVI в. . . , с. 220, 229.

¹⁷ Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.—Л., 1957, с. 317—318.

¹⁸ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.—Л., 1958, с. 153—154 и след.

¹⁹ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960, с. 318—319; ср.: Бахрушин С. В. Научные труды, т. II. М., 1954, с. 336.

в источниках не сохранилось. Правда, в мае 1555 г. во главе приказа, очевидно, стояли бояре Д. И. Курлятев и И. М. Воронцов, а в ноябре того же года — боярин И. А. Булгаков, по докладу которого принят указ о татевных делах от 26 ноября 1555 г.

Что касается мнения А. А. Зимина о наличии в губных наказах середины XVI в. различных терминов для обозначения центрального ведомства по разбойным делам — «бояре, которым разбойные дела приказаны» (1539—1556 гг.), «Губная изба» = «Разбойная изба» (1552—1556 гг.), «Разбойный приказ» (1555—1556 гг.), — то это не говорит о том, что сам приказ как учреждение образовался лишь в 1555—1556 гг. Указанные термины применяются в одном и том же значении, даже в одних и тех же официальных документах.²⁰

Приговор о правеже исков от 5 мая 1555 г. включен в Уставную книгу Разбойного приказа 1555—1556 г. в составе «памяти», адресованной боярам кн. Д. И. Курлятеву и И. М. Воронцову, видимо, возглавлявшим приказ в то время. В тексте подобной же памяти, адресованной казначеям Ф. И. Сукину и Х. Ю. Тютину, указывается, что приговор 5 мая принят царем вместе «со всеми бояры».²¹ По мнению М. Ф. Владимирского-Буданова, приговор входил в число «дополнительных статей» к Судебнику 1550 г. и числился по ведомству казначеев.²²

Согласно приговору 5 мая, лица, «в которых делех обвинены», должны «стоять на правеже в ысцовых исках» (подвергаться телесным наказаниям — битью прутьями по ногам) из расчета один месяц за 100 руб. Если в течение месяца обвиняемый не погасил иска, то он «отдавался исцом головой до искупа», т. е. передавался истцу в службу до отработки долга. Стоять на правеже больше месяца запрещалось. Продление срока выплаты долга разрешалось только по особым челобитьям и не более чем на месяц. На приговоре «припись» разрядного дьяка Данилы Вылузги.²³

Посылка приговора 5 мая не только казначеям, но и в Разбойный приказ обусловлена, надо полагать, тем, что он, во-первых, носил общенормативный характер (поэтому он и был принят царем «со всеми бояры»), во-вторых, на местах после отмены в 50-х гг. наместников и волостелей исправление правежа по судебным искам — и не только по уголовным делам — зачастую возлагалось на губных старост.

²⁰ Об образовании Разбойного приказа см.: Носов Н. Е. Очерки..., с. 315—327; Зимин А. А. 1) О сложении приказной системы на Руси. — Докл. и сообщ. Института истории АН СССР, М., 1954, в. 3, с. 168; 2) ПРП, в. IV, с. 353—354; 3) Реформы Ивана Грозного, с. 421—442; Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961, с. 152—169, 196.

²¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Христоматия по истории русского права, в. III, с. 3—4.

²² Там же, с. 38—42.

²³ О дьяке Даниле Федоровиче Вылузги см.: Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, указатель.

В руках губных старост в уездах находились и карательные органы (тюрьма, палачи). Наконец, хотя в приговоре 5 мая прямо и не упоминается взыскание исков с татей, последние, видимо, тоже имеются в виду в числе лиц, обвиненных по суду и стоящих на правеже (ср. далее комментарий к ст. 19 приговора о губных делах от 22 августа 1556 г.). Б. А. Романов прав, считая, что приговор 5 мая в этом смысле является дополнением к ст. 55 Судебника 1550 г.,²⁴ регламентирующей порядок взыскания ищцовых исков с татей, обвиненных в первой татьбе, которых после предания торговой казни — битью кнутом — передавали ищцам, чтоб те «доправили» на них свои иски. Когда же из-за недостаточности имущества татей (их «статков») это не удавалось сделать, то их отдавали ищцам «головой на правеж до искупа». Иначе говоря, применялись те же меры для погашения иска, что и в приговоре 5 мая, хотя в нем, надо полагать, речь идет о более широком круге ответчиков, включая и татей, и должников, и иных лиц, обязанных по суду возместить ищцовы иски (не случайно его составители пользуются столь объемной формулировкой, которые люди «в которых делах обвинены»). Называя должников, имеем в виду лиц, не уплативших задолжности по «заемным кабалам» или иным кредитным сделкам, на которых распространялось действие царского указа от 8 марта 1556 г., адресованного важским земским старостам (становым и волостным судьям): «Царь и великий князь... указал чинити: которые люди по кабалам и по записям и безкабально, в хлебе и в денгах, иском своим перед выборными судьями скажутся виноваты, а ищцова иску скажут заплатить им немочно, и выборным судьям на тех людех ищцова иска велети правити после суда шесть недель, да будет в ту шесть недель ищцовых исков доправити на них немочно, и выборным судьям ответчиков в ищцовых исках выдавать ищцеям их головой до искупа и правые им грамоты на них давати, за своими печатями и земских дьяков руки» (подтверждение на Важской земской уставной грамоте от 21 марта 1552 г.).²⁵ Но мы не согласны с мнением А. А. Зимина, что приговор 5 мая 1555 г. вообще не имеет в виду татей, следовательно, и не связан со ст. 55 Судебника 1550 г., а касается только неисправных кредиторов, стоящих на правеже после истечения срока выплаты займа. Конкретной аргументации в пользу такого ограничительного толкования приговора Зимин не приводит, а просто указывает, что «если должник не выплачивал во время правежа долга, то он выдавался „головой“ кредитору (т. е. становился его холопом до погашения долга). Приговор свидетельствует о росте задолженности как среди непосредственных производителей, так и среди известной части рядовых феодалов. Эти явления были вызваны и ростом феодальной эксплуатации, и условиями развития товарно-денежных отношений. В приговоре 5 мая 1555 г. содержится

²⁴ Судебники XV—XVI веков, с. 244—245.

²⁵ ААЭ, т. I, № 234.

материал для изучения развития договора найма в середине XVI в.»²⁶ Подобные общие заключения априорны, поскольку в самом приговоре нет данных ни о росте задолжности среди непосредственных производителей и части феодалов (в социально-правовом отношении приговор безличен), ни тем более о развитии договора найма.

Сразу же за приговором 5 мая о правеже исков в Уставной книге Разбойного приказа помещен текст Медынского губного наказа, выданного населению Медыни и Медынского уезда 25 августа того же 1555 г.²⁷ Не вызывает сомнений то, что наказ включен в книгу в качестве образца уставных губных грамот, рассылаемых в это время по различным уездам. Во всяком случае до нас дошли абсолютно тождественные ему губные наказания, выданные Владимирскому уезду 24 сентября, Переяславскому — 21 ноября и Старо-Рязанскому — 20 декабря 1555 г.,²⁸ Зубцовскому — 3 февраля 1556 г.²⁹ Правда, Новгородской земле (в пятины) подобный губной наказ был выдан лишь 6 мая 1559 г.³⁰ Анализ перечисленных наказов — предмет особого исследования.³¹ Здесь же отметим лишь два момента, наиболее существенных для понимания губной реформы 1555—1556 гг. Во-первых, в отличие от губных наказов конца 30-х—40-х гг. по новым губным наказам губные старосты выступают не как волостные, а уже как уездные судебно-административные органы: уезд и губа (полицейский округ) уравниваются. Во-вторых, повсеместно вводится в практику губного сыска проведение повальных обысков (их регламентация составляет основное содержание наказов), и они вместе с пыткой обвиняемых выступают как главные методы сыского процесса, следовательно, и самой организации суда по уголовным делам. Отсутствие упоминаний в новых губных наказах наместников и волостелей (в более ранних губных грамотах они — действующий орган местного управления) говорит о том, что московское правительство 1555—1556 гг. уже исходило из факта их отсутствия на местах — в результате земской реформы — и именно этим обуславливало судебную компетенцию и характер деятельности губных старост в новых условиях. Без этого невозможно понять и все последующие постановления, включенные в состав первой Уставной книги Разбойного приказа.

Особое место в Уставной книге Разбойного приказа занимает указ о татевных делах от 26 ноября 1555 г.

²⁶ ПРП, в. IV, с. 542—543.

²⁷ Там же, с. 179—185.

²⁸ З и м и н А. А. Губные грамоты XVI в. . . , с. 210—229.

²⁹ Акты Юшкова, ч. I. М., 1898, № 178.

³⁰ Н о с о в Н. Е. Губной наказ Новгородской земле 1559 г. — Истор. архив, 1959, № 4, с. 212—217.

³¹ О Медынском губном наказе 24 сентября 1555 г. см. комментарий А. Г. Поляка (ПРП, в. IV, с. 202—209).

Указ принят по докладу царю боярина И. А. Булгакова, являвшегося, по всей видимости, главой Разбойного приказа, о необходимости принятия чрезвычайных мер по борьбе с разбоями и татьбой, совершаемыми «лихими людьми». В докладе отмечается, что повсеместно — в городах и волостях — «чинятся великие татьбы» (воровство), причем местное население не только не борется с «лихими людьми», но нередко даже их укрывает: губным старостам «у себя в волостях лихих людей, татей не называют». Видимо, действия «лихих людей» во многих случаях были не просто уголовными преступлениями, а носили антифеодальный характер, чем и вызывали сочувствие со стороны определенных слоев городского и волостного населения.

Принятие постановления по указанным вопросам можно разделить на четыре статьи, которые в своей совокупности и составляют новый царский указ о татебных делах.

Ст. 1. Указ еще раз повторяет предписания губных грамот, даваемых губным старостам, о необходимости проведения самого тщательного расследования (обысков) всех случаев татьбы — дворовой, лошадей с поля или «иной животины». Над всеми пойманными татями губным старостам следовало «управу чинить с исцы по наказному списку», т. е. по имеющимся у них губным грамотам. Нормы расправы над татями определены в губных наказах 1555—1556 гг. совершенно четко: «А приведут к старостам татя, а доведут на него одну татбу, — и старостам того татя велети бити кнутъем, а бив кнутъем, дать его на поруку; а не будет поруки, — ино его вкинуть в тюрьму до тех лет, как по нем порука будет. А приведут на него две татбы, — ино того татя бити кнутъем да отсечь рука да покунуть. А приведут татя, а доведут на него татбы три или четыре или свыше, — и того татя казнити смертною казнью» (Медынский губной наказ от 25 августа 1555 г.).³² Указанная процедура расправы с татями, как отмечал И. И. Смирнов, ссылаясь на губной наказ Кирилло-Белозерскому монастырю от 27 сентября 1549 г., и предусмотрена ст. 60 Судебника 1550 г.,³³ которая гласит, что губные старосты должны «судити» татей «по царя и великого князя по губным грамотам, как в них написано». Но, по губным грамотам 1549—1550 гг. (таких грамот, как уже отмечалось, известно три: две выданы на белозерские владения Кирилло-Белозерского монастыря, одна — белозерской Судской волости), суд и расправа над

³² ПРП, в. IV, с. 184. — Такая же норма повторена во всех уже названных нами других губных наказах 50-х гг. XVI в.

³³ Смирнов И. И. Судебник 1550 г. — Истор. записки, 1947, т. 24, с. 287—291; ср.: Смирнов И. И. Очерки..., с. 331—332. — Мнение И. И. Смирнова полностью разделяет и Б. А. Романов в своем комментарии к ст. 60 Судебника 1550 г. (Судебники XV—XVI вв., с. 248—251). Подтверждают это и губные наказания белозерской Судской волости от 9 октября 1549 г. и Кирилло-Белозерскому монастырю от сентября 1550 г. (Носов Н. Е. Губные наказания селам Кирилло-Белозерского монастыря 1549—1550 гг. — В кн.: Исследование по отечественному источниковедению. М.—Л., 1964, с. 403).

татами осуществлялись губными старостами совместно с наместниками и волостелями или их тиунами, причем после взыскания с татей (из их имущества) истцовых исков они передавались кормленщикам «в продаже», т. е. для взыскания с них уголовного штрафа, только после этого губные власти приводили приговор в исполнение: или били татей кнутом, или отрубали им руку, или вешали их. (Эта процедура и изложена, в частности, в губном наказе Кирилло-Белозерскому монастырю 1549 г.). В указе о татях 26 ноября 1555 г. наместники и волостели уже не упоминаются, надо полагать, в связи с отменой кормлений, и весь сыск и расправа над татями теперь — дело рук одних губных старост. Что касается порядка удовлетворения исков истцов, то поскольку в новом постановлении о нем ничего не говорится, следовательно, он оставался прежним — из имущества татей, согласно ст. 55 Судебника 1550 г. и приговору 5 мая 1555 г. о пражеже исков.

Новым в указе 26 ноября было также установление более строгой личной и имущественной ответственности населения за совершенную в их губе татьбу. Во-первых, губным старостам вменялось в обязанность во всех случаях, когда в обыске не удавалось установить имя татя (а тем более его задержать), проводить специальное расследование и выяснять, у кого и сколько имущества было украдено. Во-вторых, когда размер украденного имущества был установлен, то в пользу пострадавшего (истца) взималась половина его иска с той губы, в которой не назовут имя татя. Если же в дальнейшем тать будет задержан, то взятые с губы штрафные иски «за прошлые татьбы» возмещались тем лицом, «за кем тати жили», или той волостью, в которой тать жил. Это уже прерогатива самой волости — определить, кто будет возмещать убытки. Для правительства было важно установить, что в любом случае местное население — губа (теперь уже уездный полицейский округ) или волость (как одна из его частей) — несет коллективную ответственность за совершенное на их территории преступление, в данном случае татьбу. Подобная коллективная ответственность земских миров (верви — в киевский период, волости — в московский) характерна для древнерусского уголовного права и идет еще от Русской Правды. Для XV—XVI вв. она зафиксирована как в Судебниках 1497 и 1550 гг., так и в уставных и жалованных иммунитетных грамотах. Указ 26 ноября лишь придал этой ответственности более жесткие формы, а главное — превратил ее в одну из наиболее действенных форм губного сыска, как сыска, обязательного во всех случаях, независимо от частных исков.

Ст. 2. По Судебнику 1550 г. (статьи 95—96), пятнание лошадей и надзор за их продажей возлагались на наместников и волостелей. Они вели регистрацию пятнания лошадей, а также собирали в свою пользу пошрины за пятно. Теперь, согласно указу, эти функции передаются губным старостам, а сами регистрация и пятнание, в отличие от Судебника, производятся бесплатно. За

уклонение от пятнания и регистрации лошадей при их продаже, купле или обмене со всех нарушителей губными старостами взимаются «заповеди» («пропятень») в размере 2 руб., но идут они уже не в пользу кормленщиков, как по Судебнику, а на государя — в казну. Кроме того, всех нарушителей, «в пене царя и великого князя», дают на поруки. В случае же возникновения конфликтных ситуаций, например кражи лошадей, именно с этих лиц взимаются выти в половину истцовых исков. При возбуждении истцами судебного дела «про тех людей, у которого за лошадь поймаются», губные старосты должны были проводить обыски, выясняя, что собой представляют обвиняемые, и по обыску «тем людям управы учинити». Надо полагать, что и в данном случае правительство в первую очередь интересовал вопрос: не являются ли конокрады «лихими людьми»?

Ст. 3. Указ подтверждает необходимость обязательной регистрации губными старостами всех пришлых в губы новых людей. А. Г. Поляк не прав, считая это нововведением, что «указ впервые в истории русского законодательства вводит регистрацию населения в случае его передвижения».³⁴ Подобный полицейский надзор предусматривался еще в первых губных грамотах начала 40-х гг. XVI в., но касался он первоначально лишь городов и торговых сел. Это видно из губных грамот, выданных в 1541 г. посадским людям Соли-Галицкой и торговым селам Троицкого Сергиева монастыря в Тверском, Новоторжском и Старицком уездах.³⁵ На последнюю грамоту ссылается и сам А. Г. Поляк, характеризуя процедуру «явки» пришлых людей к губным властям. Новым в указе 26 ноября было постановление о сыске «лихих людей», бежавших из одной губы в другую и скрывающихся у местных жителей (вопрос о «явках» пришлых людей — лишь составная часть этого общего предписания). О всех подозреваемых пришлых «лихих людях» губные старосты должны были проводить обыски, дознаваясь вместе с губными целовальниками, «где кто жил» и «отчего пошли не тое губы в иную губу жити». Лица же, у которых без «явки» губным старостам проживали и были пойманы «ведомые лихие люди», подвергались наказанию. В случае предъявления к обнаруженным у них «лихим людям» исков людей, пострадавших от разбоев или татьбы, с них взималась половина этих исков. Несоблюдение этих правил губными старостами — «не учнут... беречи того накрепко, чтоб у них в губе прибыльных людей без явки не было» — влекло за собой взыскание истцовых исков с них самих, а сверх того наложение на них царской опалы.

Ст. 4. Указ определяет ответственность губных целовальников за недобросовестное отношение к своим обязанностям и должностные преступления. В случае бегства по вине целовальника раз-

³⁴ ПРП, в. IV, с. 391.

³⁵ ААЭ, т. I, № 192, 194. — Анализ указанных грамот см.: Носо в Н. Е. Соли-Галицкая губная грамота. — В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1958, кн. VI, с. 220—234.

бойников и татей и кражи целовальником «животов» преступников имущество его самого («животы и статки») шло в уплату половины истцовых исков в выти (по долям). Если имущества целовальника не хватало, то остаток взимался с людей, его избивавших. Кроме того, выборщики давались на поруки и обязывались доставлять губным старостам бежавшего целовальника. Когда его доставляли, он подвергался телесному наказанию — его били кнутом и «выкидывали вон» из губных целовальников. Правда, перед этим он должен был (видимо, под угрозой более сурового наказания) сам изловить и привести к губным старостам упущенных разбойников и татей.

Совокупность всех этих постановлений достаточно ясно говорит о стремлении правительства связать все население губы, а тем более губной аппарат круговой ответственностью перед правительством за поимку и расправу над «лихими людьми», разбойниками и татями, как особо опасными, с точки зрения господствующего класса, нарушителями феодального правопорядка. Классовый характер этих мер, а именно их вводит указ 26 ноября 1555 г., не вызывает сомнений. Основная тяжесть новой губной системы, вводимой по городам и волостям, ложилась на плечи тяглых людей — крестьянства и горожан, как главного объекта полицейского надзора со стороны губных старост, «излюбленных» представителей уездного дворянства.

Завершается Уставная книга Разбойного приказа приговором о губных делах 22 августа 1556 г.

Приговор был принят царем вместе «со всеми бояры», т. е. на заседании Боярской думы. Это говорит о том большом значении, которое придавало ему московское правительство 50-х гг. Издание приговора — и это весьма симптоматично — приурочено к принятию уже к этому времени царского «уложения» об окончательной отмене системы кормлений, упразднении института наместников и волостелей и передаче местного суда, а равно и общего надзора за «феодальным порядком» на местах в руки самого уездного дворянства, городских и волостных «лучших людей» (купцов и крестьян-богатеев), интересы которых и представляли губные и земские старосты и целовальники. Земские старосты избирались только по черным волостям и на посадах, губные старосты — из местных детей боярских, вотчинников и помещиков повсеместно, кроме Поморья, как края, почти сплошного в середине XVI в. чернослошного землевладения.³⁶ Но даже в тех районах, где на посадах и в волостях были земские власти, они в полицейском отношении были подконтрольны губным старостам, которые уже в середине 50-х гг., как уже отмечалось, пре-

³⁶ Исследование причин характера и хода проведения земской реформы Ивана Грозного дается в нашей монографии «Становление сословно-представительных учреждений в России (изыскания о земской реформе Ивана Грозного)» (Л., 1969).

вращаются из волостных в общеуездные органы местной власти (на уезд — губу избиралось два губных старосты). Именно губные старосты представляют интересы местных феодалов и блюдут теперь правительственный интерес: не только чинят суд и расправу над «лихими людьми», но и вообще выступают в роли своеобразных префектов, которым поручаются самые различные дела, вплоть до земельных. В этом смысле приговор 22 августа 1556 г. являлся органической частью земской реформы 1555—1556 гг., и это в первую очередь определяет его политическое значение.

Само царское «уложение» 1555—1556 гг. об отмене кормлений до нас не дошло. Сохранилось лишь его летописное изложение (помещенное в Никоновской летописи под 7064 г.), сопровождающееся публицистическими отступлениями и объединяющее в своем тексте сведения и о царском предписании об отмене кормлений, и о губных реформах 1555—1556 гг. Более точны данные земских уставных грамот 1555—1556 гг., в преамбуле которых воспроизводится основное содержание царского приговора (уложения) об отмене кормлений. Сличение этих текстов — летописного известия и сообщения земских уставных грамот — не только подтверждает факт издания такого приговора именно в 1555—1556 гг. (А. А. Зимин сомневается вообще в его существовании),³⁷ но и дает возможность реконструировать его основные положения.

История отмены кормлений такова. Согласно Судебнику 1550 г. и утвержденной в феврале 1551 г. Стоглавым собором и «подписанной» под Судебник «уставной грамоты, которой в Казне быти»,³⁸ были ограничены судебные и административные права наместников и волостелей, а их деятельность была поставлена под контроль земских представителей. В том же 1551 г. населению черных волостей стало предоставляться право, правда еще в порядке исключения, откупаться «на срок» от кормлений и учреждать у себя выборные земские власти — старост и целовальников.³⁹ Наиболее ранняя дошедшая до нас земская учредительная уставная грамота была выдана 25 февраля 1552 г. ряду волостей Двинского уезда — Малой Пенежки, Выйской и Суры. 21 марта 1552 г. была выдана подобная же земская грамота Важскому уезду.⁴⁰ Земские уставные грамоты 1552 г. со-

³⁷ Зимин А. А. 1) «Приговор» 1555—1556 гг. и ликвидация системы кормлений в Русском государстве. — История СССР, 1958, № 1, с. 178—182; 2) Реформы Ивана Грозного, с. 422—437. Ср.: Шмидт С. О. К истории земской реформы. (Собор 1555/56 г.). — В кн.: Города феодальной России. Сб. статей памяти Н. В. Устюгова. М., 1966, с. 125—134.

³⁸ Стоглав. Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1863, с. 39. — Подробнее об «уставной грамоте» 1551 г. см.: Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений..., с. 76—88.

³⁹ Имеем в виду земскую оброчную грамоту крестьянам Плесской волости от 28 февраля 1551 г. (Дьяконов М. А. О московских реформах половины XVI в. — ЖМНП, 1894, № 4, с. 190—191).

⁴⁰ ПРП, в. IV, с. 188—197; РИБ, т. XXXII, № 189.

держат четкую формулировку причин отмены института кормленщиков: челобитья местного населения о разорениях от наместничьих поборов и притеснений, а также рост разбоев и татьбы, совершаемых «лихими людьми» при попустительстве в отношении их наместников и волостелей. Учреждаемым новым земским властям вменялось в обязанность «чинить суд и управу» в двинских волостях и на Ваге «по нашему по новому Судебнику во всяких делах». Особенно выделяют грамоты обязанности земских властей по борьбе с «лихими людьми» — по сыску и расправе над разбойниками и татями. Иначе говоря, земские грамоты совмещают в их руках судебную-административную власть кормленщиков и губных старост. В отношении выполнения земскими старостами возлагаемых на них губных обязанностей обе грамоты повторяют предписания губных наказов, лишь адресуя их теперь земским властям: сыскивать разбойников и татей, строжайше следить (через сотских, пятидесятских и десятских) за приездом к кому-либо «лихих людей», проводить обыски и, наконец, самим, по Судебнику, «чинить управу» над всеми пойманными преступниками, вплоть до предания их смертной казни.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники показывают, что земская реформа проводилась первоначально преимущественно в черносотных районах страны. Но уже в 1555 г., как видно из земской уставной грамоты Соли-Переяславской, выданной 11 августа этого года, правительство принимает решение окончательно и уже повсеместно отменить систему кормлений и ввести земское самоуправление. Но, для того чтобы оградить интересы феодалов, на этот раз проведение земской реформы органически увязывается с губной реформой. Губные старосты из волостных органов реорганизируются в уездные, и именно в их руки передаются в районах поместно-вотчинного землевладения ведение всех уголовных дел, изымаемых из суда бывших кормленщиков, а также общий полицейский контроль за жизнью местного общества. Земские власти, ранее учрежденные по отдельным волостям и на посадах этих районов, как это показывает земская уставная грамота Соли-Переяславской 1555 г., «лихими делами» не ведают. Предписания переяславской грамоты (явно воспроизводящей принятый правительством общий формуляр нового земского «уложения») в этом отношении совершенно категоричны: «а в розбойных делах городских и волостных людей судити их и управливати губным старостам по их губным уставным грамотам и по наказным спискам». Разбойные и татейные дела сохраняются в руках земских властей (Важско-двинской образец земского самоуправления) только в Поморье, где и после «Уложения» 1555 г. не было губных старост. Иные исключения нам пока неизвестны.

Таким образом, именно превращение губных старост в 1555 г. в общеуездный судебный-административный орган и передача в их руки основных судебных функций наместников и определили необходимость издания специального царского постановления

о губных делах. Им и явился царский приговор («уложение») 22 августа 1556 г.

И еще одна общая особенность судебных реформ середины 50-х гг. XVI в., о которой следует сказать сразу (до конкретного разбора нового приговора о губных делах) и которая наложила на них очень важный отпечаток.

Мы имеем в виду замену в уголовной практике центральных и местных судов состязательного процесса следственным. И именно губные старосты были в глазах правительства теми органами дворянского самоуправления и в то же время низшим звеном новой, все более бюрократизирующейся системы управления, которые могли и — даже более — были должны реализовать на практике это кардинальное изменение в области судебно-административной юстиции — изменение, явно согласующееся с ростом самодержавно-крепостнических начал в развитии Русского централизованного государства.

По содержанию приговор 22 августа 1556 г. может быть разделен на 19 статей (в дошедших до нас списках приговора нумерации статей нет), касающихся разбойных дел, плюс две статьи иного происхождения, хотя, как мы увидим далее, тоже сопричастных деятельности губных старост в новых условиях. Речь идет о замене судебного поединка крестным целованием (ст. 20) и холопьем суде (ст. 21). Все указанные постановления приняты, как отмечается в приговоре, по «боярскому докладу». Надо думать, что первые 19 статей — по докладу бояр, возглавлявших Разбойный приказ, две последние статьи явно тянут к иным центральным ведомствам, во всяком случае делами о холопах обычно занимались казначей.

Первые шесть постановлений (6 статей) касаются проведения на местах повальных обысков о «лихих людях». Так, в приговоре отмечается (ст. 1), что при проведении повальных обысков (имеются в виду, как можно полагать по последующим статьям, обыски по уголовным делам и делам о займе) многие люди «лжут семьями и заговоры великими»: одни говорят в пользу истцов, другие — ответчиков, при повторных же обысках эти же люди дают иные показания. В то же время на суде и истцы, и ответчики ссылаются на многих людей «в слух, в видение и в ведомо», а также «в послушество» (на прямых свидетелей). По Судебнику 1550 г. (ст. 12), судебные дела о поджоге, убийстве, разбое и татьбе, если, конечно, они не совершены «ведомыми лихими людьми» (о подобных преступниках речь идет в ст. 60), решались поединком, которым и определялась виновность лица, привлеченного к суду. В делах же об избиении («бое»), грабеже и займах ответчик имел даже право по своей «воле» вызывать на поединок или на крестное целование послухов (свидетелей) истца. Согласно приговору 22 августа, этот порядок отменялся. В приговоре «в тех бы делех поль не присуживати, а обысков не отставливать», даже когда ссылаются на прямых свидетелей — «плютца в послушество».

Ст. 2 развивает постановления предшествующей статьи. В статье еще раз повторяется предписание, что даже при наличии прямых свидетельских показаний судьи не имеют права при-суждать поединок («поле»), а обязаны проводить обыски, но с исключением из опрашиваемых всех родственников истцов и ответчиков, а также всех лиц, связанных с расследуемым делом или находящихся в створе (=всех «заговоров»). Обыски должны проводиться старостами и целовальниками, надо полагать, губными и земскими, и по их результатам должны «вершиться» судебные дела.

Обе названные статьи не дают оснований рассматривать их лишь как предписания, адресованные губным старостам (как таковые губные старосты в статьях не поименованы), а должны быть истолкованы в более широком плане, как новая форма след-ственного процесса по уголовным делам, отменяющая поединок и крестное целование и выдвигающая данные повальных обы-сков в число главных, решающих доказательств, которыми дол-жны руководствоваться все судебные власти.

Ст. 3 определяет порядок ведения подобных судебных дел в московских приказах, когда и истцы, и ответчики в подтвер-ждение своей правоты «шляютца в обыск на многие люди безъ-имянно». В этом случае бояре, ведущие дело, должны поручать старостам и целовальникам (и на этот раз, надо полагать, это касается и губных, и земских властей) проводить на местах по-вальные обыски с участием всего местного населения.

В статьях 4—5 определяются процедура проведения поваль-ных обысков, а также правила учета показаний опрашиваемых лиц. Ст. 4 (ср. ст. 58 Судебника 1550 г.) рассматривает казус, когда показания «обыскных людей» неодинаковы: одна половина говорит в пользу истца, другая — в пользу ответчика. В этом случае решающим критерием был количественный фактор. Если в пользу истца или ответчика «скажут» больше людей — 50—60 опрошенных, — то их (истца или ответчика) следует оправ-дать, если же меньше половины, — то обвинить — «без поля и без целования». А. Г. Поляк полагает, что приговор по сравне-нию с Судебником 1550 г., выдвигая данное предписание, до-водит обязательное число опрашиваемых от 10—20 до 100 и более человек.⁴¹ Скорее следует понимать данное разъяснение как ука-зание на необходимость иметь для вынесения оправдательного или обвинительного заключения квалифицированное большин-ство, состоящее не менее чем из 50—60 человек. Вообще, и в этом А. Г. Поляк прав, общее число лиц, охватываемых обы-сками, с середины XVI в. становится зачастую очень значитель-ным — до 200—300 и более.⁴²

⁴¹ ПРП, в. IV, с. 394.

⁴² См., например, показания правой грамоты 1558 г., выданной, правда, не по уголовному, а по земельному делу: «перед судьями в обыску гово-рили детей боярских 11 человек имяны, да из розных волостей игумен, да 7 попов, да 149 человек старост, и целовальников, и крестьян имяны...»;

Допускает приговор, видимо, в спорных случаях и дополнительный розыск («после того»), но на этот раз только через местных феодалов — епископа, архимандрита, игумена, а также бояр и иных «ближних людей», имеющих в месте проведения обыска свои села, в целях выяснения, почему «половина» опрошенных людей «солгала».

Сами же обыскные люди, давшие ложные показания (если это удавалось установить), подвергались наказанию («казни»), как и при проведении повальных обысков по разбойным делам. Последнее разъяснение и особенно предписание проводить контрольный розыск через верхи местных феодалов явно говорят о том, что правительство больше всего боялось связи нарушителей правопорядка, в первую очередь «лихих людей», с широкими слоями местного населения, городскими и волостными тяглыми людьми, видимо, нередко их покрывавшими и даже поддерживавшими. Думаем, что в этом смысле приговор свидетельствует о связи роста преступности на местах с обострением — именно в середине XVI в. — антифеодальной борьбы крестьян и посадских людей.

Ст. 5 имеет в виду случай, когда показания «обыскных людей» распадутся поровну — «скажет... половина обыскных людей по ищее, а другие по ответчике». Тогда следовало «дела не вершать», а губным старостам и целовальникам проводить второй обыск, но привлекать к нему уже иных людей, не участвовавших в первом обыске, и выяснять, какая «половина» людей в первый раз солгала. Солгавших людей ждало крайне суровое наказание. Из каждых 100 человек солгавшей половины выбиралось 5—6 «лучших людей» — приказчиков и крестьян, и они подвергались битью кнутом. Духовенство, давшее ложные показания, отсылалось к епископу. Кроме того, с виновной половины взыскивались все расходы и убытки («езды и прогоны, и проесь, и волокита») за проведение «ложного» обыска, кроме исков истцов. А если бы обвиняемый по ложному обыску подвергся пытке, то с солгавших людей взималось бы в его пользу еще «бесчестье» в двойном размере — «для лжи, чтобы впредь не лгали».

Устанавливает приговор (ст. 6) и наказание для тех «обыскных людей», которые «в одном деле» дают показания и «за» и «против» («двой речи говорят»). Здесь тоже выбирали из 100 человек 5—6 «лучших людей» и били их кнутом. С духовенством поступали, как и в предшествующем случае. С «обыскных людей», как и по ст. 5, взыскивались все расходы по делу, кроме исков истцов, — «езды и прогоны и что будет убытков в том деле».

«обыскные люди разных волостей — игумен, да 4 попы, да 4 человека детей боярских, да 12 человек приказчиков, да боярской человек, да 261 человек целовальников и крестьян, и всего 283 человека имяны говорили» (Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Собрал и издал А. Федотов-Чеховской. Киев, 1860, т. I, № 71).

Приговор (ст. 7) определяет процесс ведения дела, когда истец и ответчик в доказательство своей правоты ссылаются «в слух и в обыск, и в виденье, и в ведомо» не на многих людей, а только на 5—6 человек, называют и послухов, но «верити будет тем людям не мочно». Почему нельзя верить всем этим людям, в приговоре не разъясняется. Можно лишь полагать, что имеется в виду причастность этих людей к делу, а, возможно, родственные связи. В этих случаях предписывалось не проводить обыска через указанных истцами или ответчиками лиц, а «вершить дела по суду», т. е. обычным порядком, с учетом обстоятельств дела.

Ст. 8 приговора подтверждает особую авторитетность показаний бояр и приказных людей. Ссылка на суде истца или ответчика в подтверждение своих показаний на боярина, дьяка или приказного человека, «кому можно верить, посмотри по делу», рассматривалась, независимо от числа таких лиц, названных сторонами, как вполне достаточное свидетельство. При его наличии предписывалось «правды не отставливати, как скажут, по тому и вершити без поля и без целованья». Постановление тем самым еще раз подчеркивает классовый характер судопроизводства, предоставляющий явные преимущества на суде мнению представителей господствующего класса.

Ст. 9. Устанавливаемая правовая норма не ясна. А. Г. Поляк полагает, что постановление основывается на ст. 15 Судебника 1550 г.: имеется в виду отказ послухов в деле о заемной кабале давать показания в пользу истца, который на них ссылается: «если... послухи не договорят в ысцовы речи, ино тем ищца виноват». Поединка и крестного целования, согласно Судебнику, в этом случае не требуется.⁴³ По нашему мнению, обозначен иной случай: когда истец или ответчик ссылаются на показания хотя бы одного человека из послухов противной стороны (для них — «из виноватых»). Такие показания считаются особенно надежными — «тое правды не отставливати, что скажут, по тому и винити, без поля и без целованья». За то же, что указанный послух, хотя и «невеликим словом», «не договорит ис права» (видимо, в пользу своей стороны), «тем не обвинити», т. е. не считать его нарушителем своего свидетельского долга. Конечно, это только один из вариантов толкования данной статьи. Более уверенно можно утверждать, что она касается не только (и не столько) суда по заемным кабалам, сколько формулирует общую норму в области по преимуществу уголовного судопроизводства.

Статьи 10—11 (ср. ст. 4 Медынского губного наказа) подтверждают ответственность бояр, дьяков, приказных людей и дворян за показания, которые дают при обысках проживающие в их селах люди (холопы) и крестьяне. Если устанавливалось (ст. 10), что последние лгут, то бояре и дети боярские подвергались «великой опале», а их люди и крестьяне должны были быть «казнены» (в данном случае в значении «наказаны»), как

⁴³ ПРП, в. IV, с. 396.

и в разбойном деле. В случае же доноса феодалов на своих людей и крестьян (ст. 11) о даче ими лживых показаний и сообщения судьям «правды» они освобождались от наказаний. Более подробно определяет ответственность феодалов за своих людей Медынский губной наказ 25 августа 1555 г., положения которого, по всей видимости, и развиты приговором 22 августа 1556 г., но, правда, с одним очень существенным дополнением — распространением указанных правил не только на «боярских людей» (= холопов), но и на их крестьян.

Указанные постановления, являющиеся новшеством по сравнению с губными наказами конца 30-х—40-х гг. XVI в., явно вяжутся с правительственным курсом на усиление личной зависимости вотчинных и поместных крестьян от феодалов. Крепостнический характер нового «губного уложения» в этом смысле достаточно очевиден, равно как и его роль в утверждении на местах «общей ответственности» всего местного населения, так сказать, «невзирая на лица», за любое нарушение феодальной законности.

Ст. 12 приговора определяет правила пересылки грамот по поводу проведения обысков и их результатов между московскими приказами и губными старостами.

В ст. 13 прямо называются разбойные и татинные дела как главный предмет ведения губных старост. Хотя тут же оговаривается, что старосты должны «обыскивать в татинных и в разбойных и во всяких делах (следовательно, не только разбойного ведомства. — Н. Н.) вправду . . . по крестному целованью». Губные старосты предупреждались, что они должны выполнять свои обязанности честно и бескорыстно — «другу не дружити, недругу не мстити», строго руководствуясь губной крестоцеловальной записью. Особо предупреждались старосты о необходимости бороться при проведении обысков с семейственностью и «заговорами» (сговором) заинтересованных лиц. Обо всех подобных случаях они обязаны были доносить царю, равно как и обо всем, что выведено ими на местах «мимо обыскные люди».

Характеристика подобных полицейских обязанностей губных старост и составляет предмет ст. 14. Так, губным старостам предписывалось во время обысков «разведывати накрепко» у всех людей «всякими обычаяи и женским полом» о всех государевых и земских делах и «о всяких росправах» писать царю или «к тем бояром, у кого те города в приказе». Значит, и в этом случае оговаривалась подведомственность губных старост не только Разбойному приказу, но и боярам, ведущим теми или иными городами. После отмены системы кормлений и упразднения наместников и волостелей в роли таких областных приказов уже в конце 50-х—60-х гг. XVI в. выступают Чети (Четвертные приказы).⁴⁴

⁴⁴ Носов Н. Е. Боярская книга 1556 г. и происхождение четвертчиков. — В кн.: Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков. М.—Л., 1960.

Ст. 15 органически связана со статьями 13—14 и содержит предписание в адрес губных старост: если они, несмотря на царские указания, не будут выполнять возложенные на них обязанности — «татинные и розбойные дела делати» — или будут проводить ложные обыски, будут руководствоваться в своих поступках дружбой или мезтью, не будут, наконец, доносить на людей, которые семьями и заговорами говорят неправду, то их следует «казнити без милости». Видимо, уж очень беспокоила правительство возможность злоупотреблений со стороны губных властей (к тому, надо думать, были основания), что оно в трех статьях (статьи 13, 14, 15) провозглашает строжайшие меры против «самовольных» действий губных старост.

Приговор вменяет в обязанности губных старост (ст. 16) «беречи накрепко», чтобы в их губах (= уездах) не было пустых мест и «насильства христьяном от сильных людей». О всех имеющих пустых местах и причинах их запустения — «от кого оне запустели» — губные старосты должны писать царю. За нарушение губные старосты подвергались опале, а «пошлины» (видимо, налоги) следовало взимать с них самих.

Таким образом, в своей совокупности статьи 13—16 достаточно четко определяют полицейские функции губных старост, которые по существу превращаются не только в важнейший местный институт уголовного розыска, но и блюстителей «феодалного порядка» и политических интересов самодержавия, в подлинном смысле в «государево око» в местном управлении.

Дошедший до нас актовый материал второй половины XVI в. полностью подтверждает указанную роль губных старост на местах. Губные старосты являются исполнителями самых различных правительственных распоряжений, казалось бы, не имеющих никакого прямого отношения к разбойному ведомству: они проводят земельные обыски, отделяют по царским распоряжениям земли, вводят крестьян в «послушание» к своим новым владельцам, даже взыскивают недоимки и вообще по существу контролируют вместе с городскими приказчиками (городскими комендантами, а после отмены института данщиков и главными финансовыми агентами правительства на местах)⁴⁵ почти всю жизнь местного общества 50—80-х гг. XVI в. Но особенно активной становится деятельность губных старост в годы опричнины Ивана Грозного (после 1564 г.), когда им поручается проведение многих наиболее ответственных «земельных операций» на местах — конфискация земель опальных бояр, отдел земель в опричнину и т. д.⁴⁶ Именно губные старосты, что особенно показательно, привлекаются правительством к самому активному участию в обысках на предмет запустения земель, которые проводятся

⁴⁵ Носов Н. Е. Очерки..., с. 183—200.

⁴⁶ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений..., с. 527—537.

в 70-х гг. XVI в. в новгородских пятинах.⁴⁷ Надо полагать, что подобные обыски губные старосты проводили и в других уездах.

Что касается злоупотреблений властью со стороны губных старост, то и ее примеры сохранили нам акты источники XVI в. Сошлемся хотя бы на один из них. Так, в 70-х гг. XVI в. власти Кирилло-Белозерского монастыря били челом Ивану Грозному по поводу злоупотреблений, допускаемых пошехонским губным старостой при описании земель и взимании пошлин. «Жалоба нам, государь, на пошехонского на губного старосту на Павлина на Ощерина, — писали игумен с братией, — велел ты, государь, ему в Пошехонье описать наши монастырские села и деревни живущие и пустое. И тот, государь, Павлин писал пустое в живущих; и мы, государь, нынеча с тех пустошей оплачиваем монастырем твои государевы дани и оброки и всякие твои царские подати; да посылает, государь, на наших прикащиков и крестьян, а велит с корою твоею государевою пошлиною быть к себе в Белое село с денгами; и оне к нему с денгами твоих государевых пошлин платить приедут, и он, государь, не имав денег, да их мечет в тюрьму, да из тюрьмы внимая, мучит в правеже; да тож денги емлет, а причитает: игумен де ваш с старцы передо мною не вежливы, поминков ко мне не посылают; а денги, государь, с пуста с Пошехонья с наши монастырские отчины по своему писму поимал сполна».⁴⁸ Отметим также, что даже «явки» о нарушениях при «свозе» крестьян, «сильно, без отказу и безпошлинно», подаются в 60—70-х гг. XVI в. губным старостам и именно ими в случае необходимости проводятся на местах специальные обыски по поводу подобных нарушений.⁴⁹

Ст. 17 (ср. ст. 9 Судебника 1550 г.) запрещает заключение «мира» («учнут... старостам мир являти») между истцами и «ведомыми розбойниками и татями». Губные старосты должны отклонять подобные сделки и все дела о «лихих людях» доводить «по наказному списку» (по губным грамотам) до суда и обыска, «чтобы лихих вывести». Иначе говоря, согласно приговору, частные иски по «лихим делам» превращаются в публичное обвинение, разбирательство по которому ведется губными старостами уже независимо от желания истцов и рассматривается уже как преступление, затрагивающее общественные интересы.

В ст. 18 рассматривается вопрос о борьбе с необоснованно «великими» исками, предъявляемыми многими истцами в разбойных и татевных делах. Судя по принятому постановлению, подобные «приписки» в частных исках приняли в судебной

⁴⁷ Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы помещико-вотчинных учреждений Московского царства, т. I—II. М., 1909.

⁴⁸ Чтение ОИДР, 1883, кн. 2. Смесь, с. 14—15. — Грамота датируется издателями ошибочно 1582 г. (Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений... с. 536).

⁴⁹ Описание актов собрания графа А. С. Уварова. М., 1905, № 45.

практике середины XVI в. массовый характер. Потребовались для их пресечения чрезвычайные меры.

Приговор предписывает посылать специальные грамоты губным старостам «во все города» с запрещением подобных приписок. Грамоты должны были оглашаться губными старостами по торгам «многие дни». Кроме того, губные старосты должны были на торгах и на иных «съездах» местного населения «говорить» князьям, детям боярским, сотским, десятским и всем людям, чтобы они в своих жалобах о разбоях и татьбе писали «по крестному целованью прямые иски без прибавки, что у них тати покрали или разбойники взяли, а лишних бы исков не приписывали некоторыми делы». Это же следовало писать губным старостам и в их грамотах, рассылаемых по волостям с предупреждением всех истцов, что за подобные «приписки» быть им от царя «в великой опале и в продаже». Если же и после указанных предупреждений истцы будут подавать завышенные жалобы — «иски великие не по делу, с прибавкой», то старостам надлежало проводить повальные обыски, в которых следовало выяснять подлинные размеры украденного или захваченного разбойниками имущества — коней, платья, «кузни» или иного «живота». Во время обысков предписывалось соизмерять иски с реальным имуществом, которым обладал пострадавший, — его хлебным и денежным «прожитком». В случаях обнаружения приписок («ложных жалобниц»), содержащих «лишок прямого иска» на 10—15 руб., губные старосты должны были вести сыск только о действительно похищенном имуществе. Тех же истцов, которые завышали иски в полтора-два раза, губные старосты передавали на поруки до царского указа, который и устанавливал размеры взыскиваемых с них штрафов («пени»). Кроме того, подобные лживые истцы вообще лишались права на возмещение своих убытков от разбоя и татьбы. Это конфискуемое по сыску у разбойников и татей имущество взималось в казну. Что касается справедливых исков, подтвержденных обысками, то по ним дела решались в обычном порядке и истец имел право на полное удовлетворение своих жалоб. Для облегчения контроля за лживыми исками на будущее приговор требовал, чтобы во время пыток разбойников обязательно выяснялось, во скольких разбоях разбойник участвовал и у кого что «имал».

Особое место в приговоре занимает ст. 19. Приговор определяет правила взимания вытей с лиц, стоящих на правеже, или исков с лиц, сидящих в тюрьмах. В этом отношении он в известной мере дополняет приговор о правеже исков от 5 мая 1555 г. Согласно приговору от 22 августа 1556 г., взимание исков по всем судным делам, вершенным до сентября 1551 г., впредь отменяется и губным старостам предписывается истцам отказать. То же самое касается взимания вытей с лиц, стоящих на правеже с этого же срока. С них также предписывается «вытей не правити». Все эти обвиняемые (ответчики) должны быть переданы на поруки «для иных дел» и, если потребуется, для пыток, но не для пра-

вежа, как специально подчеркивается в новом предписании. Так же следовало поступать (передавать на поруки на этих же условиях) со всеми лицами, стоящими на правеже или сидящими в тюрьмах, но по которым нет истцов.

Иные требования предъявлялись к лицам, стоящим на правеже в вытях или сидящим в тюрьме с сентября 1551 (7060) по сентябрь 1556 (7065) г., т. е. по делам не более чем пятилетней давности. В этих случаях губные старосты должны «сыскати накрепко», могут ли виновные (ответчики) заплатить иски истцов из своего имущества («животов и статков») или они хотят «отстоять» на правеже и отсидеть в тюрьмах. Если при обыске выяснялось, что ответчики не в состоянии погасить иски («заплатить нечем» и «животов и статков» у них нет), то тогда этих людей предписывалось выпускать из тюрем на поруки, как и старых тюремных сидельцев, т. е. под условие «поставить» их поручителями перед губными старостами для иных дел и пыток. Всех же ответчиков, имеющих вотчины и имущество, но стремящихся отстояться на правеже, следовало не отпускать и выти иски истцов продолжать с них «править» (взыскивать). В крайнем же случае, когда все же доправить иски будет не в мочь, их вотчины и имущество продавать в счет погашения исков, раздав его истцам по расчету.

А. Г. Поляк при комментировании данной статьи высказывает предположение, что в ней речь идет о долговой задолженности.⁵⁰ При этом автор ссылается на память о правеже исков от 5 мая 1555 г. Такое толкование не вытекает из содержания статьи, которая имеет в виду выти (штрафы) и иски по различным делам, в первую очередь уголовным, поскольку в статье неоднократно упоминается возможность применения в отношении обвиняемых пыток. Взыскание долгов по судебным решениям могло входить в круг названных дел, но вряд ли они составляли главный предмет предъявляемых исков.

Ст. 20 имеет в виду случай, когда стороны досудятся до «поля» (значит, речь явно идет не о разбойных и татинных делах), но ответчик или истец начнет бить челом о замене судебного подлинника крестным целованием, поскольку ему «стояти у поля не мочно». Приговор разрешает такую замену. Включение указанного постановления в приговор о губных делах еще раз говорит о том, что после отмены наместников и волостелей именно губные старосты выступают в роли местных судей не только по уголовным, но и по гражданским делам.

Именно последние причины — наделение губных старост судебно-административными правами бывших кормленщиков — определили включение в приговор 22 августа 1556 г. постановления о «холопьем суде» (ст. 21). Приговор дополняют статьи 76 и 77 Судебника 1550 г. о холопах:⁵¹ запрещает холопам, полу-

⁵⁰ ПРП, в. IV, с. 399.

⁵¹ Романов Б. А. Комментарий к Судебнику 1550 г. — В кн.: Судебники XV—XVI веков, с. 282—284.

чавшим «с боярского доклада» «отпускную» у своих хозяев, продолжать у них службу. Если это не соблюдалось, отпускные грамоты аннулировались.

Активная деятельность губных старост по надзору и регистрации «служилых кабал», а когда требуется и участию в сыске бежавших холопов, подтверждается дошедшим до нас актовым материалом второй половины XVI в. Мы имеем в виду, в частности, новгородские кабальные книги 80—90-х гг. XVI в., ведущиеся в новгородских пятинах губными старостами. Они вели опрос всех лиц, поступающих в холопство, записывали их приметы, проверяли документацию и регистрировали кабальные сделки.⁵²

Таким образом, постатейный текстологический разбор царских указов и уложений, включенных в первую Уставную книгу Разбойного приказа 1555—1556 гг., наглядно показывает, что перед нами новый уголовно-процессуальный кодекс, определяющий права и обязанности губных старост, принятие постановлений которого обусловлено в основном двумя причинами: во-первых, повсеместным введением в стране вместо обвинительного суда сыскного процесса, главными элементами которого были пытка и обыск, и, во-вторых, отменой наместничьего суда и передачей судебно-полицейской власти на местах в руки губных старост. И последнее. Укрепление института губных старост, следовательно, и власти уездного дворянства (именно его интересы они представляли в первую очередь) нельзя не рассматривать как одно из определяющих явлений в складывании в России сословно-представительной монархии, олицетворяющей в своем лице своеобразное соединение приказных (бюрократических) и земских (выборных) начал в жизни центрального и местного управления России. Без этого «единения» приказного и земского строя, как бы опутывающего институтами выбора, поруки и обыска все слои русского общества, особенно местные тяглые миры крестьян и посадских людей, в их подчинении интересам растущего самодержавия, трудно понять и возникновение земских соборов, окончательно сформировавшихся в середине XVI в. в качестве высших представительных учреждений (дворян и купечества) и сыгравших в дальнейшем столь значительную роль в укреплении русского абсолютизма. Уставная книга Разбойного приказа 1555—1556 гг. — важнейший источник по истории складывания феодальной юстиции и полицейского аппарата России в канун окончательного утверждения в стране крепостного строя.

⁵² Большинство новгородских книг конца XVI в., ведущихся пятиными губными старостами, опубликовано: Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 годов. М.—Л., 1938. — Данные о неизданных кабальных книгах XVI в. см.: Панеях В. М. 1) Кабальное холопство на Руси в XVI веке. Л., 1967, с. 145—148; 2) Холопство в XVI—начале XVII века. Л., 1975, с. 262—265. — В указанных исследованиях автор называет губных старост как одних из главных регистраторов кабальных сделок в пятинах (Панеях В. М.: 1) Кабальное холопство..., с. 54, 62, 82, 93, 94, 97; 2) Холопство..., с. 79—81 и др.).

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ СЕМЕЙНОЙ ГЕНЕАЛОГИИ
(Протопоповы — Мезецкие — Пронские)

Семья — ячейка общества. Тем важнее изучение отдельных семей и их связей, особенно в феодальную эпоху, когда семейный статус и фамильные традиции во многом определяли место отдельного человека и на социальной лестнице, и в политической борьбе. В нашей науке есть примеры скрупулезного анализа истории феодальных родов и семей.¹ К сожалению, источники далеко не всегда позволяют проследить родственные связи разных феодальных семей XVI в. и их «семейную хронику». Эту редкую возможность дает комплекс актов семьи Протопоповых и Мезецких.

Первый персонаж хроники — протопоп придворного Благовещенского собора в Московском Кремле Василий Кузьмич. Он принадлежал к элите русского духовенства: его духовным сыном был сам государь. Именно как «отец духовный» протопоп присутствовал при составлении духовной записи Василия III перед казанским походом 1523 г.² Незадолго до смерти Василия III в 1531/32 г. Василий Кузьмич составил духовную³ и, приняв монашество с именем Вассиана, умер. Таким образом, его духовная всего лишь на два года предшествует завещательным распоряжениям Василия III. Из пяти душеприказчиков, назначенных умирающим протопопом, четверо участвовали в выработке последнего завещания Василия III — кн. Михаил Львович Глинский, Михаил Юрьевич Захарьин, Иван Юрьевич Шигона Поджогин и дьяк Григорий Никитич Меньшой Путятин.⁴ Трое из них (Глинский, Захарьин и Шигона) составили тот узкий кружок, с которым Василий III совещался перед смертью «сам-третьей у постели».⁵ Такой подбор душеприказчиков демонстрирует удивительную близость окружения духовных отца и сына — протопопа и великого князя всея Руси. Трое душеприказчиков были также связаны с разводом и вторым браком Василия III: кн. М. Л. Глинский в качестве дяди новой великой княгини,

¹ Веселовский С. Б. 1) Из истории древнерусского землевладения. — Истор. записки, 1946, т. 18, с. 56—91; 2) Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I. М.—Л., 1947; 3) Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; 3 и м и н А. А. Колычевы и русское боярство XIV—XVI вв. — Археограф. ежегодник за 1963 г., М., 1964, с. 56—71.

² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подгот. Л. В. Черепнин. М.—Л., 1950, № 100.

³ ГБЛ, ф. 303, Архив Троице-Сергиевской лавры (далее — АТСЛ), № 281.

⁴ 3 и м и н А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 392—394.

⁵ 3 и м и н А. А. 1) Реформы Ивана Грозного. М., 1960, с. 226; 2) Княжеские духовные грамоты начала XVI века. — Истор. записки, 1948, т. 27, с. 279—287.

а И. Ю. Шигона как активный участник пострижения Соломонии и затем вместе с Г. Н. Путятиным розыска в Суздале о якобы родившемся у нее сыне.⁶ Естественно, развод и второй брак государя прямо касались его духовного отца; отсюда и связь протопопа с людьми, замешанными в этом скандальном деле.

Пятый душеприказчик Василия Кузьмича — Русин Иванович Семенов⁷ — был, вероятно, близок и к протопопу, и к московским придворным кругам: он фигурирует в качестве послуха в 1523 г. в одной из земельных крепостей Василия Кузьмича и в 1526/27 г. — в купчей другого душеприказчика протопопа — кн. М. Л. Глинского.⁸

У протопопа было немало и должников, и кредиторов, общий же его баланс оставался благоприятным: протопоп был должен 324 руб., ему — 959. Наиболее крупным кредитором (долг в 100 руб.) был келарь, впоследствии игумен Троице-Сергиева монастыря Серапион Курцев.⁹ 50 руб. ссудил Василию Кузьмичу известный дворцовый дьяк Федор [Михайлович] Мишурин, казенный впоследствии в годы боярского правления.¹⁰ Другому дворцовому дьяку Григорию Захарову [Гнильевскому]¹¹ следовало получить 4 руб. Связь протопопа с дьячеством (два дьяка среди кредиторов и один среди душеприказчиков), таким образом, несомненна. Не в поповском ли происхождении самих дьяков лежат отчасти причины этой близости? А быть может, богатые и незнатные придворные естественным образом тянулись друг к другу?

Остальные долги протопопа были связаны с суммами, не выплаченными за купленные товары или за работу: 50 руб. он был должен за мед вощешнику Стефану, 45 руб. — за жемчуг Митьке Курофтанову, 40 руб. — некоему Ерониму «за дело, что делал френчюшка и окладывал»,¹² 10 руб. — Василию [Ивановичу] Беззубому [Ларионову] за иноходца и 7 руб. — Роману [Васильевичу] Тургеневу¹³ за мерина, 8 руб. — Хозе Ширяеву за камку

⁶ Зимин А. А. 1) Россия на пороге нового времени, с. 296—297; 2) Дьяческий аппарат в России второй половины—первой трети XVI в. — Истор. записки, 1971, т. 87, с. 263—264, № 152.

⁷ В духовной назван только по имени и отчеству; родовое прозвание устанавливается по духовной вдовы протопопа — Марфы (об этом акте см. далее).

⁸ Акты Русского государства 1505—1526 гг. М., 1975 (далее — АРГ 1505—1526), № 219, 286.

⁹ Вероятно, кредитором был монастырь, а не лично Серапион.

¹⁰ Зимин А. А. Дьяческий аппарат..., с. 253—254, № 115; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 344—345.

¹¹ Зимин А. А. Дьяческий аппарат..., с. 231—232, № 49; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие..., с. 119.

¹² Ероним был либо иностранным мастером, изготовлявшим оклады на французский или итальянский («фряжский») манер, либо, как предположила А. Л. Хорошкевич, посредником при покупке изделий некоего «Френчюшки» — Франца или Франческо и т. п.

¹³ О В. И. Беззубом Ларионове см. далее; об отчестве Р. Тургенева см.: ЦГАДА, ф. 281, Грамоты Коллегии экономии (далее — ГКЭ), Белозеро, 66/767.

и 10 руб. — архимандриту Чудова монастыря Ионе за два серебряных ковша.

Среди должников протопопа встречаются также незнатные люди: 24 руб. задолжал Костя Мяжеков,¹⁴ 20 руб. — Иван Пахомов, 10 руб. — Семен Иванов сын Щелканов, дед известных дьяков Щелкаловых¹⁵ и 30 руб. — холоп («человек») протопопа Сойца (ему долг по духовной прощался). Большинство же должников принадлежали к высшей аристократии. Некоторые из них не брезговали небольшими суммами: кн. Михаил [Васильевич] Бабичев, потомок кн. Друцких, суздальский вотчинник,¹⁶ занял у протопопа 7 руб. Не заплатил Василию Кузьмичу за соболей 20 руб. кн. Иван Михайлович Воротынский. Более крупными должниками были отпрыски суздальских князей: 40 руб. задолжал кн. Иван Иванович Барбашин, а за его троюродным братом, боярином¹⁷ кн. Михаилом Васильевичем Кислым [Горбатым], числилась грандиозная сумма в 180 руб. Этот крупный долг показывает, что задолженность феодала — не доказательство его разорения: до последних дней в собственности М. В. Горбатого были по берегам Волги и в Суздальском уезде огромные вотчины; к тому же он располагал к моменту своей смерти в 1535 г. свободными деньгами, завещав великому князю 200 золотых.¹⁸ Кн. Иван Данилович Пенков¹⁹ задолжал 120 руб., а его четвероюродный брат кн. Михаил Иванович Кубенский — 50 руб. Кн. Федор Васильевич Лопата [Оболенский] (двоюродный брат будущего временщика И. Ф. Овчины) был должен 50 руб.²⁰ Бежавший впоследствии в Литву окольный Иван Васильевич Ляцкий²¹ из рода Захарьиных задолжал 100 руб. Наконец, среди должников Василия Кузьмича были представители еще одного княжеского рода — Мезецких, но их долги тесно связаны с семейными делами протопопа.

Василий Кузьмич оставил двоих детей — сына Ивана Протопопова и дочь Евфимию, которая вышла замуж за отпрыска одного из самых аристократических родов — кн. Ивана Меньшого Михайловича Мезецкого. Удельные владельцы Мещовска (Мезецка) кн. Мезецкие лишились удела при Иване III. Последний удельный князь Михаил Романович получил взамен село

¹⁴ Упоминания Мяжековых (Межаковых) в 60—70-х гг. XVI в. см.: ЦГАДА, ГКЭ, Кострома, 145/5112; Переславль, 237/8961; Суздаль, 61/11840.

¹⁵ Подьячий Яков Семенов сын Щелканов упоминается в 1534/35 г. (ЦГАДА, ГКЭ, Бежецк, 72/1176; ГБЛ, АТСЛ, кн. 532, Бежецк № 138).

¹⁶ Акты исторические. Собр. и изд. Археограф. комиссиею. СПб., 1841, т. 1, № 131.

¹⁷ Зимин А. А. Состав Боярской думы в XV—XVI веках. — Археограф. ежегодник за 1957 г., М., 1958, с. 52.

¹⁸ Владимирский сборник. Сост. К. Тихонравов. М., 1857, с. 128—130.

¹⁹ Боярин с 1534 г. (Зимин А. А. Состав Боярской думы..., с. 54).

²⁰ Его дочь была замужем за сыном другого должника протопопа — за кн. В. И. Воротынским. См.: ГПБ, собр. СПб. духовной академии, А 1/17. Копийная книга Кирилло-Белозерского монастыря, л. 497—513 об.

²¹ Зимин А. А. Состав Боярской думы..., с. 53—54.

Алексин и другие владения в Стародубе Рязполовском.²² Младший из его сыновей стал зятем протопопа. По службе князь Иван не продвинулся, вероятно, не отличаясь ни особым умом, ни лихостью: во всяком случае, несмотря на родство с духовником великого князя, в разрядах его имя не упоминается. Денежные дела князя были не в лучшем состоянии, и ему пришлось, поступившись аристократической спесью, перейти на иждивение тестя. С неприкрытой плебейской гордостью Василий Кузьмич пишет в своей духовной: «А зять мой, князь Иван, жил у меня на дворе тринадцать лет, ел-пил все мое... А служил зять мой государю службы все моею подмогою». Протопоп «покупал зятю своему на свои деньги доспех про него и на люди его, и кони». Таким образом, долги Василия Кузьмича за мерина и иноходца, вероятно, были сделаны для зятя.

К моменту брака дела князя были изрядно запутаны: он заложил свою долю отцовских вотчин — половину села Алексина в Стародубе Рязполовском и четверть села Глумова Опольского стана Суздальского уезда — Семену Васильевичу Черемисинову и Злобе [Даниловичу] Лукерьину.²³ Тесть выкупил эти вотчины: отсюда в духовной и двухсотрублевый долг князя Ивана. Пользовались поддержкой нового родича и братья И. М. Мезецкого, они должны были протопопу в общей сложности 108 руб. Кроме того, часть долга князя Ивана была записана в кабале на имя крестового дьяка Григория, племянника протопопа; этот долг был в духовной прощен.

Брак Евфимии Протопоповой и Ивана Мезецкого был выгоден для обеих сторон. Разорившийся аристократ получал поддержку богатого тестя-плебея. Для Василия Кузьмича открывались возможности приобретения вотчин Мезецких. Протопоп, естественно, не имел родовых вотчин, но интенсивно их скупал. Вдове Марфе он завещал куплю у Ивана Пахомова — село Борисоглебское (вероятно, было куплено за долги: иначе непонятно, откуда взялся долг в 20 руб. продавца вотчины Пахомова покупателю Василию Кузьмичу), а сыну — куплю у Григория Измайлова — сельцо Копцово и деревню Вельяминово. Но самая крупная операция была проведена с вотчинами Мезецких. В 1522/23 г. князь Иван купил у своих трех старших братьев за 530 руб. с пополюнкой в виде трех кунных шуб²⁴ их доли в общей суздальской вотчине —

²² Зимин А. А. Служилые князья в Русском государстве конца XV—первой трети XVI в. — В кн.: *Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв.* М., 1975, с. 39—41. О Мезецких см. также: Лихачев Н. П. Заметки по родословию некоторых княжеских фамилий. — *Изв. Русск. генеалог. о-ва*, СПб., 1900, в. 1, отд. 1, с. 85; Татищев Ю. В. Род князей Мезецких. — Там же, 1903, в. 2, отд. 1, с. 63—64, 67.

²³ Об отчестве см.: АРГ 1505—1526, № 201.

²⁴ Поношенная кунья шуба стоила в середине XVI в. около 4 руб. (Маньков А. Г. *Цены и их движение в Русском государстве XVI века.* М.—Л., 1951, с. 214), следовательно, общая цена составляла около 540—550 руб.

селе Глумове — и тут же, в сентябре 1523 г., заложил тестю и шурина все четыре доли (купленные три и свою) всего за 300 руб.²⁵ Если не знать о взаимоотношениях действующих лиц (а о них закладная кабала умалчивает), сделка производит странное впечатление. Купив более чем за 500 руб. три доли, князь тут же закладывает все четыре за 300 руб., теряя, таким образом, и вотчину, и около 250 руб., обязываясь к тому же платить проценты. Но из духовной Василия Кузьмича выясняется, что заниженная сумма в кабале была актом благодеяния зятю, ибо Глумово купил сам протопоп, только на имя зятя «со государева ведома». Указав в кабале выкупную сумму в 300 руб., протопоп тем самым давал зятю возможность (впрочем, малоосуществимую) вернуть вотчину, уплатив 300, а не 500 руб.

Протопоп взялся за хозяйственное освоение новой вотчины и «учинил ... другую пашню сельцо Банево и по Заозерью деревни изоставил».²⁶ Этот свой «примысл» в старой вотчине протопоп завещал сыну Ивану, предоставив Глумово дочери и зятю. Тем самым Василий Кузьмич смог наделить дочь приданым, затратив лишь деньги, но не теряя ничего из ранее приобретенных вотчин.

Кроме вотчин, Василию Кузьмичу принадлежали также поместья — сельцо Бобыково (ранее было за Федором Лелечиным) и Милков Враг. Получение благовещенским протопопом поместья — свидетельство того, что эта деятельность, по крайней мере во времена Василия III, приравнивалась к государственной службе. Впрочем, поместья, видимо, принадлежали протопопу по должности и предназначались для перехода к следующим протопопам (аналогично поместьям тверских наместников, торопецких городничих и т. п.²⁷). В духовной Василий Кузьмич обращается к душеприказчикам — кн. М. Л. Глинскому и М. Ю. Захарьину — с просьбой «самим жаловати, а государю печаловатись, чтобы государь пожаловал того поместейца у жены моей и у сынишка не велел взяти». М. Ю. Захарьин мог ведать поместными делами в качестве дворецкого, а роль кн. М. Л. Глинского в управлении страной была достаточно велика в последние годы княжения Василия III. «Государевым жалованьем» был и двор протопопа в Кремле («в городе»), на котором он «поставил полату»; Василий Кузьмич просил не отнимать у наследников и двора. Однако вдова протопопа, как видно из ее духовной, жила уже не в Кремле, а «в городе в Китае у Мироносиць», т. е. в ближайшей к Кремлю части Никольской улицы (ныне — ул. 25-го Ок-

²⁵ АРГ 1505—1526, № 214, 215, 219.

²⁶ В 1563/64 г. к Баневу тянуло 12 деревень, 1 починок и 1 селище. Там было 25 крестьянских и 3 бобыльских двора (31 семья), 322,5 чети пахотной земли и 425 копен сена (ГБЛ, АТСЛ, кн. 530, Суздаль № 5).

²⁷ ПКМГ, ч. 1, отд. 2, с. 69, 109, 129; Торопецкая книга 1540 г. Подгот. М. Н. Тихомиров и Б. Н. Флоря. — Археограф. ежегодник за 1963 г., М., 1964, с. 326.

тября), где находился Мироносицкий монастырь.²⁸ Вероятно, были утрачены и поместья: в последующих документах семьи они не упоминаются. Заступничество душеприказчиков в 1534 г. не могло помочь семье протопопа: кн. М. Л. Глинский был уже арестован своей властной племянницей, а М. Ю. Захарьин и Г. Н. Путятин попали в опалу.²⁹ К тому же правительство Елены Глинской порой отнимало даже вотчины, пожалованные при Василии III: так, у одного из кредиторов протопопа В. И. Беззубого Ларионова была конфискована полученная в 1528 г. вотчина в Бежецком верху.³⁰

Возникает естественный вопрос: где источники столь большого богатства протопопа, который был в состоянии скупать вотчины, содержать зятя и давать крупные суммы в долг? Даже большое денежное жалованье и подарки духовного сына вряд ли могли обеспечить такие расходы. Вероятно, должность великокняжеского духовника открывала возможности для некоторого влияния на государя, если не в серьезных политических вопросах (как впоследствии у Сильвестра), то по крайней мере в отношении к отдельным лицам из придворного окружения. Отсюда — обращения за «печалованием» к влиятельному протопопу и «посулы» за это печалование. Не следы ли невыплаченных посулов мы находим в перечислении долгов знати протопопу Василию? Можно даже найти поводы для такой благодарности. Так, едва ли могла быть решена без участия государева духовника судьба сестры Елены Глинской, выданной замуж за кн. И. Д. Пенкова,³¹ задолжавшего протопопу 120 руб.

Многие из окружения Василия Кузьмича были связаны с дворцовым ведомством. Дворецкими были душеприказчики М. Ю. Захарьин и И. Ю. Шигона Поджогин, есть сведения о службе дворецким и кн. В. Ф. Лопаты Оболенского — должника протопопа; был дворецким и брат другого его должника — кн. М. И. Кубенского — Иван.³² Среди кредиторов — также дворцовые дьяки Ф. М. Мишури и Г. З. Гнильевский. Вероятно, дело не только в личных контактах протопопа, а прежде всего в том, что придворный собор ведался во дворце.

Семейную хронику продолжает духовная вдовы протопопа Марфы. Она пережила мужа почти на три десятка лет: духовная составлена в 1560/61 г. и предъявлена для утверждения после смерти Марфы 10 августа 1561 г.³³ Из духовной узнаем, что

²⁸ Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем. СПб., 1897, т. 3, № 1738.

²⁹ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного, с. 230.

³⁰ ГБЛ, АТСЛ, кн. 533, Бежецк № 135; Лихачев Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895, в. 1, № II.

³¹ Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.—Л., 1957, с. 293.

³² Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. — Истор. записки, т. 63, с. 187, 189.

³³ ГБЛ, АТСЛ, кн. 530, Суздаль № 4.

у четы Мезецких родилась дочь — княжна Авдотья, которой ко дню смерти деда исполнился 1 год и 20 недель. Вскоре умерли и ее родители, и она осталась «маленька» на руках у бабушки-протопопицы.³⁴ Родилась княжна Авдотья, следовательно, около 1530—1531 гг.

Когда внучка подросла, бабушка и второй опекун Авдотьи (ее дядя Иван Протопопов) «зговорили с Васильем с Михайловичем с Воронцовым за его брата за Ивана за Михайловича». Сговор не мог состояться позднее июля 1546 г.: 21 июля этого года Василий Михайлович Воронцов был казнен (по доносу одного из кредиторов протопопа Василия дьяка Г. З. Гнильевского), а сам жених Иван Михайлович арестован и «неодинажды был на Коломне на пытке», все же имущество братьев было конфисковано.³⁵ Впрочем, брак расстроился еще до опалы жениха. «И по грехом моим, вражьей спонюю внука моя за Ивана не похотела», — пишет в духовной бабушка Марфа. Если бы отказ был вызван арестом жениха, то, вероятно, «не похотела» бы прежде всего бабушка, да и не пришлось бы платить неустойку — «заряд». Заряд состоял во внушительной сумме в 500 руб., и для его уплаты бабушке и дяде пришлось продать два села. Авдотье к началу 1546 г. было не больше 16 лет. И тем не менее она сумела настоять на своем, пустив в ход то оружие, которое вряд ли бы ей помогло, не будь она круглой сиротой при любящей бабушке: «яз, Марьфа, за своею внукою заплатила заряд пятьсот рублей ее для слез», — сообщает протопопица. Впрочем, и после продажи сел (вероятно, Борисоглебского и Копцова, более не упоминающихся в числе вотчин этой семьи) Авдотья оставалась не только знатной, но и богатой невестой: в ее руках находилась значительная часть стародубских вотчин Мезецких.

Мужем Авдотьи стал кн. Юрий Иванович Шемякин Пронский. Брак благословил и дядя, смирившийся с утратой двух сел из-за слез племянницы: он подарил Авдотье к свадьбе украшения («саженье») покойной жены. Вероятно, брак с Ю. И. Пронским последовал вскоре за расторжением помолвки с Воронцовым: муж Авдотьи впервые упомянут в числе других молодых аристократов стольником осенью 1546 г.,³⁶ а затем в 1547 г. как участник свадебных церемоний при бракосочетаниях Ивана IV и его брата Юрия.³⁷ Нельзя утверждать, что разрыв Авдотьи с Воронцовым и ее брак с князем Юрием связаны, но такая связь вполне вероятна: отказ Воронцову психологически объяс-

³⁴ К 1538/39 г. родителей уже не было в живых: в деловой грамоте этого года владелицей вотчин И. М. Мезецкого названа уже княжна Авдотья (Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Собр. и изд. А. Федотов-Чеховской. Киев, 1860, т. 1, № 50).

³⁵ ПСРЛ, т. 34, с. 27.

³⁶ Назаров В. Д. О структуре «Государева двора» в середине XVI в. — В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975, с. 52.

³⁷ Разрядная книга 1475—1605 гг., т. I. М., 1977 (далее — РК 1475—1605), с. 326, 339.

ним стремлением к браку с другим, любимым человеком. Если это так, то перед нами редкий случай, когда в русском феодальном сословии XVI в. девушка не только смогла отказаться от навязанного родней брака, но и настоять на браке по любви.

Материально брак с Ю. И. Пронским вряд ли был выгоден для Протопоповых—Мезецких, скорее в браке мог быть заинтересован жених: о вотчинах его семьи не сохранилось сведений, а Авдотья в духовной распоряжается лишь своими наследственными землями и не упоминает о вотчинах мужа. Вероятно, у князя Юрия были поместья в Тарусском уезде, по которому он был записан в I статье Тысячной книги 1550 г. вместе с братом Иваном.³⁸ Но материальное его положение не было лучшим, чем у его покойного тестя И. М. Мезецкого: по словам Марфы Протопоповой, «что есмя давали зятю своему приданово и в суду деньги, и платья, и кони, и то зять наш прослужил на царьской службе».

Царская служба Ю. И. Шемякина Пронского и впрямь была весьма активной, молодым супругам нечасто удавалось видеться. Князь Юрий Иванович мог бы с полным основанием отнести к себе слова Курбского: «яко мало и рождешии мене зрех и жены моя не познавах, и отечества своего отстоях, но всегда в дальноконных градах твоих против врагов твоих ополчяхся».³⁹ Рындой он участвовал в трех походах 1549—1550 гг., с октября 1550 г. был воеводой в Нижнем Новгороде, а с июля 1551 г. — неподалеку от родового гнезда, на р. Проне в Михайлове, откуда осенью того же года отправился в Рязань «по нагайским вестям» и ходил в поход на «горную черемису». В 1552 г. он возглавлял семитысячный передовой отряд («ертоул») в победоносном казанском походе и непосредственно участвовал в штурме города; его храбрость особо отмечает А. М. Курбский. В октябре 1553 г. князь Юрий был снова на службе — воеводой в Рязани в боевой готовности для похода на Астрахань, который он и возглавил в апреле 1554 г. Войска Ю. И. Пронского взяли Астрахань и посадили на ханский престол московского ставленника Дербыш-Али.⁴⁰ Около 1555 г. князь Юрий получил боярство и в том же году умер.⁴¹ Если считать, что в 1546 г. ему было не более 17—18 лет (Курбский называет его «юношей» при описании взятия Казани⁴²), то прожил он лет 26—27. Брак продолжался лет восемь.

³⁸ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. Подгот. А. А. Зимин. М.—Л., 1950, с. 56.

³⁹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Подгот. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. Л., 1979, с. 8.

⁴⁰ РК 1475—1605, с. 373—374, 379, 390, 395, 406—407, 418, 429, 455—456, 467—470; ПСРЛ, т. 29, с. 92, 95—96, 99—100, 187, 190, 192, 196, 200, 226, 229—231; Сочинения князя Курбского, т. I. — РИБ, 1914, т. 31, стб. 181, 237.

⁴¹ Зимин А. А. Состав Боярской думы... с. 67.

⁴² Сочинения князя Курбского, т. I, стб. 181.

Княгиня Авдотья осталась вдовой в возрасте 24—25 лет. Детей у нее не было.⁴³ Молодые богатые вдовы в XVI в. обычно выходили замуж или уходили в монастырь. Княгиня Авдотья не стала монахиней, но и замуж не вышла: еще один довод в пользу предположения, что основой ее брака была любовь.

После смерти мужа княгиня Авдотья твердо вела хозяйственные дела, в 1557/58 г. успешно провела тяжбу о смежных угодьях с Мезецкими — двоюродным братом и дядей по отцу.⁴⁴ В 1559/60 г. княгиня отдала в Троице-Сергиев монастырь стародубское село Алексино, выговорив себе право владеть им пожизненно. Дядя по матери, ставший уже старцем Московского Богоявленского монастыря Ионой, мог после смерти племянницы снова взять село в пожизненное владение, выплачивая за него Троице 20 руб. в год.⁴⁵

В 1564/65 г. Авдотья, вероятно, чувствуя приближение смерти, написала духовную.⁴⁶ Она простила долги двоюродному брату Ю. И. Шапцыну Мезецкому, ему же и двоюродным сестрам завещала деревни, полученные в наследство от умершего бездетным дяди П. М. Мезецкого, подтвердила передачу Алексина Троице, а в Богоявленский монастырь отдала суздальское село Глумово с 14 деревнями, чтобы частью «до живота» владел старец Иона Протопопов. Он же вместе с троицким и богоявленским настоятелями назначался ее душеприказчиками. Три деревни княгиня завещала преданным слугам.

В духовную, составленную вскоре после Приговора 1562 г., запретившего передачу в монастыри княжеских вотчин, был включен особый пункт: «И только государь пожалует... не велит взяти у Живоначальных Троицы и Чюдного Богоявления тое вотчинки... а нас не учинит беспамятных. А возмет — его царская воля». Любопытное свидетельство применения законодательства о княжеских вотчинах. Иван IV не «учинил беспамятными» Мезецких и Пронских: Алексино попало в Троицу. Благодаря этому и сохранился комплекс актов этой семьи.

Княгиня Авдотья завещала похоронить себя в Троице-Сергиевом монастыре, нарушив семейную традицию: в Московском Богоявленском монастыре были погребены и предки («родители») протопопа Василия, и он сам, и его жена, и родители Авдотьи.⁴⁷ Но семейной усыпальницей князей Пронских был Троице-Сергиев монастырь,⁴⁸ и Авдотья пожелала покоиться там же. Потому-то

⁴³ Не было и детей, умерших в младенчестве: в духовной (о ней см. далее) Авдотья не дает заупокойных вкладов по детям.

⁴⁴ ГБЛ, АТСЛ, кн. 530, Суздаль № 10.

⁴⁵ ЦГАДА, ГКЭ, Суздаль, 37/11816.

⁴⁶ Там же, 48/11827.

⁴⁷ Никодим еп. Описание Московского Богоявленского монастыря. М., 1877, с. 28—29.

⁴⁸ В XVII в. в Троице-Сергиевом монастыре выделялось место погребения кн. Пронских, хотя надписи на плитах уже стерлись («подписей на цках не знать»). См.: Горский А. В. Историческое описание свято-Троицкие Сергиевы лавры, составленное по рукописным и печатным источникам. М., 1890, ч. 2, с. 98.

она и поделила свои вотчины между Троицей и Богоявленским монастырем, что вызвало досаду богоявленских старцев, затеявших в 1576 г. безуспешную тяжбу с Троицей об Алексине.⁴⁹

Вероятно, вскоре после составления духовной около 1564/65 г. княгиня Авдотья умерла в возрасте 33—35 лет.

Автору представлялось бесполезным изложить эту семейную хронику: большие политические события и повседневная жизнь, так скупо известная нам по источникам, тесно переплелись в жизни этой феодальной семьи. Проникновение в семейные отношения русского средневековья оказывается возможным только при использовании генеалогических методов, при изучении не только родства, отношений по вертикали, но и брачных связей, отношений по горизонтали. Изучение такой «семейной» генеалогии может сделать более конкретными и наши представления о социальной и политической истории XVI в.

Г. А. П О В Е Д И М О В А

ПИСЦОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЕРЕВСКОЙ ПЯТИНЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ГЕНЕАЛОГИИ СЛУЖИЛОГО СОСЛОВИЯ XVI в.

Писцовые материалы, объединяющие в себе переписные, приправочные, платежные и обыскные книги Новгородской земли XVI в., были впервые введены в научный оборот в трудах по аграрной истории Северо-Запада России,¹ где они положены в основу исследований главных социально-экономических проблем XVI в. — формирования поместного дворянства и закрепощения крестьян.

История поместного землевладения тесно связана с историей отдельных семей служилого сословия.² Эта особенность обусловлена самим характером описаний, учитывавших прежде всего самого служилого человека и размер его земельного владения. Поэтому различные писцовые книги, из которых каждая в отдельности создавалась по особым обстоятельствам своего времени, взятые в последовательной связи, могут быть использованы в новом качестве — как генеалогический источник. Метод генеалогического анализа подобных массовых источников был разрабо-

⁴⁹ ЦГАДА, ГКЭ, Суздаль, 80/11859.

¹ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV—начало XVI в. Л., 1971; Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Л., 1974.

² Бычкова М. Е. Степан Борисович Веселовский — генеалог. — В кн.: История и генеалогия. М., 1977, с. 45, 48—49.

тан и применен С. Б. Веселовским в отношении актового материала и синодиков.³

Из материалов по Деревской пятине XVI в. мною использованы отрывок писцовой книги Гр. Морозова и Ж. Рябчикова (по 20 погостам)⁴ в списке, датированном 1543 г.; три книги «приправочного» письма 1552 г. — Василия Калитина (по 13 погостам), Бориса Ансимова в списке 70-х гг. XVI в. (по 8 погостам) и Шемяки Благого (по 6 погостам);⁵ платежная книга 1558 г. Ивана Алексея сына Ивкова (по 15 погостам);⁶ обыскная книга Деревской пятины 1573 г. (по 49 погостам).⁷ Ценность этого комплекса заключается в сопоставимости как по именам владельцев, так и по поместьям (территориально). Такая сопоставимость позволяет составлять генеалогические схемы служилых фамилий, испомещенных в пятине, и наблюдать их развитие на фоне движения земельного фонда с конца XV в. по 70-е гг. XVI в. Исходным источником взята писцовая книга 1495 г. — первое и самое полное описание Деревской пятины.⁸ Имена, извлеченные из писцовых книг, сопоставляются с данными родословных,⁹ актового материала,¹⁰ разрядных книг,¹¹ а также Тысячной книги и Тетради дворовой.¹² Всего таким образом составлены 123 родословные схемы.

Изучая состав помещиков, мы наблюдаем в общем незначительность, неродовитость фамилий, испомещенных в Деревской пятине, по сравнению с таковыми других пятин. Из боярской или титулованной знати здесь находятся или потомки младших сыновей, или родственники по боковым линиям старших представителей рода. Это позволяет дополнять сведения родословных, фиксировавших, как правило, родичей по основным линиям родства, испомещавшихся в центральных уездах России. В Деревской пятине больше всего рядовых служилых людей, чьи имена ни в каких других источниках не упоминаются. Я привожу здесь три генеалогические схемы, относящиеся к различным группам служилого сословия. Эти схемы дают представление о том, как писцовые материалы дополняют сведения родословцев.

Из небольшого числа титулованных фамилий (всего 6) самыми многочисленными были князья Ростовские (схема 1). В Де-

³ Там же, с. 56.

⁴ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 17150.

⁵ Там же, кн. 17141, 17143; ф. 137, по Новгороду, кн. 4 г.

⁶ Там же, ф. 1209, кн. 991.

⁷ Там же, ф. 137, по Устюгу, кн. 117. См.: Победимова Г. А. Обыскная книга Деревской пятины 1573 г. — Вспомогат. истор. дисциплины, XII. Л., 1981, с. 47—60.

⁸ Новгородские писцовые книги. СПб., 1859 (далее — НПК), т. I—II.

⁹ Временник Моск. о-ва истории и древностей российских, 1851, т. X (далее — ВОИДР); Бархатная книга, т. I—II. М., 1787.

¹⁰ Акты Русского государства 1505—1526 гг. М., 1975 (далее — АРГ).

¹¹ Разрядная книга 1475—1598 гг. Подг. В. И. Буганов. М., 1966 (далее — БРК).

¹² Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М.—Л., 1950 (далее — ТКДТ).

ревской пятине в конце XV в. испомещены представители следующих отраслей Ростовских: Щепины, Приемковы, Темкины, Пужбальские, Касаткины, Лобановы и просто Ростовские. К последним относится кн. Дмитрий Владимирович: его дед и отец записаны великими князьями в родословце (ВОИДР, с. 40), а в НПК он написан через «вич» (II, 439), что является необычайно редкой формой имени помещика.

Поместья князей Ростовских были сосредоточены в основном в северной части пятины. Лишь Иван Александрович Лобан был испомещен на западной границе пятины, в Курском присуде (56 обеж).

Члены этого княжеского рода по сравнению с другими фамилиями и поместья получали достаточно крупные: Дм. Приемков с тремя сыновьями — 207.5 обеж, два брата Пужбальских — 183 обеж, Борис Щепин — 67.5 обеж. Всего в 11 поместьях князей Ростовских было свыше 700 обеж в Деревской пятине. Дальнейший анализ удобнее проводить по отдельным отраслям князей Ростовских.

Щепины. Ретроспективные сведения об испомещениях Щепиных сообщает книга 1543 г. Здесь упоминается о том, что в Шегринском погосте, кроме Бориса Семеновича Щепина, отдельное поместье было и у его отца Семена Дмитриевича Горбатого-Щепина, после смерти которого его вдова Орина получила там же прожиточное поместье, а 40 обеж были приданы Квашниным.¹³ В 40—50-е гг. поместье было за сыновьями Бориса Щепина — Петром, Иваном и Романом Борисовичами (старший сын Дмитрий Внучек испомещен в Шелонской пятине), в 1540 г. Петр умер и общее поместье в прежнем размере осталось за младшими братьями и тремя племянниками, Петровыми детьми, Иваном и Данилой, которые «служат службу», и Иваном Меньшим (= Бессоном), который «еще не служит».¹⁴

Приемковы. Громадные поместья Приемковых в Городенском погосте оказались выморочными после морового поветрия начала 50-х гг. Общее поместье Дмитрия Дмитриевича Приемкова с тремя сыновьями было, очевидно, в начале XVI в. разделено между детьми и внуками Дмитрия. Так, Федор Гвоздь упоминается уже как бывший помещик, владевший частью общего поместья. После Федора его поместье было пожаловано кн. Ф. Ю. Оболенскому, а затем окончательно отписано на цвкн. Четверо сыновей Федора Гвоздя в Деревской пятине не жили, в Дворовой тетради они записаны как «дворовые князи» Ростовские.¹⁵

Доля («вить») поместья Ивана Волка также частью пошла в раздачу, а частью перешла к его сыну Василию. Внук Ивана Волка, Василий Васильевич, с матерью Оленой получил вместо

¹³ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 17150, л. 263.

¹⁴ Там же, кн. 17143, л. 29 об.

¹⁵ ТКДТ, л. 91 об., с. 120.

выморочного поместья в Городенском погосте, другое — в Локоцком, принадлежавшее ранее его родичу Константину Михайловичу Касаткину (30 обож). В середине 50-х гг. кн. Олена Приимкова владела в Деревской пятине поместьем «прожиточным», возможно, в связи с тем, что Василий Васильевич проходил службу по Торжку.¹⁶

Отписаны на цвкн также выморочные поместья бездетных Льва Балымата и Семена Приимковых, но у пятого брата — Андрея Дмитриевича — поместье перешло к сыновьям Борису и Григорию.¹⁷ Борис Андреевич здесь не укоренился, его сыновья Никита и Данила испомещены уже в Водской пятине (тысячники II статьи).¹⁸ Что касается Григория Андреевича, то после его смерти в 1543 г. поместье перешло к сыновьям Василию (12 лет) и Ивану (11 лет) с матерью Федорой. Таким образом, они владели дедовским поместьем в его старых размерах, хотя в платежнице 1558 г. владельцем записан их отец, Григорий Андреевич, умерший не менее 15 лет назад.¹⁹

Итак, к концу 50-х гг. XVI в. из Приимковых в Деревской пятине на поместьях были Василий Васильевич (Волков) и Василий и Иван Григорьевичи.

Яновы. Иван Темка был испомещен в Наволоцком погосте. Точные размеры поместья неизвестны, но известно, что 20 обож поместья в начале XVI в. пошли в раздачу. Сын Ивана, кн. Григорий Темкин, числился по дворовой службе,²⁰ т. е. в Деревской пятине Темкины не укоренились. В 50-е гг. упоминается поместье внучатого племянника Ивана Темки Алексея Борисовича в Борковском погосте, которое также пошло в раздачу.²¹

Пужбальские. Громадное поместье братьев Ивана и Семена Пужбальских (183 обжи) в 50-е гг. пошло частично в раздачу, а большая часть (свыше 98 обож, но эта цифра неполна из-за дефектности текста) оказалась в поместье их родича Богдана-Кузьмы Ивановича, внука Юрия Дмитриевича Бритого.

Касаткины. Поместье Константина Михайловича Касаткина, бывшее за ним с конца XV в., позднее отдано было Василию Васильевичу Волкову-Приимкову. Однако из книги 50-х гг. стало известно, что и второй брат Константина — Владимир — был помещиком Деревской пятинны в Вельском погосте. К 1552 г. его поместье записано в выморочных, а вдова Анна получила 7 обож на «прожиток» в Локоцком погосте, где было поместье еще одного Касаткина — их племянника Василия Юрьевича. В 1558 г. он получил небольшую придачу после смерти Олены, Васильевской жены Приимкова.

¹⁶ Там же, л. 91 об., 148.

¹⁷ Сыновья Андрея — Роман и Михаил — записаны дворовыми по Кашину (там же, л. 101 об.).

¹⁸ Там же, л. 151 об., с. 83.

¹⁹ Победимова Г. А. Платежница Деревской пятинны 1558 г. — Вспомогат. истор. дисциплины, VIII. Л., 1976, с. 211.

²⁰ ТКДТ, л. 91 об., с. 120.

²¹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 17143, л. 163.

Лобановы. Поместье Ивана Лобана Александровича (56 обож), вероятнее всего, перешло (полностью или частично) к его сыну Андрею Чепцу, об испомещении которого мы узнаем ретроспективно из записей о новых владельцах. Вдова Андрея Ивановича, Настасья, имела в Курском присуде большое прожиточное поместье (13 обож). В книге 1573 г. мы находим трех племянников Андрея Ивановича — младших сыновей Семена Ивановича — Ивана, Петра и Никиту Семеновичей. Никита Семенович в 1555 г. получил 15 обож из бывшего поместья Василия Васильевича Волкова-Приимкова в Локоцком погосте, но просил поменять эти обжи на другие из-за того, что мать Василия Васильевича, бывшая владелица кн. Олена Приимкова, «рияся тому, что он сказывал на сына ее, на князя Василья литовской отъезд», мешая ему проживать в новом поместье, «и ему деи от тое княгини и от ее людей продажи и убытки чинятся великие. . . , прожити ему в том поместье со княгинею и от ее людей немочно и поместью деи его быти пусту».²²

Челобитье, очевидно, возымело действие, так как, судя по обыскной книге, в 1573 г. князя Никита и Петр Семеновы дети жили в Курском присуде.

Итак, к концу 50-х гг. XVI в. в Деревской пятине князя Ростовские владели 4 живущими поместьями: Василий и Иван Григорьевы дети Приимковы (35.5 обжи), Василий Юрьев сын Касаткин (15 обож), Богдан Иванов сын Глухого (98 обож), Иван и Роман Борисовы дети Щепины с тремя племянниками Петровыми детьми (67.5 обжи), всего примерно на 220 обож.

Новые сведения о князьях Ростовских сообщает обыскная книга 1573 г.

Щепины. Основные владения Щепиных были сосредоточены в Шегринском погосте, где старейшим помещиком остался Иван Борисович, положение которого в эти кризисные годы оказалось не таким катастрофичным, как у других помещиков: у него заустело всего 3.75 обжи.²³ Общее поместье Щепиных теперь разделено на три: выть Романа Борисовича за его сыном Иваном, который получил и небольшую придачу в Еглинском погосте, всего у Ивана Романовича заустело 8.75 обжи. Из племянников упоминаются Данила Петрович (возможно, он уже умер, так как часть обож отписана на цвкн) и Бессон (в родословце Иван Меньшой), у которого небольшое заустение в Локоцком погосте.

Приимковы. У Приимковых в 50-е гг. поместьем владела вдова Григория Андреевича Федора с малолетними сыновьями Василием и Иваном.

Теперь у Василия Григорьевича (в 1573 г. ему 42 года) поместье в трех погостах: основное — в Ситенском погосте — заустело (20 обож), в Локоцком и Полищском есть «живущие обжи»,

²² ДАИ, I. 98. — Имеется в виду попытка Лобановых, Приимковых и других ростовских князей бежать в Литву в 1554 г. (Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963, с. 434).

²³ В обыскной книге фиксировалась только пустота (в обжах).

так как за Василием записаны в волостных людях крестьяне из обоих погостов.

У Ивана Григорьевича также живущее поместье (2 волостных человека в Ситенском погосте).

Лобановы-Ростовские испомещались главным образом в Курском присуде. Здесь жила «на прожитке» вдова Андрея Ивановича Чепца Настасья, у которой поместье заустело «от околорусской опричнины». Здесь же и поместья ее племянников — Никиты и Петра Семеновичей.²⁴ У Петра на обыске записано 5 крестьян, что свидетельствует о хозяйственном благополучии этого помещика. У Никиты Семеновича заустело 5 обож. Жена Никиты Ефросинья была казнена (упоминается в синодиках), не избежал опалы и сам Никита Семенович, в 1565 г. он был сослан в Казанский край,²⁵ видимо, тогда же его поместье отписано на цвкн. Всего за Ростовскими в 1573 г. насчитывается 9 поместий: 3 — у Щепиных, 2 — у Приимковых, 3 — у Лобановых и 1 — у Касаткиных (в том числе 5 живущих). Возросшее число поместий объясняется процессом дробления крупных отцовских или даже дедовских (как у Щепиных и Приимковых) владений.

Несмотря на хорошо разработанную генеалогию старинного рода ростовских князей, писцовые материалы существенно дополняют ее новыми сведениями: это даты рождения или смерти князей Петра Борисовича Щепина, Григория Андреевича Приимкова, Василия и Ивана Григорьевичей Приимковых; имена жен пяти князей — Орина Семенова жена Щепина, Олена Иванова жена Приимкова, Федора Григорьева жена Приимкова, Анна Владимирова жена Касаткина, Анастасия Андреева жена Лобанова-Чепца; это, наконец, конкретные подробности их жизни, прежде всего землевладения и службы.

Итак, князья Ростовские, испомещенные в Деревской пятине, — это старинные помещики из служилых князей — верхов московской аристократии, испомещавшиеся крупными «гнездами». В первоначальных районах своего испомещения они продолжали оставаться на протяжении нескольких поколений. Новые поместья или придачи чаще всего давались из владений, ранее бывших за ростовскими же князьями. Переселившись в Деревскую пятину и став помещиками, они сохранили некоторые черты родового вотчинного землевладения княжат. Укоренившись в Деревской пятине князья Ростовские относились к младшим представителям фамилий, они не были близки к правительственным верхам, поэтому, может быть, меньше пострадали в опричнину.

Поместное землевладение ростовских князей свидетельствует как о прочности родовых связей, так и о хозяйственной устойчивости крупного поместья по сравнению с мелким.

²⁴ Петр Семенович получил землю после кн. Андрея Чепца (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 117, л. 745).

²⁵ Скрыльников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1966, с. 282.

Выходцами из боярского рода, испомещенного в Деревской пятине, являются Чеглоковы, родичи Морозовых. С. Б. Веселовский выражал удивление, что «из знаменитого рода Морозова на поместья попали только 4 Чеглоковых, одной из самых малозначительных отраслей рода»: ²⁶ трое Чеглоковых — Иван, Афанасий и Михаил Ивановичи в Шелонской пятине и Дмитрий Григорьев сын Племянник в Деревской пятине (схема 2). В Деревской же пятине был испомещен боярин Михаил Яковлевич Русалка-Морозов (121.5 обжи).

В начале XVI в. новгородские Чеглоковы получили крупное «пополнение»: в Деревской пятине испомещаются 5 сыновей Федора Ивановича — Юмран, Василий, Шарап, Енша и Истома. На новгородских потомках Морозовых можно проследить служебный уровень различных отраслей этой фамилии. Так, внуки старших сыновей Ивана Чеглокова — дети Ивана и Афанасия — были записаны тысячниками. Аналогичная картина с потомками Семена Филимонова. Внук и правнуки его старшего сына, Ивана Шуста, — дворовые по Ржеве. Отсюда следует, что при общей малозначительности происхождения служебная карьера Чеглоковых и их родичей Шестовых в основном определялась принадлежностью к старшей или младшей отрасли рода. Ни один из младших сыновей Ивана Ивановича Чеглокова и его братьев Афанасия и Федора Ивановичей не дали таких потомков, чья служба была бы отмечена в источниках XVI в. Кроме генеалогического, здесь надо учитывать географический фактор: все восемь тысячников Чеглоковых записаны по Торопцу, хотя их деды и отцы были испомещены в Новгородской земле (Шелонская пятина). От новгородских пятин как в Тысячной книге, так и в Дворовой тетради записано меньше служилых людей, чем от центральных уездов России. Для Деревской пятин особенно характерно испомещение самых младших и незначительных представителей старинных фамилий. Поэтому комплекс писцовых книг, положенный в основу настоящей работы, особенно ценен тем, что дает подробности развития или угасания именно таких мелких фамилий, составлявших основную массу формирующегося класса служилых землевладельцев. «Если Михаил Русалка дослужился до боярства, то это объясняется его личными заслугами и долголетней службой», ²⁷ т. е. являлось исключением. После смерти Русалки в 1501 г. его громадное поместье было роздано в первую очередь племянникам — Федоровым детям Чеглокова.

Книги 1550-х гг. дают ретроспективу испомещения Чеглоковых. После старшего брата Юмрана землю получили Волынские.

Василий Федоров, очевидно, тоже умер, так как после него 5 обож придано Мякининым, а за его сыном Федором «половина

²⁶ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение. М.—Л., 1947, с. 292.

²⁷ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 210.

отцовского поместья» — 9 обож, следовательно, у отца поместье составляло 18 обож. Сыну было придано к 9 обжам еще 2.5 из тех же, «что было за его отцом Василием». Все обжи «после Русалки».²⁸

Шарап Федоров умер в 1545 г., на поместье осталась жена с детьми, из которых «Семен и Петр служат, а Ивану 8 лет». За ними 17 обож отцовского поместья и 15 обож придачи. Все 32 обжи «после Русалки».

Енша (Янша родословцев = Яков) умер в 1547 г., 10 обож из его поместья «ныне» даны Скрипицыным, а 6 — Костюриным, все «после Русалки».

Наконец, у младшего брата, Истома, 14 обож «после Русалки».²⁹ В родословных записаны еще двое братьев, Иван и Андрей, но в местных источниках их имена не встречаются.

Итак, все громадное поместье Михаила Русалки — свыше 120 обож — роздано прежде всего его родичам, а затем и другим помещикам. Поместные дачи Чеглоковых, как и почти всех испомещенных в XVI в. (т. е. после составления НПК), невелики: 18 обож у Василия с сыном Федором, а затем 11.5 — в самостоятельном поместье Федора, 32 — у Шарапа с двумя служилыми сыновьями, 16 — у Енши и 14 обож — у Истома. Возможно, что у него, как самого младшего, могла жить мать с малолетними братьями, Иваном и Андреем (они упоминаются только в родословцах). 8 обож из поместья Русалки в Наволоцком погосте, отдаленные от основного массива и худшего качества, на которые, вероятно, никто не претендовал, были распределены поровну между всеми: по 2 обжи — старшим братьям и по одной обже — младшим. Такое распределение указывает на то, что испомещение всех новых Чеглоковых в Деревской пятине произошло одновременно. Основной массив земли (в Сеглинском и Великопорожском погостах) везде был «добрым и средним».

Платежница 1558 г. отмечает стабильность землевладения Чеглоковых в их оставшихся трех поместьях. Из общего числа (57.5) обож лишь одна обжа у Истома Федорова запустела, остальные были живущие. Здесь можно еще раз отметить несоответствие реального владельца записанному по платежнице, где владельцем был записан Шарап Федоров, хотя он умер еще в 1545 (7053) г. и поместье осталось за двумя сыновьями, которые «служат», а третьему — «8 лет» (л. 122). Таким образом, сообщая точное количество обож в поместье, платежница в то же время может указывать не реального, а лишь номинального его владельца.

По обыскной 1573 г., Семен и Иван (которому в 1552 г. было 8 лет) Шараповы владеют самостоятельными небольшими поместьями и в то же время являются совладельцами общего отцовского, оно продолжало числиться за Шарапом, но фактически «ныне за детьми его» (л. 483). В отцовском поместье у каждого

²⁸ ЦГАДА, ф. 1209, кв. 17143, л. 87—89.

²⁹ Там же, л. 118 об., 120, 122—123 об.

сына своя выть, запустение записано по каждой выти в отдельности. Здесь же мы находим выть Ивана Петрова сына, это племянник Семена и Ивана, следовательно, Петр Шарапов уже умер.

У Семена и Ивана запустели соответственно 14 и 8.5 обжи, у Ивана Петрова — 4.5. Если предположить, что за Петровым сыном половина прежнего, отцовского, поместья (ср. аналогичное положение с поместьем Федора Васильева в 1552 г.), то в поместье запустело 27 обож, тогда как всего должно быть 27.5 обжи (32 обжи минус 4.5 обжи, отписанные после Петра Шарапова из общего поместья). Если это так, то живущего оставалось еще 0.5 обжи. Действительно, у Семена один крестьянин записан в волостных людях на обыске Наволоцкого погоста. Одна обжа была на льготе до 1570 г., но «жильцов нет», и она по-прежнему пуста.³⁰

У Чеглоковых должно быть по крайней мере еще одно живущее поместье, поскольку в Еглинском погосте записан 1 волостной человек из крестьян Утеша Чигликова (т. е. Чеглокова), родство которого мы пока не можем определенно установить.

Поместье Федора Васильева увеличилось не менее чем на 2.5 обжи за счет придачи после Мякининых (запустело 14 обож, а старое поместье было не менее 11.5 обжи). Здесь надо пояснить, что придача Федору Васильеву и Семену Шарапову после Мякининых — это не что иное, как возвращение к Чеглоковым их старинных обож, отписанных у Василия Федорова после его смерти и приданных тогда Мякининым.³¹ В поместье Мякининых полученные обжи находились в движении, потому что обратно они возвратились от разных лиц: к Семену — после Микифора Мякинина, а к Федору — после Василисы, Микифоровой дочери.³²

У Чеглоковых четко выявляется стремление удержать в родовом владении первоначально полученные земли (например, из поместья Михаила Русалки, возвращение «своих» обож после Мякининых), т. е. перенесение на поместную землю черт вотчинного землевладения, сближение ее со статусом вотчины. Привлечение писцовых материалов расширяет круг известных нам лиц из рода Чеглоковых, уточняет их степени родства и дает возможность построить хронологическую сетку поколений, сообщает реальные данные об их испомещении. Так, в Бархатной книге (с. 273) «на поместье в Новгороде» указан только Андрей Федорович Чеглоков, тогда как там было испомещено еще не менее 5 братьев Андрея Федоровича, а также Иван, Афанасий и Михаил Федорович, его дядья. У Василия Федоровича, согласно той же Бархатной книге, 2 сына — Петр и Иван Черной. По писцовым книгам, у него был еще и сын Федор, помещик Деревской пятины. У Шарапа Федоровича в родословце показан только один

³⁰ ЦГАДА, ф. 137, по Устюгу, кн. 117, л. 483.

³¹ Там же, ф. 1209, кн. 17143, л. 89.

³² Там же, ф. 137, по Устюгу, кн. 117, л. 529 об.

сын Семен, тогда как писцовые книги знают трех его сыновей — Семена, Ивана и Петра с внуком Иваном. (В Бархатной книге Петр и Иван показаны детьми Василия Федоровича).

Если княжеские и боярские роды, принадлежащие к верхам феодальной служилой аристократии, находят широкое (хотя и неполное) отражение в сохранившихся родословиях, то основная масса помещиков фактически не имеет сколько-нибудь надежной генеалогии. К числу таких рядовых служилых людей, испомещенных в Деревской пятине, относятся Шишмаревы (схема 3).

В конце XV в. здесь были испомещены два брата — Юшка Большой (16.5 обжи) и Юшка Объед (20 обеж) Бураковы дети Шишмаревы, оба в Оксоцком погосте.

В книге 1543 г. записаны уже Юрьевы дети. Это Григорий Юрьев сын Большого (9 обеж отцовских и 2 обжи придачи).³³ В этом же поместье в дер. Лучка живет Степан Шишмарев, родич Григория, хотя поместье записано только за одним Григорием. В этом же погосте упоминаются Рунец и Митя Григорьевы дети Шишмарева, у которых еще одно поместье в Оксоцком погосте. Бывшее поместье Юшки Обьеда пошло в раздачу.

В книгах 1552 г. поместья Юрьевых детей Шишмарева описаны более подробно. Григорий Юрьев в поместье уже без Степана: «на Григория пашут» 2.5 обжи. У Рунца и Мити Юрьевых основное поместье (30 обеж) теперь на юго-востоке пятины, в Жабенском погосте. Оба брата записаны в тысячниках, правда, самого низшего ранга — городовые II статьи от Жабенского погоста.³⁴

В Жабенском погосте книга 1552 г. зафиксировала большое число Шишмаревых. Это Ташлык и Беспута Ивановы дети: Беспуты «не стало после писца Жихоря Рябчикова», и его выть за сыном Третьяком. У племянника с дядей 18.5 обжи «худой» земли, свое поместье Ивановы дети получили из оброчных, бывших владычными. Может быть, они были детьми Ивана Михайлова сына Шишмарева, которого также «не стало после писца Ж. Рябчикова»,³⁵ его жена Федосья получила на прожиток 3 обжи. Поместье заустело от мора 1551—1552 гг.³⁶

У Ивана, Неждана и Богдана Андреевых детей было 18 обеж худой земли в четырех деревнях, затем они получили в придачу еще 4 деревни — 9 обеж «средней» земли из оброчных.³⁷ В поместье Молчана, Постника и Замятни Алексеевых детей — 20 обеж худой земли. После смерти Замятни его выть за сыном Микитою (Митею).³⁸

³³ Там же, ф. 1209, кн. 17150, л. 13 об.—17.

³⁴ В Тысячной книге (л. 157 об.) они ошибочно записаны Ивановыми детьми, хотя во всех остальных источниках пишутся Юрьевыми (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 17143; ф. 137, по Новгороду, кн. 4-г; по Устюгу, кн. 117).

³⁵ ЦГАДА, ф. 137, по Новгороду, кн. 4-г, л. 107 об.

³⁶ Там же, ф. 137, по Устюгу, кн. 117, л. 697.

³⁷ Там же, ф. 137, по Новгороду, кн. 4-г, л. 118.

³⁸ Там же, л. 130 об.

Шишмаревы в Деревской пятине

1495 г.	Юшка Большой Бураков сын 16.5 обжи	Юшка Обьед Бураков сын 20 обож
1543 г.	Григорий Юрьев сын 11 обож Степан Шишмарев	Иван Михайлов сын соФедосья
1552 г.	Он же 11 обож	Постник (Яков?), Замятля, Молчан, (Василий) соФетинья Иван, Неждан, Богдан Андреевы дети 27 обож
	Он же 2 обжи (живущие 2 обжи)	Ташлык и Беспуга Ивановы дети 18.5 обжи Третьяк
1573 г.	Сумарок и Василий Прокофьевы дети (живущие)	Тимофей и Юшка Васильевы дети Молчановы Они же и Ишута Ширяев сын (живущие 2 обжи) Они же и Первой Шишмарев (1.75 обжи живущих)
		Они же и Ишута Ширяев сын (живущие 2 обжи) Неустрой и Булгак Ширяевы дети

Таким образом, к середине XVI в. у Шишмаревых насчитывалось 6 поместий; кроме Григория Юрьева, все остальные Шишмаревы «перебазировались» на юг пятины, в Жабенский и Деманский погосты, их поместья были результатом раздачи бывшей громадной владычной волости (800 обож), все поместья в общем владении у 2—3 братьев с племянниками («братаничами»).

В 1573 г. у Шишмаревых стало 10 поместий. Обыскные сообщают нам только количество запустевших обож, поэтому истинные размеры поместья можно получить путем сопоставления с предыдущими описаниями.

На севере пятины, в Оксоцком погосте, у Григория Юрьева сына запустело 9 обож, т. е. 2 обжи должны быть живущими. Это подтверждается наличием на обыске двух волостных людей из крестьян Григория Шишмарева.³⁹ Все остальные поместья Шишмаревых на юге пятины — в Жабенском и Деманском погостах. Самое крупное из них было у «тысячников» Рунца и Мити Юрьевых — 31 обжа. Запустело 29 обож, в том числе 17 обож запустели «от опричной» в 1568—1569 г. Сам Рунец Шишмарев, по синодику, погиб 25 июля 1570 г.⁴⁰ В поместье остались живущими 2 обжи.

Поместье Беспуты и Ташлыка Ивановых. Еще в книге 1552 г. указывалось, что Беспута умер и его выть за сыном Третьяком Беспутиним. Теперь умер и Третьяк, выть которого отписана на цвкн (8.5 обжи), а в оставшейся части поместья запустело 8.25 обжи. В живущем могло быть не более 1.75 обжи. В преамбуле обыскной Жабенского погоста записан крестьянин Первого Шишмарева, которого можно «привязать» к одному из этих поместьев Шишмаревых.

Общее поместье трех братьев Андреевых детей (27 обож) было, видимо, разделено, а затем записано таким образом: Неждан получил 9 обож из придаточных в Демани, после смерти Неждана 5 обож сначала были даны его дочерям Марье и Прасковье «на прожиток», но уже 20 лет как «запустели от податей»,⁴¹ в результате все 9 обож «отписаны на цвкн». 18 обож оставались за Иваном и Богданом Андреевыми, но 9 обож «Богдановы выти» в 1564 г. были также отписаны на цвкн, а остальные 9 обож запустели «от податей и от тягла». Здесь поместье, очевидно, уже 15—17 лет полностью пустое.⁴²

Поместье Молчана, Постника и Замятни Алексеевых детей в 1573 г. записано по-прежнему за всеми тремя братьями, хотя еще в 1552 г. было известно, что Замятни «не стало». К 1573 г.

³⁹ Там же, ф. 137, по Устюгу, кн. 117, л. 339 об.

⁴⁰ По данным С. Б. Веселовского (Исследования по истории опричнины, с. 272), казнен Рудак Шишмарев, Р. Г. Скрынникова — Роман Шишмарев (Опричный террор), по другим спискам Руно, Рунец (Учен. зап. ЛГПИ, 1969, т. 374, с. 284), что является наиболее правильным, так как подтверждается писцовым материалом.

⁴¹ ЦГАДА, ф. 137, по Устюгу, кн. 117, л. 711.

⁴² Там же, л. 340 об.

умер и Молчан (=Василий), поскольку из поместья был выделен прожиток его жене Фетинье. Часть поместья отделена одному из новых Шишмаревых — Ишуте Ширяеву сыну. Кроме того, в поместье заустело 18 обеж, таким образом, неизвестно состояние 2 обеж (по книге 1552 г. в поместье было 24 обжи). Может быть, это те 2 обжи, о которых сказано: «цвкн деревни и починки спорные, что были в споре у Григория и Мити Васильевых (=Молчановых) детей Шишмарева и Булгака (Ширяева) с братьями Шишмаревых же с Никольским Островского монастыря игуменом с братией, 1 соха без трети», заустели от опричнины 6 лет.⁴³

Кроме землевладельцев, известных еще в 50-х гг., книга 1573 г. зафиксировала 5 новых поместий Шишмаревых.

В обыскной записаны Молчановы Тимофей и Юшка Васильевы дети, без фамилии Шишмарева, но это сыновья Молчана (=Василия) Алексеева сына Шишмарева. У них новое поместье в Черенчицком погосте, на границе с Шелонской пятиной, в котором заустело 2 обжи в вопчей дер. Дроздино. Там же еще одно новое поместье Шишмаревых — у Ильи, Тихона и Михаила Яковлевых (заустело 4 обжи, в том числе 2.5 обжи также в дер. Дроздино). Дети Василия Молчана владеют дер. Дроздино совместно с Яковлевыми детьми, поэтому можно предположить, что Яковлевы — двоюродные братья Васильевых, т. е. сыновья известного нам Постника (=Якова) Алексеева сына. Два поместья записаны за Неустроем и Булгаком Ширяевыми детьми Шишмарева (23.5 обжи впусе) и за Ишутой (7.5 обжи впусе). Текст обыскной дает представление о том, как возникали такие новые поместья: в 1557 г. Ишуте Шишмареву было отделено небольшое поместье после Ивана, Михаила и Афанасия Федоровых детей Палицына, а затем дана придача из выти Молчана Алексеева сына. У Ишуты в 1573 г. было 2 волостных человека. В более позднем обыске, спустя 15 лет, крестьяне показали, что за ним живут двое беглых крестьян из Михайловского погоста.⁴⁴

Новыми лицами являются Сумарок и Василий Прокофьевы дети Шишмарева. За ними записано одно поместье, но в обыске показаны 2 усадища и волостные крестьяне записаны отдельно за каждым из владельцев. Следовательно, несмотря на большую пустоту, у них сохранилась живущая земля с крестьянами, а общее поместье имело внутреннее деление на выти.

Еще одно из живущих поместий за Шишмаревым Первым, у которого в Жабенском погосте записан волостной человек.⁴⁵

Таким образом, к 70-м гг. XVI в. Шишмаревы владеют в Деревской пятине десятью поместьями. За 80 лет — время жизни трех поколений — в писцовых книгах отмечено около 30 представителей этой рядовой служилой фамилии. Поместное владение

⁴³ Там же, л. 355.

⁴⁴ Самоквасов Д. Я. Архивный материал. М., 1909, II, № 18, с. 451.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 137, по Устюгу, кн. 117, л. 322.

Шишмаревых оказалось в целом устойчивым: отдельные поместья дробились, уменьшались в размерах (что свойственно вообще поместьям XVI в.), но владельческая наследственная традиция сохранилась, как сохранилась и экономическая основа поместья — крепостные крестьяне. Даже в 70-х гг. XVI в. полное запустение наблюдается только в одном из десяти поместий Шишмаревых.

Итак, мы рассмотрели данные о помещиках Деревской пятины, принадлежащих к трем слоям господствующего класса — феодальной аристократии, высшего и низшего служилого сословия.

Писцовые материалы, составлявшиеся главным образом с фискальной целью и привлекаемые обычно для изучения сельского хозяйства и крестьянских повинностей, оказываются немаловажным источником и для генеалогии. Эти материалы, во-первых, открывают новых лиц, принадлежащих к той или иной фамилии, и тем самым вносят уточнения в традиционные родословные схемы; во-вторых, что более важно, наполняют эти схемы конкретно-историческим содержанием, показывая подробности развития их земельных отношений и службы.

А. В. Ф О М И Н

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ КЛАДОВ С КУФИЧЕСКИМИ МОНЕТАМИ IX—X вв.

К числу важных источников по истории международной торговли и денежного обращения Восточной и Северной Европы в эпоху раннего средневековья относятся клады с куфическими монетами. Мусульманские серебряные монеты (дирхемы) обращались не только на территории халифата, но также активно вывозились в Европу с начала IX по конец X в. Впервые вопрос о необходимости изучения состава восточноевропейских кладов с дирхемами был поставлен А. И. Черепниным в конце прошлого века. Он обратил внимание на то, что клады, обнаруженные в разных районах России, различаются как по составу самих монет, так и по наличию или отсутствию в них обломков дирхемов.¹

Однако начало научной систематизации кладов с куфическими монетами было положено позднее. Она связывается с трудами выдающегося ориенталиста Р. Р. Фасмера. Детально анализируя династические типы куфических монет из восточноевропейских кладов, он выделил четыре хронологических периода обращения мусульманского монетного серебра. Им было установлено, что

¹ Черепнин А. И. Значение кладов с куфическими монетами, найденных в Тульской и Рязанской губерниях. Рязань, 1892, с. 37.

с начала IX в. и приблизительно до 825 г. в восточноевропейских кладах встречаются в больших количествах аббасидские монеты африканской чеканки. С 825 по 905 г. в клады выпадают дирхемы, отчеканенные в азиатских провинциях халифата. Среди них заметный процент составляют монеты Тахиридов. Третий период (905—960 гг.) характеризуется господством монет, выпущенных во владениях Саманидов. В заключительном периоде обращения (960—1014 гг.) наряду с саманидскими дирхемами встречаются также дирхемы Бувейхидов (Буидов) и Зийаридов.²

Не составляет особого труда заметить, что хронология периодов обращения, а также династический состав каждого из них совпадают с общим ходом политической и экономической истории халифата. Вытеснение из состава обращения африканских монет азиатскими, появление в европейских кладах монет Тахиридов и, наконец, полное господство на европейском рынке саманидских дирхемов связано с растущим экономическим могуществом восточных районов мусульманской империи, в первую очередь Мавераннахра. Пестрый династический состав европейских кладов второй половины X в. характеризует политический распад халифата.

Это обстоятельство заставляет нас с осторожностью связывать династические периоды, выделенные по составу восточноевропейских кладов, с определенными этапами развития местного обращения. Следует согласиться с мнением В. Л. Янина, который писал, что хронологические периоды не раскрывают сами по себе характера обращения восточного серебра в Европе, а являются необходимым вспомогательным средством при его изучении.³

Открытие династических периодов позволило доказать правильность датировки кладов IX—начала XI в. по младшей монете.

При изучении древнерусской денежно-весовой системы В. Л. Янин воспользовался династическими периодами для того, чтобы упорядочить нумизматический материал в хронологическом отношении. Таким образом, ему удалось установить, какие типы куфических монет последовательно обращались в Восточной Европе. Изучив их весовые нормы, Янин сопоставил их с данными письменных источников и пришел к важному выводу о соответствии веса дирхема весу мелких денежных номиналов — ногаты, куны и резаны.

Согласно его теории, весовая норма древнерусской гривны возникла в результате приспособления веса куфических монет к местной системе денежного счета.⁴ Наблюдения над метрологическими колебаниями монет, изменениями в системе номиналов

² Фасмер Р. Р. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе. — Изв. АН СССР, обществ. науки, 1933, № 6—7, с. 478.

³ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. (Домонгольский период). М., 1956, с. 69.

⁴ Там же, с. 7, 27, 203.

были положены в основу концепции о происхождении и развитии древнерусской денежной системы. Кроме того, автором была изучена топография находок по периодам, что позволило наглядно представить картину распространения куфических монет в Восточной Европе.⁵

Из историко-метрологического исследования В. Л. Янина со всей очевидностью следовал вывод о том, что восточноевропейские клады куфических монет принадлежали местным жителям и являются памятниками внутреннего обмена.

К противоположному заключению пришел шведский нумизмат С. Болин, который посвятил специальную работу проблеме обращения восточных монет в Европе. Он считает, что вывоз монетного серебра из халифата был вызван потребностью христианских государств Европы в благородном металле, из которого они чеканили собственную монету. Наиболее благоприятным маршрутом для доставки дирхемов на север был в то время путь через Восточную Европу, выгодно расположенную между странами ислама и империей франков и обладающую к тому же удобной сетью речных коммуникаций.

В качестве торговых посредников в международном обмене IX—X вв. выступали шведские викинги, сумевшие организовать доставку монетного серебра от мусульман к христианам. Свидетельством их деятельности являются многочисленные клады куфических монет, обнаруженные в районах между Каспием и Балтийским морем. Монетные сокровища представляют собой часть капиталов, которые скандинавские купцы везли вместе с собой, но были вынуждены зарыть в результате военных столкновений или набегов.⁶

Концепция С. Болина основывается на данных хронологического состава европейских кладов. Предполагается, что при транзитной торговле куфические монеты не поступали в местное обращение тех районов Европы, через которые проходили торговые пути, а выпадали там случайно. Если бы дирхемы оседали преднамеренно, то их задержку можно обнаружить в составе местных кладов по преобладанию в них определенных хронологических типов монет.

Хронологический состав европейских кладов IX в. не имеет видимых различий. Во всех находках содержатся одноименные типы монет в приблизительно одинаковом количественном соотношении. Только со второй четверти X в. обособляются скандинавские клады, состав которых характеризуется преобладанием монет начала века. Во второй половине X в. выделяются древнерусские клады с характерным преобладанием монет 900—950 гг. Начиная с 70-х гг. X в. обособляются клады болгарского района распро-

⁵ Там же, с. 102, 118—120, 130—132.

⁶ Bolin S. Mohammed, Charlemagne and Ruric. — In: *Zu Bedeutung und Rolle des Islam*, Darmstadt, 1968, S. 252—256, 263—264.

странения восточного серебра. Их состав характеризуется высоким содержанием монет, отчеканенных в ближайшие годы.⁷

К сожалению, С. Болин не знакомит читателя с методикой исследования хронологического состава кладов, а приводит заключительные результаты, полученные им в ходе анализа нумизматических памятников. Несмотря на это обстоятельство, у нас есть сомнение в правильности самой трактовки автором факта консервации хронологического состава кладов X в.

В работах Е. А. Давидович и В. Л. Янина было установлено, что первые симптомы «серебряного» кризиса проявились на Востоке в первой половине X в.⁸ С 930-х гг. вес и лигатура саманидских дирхемов ухудшаются. Весовая диаграмма монет, выпущенных в правления Насра б. Ахмеда (914—943 гг.) и Нуха б. Насра (943—954 гг.), показывает значительные колебания их среднего веса.⁹ Повышение процента примесей к серебру распознается также по цвету металла. Монеты начала X в. легко отличить в этом отношении от монет второй четверти. Они отчеканены из серебра белого цвета с меловым отливом, что указывает на его высокую пробу, в то время как поздние монеты изготовлены из серебра темного цвета, указывающего на следы примесей.

«Серебряный» кризис сказался не только на качестве выпускаемых монет, а повлиял также на интенсивность их ввоза в Европу. Снижение объема поступлений монетного серебра могло привести к преднамеренной задержке дирхемов в обращении, с тем чтобы компенсировать их недостаток.

Вряд ли мы ошибемся, если предположим, что недостаток серебра острее ощущался в районах, наиболее отдаленных от халифата. Напомним в этой связи, что консервация хронологического состава кладов наблюдается впервые в Скандинавии, затем — в составе древнерусских кладов. Единственным районом, который по-прежнему стабильно снабжался монетным серебром, оставался Булгар.

Таким образом, дополнив наблюдения С. Болина новыми фактами, можно прийти к противоположным выводам о причинах задержки монет в местном обращении. Однако нам представляется, что, несмотря на высказанные замечания, исследование хронологического состава кладов является перспективным для изучения локальных особенностей распространения куфических монет в Европе.

Хронологический состав европейских кладов формировался в зависимости от характера движения монетного потока. Монеты одного выпуска могли распространяться неравномерно. Они попадали в отдельные районы Европы в неодинаковых количествах и обращались там в течение разного времени. На пути движения

⁷ Ibid., S. 261—262.

⁸ Давидович Е. А. Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах. — НЭ, 1966, VI, с. 135—140; Янин В. Л. Денежно-весовые системы..., с. 129, 134—135.

⁹ Янин В. Л. Денежно-весовые системы..., с. 134—138.

монетного потока возникали разные сочетания хронологических типов дирхемов, которые фиксировались в составе местных кладов.

Если допустить предположение, что хронологический состав монетного потока по мере своего распространения старел за счет постепенного убывания новейших монет, то можно попытаться

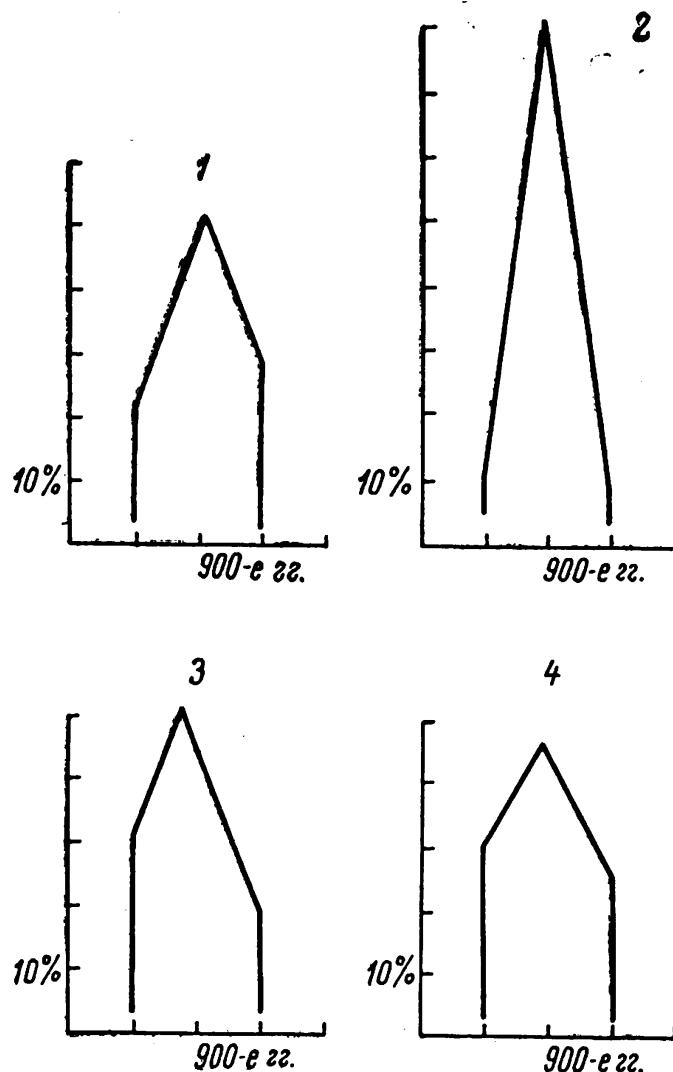

Рис. 1—4. Случаи совпадения графиков хронологического состава кладов (в период между 910 и 920 гг.).

1 — Струпово, 912 г. (79 монет); 2 — Сосинский уезд, 914 г. (33 монеты); 3 — Конкуми, 915 г. (32 монеты); 4 — Пальцево, 914 г. (257 монет).

реконструировать схему его движения методом детального сравнения состава одновременных кладов.

Хронологический состав клада выражается в виде распределения монет по десятилетиям и изображается графически. Численность каждого типа монет дается в процентах от общей суммы состава монет клада (рис. 1—7).

Сравнение графиков состава производится между кладами, датирующимися по младшей монете в пределах одного десятилетия,

Главным критерием сходства считается совпадение вершин распределений в хронологическом отношении. Совпадение графиков означает, что клады образовались из монетного потока на одном и том же этапе его распространения.

Характерным примером такого совпадения могут послужить клады 910-х гг. В их составе устойчиво преобладают монеты 900-х гг. (рис. 1—4). По своим количественным показателям пики

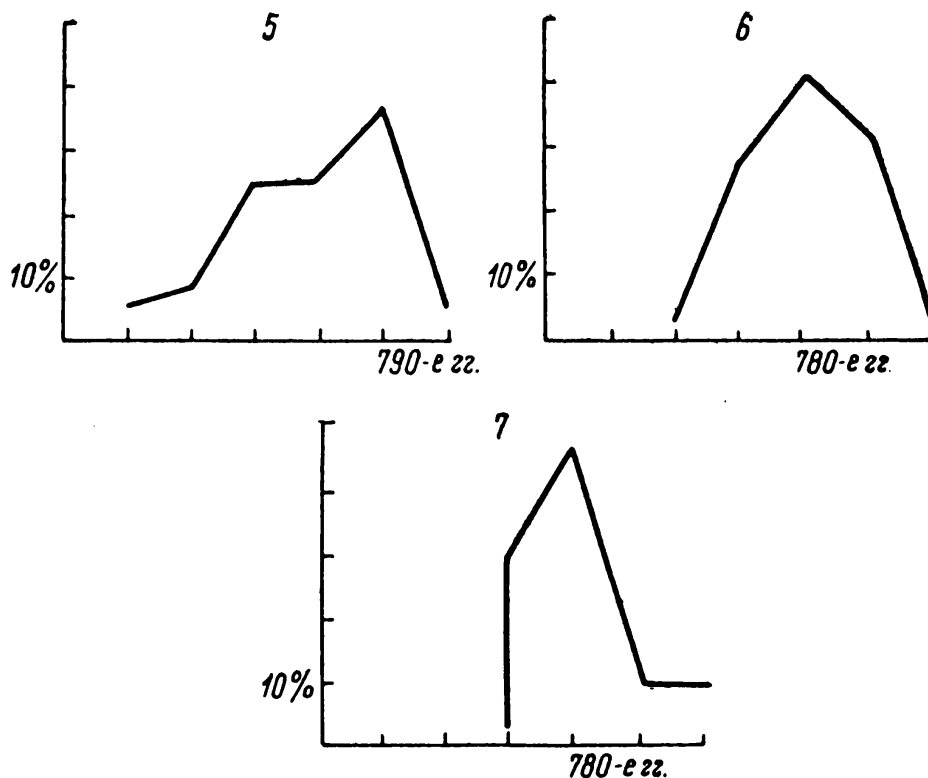

Рис. 5—7. Поэтапное распространение куфических монет по данным хронологического состава кладов начала IX в.

5 — Петровское, 805 г. (34 монеты); 6 — Петергоф, 804 г. (84 монеты); 7 — Вылеги 807 г. (7 монет).

рассматриваемых графиков не равны между собой. Однако в данном случае численные колебания пиков можно считать случайными, поскольку нет твердых оснований для признания их значимыми.

Смещение вершин графиков по хронологической оси указывает на постарение хронологического состава монетного потока. В кладе Петровское 805 г. вершина хронологического состава приходится на монеты 790-х гг. (рис. 5). Петергофский клад образовался на следующем этапе распространения куфических монет. Его состав характеризуется преобладанием монет 780-х гг. Точно такую же вершину имеет график состава небольшого клада из дер. Вылеги с младшей монетой 807 г. (рис. 6, 7). Последний пример примечателен прежде всего тем, что показывает надеж-

ность сравнения распределений хронологического состава по пикам.¹⁰

Какие конкретные выводы о происхождении европейских кладов с восточным монетным серебром можно получить, подвергнув их хронологический состав систематическому изучению?

В настоящей статье мы не будем подробно иллюстрировать отдельные периоды обращения куфических монет в Восточной Европе, а ограничимся тем, что прокомментируем итоги сравнительного изучения состава кладов IX в., которые нам удалось

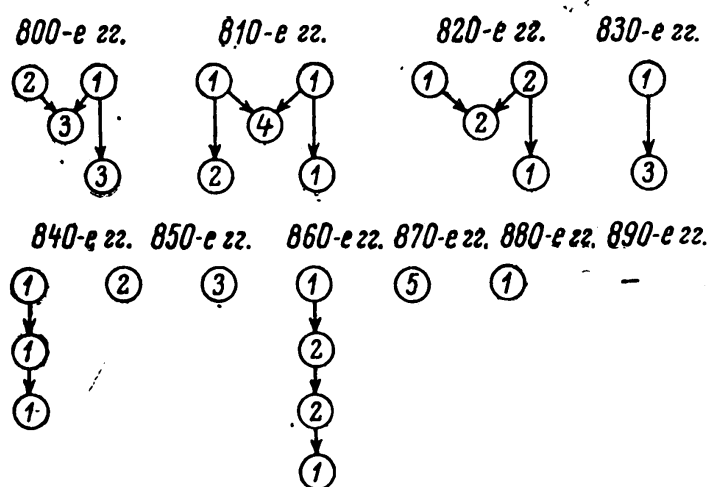

Рис. 8. Типология кладов с куфическими монетами IX в. по хронологическому составу (Восточная Европа).

Объяснение см. в тексте.

свести в одну общую таблицу (рис. 8). В таблице по вертикали расположены типы хронологических сочетаний куфических монет, встречающихся в восточноевропейских кладах (они помечены кружками). К первому типу состава относятся клады (их число показано цифрой в кружке), обладающие самой большой подборкой новых монет. Далее помещены типы хронологических сочетаний, характеризующиеся последовательным увеличением процента монет старых выпусков. Каждый типологический ряд объединяет клады, датирующиеся по младшей монете одним и тем же десятилетием, и построен по принципу старения хронологического состава монетного потока. Сами же выделенные типы соответствуют так называемым этапам распространения куфических монет.

Приведенная таблица свидетельствует о том, что уже в раннее время монетный поток, поступавший в Восточную Европу,

¹⁰ В настоящей работе использованы материалы состава кладов: Струпово 912 г. — Марков, № 144, с. 26—27; Сосинский у. 914 г. — Марков, № 298, с. 52; Конкуми 915 г. — Пахомов, вып. V, № 1517, с. 49; Пальцево 914 г. — Янин, табл. I—II; Петровское 805 г. — Пахомов, вып. VIII, № 1965, с. 28—29; Петергоф 804 г. — хран. Отдел нумизматики ГИМ, № 100.302; Вылеги 807 г. — Марков, № 152, с. 28.

постепенно оседал по пути своего следования. Распространение куфических монет носило неравномерный характер, поэтому хронологический состав монетного потока видоизменялся в зависимости от различных условий. В ряде случаев можно указать на примеры, когда в клады попадало много монет последних лет чеканки, тогда как другие синхронные им клады отличаются преобладанием старых монет. Выявленные закономерности свидетельствуют о преднамеренной задержке монетного серебра местным населением, что противоречит выводу С. Болина об исключительно транзитном характере торговли восточным серебром в IX в. С другой стороны, данные, полученные в результате изучения хронологического состава восточноевропейских кладов, открывают перспективу для исследования локальных районов распространения куфических монет с помощью топографического метода.

В. Л. ЯНИН

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О НОВГОРОДСКОМ ДЕНЕЖНОМ ДВОРЕ ПРИ МИХАИЛЕ ФЕДОРОВИЧЕ

К настоящему времени установлено, что Новгородский денежный двор, активно работавший во время шведской оккупации Новгорода (1611—1617 гг.) и в первые годы восстановления власти Михаила Федоровича, прекратил свою деятельность на основании царского указа 1627 г.¹ Однако остается невыясненным ряд важных проблем, связанных с его работой в 1617—1627 гг., из которых в первую очередь следует назвать круг вопросов, относящихся к начальному периоду чеканки Михаила в 1617 г.

Достаточно сложным представляется установление времени выпуска первых новгородских копеек с именем Михаила Федоровича. Как теперь хорошо известно благодаря блистательным исследованиям И. Г. Спасского, шведы в период оккупации чеканили в Новгороде копейки с именем Василия Ивановича, используя для этого подлинные штампы этого царя в сочетании с подлинными же лицевыми штампами 1610 (1611—1614 гг.) и 1605 гг. (1615—начало 1617 г.), но по пониженным весовым нормам: в 1611—1614 гг. копейки выпускались по стопе 3.6 руб. из гривенки, с 1615 г. — по стопе 3.9 руб.² Между тем среди монет с именем Михаила Федоровича имеется несколько типов (по

¹ Янин В. Л. Из истории Новгородского денежного двора XVII в. — Вспомогат. истор. дисциплины, X. Л., 1978, с. 15.

² Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. — МИА СССР, 1955, № 44, с. 341—345.

А. С. Мельниковой — 5),³ в которых именные штемпели Михаила Федоровича сочетаются с лицевыми штемпелями Василия Ивановича и более ранними. Это дало основание Спасскому предположить, что такие монеты «чеканили шведы между 1615 и 1617 гг., а не русское правительство после 1617 г.». «Эвакуируясь из Новгорода в 1617 г., — писал Спасский, — шведы увезли с собою все документы денежного двора за годы своего хозяйничанья на нем, которые и попали в Стокгольмский государственный архив. Едва ли они оставили бы при этом на месте такие негромоздкие и в то же время существенные доказательства своей не совсем законной финансовой деятельности в Новгороде, как монетные штемпели, при помощи которых они подделывали русскую монету. Сомнительно и то, чтобы после возобновления чеканки в Новгороде в 1617 г. здесь позволили пользоваться „шведскими“ штемпелями, да к тому же и явно анахроническими».⁴ Окончательное решение этой проблемы исследователь откладывал до анализа чеканки Михаила Федоровича в целом.

В 1960 г. попытка такого анализа была предпринята А. С. Мельниковой, которая поддержала И. Г. Спасского в главном тезисе о чеканке шведами копеек с именем Михаила Федоровича в Новгороде до 1617 г.: «Шведы опять использовали старые лицевые штемпели 1610 г. (Н—РІН) и 1605 г. (НРГІ). Заново были приготовлены лишь три оборотных штемпеля с именем Михаила Федоровича». Однако мысль о вывозе шведами штемпелей в этой работе не была принята: «По указу 1617 г. о порядке работы на Новгородском денежном дворе был наведен порядок в подборе штемпелей. Давно ставшие совершенно бессмысленными лицевые штемпели были уничтожены (Н—РІН, НРГІ). Для чеканки новых типов на первых порах был использован резанный еще при Шуйском лицевой штемпель с монограммой без даты (НРД). Этот штемпель, слегка подправленный, служил еще некоторое время после 1617 г. В качестве оборотных штемпелей использовали штемпели с именем Михаила Федоровича, приготовленные шведами. Позднее были сделаны новые лицевые и оборотные штемпели, которые дали последующие типы новгородских монет».⁵

Поначалу И. Г. Спасский согласился с тем, что исследование А. С. Мельниковой сняло «предположение об уничтожении или увозе штемпелей в 1617 г.», подтвердив вместе с тем факт чеканки шведами монет с именем Михаила. Однако обнаруженный им тогда же неизвестный ранее (а теперь представленный многочисленными экземплярами) тип новгородской копейки с датой 1617 г. и именем Михаила усилил «убежденность в том, что че-

³ Мельникова А. С. Новые данные о чекане монет в Новгороде в 1611—1617 гг. — Труды ГИМ, в. 49. Нумизматический сборник, ч. 5, в. 2. М., 1977, с. 186, типы 1—3, 2—4, 6—3, 7—3, 7—10.

⁴ Спасский И. Г. Денежное обращение. . . ., с. 344.

⁵ Мельникова А. С. Систематизация монет Михаила Федоровича. — Археограф. ежегодник за 1958 г., М., 1960, с. 83.

канка штемпелем 1605 г. после освобождения Новгорода была невозможна».⁶

Между тем в конце 60-х гг. в Швеции и СССР были обнаружены архивные документы, дающие дополнительное освещение затронутой проблемы. В Государственном архиве Швеции нашлись два письма короля Густава Адольфа, написанные им 28 и 29 июля 1615 г. в лагере под Псковом. В первом, адресованном Якову Делагарди, выражено желание «получить с нарочным несколько чеканенных в последнее время московских денег, которые мы хотим послать в Швецию как образцы». Во втором, направленном руководителю Государственного казначейства и Счетной конторы, говорится, что оно препровождает «монеты двух сортов копеек — сделанных в Новгороде и на монетных дворах Московии, — для нашего пробирера и оценщика». «Нашим милостивым желанием, — пишет король, — является изготовление названных монет с самым большим старанием. И мы приказываем вам закупить в Гамбурге или в Данциге, которые имеют торговлю с Россией, 2 или 3 бочки золота в виде риксдалеров, то есть серебро в риксдалерах, в кредит и под проценты, чтобы это было доставлено в Нарву или в Ревель настолько крупной суммой, какую только возможно окажется доставить... Но мы не хотим, чтобы купцы и другие причастные лица что-нибудь знали и должно быть скрыто вышеуказанное, что это требуется для чеканки монеты».

Если в этих письмах изложено намерение Густава Адольфа тайно чеканить копейки по образцам «монетных дворов Московии», то документ, обнаруженный в Москве, констатирует это намерение как уже осуществленное. В наставлении боярам, назначенным на встречу со шведским послом Стенбуком в 1618 г., в частности, говорится: «После того мирного договору (речь идет о договоре 20 ноября 1616 г. в Ладогe, — В. Я.) свейские державцы, которые были в Великом Новгороде, вывезли из царского величества отчины из Великого Новгорода ноугороцкого государства печать, да из денежного двора чеканы, которые деланы были блаженные памяти при царе и великом князе Василье Ивановиче всея Руси, и денежных мастеров Нефедка с товарищи взяли с собою и свезли в Свею силно и ныне в Свее денги чеканят, переделав те старые чеканы на великого государя нашего его царского величества имя, и то учинено через мирной договор неведомо коими обычаи, кабы на роздор, а не соединение, чего искони не бывало, что государю вашему денги чеканить в своем государстве великого государя нашего царского величества именем, мимо своего королевского имени».⁷

⁶ Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в XVI и XVII вв. Л., 1961, с. 20.

⁷ Спасский И. Г. 1) Новые материалы о Новгородском денежном дворе в 1611—1617 гг. — В кн.: Новое в археологии. Сб. статей, посвящ. 70-летию А. В. Арциховского. М., 1972, с. 299—301; 2) Чеканка копеек шведскими властями в Новгороде в 1611—1617 гг. — Вспомогат. истор. дисциплины, IV, Л., 1972.

Опубликовав эти документы, И. Г. Спасский уточнил свое отношение к выводам А. С. Мельниковой. Он снова обратил внимание на оказавшийся очень обильным новгородский монетный тип Михаила с датированным лицевым штемпелем 1617 г. (РКЕ) и выразил сомнение в возможности чеканки копеек анахроничными штемпелями шведского времени после возвращения Новгорода в состав Русского государства: «Если уж для возобновляемой государственной чеканки можно было изготовить новый лицевой штемпель, то едва ли была нужда в именном „шведском“». Что касается времени начала чеканки шведских копеек с именем Михаила Федоровича, то Спасский предположил, что таковым может быть вторая половина или конец 1615 г.: во втором письме король предвидел, что «на все это нужно время».⁸

В 1977 г. А. С. Мельникова публикацией новой работы о новгородской чеканке шведского времени и царствования Михаила Федоровича значительно продвинула изучение проблемы, выявив группу копеек с именем Михаила, достоверно связанных с тайной чеканкой шведов.⁹ В составе этой группы имеются три типа копеек (5—6, 5—7 и 5—9), образованные сочетанием общего для них лицевого штемпеля, помеченного монограммой Московского денежного двора (МО), и трех разных именных штемпелей Михаила. Другие четыре типа (4—5, 4—6, 4—7 и 4—8) имеют общий штемпель, помеченный другой монограммой Московского двора (М), но в двух случаях (4—6 и 4—7) этот лицевой штемпель сочетается с теми же именными штемпелями, которые были использованы с лицевым штемпелем МО. Еще два типа (3—5 и 3—6) возникли из сочетания уже известных нам именных штемпелей Михаила с лицевым штемпелем, помеченным монограммой ПС, т. е. знаком Псковского денежного двора. Уже это соединение монограмм Москвы и Пскова в одной группе плотно перевязанных штемпельными связями монет противостоит и свидетельствует, что перечисленные типы не имеют отношения ни к Москве, ни к Пскову, а чеканены в каком-то другом месте как фальсификаты. Однако А. С. Мельниковой посчастливилось обнаружить в кладе монет с хутора Пэнтсаку Тартуского района единственную пока копейку, которая образована сочетанием упомянутого только что лицевого штемпеля ПС с именным штемпелем Василия Ивановича, как раз тем, которым чеканились в Новгороде начиная с 1615 г. копейки шведов (3—2). Таким образом, вся эта группа монет оказывается порожденной шведской инициативой и прекрасно согласуется с теми свидетельствами, которые содержатся в письмах Густава Адольфа 1615 г. и в наставлении боярам 1618 г.

К той же группе новгородско-шведских фальсификатов А. С. Мельникова относит еще два типа копеек (1—3 и 2—4), которые образованы сочетанием именных штемпелей Михаила

⁸ Спасский И. Г. Чеканка копеек шведскими властями..., с. 166, 171.

⁹ Мельникова А. С. Новые данные о чекане монет. . .

с теми лицевыми штемпелями, которыми пользовались шведы в Новгороде в 1611—1617 гг. для выпуска копеек с именем Василия Ивановича (Н—РИН и НРГИ).

Вслед за И. Г. Спасским всю эту группу копеек А. С. Мельникова датирует 1615—1617 гг.

Второе существенное наблюдение А. С. Мельниковой состоит в том, что она устанавливает использование на Новгородском денежном дворе уже после восстановления царской власти над Новгородом ряда штемпелей, оставшихся от шведов, чего, как уже отмечено, не допускает И. Г. Спасский. К числу таких штемпелей она относит именные Михаила (3 и 4). Один из них взаимодействует с лицевым штемпелем 1617 г. (РКЕ), изготовленным заведомо после освобождения Новгорода; другой — с лицевым штемпелем НРД, изготовленным еще при Василии Шуйском, но подправленным при Михаиле. Этот подправленный штемпель в свою очередь взаимодействует с именным штемпелем Михаила, появившимся уже в 1617 г. (7—10).

Общая схема новгородского чекана 1611—1626 гг., предложенная А. С. Мельниковой, воспроизведена на рис. 1.¹⁰

Нумизматические факты, суммированные А. С. Мельниковой, выстраиваются в стройную и на первый взгляд убедительную картину. Однако до решения некоторых принципиальных вопросов не следует торопиться приписать эту схему как окончательно доказанную. Главный из спорных вопросов касается места чеканки шведских копеек с именем Михаила Федоровича. Свидетельства письменных источников таковы, что не дают основания сколько-нибудь категорически называть местом их чеканки Новгород. Напротив, прямое указание документа 1618 г. позволяет утверждать о выпуске таких монет в Швеции (под этим термином можно понимать и области, отошедшие к шведам по Столбовскому миру), поскольку в нем прямо говорится, что чеканы были вывезены из Новгорода уже после ладожского соглашения конца 1616 г., что взяты были чеканы, сделанные при Василии Ивановиче, и что «пыне в Свее денги чеканят, переделав те старые чеканы» на имя Михаила Федоровича. Вывоз русских мастеров, осуществленный насильственно, свидетельствует, что шведы не были способны самостоятельно изготовить необходимые маточники и что таких маточников не было и в Новгороде.

Добавлю к этому следующее. Чеканка шведами в Новгороде копеек на имя Василия Ивановича не была и не могла быть тайной. Между тем столь деликатное предприятие, как выпуск монет на имя царствующего в Москве Михаила «неведомо коими обычаями, кабы на роздор, а не соединениис, чего ископи не бывало», требовало особой секретности, на которой, в частности, настаивает

¹⁰ Публикуемая схема несколько отличается от изданной А. С. Мельниковой (Новые данные о чекане монет..., с. 186, рис. 3). В указанной публикации ошибочно не показаны типы 4—5 и 8—11 и введен несуществующий тип 4—9. Корректировка сделана по тексту статьи А. С. Мельниковой и схеме на ее рис. 2.

в письме от 29 июля 1615 г. Густав Адольф. Не представляю, каким образом должная секретность могла бы быть соблюдена, если бы копейки с именем Михаила Федоровича чеканились на Новгородском денежном дворе русскими мастерами, да еще на протяжении целого года.

Следует назвать и нумизматический аргумент. Если уже в конце 1615 г. шведы перешли в Новгороде от чеканки монет на имя Василия к чеканке на имя Михаила, как следует объяснить бросающуюся в глаза количественную диспропорцию? Обследование девяти крупных музеев (в их числе ГИМ) позволило А. С. Мельниковой выявить только 85 «шведских» копеек Михаила,¹¹ тогда как копейки Василия, чеканенные с начала 1615 г. (НРГІ) (следовательно, тоже на протяжении одного года), известны вкладах и коллекциях во многих сотнях экземпляров.

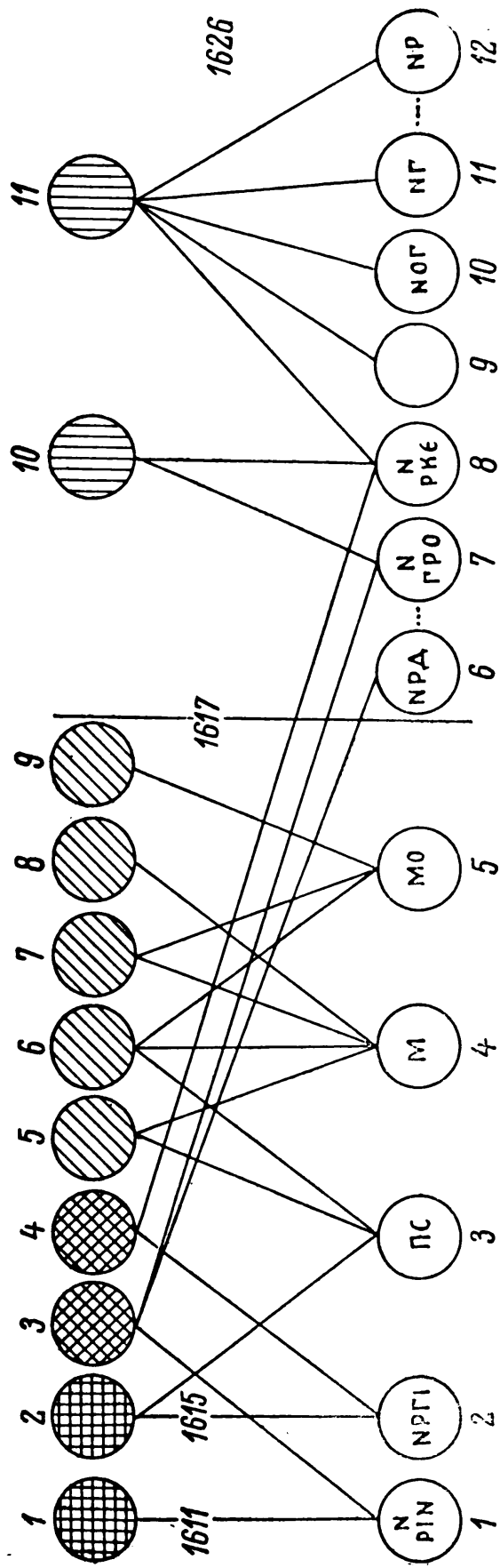
Допуская, что вся рассматриваемая группа монет чеканится не в Новгороде, а после вывоза денежных мастеров и штемпелей, мы обязаны и именные штемпели 3 и 4 с именем Михаила изъять из этой группы и считать их изготовленными после возвращения Новгорода в состав Русского государства, коль скоро они достоверно употреблялись на Новгородском денежном дворе уже при Михаиле. В таком случае окажется, что и лицевые штемпели Н—РН и НРГІ, которыми при шведах чеканились копейки на имя Василия Ивановича, оставались в Новгороде и употреблялись при Михаиле Федоровиче.

Поставленную здесь проблему возможно исследовать заново благодаря новейшей архивной находке.

После заключения Столбовского мира, 14 марта 1617 г. в Новгород прибыли царские послы (окольничий, суздальский наместник князь Данила Иванович Мезецкий, дворянин, шацкий наместник Алексей Зусин и дьяки Николай Новокрещенов и Добрыня Семенов), которым было предписано восстановить приходо-расходную систему царской казны в Новгороде. К 23 августа того же года (т. е. к концу 125-го года) по распоряжению послов был составлен обширный отчетный документ о состоянии Новгорода и новгородских дел после «очищения» от шведов, который в дальнейшем будем называть Описью 1617 г. О денежном дворе в этом документе сообщаются следующие сведения:

«На Денежном дворе всяких запасов. Марта с 14-го числа по приказу послов околничего князя Данила Ивановича Мезецкого с товарищи зделано наново на государево цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имя 2 маточника ноугородочных, верхней да исподней. 2 лохани медных. 4 тазы медных. Пол 7 золотника медных. 3 вески медные. 4 мехи болших и менших. 7 клещей. 10 молотов. 2 излойницы. 7 наковалень болших и менших. 7 волоков. 2 ремени волочильных, 188 гривенок врознь.

¹¹ Мельникова А. С. Новые данные о чекане монет... с. 190—191, приложение 1. — В тексте статьи (с. 190) автор почему-то говорит только о 63 экз.

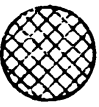
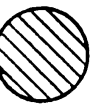

-
 Обратный штемпель с именем Василия. Шведский чекан.
-
 Обратный штемпель с именем Михаила Федоровича. Использование в русском чекане после 1617г. оборотный штемпелей, изготовленных шведами.
-
 Обратный штемпель с именем Михаила Федоровича. Шведский чекан.
-
 Обратный штемпель с именем Михаила Федоровича. Русский чекан после 1617г.

Рис. 1. Схема соотношения копеечных штемпелей Новгородского денежного двора 1611—1626 гг. (по А. С. Мельниковой).

42 золотника железных. 15 матошников вершников, 14 матошников исподников прежних государей. 2 матошника полуденежных, верхней да исподней. . . А в заводе на Денежном дворе серебра. . . никаких денег после немец не осталось. И марта с 14-го числа государевы послы те государевы пошлины завели изнова. На Денежном дворе велели быть прежнему голове вязмитину Ивану Микифорову, да х тому в товарищи выбрали ноугородца торгового человека Мокея Лыцова. И велели денежные матошники и чеканы зделать наново на государево цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имя. И на завод велели дать целовальником Олексею Денисьеву с товарищи взаймы из соболиные продажи 100 рублей денег до выделки. Те у них денги целовальники Алексей Денисьев с товарищи взяли назад.

При послех при околичем при князе Даниле Ивановиче Мезетцком с товарищи в Великом Новгороде марта с 14 числа августа по 23 число всяких денежных доходов в приходе.

З Денежного двора денежной прибыли 1040 рублей 7 алтын». ¹²

Как видим, после ухода шведов из Новгорода на Новгородском денежном дворе оставались многочисленные маточники как лицевых, так и оборотных сторон копеек, а также комплект маточников для чеканки полушек. Эти штемпели сохранялись и к 23 августа 1617 г. (т. е. к концу 125-го года), когда денежный двор уже выполнил значительный объем работы по чеканке копеек с именем Михаила Федоровича. Однако все маточники нижних штемпелей (т. е. именных) были «прежних государей», ни одного предположенного А. С. Мельниковой штемпеля на имя Михаила среди них не было, и работа денежного двора при послах началась с изготовления двух маточников «ноугородочных» (т. е. для чеканки копеек, «новгородок»), верхнего и нижнего, из которых нижний нес легенду с именем Михаила Федоровича.

Весьма любопытным оказывается следующее сопоставление. За время деятельности Новгородского денежного двора на Рогатице было изготовлено 15 маточников лицевых копеечных штемпелей (9 — Бориса, 2 — Дмитрия, 3 — Василия, 1 — Сигизмунда) и 16 маточников оборотных (именных) штемпелей (10 — Бориса, 2 — Дмитрия, 3 — Василия, 1 — Сигизмунда). По-видимому, шведы вывезли 2 маточника именных штемпелей Василия, в результате чего, как это видно из Описи 1617 г., на денежном дворе в Новгороде остались 15 маточников-«вершников» и 14 маточников-«исподников» для чеканки копеек.

Поскольку до конца 125-го года никаких других маточников изготовлено не было, единственный комплект этого года опознается без каких-либо затруднений. Очевидно, речь идет о типе 8—10, лицевой штемпель которого помечен датой 1617 г. (РКЕ). Обилие копеек этого типа уже отмечалось И. Г. Спасским.

¹² ЦГАДА, ф. 96, Сношения России со Швецией, оп. 1, 1617 г., ед. хр. 7, л. 293, 443; 35, 32, 444, 453. — Описание отмечает, что «двор государев денежной» находился «в Рогатицы» (там же, л. 483).

Схема А. С. Мельниковой показывает, что лицевой штемпель РКЕ в какой-то момент вступил во взаимодействие с именовым штемпелем Михаила № 4, породив тип 8—4. Коль скоро указанного именового штемпеля не было среди оставшихся от шведов после «очищения» Новгорода, мы должны датировать его более поздним, например 126-м, годом. То же самое следует сказать об именовом штемпеле Михаила № 3, который взаимодействует со старыми, анахроничными штемпелями Н—РН (тип 1—3), НРД (тип 6—3) и переделанным из НРД штемпелем № 7 (тип 7—3). Добавлю, что и именной штемпель Михаила № 4 взаимодействует со старым штемпелем НРГІ, породив тип 2—4. Все эти типы, что, очевидно, появляются не ранее сентября 1617 г., когда потребности денежного производства привели к созданию новых именных штемпелей № 3 и 4 и к использованию во взаимодействии с ними не только штемпеля РКЕ, но и старых, анахроничных лицевых штемпелей, сохранившихся на денежном дворе после шведов.

Лицевой штемпель РКЕ был последним датированным. Начиная с 1618 (126-го) г. новгородские копейки не имеют дат, которым, следовательно, уже не придается значения, и новый именной штемпель № 11, остающийся в работе до закрытия Новгородского денежного двора, вступает во взаимодействие не только с новыми не имеющими дат лицевыми штемпелями № 9, 10, 11 и 12, но и со штемпелем РКЕ, порождая анахронический тип 8—11, который, несмотря на наличие даты, не имеет отношения к чеканке марта—августа 1617 г., а принадлежит к более позднему времени.

Поскольку именные маточники Василия Ивановича были вывезены шведами из Новгорода, что следует из наставления боярам 1618 г., а к одному из них привязана вся цепочка штемпельных связей шведской чеканки на имя Михаила Федоровича, очевидно, что тайная чеканка этих монет велась вне Новгорода, после вывоза указанных маточников и изготовления новых штемпелей насильственно перемещенными в Швецию русскими мастерами.

Общий итог изложенных наблюдений представлен на рис. 2, в котором сохранена нумерация штемпелей схемы А. С. Мельниковой.

Опись 1617 г. дала возможность уточнить представления о действительном ходе новгородской чеканки в 1611—1627 гг. Однако все условия предложенного решения были заключены в нумизматических материалах, собранных до обнаружения этого нового документа, что лишний раз свидетельствует о самостоятельных возможностях нумизматической методики успешно исследовать сложные проблемы не только источниковедческого, но и историко-политического характера. Схема штемпельных взаимосвязей четко разграничивает две группы монетных типов, чеканенных на имя Михаила Федоровича, одна из которых имеет все признаки законного новгородского происхождения, будучи тесно

связана преемственными взаимоотношениями с чеканкой шведов в Новгороде на имя Василия Ивановича, а другая объединяет типы с обозначением разных денежных дворов, что само по себе свидетельствует о ее незаконности. Вторая группа также связана с новгородской чеканкой шведов на имя Василия, но эта связь

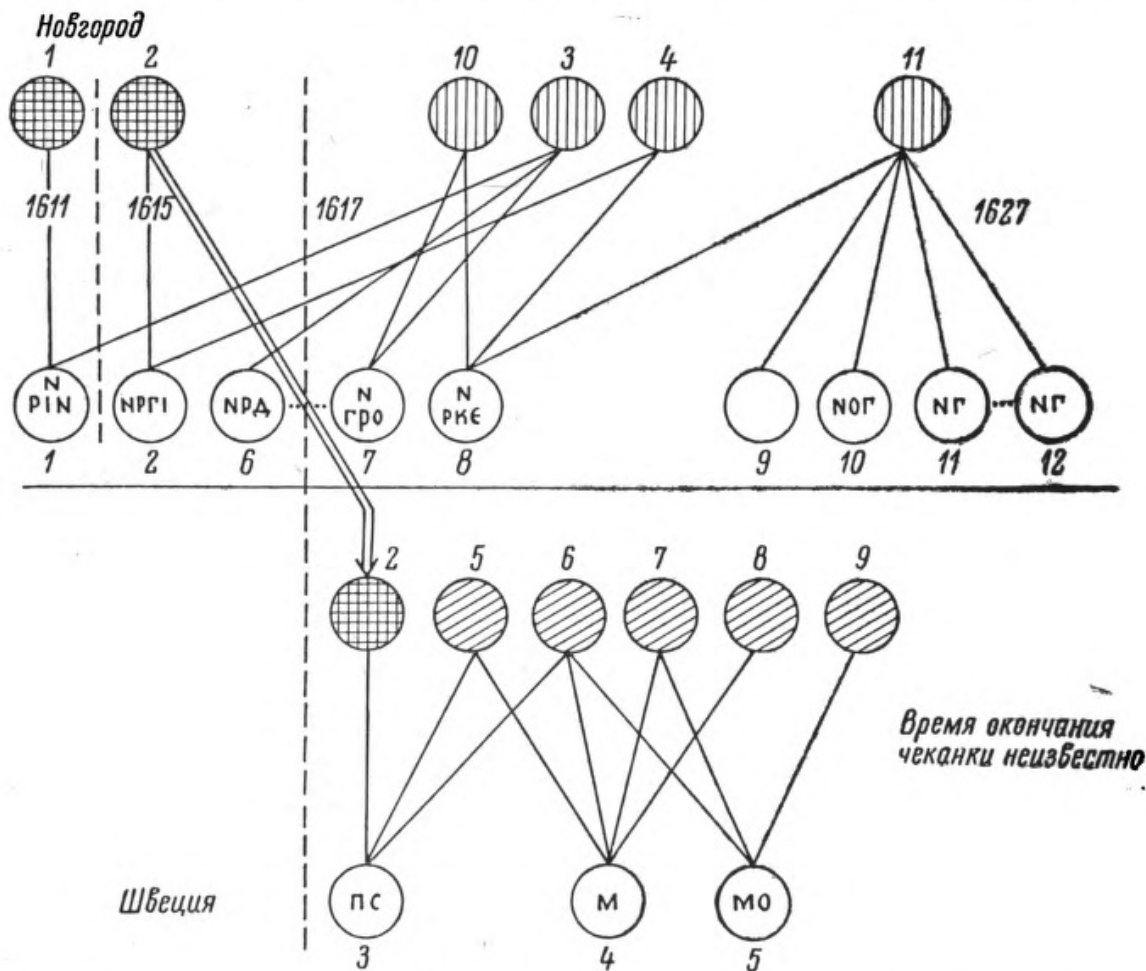

Рис. 2. Схема соотношения копеечных штемпелей Новгородского денежного двора 1611—1627 гг.

слабая, обозначенная пока единственным экземпляром фальсифицированного типа 3—2. И все же без прямых показаний письменных источников, оставаясь в русле исключительно нумизматической методики, вряд ли возможно было дать иное решение кроме альтернативного. Обсуждению этой альтернативы и посвящен спор между И. Г. Спасским и А. С. Мельниковой. Хотя оба исследователя одинаково неверно определяют время и место чеканки шведских фальсификатов, главный вопрос, касающийся их атрибуции, оказывается неизбежным порождением этой дискуссии.

Опись 1617 г. определяет денежную прибыль от чеканки копеек с марта до 23 августа в 1040 рублей 7 алтын. Однако она

в действительности была на 100 руб. больше, поскольку взятые займы для первоначального обзаведения «до выделки» 100 руб. были возвращены целовальникам. Зная механизм образования доходов от чеканки, можно попытаться установить общий объем производства и перейти тем самым к обсуждению второй важной проблемы, связанной с работой Новгородского денежного двора при Михаиле Федоровиче.

Для этого прежде всего следует познакомиться с царским указом 1617 г. о возобновлении работы Новгородского денежного двора. Эта грамота, «сообщенная в списке П. М. Строевым», была опубликована еще в 1875 г.¹³ С тех пор она время от времени цитировалась исследователями и частично анализировалась ими,¹⁴ однако полного ее разбора в литературе не существует, хотя это, несомненно, один из важнейших документов для изучения организации денежного дела XVII в. Приведу наиболее обстоятельное высказывание А. С. Мельниковой по поводу этого документа: «Существует еще указ 1617 г. о возобновлении работы денежного двора в Новгороде, который совершенно четко указывает на 4-рублевую стопу. Размеры плавильной и золотничной пошлыны указываются с гривенки по 14 алтын и по полуденге, т. е. по 42 копейки с полушкой; из них нужно платить с гривенки мастерам («чеканщиком и волочильщиком, и бойцом, и кузнецом», т. е. четырем категориям рабочих) по 10 денег с полушкой, а всем вместе — 21 копейку. „А торговым людям велено давать за гривенку по 3 рубли с полтиной“. Если принять во внимание убыль от угара за 2% (по Спасскому) — от гривенки это будет составлять 4 грамма, т. е. вес 8 копеек 4-рублевой стопы. Следовательно, из гривенки изготовлялось 350 коп. + 42 коп. + 8 коп. = 400 коп. (отбрасываем полуденгу, так как она не играет роли при расчетах)».¹⁵

Кое-что в этом рассуждении вызывает недоумение. Хотя плавильная пошлына бралась с заказчика, все вопросы, связанные с исчислением угара, решались, естественно, до начала чеканки. Поэтому учитывать процент угара в расчете стопы по крайней мере странно, и предложенное А. С. Мельниковой объяснение представляется весьма искусственной попыткой отыскать недостающие 8 коп., тем более что и названная ею норма угара в 2%, как будет показано далее, документально не подтверждается. Эти недоумения заставили обратиться к архивному оригиналу публикации 1875 г. в Сборнике списков с царских грамот 1530—1696 гг. из фонда Новгородской приказной палаты, хранившемся

¹³ Русская историческая библиотека. СПб., 1875, т. 2, стб. 341—342, № 111.

¹⁴ Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г., с. 258; Мельникова А. С. Систематизация монет Михаила Федоровича, с. 79.

¹⁵ Мельникова А. С. Систематизация монет Михаила Федоровича, с. 79.

затем в коллекции актовых книг Археографической экспедиции.¹⁶ Сравнение опубликованного текста с оригиналом выявило ошибку в одном из наиболее ответственных мест публикации. Поэтому считаю необходимым воспроизвести здесь полный текст документа (рис. 3):

«(л. 78) О денежном дворе. 125 году. Государева грамота за приписью дияка Ивана Остапова.

Велено в Новегороде учинити денежной двор по прежнему и денги делати в серебре и в старых денгах и въ ефимочном и в ветоши в серебре. А пошлины имать по государеву указу торговым людем, которые учнут серебро и ефимки и ветош приносить, и с того серебра имать на государя велено золотничные и плавилные пошлины з гривенки по 14 алтын по полу 16 де(нег). А торговым людем за гривенку велено давать по 3 рубля с полтиной. А мастером давать з гривенки и чеканщиком, и волочилщиком, и бойцом, и кузнецом по 10 де(нег) с полуденгой. А сто рублей велено принимать против 16 фунтов. А велено выбирать к денежному двору голов и целовалников лутчих // (л. 78 об.) людей. А свершку велено давать на 100 рублей по десяти рублей или как договор учините и какъ бы государеве казне было прибылие. А сколко у ково гривенок и серебра и старых денег возмут и сколко отдадут и сколко золотничные и плавилные пошлины из обменных денег прибыли от денег будет и сколко у плавленья у серебра и у денег у сливки угару будет, велено писати в книги подлинно по статьям. А у книг велено быть диячим пометам по полям и у статей».

В публикации 1875 г. во фразе «и с того серебра имать на государя велено золотничные и плавилные пошлины з гривенки по 14 алтын по полу 16 де(нег)» ошибочно напечатано «по 14 алтын по полуденге».

Данные указа позволяют прежде всего рассчитать стопу. Основой расчета денежного двора с заказчиком является гривенка серебра (204.7 г) в виде уже отчеканенных из этого веса монет. Из гривенки заказчику выдается «по 3 рубля с полтиной», т. е. по 700 денег (350 копеек), а удерживается золотничной и плавильной пошлины 14 алтын 15.5 денги (а не 14 алтын 0.5 денги, как ошибочно указывалось в публикации 1875 г.), т. е. 99.5 денги. В общей сложности из гривенки, таким образом, приготавлилось 799.5 денги, или 399.75 копеек (по 0.51 г серебра копейка). Не очень понятно, почему из гривенки чеканилось не 400 копеек, а на полушку меньше. Может быть, казна учитывала неизбежное отпадение «крох» при чеканке?

¹⁶ Архив ЛОИИ СССР, кол. 2, д. 17, л. 78—78 об.; Путеводитель по Архиву Ленинградского отделения Института истории. М.—Л., 1958, с. 69, 364. — В публикации 1875 г. нет архивной ссылки, однако на полях издаваемого документа, в его начале и конце, есть карандашные пометы П. М. Строева: «Списать» и «Здесь конец», — что позволяет идентифицировать именно этот текст с оригиналом публикации 1875 г. Выражаю сердечную благодарность В. А. Варенцову, указавшему мне местонахождение этого документа.

В той же части указа говорится о порядке оплаты мастеров, которым положено получать по 10.5 денги с гривенки. Этот расход извлекался из золотничной пошлины, как можно судить, например, по заголовку 3-й книги Новгородского денежного двора 1611 г.: «Что отдано денежным мастером серебра и что за то серебро за дело из золотничной пошлины денежным мастером дано и что за мастерьюскою дачею золотничной пошлины останется, и тому книги».¹⁷

Нуждается в обсуждении вопрос о величине общей суммы оплаты мастеров. А. С. Мельникова полагает, что каждому из четырех названных в указе мастеров (чеканщику, волочильщику, бойцу и кузнецу) следовало по 10.5 денги, т. е. размер мастерской оплаты доходил до 42 денег (21 копейка) с гривенки.¹⁸ Это неверно. В 1611 г. в Новгороде при 3-рублевой стопе за изготовление из гривенки 300 копеек мастерам платили общим счетом всего лишь 3.5 денги; в начале 1613 г. в Москве при 4-рублевой стопе мастера все вместе получали около 13.5 денги.¹⁹ Надо полагать, что оплата в 10.5—13.5 денги с гривенки в начале царствования Михаила Федоровича была обыкновенной. Разница в оплате на Новгородском и Московском денежных дворах в этом случае скорее всего объясняется тем, что в Москве чеканились не только копейки, но и денги, требующие вдвое большего расхода труда.

Убедительные материалы в той же связи опубликованы С. Б. Веселовским и повторены А. С. Мельниковой, не обратившей внимания на то, что они противоречат ее мнению о плате в 10.5 денги с гривенки каждому мастеру.²⁰ В 1626 г. на Московском денежном дворе для Новгородской чети из 61 рубля 23 алтын старых денег было сделано новых 77 рублей 24 алтына 2 денги. В старых денгах весу было 18 гривенок 33 золотника. Из них в сливке угорело 8 золотников (т. е. чуть меньше 1%), а из оставшихся 18 гривенок 25 золотников сделано всего 78 рублей 23 алтына 4 денги, по 4 рубля 8 алтын 2 денги из гривенки, что свидетельствует о существовании к этому времени новой стопы — в 425 копеек из гривенки. Из новых денег дано мастерам за работу по 10.5 денги с гривенки, всего 32 алтына 2 денги, а остальные 77 рублей 24 алтына 4 денги отосланы с денежного двора в Новгородскую четь. 32 алтына 2 денги равны 194 денгам. При делении этого количества на 10.5 денги получаем 18.5 гривенки, что равно количеству отчеканенного серебра. Отсюда следует, что 10.5 денги с гривенки платились не каждому

¹⁷ Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. 2. СПб., 1864, с. 78.

¹⁸ Мельникова А. С. Систематизация монет Михаила Федоровича, с. 79.

¹⁹ Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г., с. 258—259.

²⁰ Веселовский С. Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908, с. 16—17; Мельникова А. С. Систематизация монет Михаила Федоровича, с. 80.

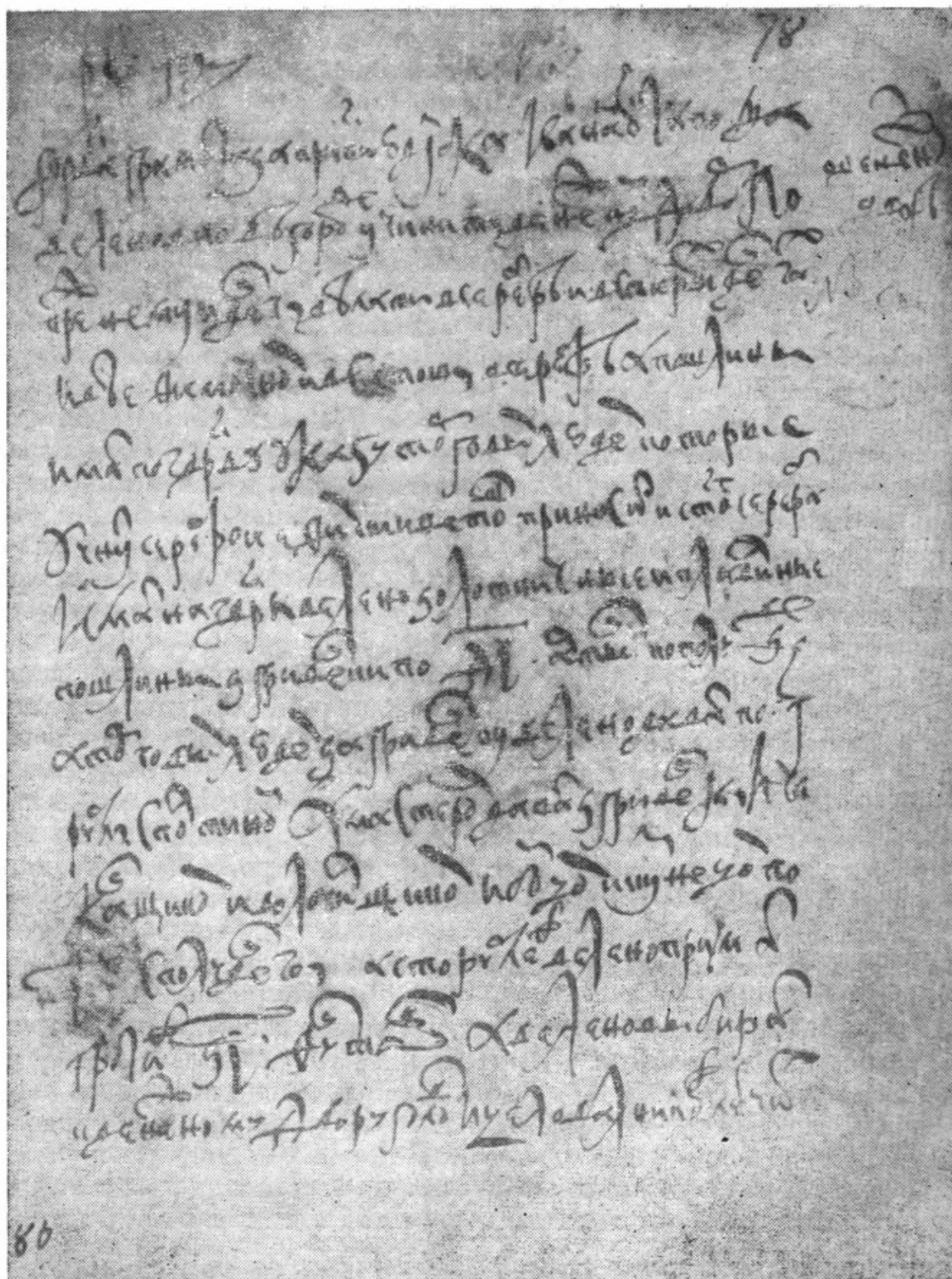

Рис. 3. Грамота царя Михаила Федоровича 1617 г. об организации денежного двора в Новгороде. (Список). Архив ЛОИИ, кол. 2, д. 17, л. 78.

мастеру, а всей группе мастеров, участвовавших в денежном переделе.

Таким образом, после расчета с мастерами в казне оставалось 89 денег плавильной и золотничной пошлыны с гривенки, что и составляло чистый доход государства от чеканки монеты.

Указ 1617 г. определяет и нормы обмена приносимого на денежный передел серебра: «А сто рублей велено принимать против 16 фунтов». Очевидно, речь здесь идет о старых, дореформенных рублях, соответствующих 3-рублевой стопе. В самом деле, если 16 фунтов серебра (6550 г) приравниваются 100 руб., то каждый рубль должен содержать 65.5 г серебра, а копейка — 0.655 г серебра. Нормой копейки при 3-рублевой стопе было 0.68 г, однако практически из-за потертости в обращении ее вес максимально близок рассчитанному здесь. В указе в перечислении видов приносимого на передел серебряного сырья называются не только старые денги, но также ефимки и «ветошь». Норму их обмена легче всего было рассчитать в старых рублях, поскольку цена разных категорий ефимков и серебряного лома подробно регламентировалась «Торговой книгой».²¹

Из 16 фунтов (32 гривенки) серебра по нормам 4-рублевой стопы чеканилось 128 руб. (32×4), из которых, согласно предыдущему расчету, 16 руб. ($99.5 \text{ денги} \times 32 = 15 \text{ р. } 92 \text{ к.}$) оставались на денежном дворе в виде плавильной и золотничной пошлыны. Таким образом, на долю заказчиков должно было бы приходиться 112 руб. Между тем при обмене старых денег на новые «сверхку велено давать на 100 рублей по 10 рублей», а не по 12 руб., как это следовало бы из приведенного расчета.

Надо полагать, что разница в 2 руб. образуется за счет угара серебра, равного здесь примерно 1.5—1.6%. Этот процент несколько выше нормального при переплавке высокопробного серебра. Если угар при плавке ефимков достигал 11—13%, то чистое серебро в плавке теряло около 1%.²² «Торговая книга», в частности, замечает: «А говорят, что шпанское де в слитках добре бело и чисто серебро, маленько де не придет в денежное, у гривенки всего угорит ползолотника»,²³ т. е. угар в этом случае равен 1.04%. Выше приводилась цифра угара при переплавке старых денег в 1626 г., приближающаяся к 1%. Указ 1617 г. и в этом расчете корректирует процент угара в пользу казны, как в пользу казны корректировался в нем вес старого рубля.

Опираясь на предписанные указом 1617 г. нормы, попытаемся выяснить объем денежного производства в Новгороде за период с марта по 23 августа 1617 г. Как уже показано, доход денежного двора составил к последней дате 1140 рублей 7 алтын (из которых 100 руб. было возвращено целовальникам). Поскольку в рас-

²¹ «Торговая книга». — Зап. Отд. русской и славянской археологии Археол. о-ва, т. I. СПб., 1851, отд. III, с. 116—117.

²² С п а с с к и й И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г., с. 225.

²³ «Торговая книга», с. 116—117.

ходных статьях Описи 1617 г. не фигурирует оплата денежных мастеров, следовательно, она, на основании царского указа, извлекалась в их пользу до подсчета общей суммы казенного дохода. 1140 рублей 7 алтын равны 228 042 денгам. Эта сумма, как мы знаем, складывается из умножения 89 денег на то число гривенок серебра, которое было переделано на монету. Простым делением устанавливаем, что переработано было 2562.3 гривенки. Поскольку из каждой гривенки получалось 399.75 копеек, общее число отчеканенных в указанный период копеек — 1 024 280. В рублях эта сумма равна 10 242 р. 80 к.

Есть ряд сведений о доходах денежного двора в Новгороде за последующие годы. Три записи в приходо-расходных книгах Новгородской чети были известны ранее, одна публикуется впервые.

Под 1620 г. сообщается: «С новгородского з денежного двора золотничную и плавильную пошлину збирают на государя на веру выборные головы и целовальники. А на нынешней на 128-й год денежного двора пошлин против збору 127-го году помечено собрати 700 рублей 30 алтын оприч того, что денежного двора на расходы во 127-м году вышло 23 рубли 8 алтын 5 денег, а в сметном списке 127-го году те денги были в збор не приложены. И обоего денежного двора пошлин против 127-го году собрать 724 рубли 5 алтын 3 денги. И по новгородскому сметному списку 128-го году те денги во 128-й год собраны сполна да сверх окладу прибрано 42 рубля 8 алтын 5 денег. И обоего по окладу и сверх окладу собрано 766 рублей 14 алтын 2 денги».²⁴ Эта запись показывает, что общий доход Новгородского денежного двора с 1 сентября 1618 г. по 31 августа 1619 г. составил 724 рубль 5 алтын 3 денги, а с 1 сентября 1619 г. по 31 августа 1620 г. — 766 рублей 14 алтын 2 денги.

Сохранилась запись 1621 г.: «С ноугородского з денежного двора денежные прибыли на нынешние на 129-й год против збору 128-го году помечено собрати 766 рублей 14 алтын 2 денги. А в нынешнем в 129-м году на денежном дворе всяких пошлин в зборе 724 рубли 17 алтын 3 денги. И не добрано денежново двора прибыли перед прошлым 128-м годом в нынешнем во 129-м году 41 рубль 30 алтын з денгою. И про тот недобор денежново двора головы и целовальники сказали, учинился у них тот недобор потому, что на денежной двор старых денег и ветоши серебра и ефимков в приносе было мало».²⁵

На этот раз собственные расходы денежного двора «приложены в збор». Они фигурируют в расходной части книги: «На денежном дворе по книгам голов гостя Семена Великого да Филипа Шапочника да целовальника Ондreja Шолковника на дворо-

²⁴ Гневущев А. М. Сметы по Новгороду четвертным денежным доходам XVII в. (с 1620 по 1660 г.). — Труды Моск. предварительного комитета по устройству XV Археол. съезда, 1911, с. 195.

²⁵ ЦГАДА, ф. 137, Новгород, ед. хр. 136, л. 13—13 об.—14.

вую поделку и на свечи, и на бумагу, и на дрова, и на чернила, и дьячком за письмо, и сторожу найму, и на всякие мелкие расходы вышло 19 рублей 25 алтын 3 денги».²⁶ На 1622 г. в приходо-расходной книге планируется прибыль в соответствии с итогом предыдущего года: «С ноугородцкого денежново двора прибыли на 130-й год против сбору 129-го году 724 рубли 17 алтын 3 денги».²⁷

Неизвестно, каким был реальный доход 1622 г., поскольку следующая запись сохранилась только от 1626 г.: «В Великом Новгороде на государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии денежном дворе денежную прибыль збирают на государя на веру головы с целовальники. А на нынешней на 134-й год против прошлого 133-го денежные прибыли помечено собрати 833 рубли 15 алтын с полуденгою. А по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу тое денежную прибыль в Новгороде во 134-м году велено сбирати голове псковитину Ивану Савину, а с ним целовальником новгородцом посадским выборным людем. И по новгородцкому сметному списку 134-го году голова Иван Савин с товарищи денежново двора прибыли во 134-м году собрали и в Новгороде взято и с тем, что на денежном дворе вышло в расход, 600 рублей 6 алтын и 1½ денги. А недобрали головы и целовальники во 134-м году против збору 133-го году 233 рублей 18 алтын 5 денег. И про тот недобор в Новгороде головы и целовальники в роспросе сказали, что во 134-м году перед 133-м годом на денежной двор торговые и всякие люди старых денег и ефимков и ветоши серебра в дело приносили мало, да и неметцких городов неметцкие торговые люди ефимков привозили мало ж, потому что в неметцких городех войны».²⁸

Наконец, последняя запись датирована 1628 г.: «Новгородцкого денежново двора денежные прибыли и верново бранья по окладу против 135-го году 1371 рубль 27 алтын 2 денги. И по государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте за приписью дьяка Баима Болтина 135-го году в Великом Новгороде денег делать не велено».²⁹

Приведенные материалы и принципы исчисления объема продукции денежного двора позволяют установить количество отчеканенных копеек за те годы, от которых сохранились сведения о величине дохода денежного двора. При этом следует учитывать отмеченное выше изменение стопы, зафиксированное в приказных документах 1626 г., согласно которым чеканка тогда велась по норме 4 рубля 8 алтын 2 денги (т. е. 425 коп.) из гривенки. Поэтому для 1625—1627 гг. учтено это изменение:

²⁶ Там же, л. 58 об.—59.

²⁷ Там же, л. 84.

²⁸ Гневущев А. М. Сметы... , с. 198.

²⁹ Там же, с. 200.

Год	Доход двора	Объем производства	Изготовлено
125	1140 рублей 7 алтын	2562.3 гривны	10242 р. 80 к.
126			
127	724 рубля 5 алтын 3 денги	1627.3 »	6505 р. 13 к.
128	766 рублей 14 алтын 2 денги	1722.3 »	6884 р. 90 к.
129	724 рубля 17 алтын 3 денги	1628.1 »	6508 р. 33 к.
130			
131			
132			
133	833 рубля 15 алтын 0.5 денги	1872.9 »	7959 р. 82 к.
134	600 рублей 6 алтын 1.5 денги	1348.1 »	5729 р. 42 к.
135	1361 рубль 27 алтын 2 денги	3060.3 »	13006 р. 27 к.

Неизвестен объем производства Новгородского денежного двора за четыре года (1618, 1622—1624), однако если принять для этих лет минимальную цифру в 6500 руб., то общее количество отчеканенных за 11 лет монет приравняется примерно 82—83 тыс. руб., иначе 8.2—8.3 млн. коп.

Это количество невелико, если учесть, что на Московском денежном дворе в первые годы царствования Михаила Федоровича в один только передел чеканилось монет на сумму свыше 1000 руб. Так, для Казенного приказа 21 ноября 1613 г. было отчеканено 1405 рублей 2 денги; 12 августа 1614 г. — 1024 рубля 25 алтын 2 денги; 21 марта 1615 г. — 1248 рублей 6 алтын 4 денги.³⁰ Такой же объем имели и более поздние переделы. Привожу в этой связи одну неопубликованную запись за 1620 г.: «Да Арханьилского города корабельные пристани у таможенных голов Ивана Максимова да у Гаврила Неустроева с товарищи таможенных денег за расходы и за покупками в остатке 5308 рублей осмнадцать алтын з денгою. Да купленных две тысячи восьмьсот тритцать три ефимька рьяльских. А по книгам таможенных голов дано за те ефимки ис таможенных денег 1303 рубля 6 алтын, по 15 алтын по 2 денги за ефимок. И 129-го декабря в 10 день по отписке з Двины воеводы князя Ондreja Хилкова да диака Семейки Зеленого и по росписи таможенных голов Ивана Максимова да Гаврила Неустроева с товарищи те денги ефимки взяты сполна, платили денги ефимки двинские таможенные целовальники Сергей Еремеев с товарищи.

И декабря ж в 19 день те ефимки посланы на денежной двор к Ефиму Телепневу да к диаку к Ивану Поздееву с подiachим с-Иваном Кишмулиным. А велено те ефимки переделати в денги. И декабря в 22 день по памяти з денежного двора за приписью диака Ивана Поздеева ис тех ефимков зделано денег тысяча пять-

³⁰ Веселовский С. Б. Семь сборов..., с. 16.

сот семнатцать рублей семнатцать алтын четыре денги опричь того, что мастером от дела дано. И перед куплею тех ефимков в переделке прибыли 215 рублей 11 алтын 4 денги. И те денги 1517 рублей 17 алтын 4 денги в государеву казну в Новгородскую четверть взято.

А в двинском сметном списке 128-го году те ефимки в покупке и в посылке к Москве во 128-м году. А к государю к Москве те ефимки во 128-м году не присланы. А в сей приходной книге написаны они ко 129-му году в остаток, потому что они присланы в нынешнем во 129-м году».³¹

Как видим, вся продукция Новгородского денежного двора за целый 129-й год (сентябрь 1620—август 1621 г.) всего лишь в четыре с небольшим раза превосходит дневную продукцию Московского денежного двора. Малая продуктивность новгородского денежного производства определялась, как это явствует из приведенных записей в приходо-расходных книгах Новгородской четверти, недостаточным предложением серебряного сырья в денежный передел. Но и вне зависимости от этого обстоятельства двор в Новгороде был весьма небольшим. Согласно Описи 1617 г., на нем было только семь наковален, что свидетельствует о возможности одновременной работы не более чем семи чеканщиков. И тем не менее он приносил хотя и небольшой, но достаточно стабильный доход. Не исключаю поэтому вероятного предположения, что действительной причиной ликвидации провинциальных дворов в Новгороде и Пскове в 1627 г. была необходимость максимально централизовать денежное дело в целях проведения скрытых мероприятий по изменению стопы.

Сопоставление двух цифр — 8,3 млн отчеканенных в Новгороде в 1617—1627 гг. копеек и того, что дошло до нас от этой чеканки в музейных коллекциях, — рождает вопрос: насколько предствительно столь малая часть может отразить огромное целое? К примеру, основой исследования А. С. Мельниковой по систематизации монет Михаила Федоровича в новгородской части этой систематизации послужили примерно 170 копеек из собрания ГИМ.³² Думается, что, коль скоро полученная схема детально отражает взаимодействие штемпелей и практически не пополняется новыми находками, даже такое малое количество сохранившегося материала обладает свойствами должной представительности.

³¹ ЦГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, ед. хр. 13в, л. 34—34 об. — Сердечно благодарю М. Е. Бычкову, познакомившую меня с этим документом, а также с Описью 1617 г. и приходо-расходной книгой 1621 г.

³² Примерно из 15 000 монет Михаила Федоровича, хранящихся в ГИМ, 170 относятся к чекану Новгорода, 327 — псковские, остальные — московские.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ХРОНОГРАФИИ XVII в.

В. И. Буганов, автор книги, посвященной отечественной историографии русского летописания, заключая свою работу, пишет, в частности: «В изучении такой важной составной части истории русского летописания, как переводная и русская хронография, приходится с сожалением констатировать явный недостаток исследований» — и далее добавляет: «До сих пор не произведен учет того огромного числа хронографических памятников, которые разбросаны по многочисленным хранилищам, собраниям нашей страны».¹ Сказанное особенно справедливо в применении к хронографии XVII в. После вышедшего уже более ста лет назад труда А. Попова «Обзор хронографов русской редакции», в котором нарисована картина развития всей русской хронографии, включая и XVII в.,² специальные исследования, касающиеся хронографии этого периода, почти не появлялись.³ Естественно, что созданию их должны предшествовать выявление и изучение еще не учтенных списков хронографов.

На один интересный список Хронографа — ГИМ, Музейское собрание № 1150 — обратил внимание М. Н. Тихомиров. Он остановился на содержании летописных записей последней части Хронографа (некоторые записи опубликовал) и высказал предположение о том, что записи сделаны, видимо, на Севере, в Вологде.⁴ В настоящей статье мы попытаемся расширить наблюдения Тихомирова и изложить некоторые соображения о Музейском хронографе, в частности о находящихся в конце его (в главах о царствованиях первых трех царей из династии Романовых) летописных записях, среди которых находятся весьма редкие известия.

Музейский хронограф представляет собой рукопись в 1°, на 557 листах, с филигранью «Герб Амстердама» (у Хивуда № 392—1691 г.⁵), писанную полууставом конца XVII в., одним почерком, в переплете из досок, обтянутых кожей. На л. 556 запись почерком XIX в.: «1845 года сию историю купил сего числа, заплатил 5 руб [лей] ассигнациями мещанин Ненакоцкого посаду Василей Климентов Скребцов и подписал своеручно». На обрывке листа, подклеенном к обороту верхней доски переплета, почерком конца

¹ Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. М., 1975, с. 324.

² Попов А. Обзор хронографов русской редакции, в. I—II. М., 1866—1867.

³ См. соответствующие разделы книги В. И. Буганова.

⁴ Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, с. 148—153. — Летописные записи о царствованиях Михаила Федоровича и Алексея Михайловича из Хронографа Музейского собрания № 1150 опубликованы полностью в 37-м томе ПСРЛ (Л., 1982).

⁵ Neawood E. Watermarks mainly of the 17th and 18th centuries. Hilversum (Holland), 1950.

XIX—начала XX в. карандашом написано: «Близка к Рум. № 457. III разр. 3-й ред. Хроногр.».

Наблюдение неизвестного читателя о соотношении хронографов Музейского собрания № 1150 и Румянцевского собрания № 457 подтверждается их сопоставлением. Румянцевский хронограф⁶ не сохранился полностью. Изложение в нем доведено до 186-й главы «О боярском державстве Московского государства» и обрывается на статье «О новом лжецаре». В Музейском хронографе, напротив, недостает начала: его текст начинается с середины 98-й главы «О Феодосие царе». Заканчивается Музейский хронограф 189-й главой «Царствование... Федора Алексеевича», статьей о Чигиринских походах, завершающейся известием о приходе царских и запорожских войск к Киеву в 1679 г. В сохранившихся общих частях оба хронографа — и Музейский, и Румянцевский — по составу действительно близки.

Однако, несмотря на отмеченную близость, Музейский хронограф отличается как от Румянцевского хронографа, так и от других списков третьего разряда третьей редакции Хронографа: по сравнению с Румянцевским хронографом состав Музейского сокращен, в нем отсутствуют также характерные для списков третьего разряда третьей редакции в целом три извлечения из «Космографий» Г. Меркатора и других авторов.⁷ Сделанные наблюдения побуждают поставить вопрос, не является ли Музейский хронограф особой обработкой хронографа, возникшей в начале 80-х гг. XVII в. (поскольку текст его кончается 1679 г.). К этому вопросу мы вернемся еще раз, а пока обратимся к интересующим нас летописным записям окончания Хронографа.

187-я глава Музейского хронографа — Царствование Михаила Федоровича — состоит из повестей и сказаний, перемежающихся с летописными записями, 188-я глава — царствование Алексея Михайловича — включает только летописные записи, 189-я глава — царствование Федора Алексеевича — заполнена рассказами о Чигиринских походах.

В летописных записях преобладают общерусские известия: о внешней политике (события конца польско-шведской интервенции, русско-польская война 1632—1634 гг., русско-шведская война 50-х гг., война с Польшей 1654—1667 гг., события на Украине после Андрусовского перемирия), о внутренней, преимущественно финансовой, политике, о восстаниях (восстание в Москве в 1648 г., крестьянская война под руководством С. Разина, Соловецкое восстание), о церковной истории (поставления и смерти патриархов, суд над Никоном), о событиях в царской семье (браки и смерти ее членов), о строительстве, главным образом церковном и монастырском, о пожарах и различных стихийных бедствиях.

⁶ Описание Хронографа см.: Востоков А. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, с. 761—772.

⁷ Характеристику третьего разряда третьей редакции Хронографа см.: Попов А. Обзор хронографов русской редакции, в. II, с. 198—199.

Большинство этих известий встречается в других летописях XVII в., но, как мы уже говорили, среди них есть известия и редкие. К ним относятся записи, рисующие роль при царе Алексее Михайловиче боярина Б. И. Морозова, а также освещающие финансовую политику правительства в 40—60-е гг. XVII в.

Общеизвестен факт огромного влияния на молодого царя его воспитателя Б. И. Морозова, являвшегося фактическим руководителем правительства в первые годы царствования Алексея Михайловича. Об этом со всей определенностью писали иностранцы, бывавшие в России в середине XVII в. А. Олеарий сообщал, что воспитатель царя Морозов «пользовался большим расположением и почетом у молодого царя, так что произвольно правил вместо него государством». А. Мейерберг отмечал: «Этого отрока (Алексея Михайловича. — *Н. К.*) отец поручил боярину Б. И. Морозову для обучения добрым нравам и наукам... Однако ж хитрый наставник Морозов, державший по своему произволу скипетр, чрезвычайно еще тяжелый для рук юноши, по обыкновенной предосторожности любимцев, отправил всех бояр, особенно сильных во дворце расположением покойного царя, в почетную ссылку, на выгодные воеводства» и посадил на их место, на придворные должности, своих сторонников. Оба автора согласно подчеркивали, что, для того чтобы еще сильнее привязать к себе царя, Морозов устроил браки царя и свой с сестрами Милославскими.⁸

Насколько нам известно, в русских источниках известия об отношениях между Алексеем Михайловичем и Морозовым встречаются нечасто. Во всяком случае сведения об этом исследователи всегда черпают из сочинений иностранцев. Неполноту русских источников восполняют летописные записи Музейского хронографа.

В Хронографе под 1645 (7153) г. описывается передача власти умирающим Михаилом Федоровичем своему наследнику Алексею Михайловичу: почувствовав приближение смерти, Михаил Федорович созвал своих бояр и весь «сигклит полаты своея»; в их присутствии умирающий царь «приказывает сына своего государя и царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси в самодержательстве его наставляти во управлении царского его величества и умудряти во всяком благоприятельстве и снабдевати того жь своего царского величества от сигклита боярину Борису Ивановичу Морозову, видяще бь его во всем смысла и разумна и яко могуща управити всего Российскаго государства державства. Он же, боярин Борис Ивановичь, по приказу великого государя, с ним, государем царем и великим князем Алексеем Михайловичем всеа Росии, во управлении в по-

⁸ Олеарий А. О состоянии России в царствования Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. [СПб., 1861], с. 108—109; Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга. М., 1874, с. 111—112.

лате царского его величества днем и нощю быв безотступно» (л. 526—526 об.).⁹

Под 1648 (7156) г. после известия о браках с сестрами Милославскими царя и Б. И. Морозова в Хронографе читается следующее сообщение: «И вознесесь боярин той Борис Иванович Морозов, и сотвори себе ризу багряну, подобну царстей багряницы, токмо различие учини от царские багряницы: на оплечии своем, что у той ризы, яко на стихаре диаконьстем, учини четверуголно, высажено жемчюгом и камением драгим яко оплечие стихаря диаконского, кругом же тоя ризы по полам и по подолу жемчюгом же высажено; и восхоте быти яко же Иосиф во Египте, и не бысть, но народного ради волнения»; далее следуют лаконичные известия о восстании в Москве и высылке Б. И. Морозова в Кирилло-Белозерский монастырь (л. 529 об.—530).

В приведенных известиях очень ярко показано всевластие Б. И. Морозова, который «во управлении в полате царского его величества днем и нощю быв безотступно», подчеркивается неограниченное честолюбие временщика, правильно указывается, что причиной падения Морозова явилось народное восстание.

Интересна параллель с Иосифом. История об Иосифе была популярна в Древней Руси. Русские люди знали ее по библейскому рассказу,¹⁰ существовал апокриф об Иосифе,¹¹ наконец, в 1675 г. в придворном театре Алексея Михайловича была поставлена пьеса пастора Грегори «Малая прохладная комедия об Иосифе».¹² Во всех трех вариантах истории об Иосифе сообщается, что благодаря своим добродетелям Иосиф вошел в такое доверие к фараону, что стал фактическим правителем страны. В библейском рассказе и в пьесе читается также (отсутствующий в апокрифе) эпизод о том, как отец в знак любви к Иосифу велел «сотворить ему ризу красну».¹³ В записях нашего Хронографа о Б. И. Морозове обыграны оба момента: Морозов стремился, подобно Иосифу, стать полновластным правителем страны; он «сотворил себе ризу багряну» (аналог «красной ризе»), чтобы уподобиться царю. Надо думать, что параллель с Иосифом составитель записей Музейского хронографа заимствовал из Библии, являвшейся для древнерусского человека наиболее читаемой книгой.

Использование автором записей литературного источника для придания своему рассказу большей красочности свидетельствует о наличии у него известного литературного мастерства. Об этом

⁹ Здесь и далее в тексте в скобках указываются листы Хронографа Музейского собрания № 1150.

¹⁰ Библия. М., 1663, Книга «Бытия», гл. 37 и 39—45.

¹¹ Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы, т. I. СПб., 1863, с. 213—225.

¹² Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. М., 1972, с. 93—114.

¹³ Книга «Бытия», гл. 37; Русская драматургия..., с. 94.

же говорит и указание на «безотступное пребывание», днем и ночью, Б. И. Морозова в царских палатах с целью руководства царем в управлении государством. Это указание является гипер-болой (Морозов не мог круглосуточно находиться при царе), введенной для усиления воздействия на читателя.

Для летописного продолжения Музейского хронографа характерен также, как мы указывали, интерес к финансовой политике. В нем содержатся известия о всех важнейших мероприятиях правительства Алексея Михайловича в этой сфере государственной жизни: о введении налога на соль в 1646 г. и его отмене через два года, о таможенном уставе 1653 г., установившем со всех товаров единую пошлину в размере 10 денег с рубля (5%) взамен ранее существовавших различных мелких пошлин, наконец, о денежной реформе. О последней сообщается, что в 1654 г. царь указал чеканить новые серебряные рубли и рублевые четверти, а затем чеканить мелкие медные деньги «противу серебряных мелких денег», т. е. с приравниванием курса первых курсу вторых (л. 529—531).

Особенно интересно известие об отмене медных денег. Сообщается, что 15 июня 1663 г. царь указал «медными денгами не торговати, а торговати впредь серебряными денгами», и далее излагаются отрицательные последствия обращения медных денег, явившиеся причиной их отмены: «А ходили те медные денги лет съ 7 мятежно, потому что во многих городех те медные воровские делали денги, утаяся великого государя указу, воровские люди». Выпуск «воровскими людьми» «воровских медных денег» привел к их обесценению: если в 1660 г. с марта по сентябрь за серебряный рубль давали 1 рубль 8 денег медными денгами, то с сентября 1662 г. по июнь 1663 г. за серебряный рубль давали по 10 и по 15 руб. медных денег. Обесценение медных денег вызвало стремление к накоплению серебряных денег и утечку их из обращения. Все это обусловило необычайный рост цен на товары и продукты и бедственное положение населения (л. 531 об.—532).

В рассказе Музейского хронографа о медных деньгах использованы официальные документы. Так, данные о падении ценности медных денег по сравнению с серебряными представляют собой сокращенный вариант сведений, имеющих в указе царя от 15 июня 1663 г. (в царский указ они были внесены на основе «сказок», поданных старостами «Московских разных рядов» и торговыми людьми).¹⁴ Объяснение падения стоимости медных денег выпуском фальшивомонетчиками «воровских» медных денег также заимствовано из правительственных документов.¹⁵ Ха-

¹⁴ О взимании таможенных пошлин всяких других доходов серебряными денгами. — I ПСЗ, т. 1, № 339.

¹⁵ Такое объяснение читается в Окружной грамоте царя Алексея Михайловича в Туринск воеводе М. Трегубову от 8 июля 1663 г. — СГГД, т. IV. М., 1828, № 33. См. также: Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.—Л., 1936, с. 71—72.

рактарно, что это объяснение не дополнено указанием на «медный бунт» 1662 г., явившийся одной из причин, побудивших правительство пересмотреть свою политику в сфере денежного обращения. Составитель летописных записей стоял на официальных позициях.

Наличие в Музейском хронографе уникального рассказа о Морозове и сравнительно редко встречающихся в летописях известий о финансовой политике правительства Алексея Михайловича придает нашему Хронографу значительную ценность как историческому источнику.

Насколько нам известно, рассказ о медных деньгах и их отмене читается еще в трех летописных памятниках — собрания Забелина № 261, Музейского собрания № 2159 и Рукописной библиотеки б. Архива Министерства иностранных дел № 22/27. Л. В. Черепнин, занимавшийся этими памятниками в своей работе о летописании XVII в., определил первый из них как созданный в Новгороде обширный свод, последнюю часть которого составляет особый извод Нового летописца, доведенный до 1679 г.; два других памятника представляют, по мнению Черепнина, указанный извод в чистом виде без предшествующего обширного летописного текста. Черепнин показал, таким образом, что начало 80-х гг. является рубежом в развитии летописания и (если принять точку зрения М. Н. Тихомирова, считавшего, как нам кажется, справедливо рукопись Забелинского собрания № 261 хронографом¹⁶) хронографии. Отличительным признаком перечисленных летописных памятников, отражающих свод начала 80-х гг., является завершение их текстов повествованием о Чигиринских походах, заимствованным из «Синописа» редакции 1680 г. (ссылка на это заимствование есть в рукописи собрания Забелина № 261).¹⁷

Хронограф Музейского собрания № 1150, в котором изложение также доводится до 1679 г., завершается тем же, что и в указанных произведениях, повествованием о Чигиринских походах. Близки к рассказу этих произведений и известия нашего Хронографа о медных деньгах. Оба наблюдения увеличивают степень вероятности высказанного нами выше предположения о том, что Музейский хронограф представляет собой особую обработку хронографа, возникшую в начале 80-х гг. XVII в. Эта обработка, как и выявленные Л. В. Черепниным памятники, была связана, по-видимому, со сводом начала 80-х гг., существование которого установил исследователь. Естественно, что наши предположения не выходят за рамки начальной гипотезы, доказать ее правильность можно только в результате текстологического изучения всех четырех памятников. Но это в задачи настоящей статьи не входит.

¹⁶ Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979, с. 273—323.

¹⁷ Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII в. (Из истории древнерусского летописания). — Истор. записки, 1945, т. 14, с. 119—127.

Свою окончательную обработку текст Музейского хронографа получил в Вологде. Из числа его известий, относящихся к XVII в., шесть являются северными, причем четыре из них специфически вологодскими. Перечислим их: известие 1613 (7121) г. о приходе к Вологде поляков, 1619 (7127) г. о бесчинствах поляков в Спасо-Прилуцком монастыре, 1651 (7159) г. о возведении игуменов Соловецкого, Кирилло-Белозерского и Спасо-Прилуцкого монастырей в сан архимандритов, 1655 (7163) г. о постройке в Вологде «единодневного храма» Спаса Смоленского, 1663 (7171) г. о «знамении» в селе Новые Ерги вотчины Кирилло-Белозерского монастыря — падении там метеорита, 1668 (7176) г. о Соловецком восстании и осаде Соловецкого монастыря (последнее известие представляет собой целое повествование). Все эти известия читаются с небольшими текстуальными различиями в Вологодской летописи конца XVII—начала XVIII в.¹⁸ Общим с ее известиями является и ряд общерусских известий летописных записей окончания Музейского хронографа, что также говорит о принадлежности нашего Хронографа к кругу вологодского летописания. В пользу северного происхождения Хронографа свидетельствует и его бытование на Русском Севере, зафиксированное в приведенной выше записи о покупке Хронографа.

Хронограф Музейского собрания № 1150, о котором мы высказали несколько предварительных суждений, является памятником интенсивной летописной работы, ведшейся в Вологде в конце XVII в.

В. М. ПАНЕЯХ

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ А. А. ЗИМИНА

Исследовательские интересы Александра Александровича Зимина отличались необычайной широтой. Специализируясь в области истории русского феодализма, он охватывал в своих работах практически всю эту эпоху — от зарождения до упадка. Экономическая история, социальные отношения, политическая история, эволюция государственных учреждений, классовая борьба, общественно-политическая мысль, историография — вот неполный перечень основных направлений его ученой деятельности.¹

¹⁸ См.: Казакова Н. А. Вологодское летописание XVII—XVIII вв. — Вспомогат. истор. дисциплины, XII. Л., 1980, с. 78, 81.

¹ О творческом пути А. А. Зимина см.: Каштанов С. М. Александр Александрович Зимин — исследователь и педагог. — История СССР, 1980, № 6, с. 152—157; Кобрин В. Б. Александр Александрович Зимин. Уче-

Особое место в творческом наследии А. А. Зими́на занимают источниковедение и вспомогательные (специальные) исторические дисциплины. Строгий источниковедческий подход при изучении любой проблемы как бы скрепляет все работы историка единым стержнем, хотя, разумеется, легко обнаруживаются и иные внутренние связи между ними, прежде всего тематические и концепционные. Источниковедческие сюжеты пронизывают подавляющее большинство трудов А. А. Зими́на. Кроме того, он равным образом уделял внимание как конкретным исследованиям в области источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, прежде всего археографии, текстологии, летописеведения, дипломатики, генеалогии, так и разработке методики этих связанных между собой, но также в той или иной мере автономных отраслей исторической науки, выявлению нерешенных проблем, постановке очередных задач.

Конечно, общие взгляды на источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины, их методiku, задачи, междисциплинарные связи, иерархию исследовательских процедур, роль на пути познания прошлого формировались у А. А. Зими́на постепенно, в процессе конкретных источниковедческих изысканий и преподавания в Историко-архивном институте, где он долгое время вел занятия параллельно с работой в академическом Институте истории СССР. В результате из-под пера А. А. Зими́на выходит ряд работ по теоретическим и методическим проблемам источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.² Все это в целом и дает представление о вкладе исследователя в развитие той отрасли исторической науки, которая посвящена непосредственно изучению и изданию исторических источников.

Чрезвычайно насыщенной и разнообразной была деятельность А. А. Зими́на в области *археографии*, особенно эдиционной. Ему принадлежит свыше сорока публикаций источников, из которых около десяти вышли отдельными томами. Им самим, под его руководством или при его участии издавались законодательные памятники (в том числе «Русская Правда», Псковская судная грамота, Судебник 1550 г., Сводный судебник, некоторые указные и уставные книги приказов),³ летописи (в том числе Троицкий список Новгородской I летописи, Краткие летописцы XV—XVI вв., Иоасафовская летопись, Летописец начала царства),⁴ акты XIV—

ный. Человек. — Истор. записки, 1980, т. 105, с. 294—309; Список печатных трудов А. А. Зими́на (составитель А. Л. Хорошкевич). — Археограф. ежегодник за 1980 г., М., 1981, с. 274—284.

² В какой-то мере знаменательно, что последней вышедшей при жизни А. А. Зими́на работой была написанная им совместно с В. И. Бугановым статья, которую А. А. Зими́н в своем списке трудов называл «футурологией источниковедения русского средневековья» (Буганов В. И., Зими́н А. А. О некоторых задачах специальных исторических дисциплин в изучении и издании письменных источников по истории русского средневековья. — История СССР, 1980, № 1, с. 117—131).

³ ПРП, М., 1952—1959, в. 1—5.

⁴ Троицкий список Новгородской первой летописи. [Археографическое введение совместно с А. Н. Насоновым]. — В кн.: Новгородская первая

XVII вв. (в том числе опубликованные в вып. 1—5 «Памятников русского права» и такое фундаментальное издание, как вторая часть «Актов феодального землевладения и хозяйства»),⁵ материалы делопроизводства монастырей и государственных учреждений (в том числе Долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря 30-х гг. XVI в., Тысячная книга и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в., Опись Царского архива),⁶ памятники общественной мысли (в том числе сочинения Ивана Пересветова, послания Иосифа Волоцкого, «Задонщина»),⁷ труды русских и советских историков (В. О. Ключевского, С. Б. Веселовского, С. В. Бахрушина, А. Н. Мальцева).

Следует отметить, что наибольшая активность А. А. Зимина в области издания источников приходится на 1948—1960 гг., после чего она резко падает. Можно указать как на объективные, так и на субъективные причины этого. К первым следует отнести общее сокращение числа публикаций по истории русского средневековья, что не стимулировало работу в этой сфере, ко вторым — подготовку А. А. Зиминим именно в 60—70-е гг. серии монографических исследований, отнимавших основную часть времени учебного.

Важное место в археографической деятельности А. А. Зимина занимает издание открытых им неизвестных до того, либо известных, но ранее не публиковавшихся источников. Вместе с тем он издавал заново многие ранее публиковавшиеся памятники, но всегда по рукописям и с привлечением новых списков, многие из которых были обнаружены им самим, а также с оригинальными и глубокими комментариями источниковедческого, текстологического, археографического и исторического характера.

Так, текст Уставной книги Разбойного приказа 1555—1556 гг.,⁸ впервые обнаруженный А. А. Зиминим, не был известен в исторической литературе вовсе, хотя отдельные сведения о ее существовании имелись. Напротив, о существовании Троицкого списка

летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950; Зимин А. А. Краткие летописцы XV—XVI в. — Истор. архив, 1950, кн. 5, с. 3—39; Иоасафова летопись. Подгот. А. А. Зимин и С. А. Левина. М., 1957; Летописец начала царства. Подгот. к печати М. Е. Бычкова и А. А. Зимин. Под ред. А. А. Зимина. — ПСРЛ, т. 29, М., 1965, с. 9—116.

⁵ АФЗиХ, ч. 2. Подг. к печати А. А. Зимина. М., 1956.

⁶ Книга ключей и Долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. Подгот. М. Н. Тихомиров и А. А. Зимин. М.—Л., 1948; Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. Подгот. к печати А. А. Зимин. М.—Л., 1950; Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. Т. 1—3. Подгот. текста и коммент. А. А. Зимина. М., 1978.

⁷ Сочинения И. Пересветова. Подгот. текст А. А. Зимин. М.—Л., 1956; Послания Иосифа Волоцкого. Подгот. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.—Л., 1959; Зимин А. А. Задонщина (Опыт реконструкции текста Пространной редакции). — Уч. зап. Научно-исслед. ин-та языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР, Чебоксары, 1967, в. 36, с. 216—239; Задонщина. Древнерусская песня-повесть о Куликовской битве. Выбор, подготовка и комментарии А. А. Зимина. Тула, 1980.

⁸ ПРП, М., 1956, в. 4, с. 356—370, 383—400.

Новгородской I летописи⁹ первоначально знал А. А. Шахматов, но затем следы местонахождения этой рукописи затерялись. Спирок, найденный А. А. Ромодановской и А. А. Зиминим, содержит ряд более древних чтений по сравнению с другими списками этой летописи и дает дополнительный материал для восстановления текста Начального свода 90-х гг. XI в.¹⁰

Все это было результатом постоянной работы А. А. Зимина в архивохранилищах прежде всего Москвы и Ленинграда, а также других городов страны. Он стремился изучить весь рукописный материал по истории русского феодализма вплоть до XVII в. путем сплошного просмотра фондов и одновременно вел целенаправленный поиск для изданий источников. Выявление и привлечение всего корпуса рукописей, относящихся к тому или иному публикуемому историческому источнику, будь то летопись, публицистическое произведение, памятник права, акт, делопроизводственный документ, являлись одним из основополагающих принципов работы А. А. Зимина как археографа (и не только в качестве последнего).

Другим таким принципом деятельности А. А. Зимина как археографа является опора на текстологические и источниковедческие изыскания. Установление аутентичности того или иного памятника, его датировка, выяснение истории текста на основе всей его рукописной традиции — вот тот минимум текстологического и источниковедческого изучения, которое необходимо провести до издания исторического источника. Можно даже предполагать, что, несмотря на давнее обособление археографии в качестве вспомогательной исторической дисциплины, выделение ее из общего источниковедения, А. А. Зимин продолжал ее считать частью последнего. Во всяком случае методика актовой археографии, по его мнению, «представляет собой раздел общей методики дипломатического изучения актов».¹¹

Примером следования этим принципам может служить последняя прижизненная публикация А. А. Зимина — знаменитой Описи Царского архива.¹² Публикатор дает здесь не только точный текст Описи, исправляя допущенные ранее ошибки или спорные чтения, но и проводит на основе привлечения большого числа разнородных источников, как изданных, так и неизданных, источниковедческое ее исследование, результатом чего явилась реконструкция Государственного архива России XVI в. Именно эти обстоятельства позволили Л. В. Черепнину охарактеризовать публикацию Описи как «образец такого типа издания историче-

⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1960.

¹⁰ См.: Зимин А. А., Насонов А. Н. О так называемом Троицком списке Новгородской первой летописи. — Вопросы истории, 1951, № 2, с. 89—91.

¹¹ Зимин А. А. Методика издания древнерусских актов. М., 1959, с. 3—4.

¹² Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции.

ского памятника, при котором воспроизведение его текста сопровождается подсобным аппаратом, выполненным на высоком исследовательском уровне, — комментариями источниковедческого и исторического характера». Л. В. Черепнин отметил далее, что данное издание объединяет со знаменитыми академическими изданиями Русской Правды, судебников, литературных памятников одна общая черта: «...они отвечают запросам археографическим, источниковедческим, историческим во всем их комплексе».¹³

Указанными двумя основными принципами А. А. Зимин руководствовался не только в собственной работе археографа, но и при оценке изданий источников, подготовленных другими историками или филологами, при обсуждении методических приемов публикаций, при формулировании задач археографической теории и практики.

В частности, А. А. Зимин считал даже такое классическое издание, каким являлся «Сборник грамот Коллегии экономии», неудачным ввиду его неполноты: «Его составители опубликовали материалы фонда грамот Коллегии экономии, собранные во второй половине XVIII в., игнорируя грамоты того же характера, хранившиеся в других собраниях». Напротив, достоинство изданных под редакцией С. Н. Валка «Грамот Великого Новгорода и Пскова» состоит в том, что это именно «полное собрание».¹⁴

А. А. Зимин считал издание Л. В. Черепниным духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. выполненным «на основе последних достижений советской археографии как по качеству передачи текста древнерусских актов, так и по составлению научно-справочного аппарата (заголовки, легенды, указатели)». Особо он отмечал, что эта публикация основана «на большой предварительной работе Л. В. Черепнина по изучению текстов опубликованных памятников».¹⁵

Оценивая весьма высоко академическое издание судебников XV—XVI вв., А. А. Зимин в то же время подвергал критике и

¹³ Черепнин Л. В. Несколько слов о публикации А. А. Зимина. — В кн.: Государственный архив России XVI столетия, с. 3—4.

¹⁴ Зимин А. А. Рец. на кн.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949. — Советская книга, 1949, № 11, с. 68. — При этом А. А. Зимина не смущает, что публикация эта выполнена «по сравнительно упрощенной транскрипции, так как большинство документов уже было издано» с соблюдением строгих филологических требований (там же, с. 69). А. А. Зимин вообще был лишен того археографического пуризма, следствием которого является неперемное стремление удовлетворять в одном издании требования и историков и лингвистов. Особенно активно он возражал против усложненных правил транскрипции в издании рукописей XVI в. и более поздних, утверждая, что «историкам они не нужны, а для филологов — все равно недостаточны» (Буганов В. И., Зимин А. А. О некоторых задачах специальных исторических дисциплин..., с. 123), не соглашаясь поэтому с правилами издания «Актов Русского государства 1505—1526 гг.» и последующих томов новой серии сборников актов, хотя и вошел в состав редакционной коллегии.

¹⁵ Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. — Проблемы источниковедения, М., 1958, в. VI, с. 276.

неполноту публикации Судебника 1589 г. (исключение Судебника 1550 г., предшествовавшего тексту дополнения в краткой редакции), и попытку выяснить взаимоотношения сохранившихся списков Судебника 1550 г. в отрыве от анализа как следующих за ними списков дополнительных статей, так и сборников, включающих все эти списки,¹⁶ и выбор за основу публикации Судебника 1550 г. списка, который, по мнению А. А. Зимина, отражает дефектный текст,¹⁷ и ошибки при описании списков, а также при передаче текстов, и предложенную схему взаимоотношений между краткой и пространной редакциями Судебника 1589 г.¹⁸

Нетрудно заметить, что требования, предъявляемые А. А. Зиминим к оцениваемым им публикациям, основываются на необходимости полного знания и привлечения всего рукописного материала, относящегося к издаваемым источникам, и обязательности источниковедческого, в частности текстологического, предварительного их изучения. Сам А. А. Зимин рецензировал обычно те публикации, относительно которых он мог высказать суждения, опирающиеся на его глубокое знакомство с издаваемыми рукописями и самими источниками. Именно потому даже на заре его научной деятельности А. А. Зимину удавалось выявлять «многочисленные ошибки археографического характера», как это было, например, с первым изданием «Хождения за три моря Афанасия Никитина» в серии «Литературных памятников».¹⁹

С подведением источниковедческой базы под всякую практическую археографическую работу связаны взгляды А. А. Зимина на передачу текста посредством реконструкции исторического источника. Необходимость издания реконструкций А. А. Зимин обосновывает тем, что значительная «часть повествовательных источников древней Руси дошла до нас не в подлиннике, а в позднейших списках, составители которых приносили от себя в тексты те или иные исправления, а подчас и просто искажения». Конечно, «реконструкция отнюдь не всегда означает освобождение текста от ошибок», поскольку часто «составитель доку-

¹⁶ Зимин А. А. Рец. на кн.: Судебники XV—XVI веков. М.—Л., 1952. — Вопросы истории, 1953, № 3, с. 115—116.

¹⁷ ПРП, в. 4, с. 232. — В основу подготовленной самим А. А. Зиминим публикации Судебника 1550 г. положен другой список, по его мнению, «наиболее близкий по времени к первоначальному списку Судебника» (там же, с. 232—261).

¹⁸ Зимин А. А. Рец. на кн.: Судебники XV—XVI веков, с. 115—117. — Свое представление о последовательности двух редакций Судебника 1589 г. А. А. Зимин обосновал дополнительно в специальной статье. В ней, как и в рецензии, он поддерживает мнение А. И. Андреева о том, что краткая редакция появилась вследствие извлечения текста Судебника 1550 г. из пространной редакции памятника (см.: Зимин А. А. К изучению русских законодательных памятников конца XVI—начала XVII в. — В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. Сборник статей. М., 1978, с. 221—227).

¹⁹ Зимин А. А. Рец. на кн.: Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг. М.—Л., 1948. — Вопросы истории, 1949, № 7, с. 140—143.

мента уже сам допустил ошибки, которые, следовательно, могут восходить к авторскому тексту».²⁰

Обобщая опыт реконструкции памятников прошлого, накопившийся в результате кропотливой работы советских историков и литературоведов, А. А. Зимин классифицировал публикации реконструированных текстов, произвел обзор изданных уже реконструкций и предложил для обсуждения ряд принципов научной реконструкции.

По мнению А. А. Зимина, допустимо несколько видов реконструкции при передаче текста. Во-первых, это «полная реконструкция», т. е. «восстановление не сохранившегося в подлиннике текста памятника»; во-вторых, «первичная реконструкция», являющаяся восстановлением «одной или нескольких поздних редакций памятника или даже списков»; в-третьих, «реставрация» — «восстановление несохранившихся частей текста, отсутствующих вследствие повреждения подлинника или публикуемого списка»; наконец, в-четвертых, «элементы реконструкции», т. е. «освобождение отдельных частей текста памятника от позднейших напластований и искажений».²¹

Для того чтобы издатели при реконструкции не сохранившихся в подлиннике текстов не подходили субъективно к отбору вариантов, замене ими основных чтений, А. А. Зимин «в самой общей форме» предложил основные методические принципы, которыми следует руководствоваться при подготовке таких публикаций. Прежде всего необходимо «основываться на большой предварительной работе по изучению всех сохранившихся списков памятника и материалов, генетически с ним связанных (источники, литературно-историческая среда памятника и его отражение в позднейшей документации)», сводящейся к анализу «содержания и формы рукописной традиции», а также к установлению «генеалогической связи сохранившихся рукописных текстов», в частности выявлению «редакций, видов и изводов». Восстановление архетипа памятника зависит «от полноты выявления рукописного материала» и «тщательности источниковедческого анализа», в результате чего производятся «выбор текста-основы реконструкции и отбор вспомогательных списков, которые должны представлять все редакции, непосредственно восходящие к реконструируемому протографу». Совершенно необходимы «строгая научная аргументация в научно-справочном аппарате каждого исправления и дополнения текста-основы и выделение этих исправлений и дополнений в тексте публикации (лучше всего курсивом)».²²

В решительный спор о реконструкциях с А. А. Зиминим вступил Д. С. Лихачев.²³ Однако А. А. Зимин, судя по его работам,

²⁰ Зимин А. А. О приемах научной реконструкции исторических источников X—XVII вв. — Истор. архив, 1956, № 6, с. 133.

²¹ Там же, с. 134.

²² Там же, с. 143.

²³ Д. С. Лихачев указал, в частности, на «принципиальное и очень

уточнив отдельные формулировки и терминологию, остался при своем прежнем мнении и в теоретическом, и в практическом аспектах. Во всяком случае в 1980 г., намечая (совместно с В. И. Бугановым) основные задачи археографии, он указывает на необходимость издания «реконструкций несохранившихся летописных сводов применительно к летописанию XIV—XV вв.», создания свода «реконструкций памятников русского летописания XIV—XV вв.». Важность этой работы определяется тем, что без нее «невозможно представить себе, в какой мере гипотетические своды опираются на реальные тексты». Пользоваться этими реконструкциями в повседневной работе можно было бы «с соответствующими оговорками и ссылками на исследования, подкрепляющие гипотезу о существовании того или иного свода». Кроме издания реконструкций летописных сводов, А. А. Зимин считает необходимым публикацию реконструкций актов, повестей, сказаний и других памятников.²⁴

А. А. Зимин и сам активно участвовал в издании реконструкций. Укажем, в частности, на опубликование им реконструкций архетипа «Пространной Правды»²⁵ и «Задонщины».²⁶

Вообще задачи, которые ставил А. А. Зимин в связи с развитием археографии, тесно соотнесены с повседневной практикой и всегда отражали насущные и практически осуществимые нужды нашей науки. Приведу два примера. В 1950 г. он писал о том, что «назрела необходимость переиздания как „Истории“ Татищева, с критической сверкой различных ее редакций, так и ... других, не менее важных материалов рукописного наследия этого выдающегося русского историка».²⁷ Сейчас, как известно, обе эти задачи блестяще решены. В 1953 г. А. А. Зимин выразил желание, чтобы начатая изданием судебных книг XV—XVI вв. серия «Законодательных памятников Русского централизованного государства XV—XVII вв.» была «продолжена публикацией дополнительных указов и указных книг XVI—XVII вв.».²⁸ В то время в Ленинградском отделении Института истории уже приступили

резкое различие» между «критическим изданием текста и его реконструкцией», поскольку «реконструкции всегда связаны с тем или иным исследователем, их создавшим». В отличие от текста критического издания памятника, всегда являющегося реальностью, текст реконструкции — «всегда гипотеза». «Опасность реконструкций», если ими заменяются критические издания источников, писал Д. С. Лихачев, «заключается в том, что, вступив на этот путь, мы не только не будем иметь изданий достоверных текстов, но и сколько-нибудь стабильных» (Лихачев Д. С. К вопросу о реконструкциях древнерусских текстов. — Истор. архив, 1957, № 6, с. 154—166).

²⁴ Буганов В. И., Зимин А. А. О некоторых задачах специальных исторических дисциплин... с. 121.

²⁵ ПРП, М., 1952, в. 1, с. 108—120, 189—196.

²⁶ Зимин А. А. Задонщина (Опыт реконструкции текста Пространной редакции), с. 216—239; Задонщина. Древнерусская песня-повесть о Куликовской битве.

²⁷ Зимин А. А. Рец. на кн.: Исторический архив, т. IV. М.—Л., 1949. — Вопросы истории, 1950, № 2, с. 126.

²⁸ Зимин А. А. Рец. на кн.: Судебники XV—XVI веков, с. 117.

к работе над очередным томом серии, но она по ряду причин прерывалась. Несколько лет назад подготовка «Законодательных актов Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII в.» была завершена, и публикация ждет своего издания.

Развитие науки выдвигает перед археографией новые задачи, и А. А. Зимин совместно с В. И. Бугановым сформулировали их в 1980 г. Помимо уже отмеченных, это, во-первых, необходимость «произвести учет всего того, что издано, а также учет неопубликованных материалов» и на основе этого «издать то, что не издано или издано на низком археографическом уровне в XVIII—XIX вв.», прежде всего ряд летописей, некоторые произведения публицистического, повествовательного характера, неопубликованные акты XIV—XV вв., акты XVI—XVII вв., Литовскую метрику, Псковскую и Новгородскую судные грамоты, писцовые книги, оставшиеся неопубликованными разрядные книги, документы русских приказов XVI—начала XVII в., материалы Земского собора 1566 г., поручные записи, соборные грамоты 1580 и 1584 гг., материалы посольских книг, договоры России с иностранными державами за XIV—XVI вв., важнейшие сказания иностранцев о России.²⁹ Во-вторых, ставится задача разрешить сложные вопросы в области методики археографии. А. А. Зимину представляется, в частности, что «для XVI в. пользоваться регестами нет надобности, поскольку источников, еще не изданных, не так уж много». Что же касается научных правил изданий, то на основе накопленного опыта, который необходимо обобщить, авторы статьи призывают выработать их, включая и выбор типа комментария, с учетом разных видов источников, эпох, регионов.³⁰

Большое место в творческом наследии А. А. Зимина занимает *текстология*, специальная дисциплина, предмет которой, согласно его представлениям, — сопоставление источников, имеющих сходные тексты.³¹ Помимо решения задач, связанных с изданием источников, текстологическое их изучение в трудах А. А. Зимина, как и в работах других советских исследователей, призвано решать и более общие источниковедческие задачи.

Несмотря на то что текстология сформировалась и получила наибольшее развитие при изучении памятников древнерусской литературы, первое опубликованное А. А. Зиминим текстологическое исследование посвящено памятнику права — Русской Правде. А. А. Зимину принадлежит ряд текстологических изысканий по этому законодательному кодексу, в частности, он обнаружил и опубликовал новые списки Русской Правды, реконструировал архетип Пространной Правды, высказал ряд критических замечаний по работам своих предшественников.³² Текстоло-

²⁹ Буганов В. И., Зимин А. А. О некоторых задачах специальных исторических дисциплин..., с. 120—123.

³⁰ Там же, с. 123.

³¹ Там же, с. 125.

³² См.: ПРП, в. 1, с. 189—196; Зимин А. А. 1) Рец. на кн.: Юш-

гия Краткой Правды, Пространной Правды и Сокращенной Правды занимает большое место и в еще не опубликованной монографии «Правда Русская», целиком посвященной исследованию этого памятника.³³

Ряд работ А. А. Зимина связан с текстологическим изучением летописей.³⁴ К ним примыкает комплекс исследований по текстологии «Задонщины» и «Слова о полку Игореве».³⁵ Последние вызвали острую дискуссию и резкие критические выступления в связи с датированием А. А. Зиминным «Слова» второй половиной XVIII в.³⁶ Наконец, много внимания уделил А. А. Зимин

ков С. В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950. — Советская книга, 1950, № 8, с. 73—76; 2) Новые списки Русской Правды. — Археограф. ежегодник за 1958 г., М., 1960, с. 323—330; 3) К истории текста Краткой редакции Русской Правды. — Труды Моск. гос. историко-архивного ин-та, 1954, т. 7, с. 155—208; 4) Из историографии советского источниковедения («Русская Правда» в трудах С. В. Юшкова). — В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии: к 75-летию акад. М. В. Нечкиной. М., 1976, с. 275—282.

³³ См.: К а ш т а н о в С. М. Александр Александрович Зимин..., с. 154; К о б р и н В. Б. Александр Александрович Зимин..., с. 296; Список печатных трудов А. А. Зимина, с. 284.

³⁴ З и м и н А. А., Н а с о н о в А. Н. О так называемом Троицком списке Новгородской первой летописи, с. 89—91; З и м и н А. А. 1) «Летописец начала царства» — памятник официальной политической идеологии середины XVI в. — Докл. и сообщ. Ин-та истории АН СССР, 1956, в. 10, с. 78—88; 2) К изучению источников Степенной книги. — ТОДРЛ, М.—Л., 1957, т. 13, с. 225—230; 3) Летописи и хронографы XV—XVI вв. М., 1960. — См. также: З и м и н А. А. Краткое и пространное собрание ханских ярлыков, выданных русским митрополитам. — Археограф. ежегодник за 1961 г., М., 1962, с. 28—40.

³⁵ З и м и н А. А. 1) Две редакции Задонщины. — Труды Моск. гос. историко-архивного ин-та, 1966, т. 24, с. 17—54; 2) К вопросу о тюркизмах «Слова о полку Игореве». — В кн.: Исторический сборник. Уч. зап. Научно-исслед. ин-та языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР, Чебоксары, 1966, в. 31, с. 138—155; 3) Приписка к Псковскому апостолу 1307 г. и «Слово о полку Игореве». — Русская литература, 1966, № 2, с. 60—74; 4) Когда было написано «Слово»? — Вопросы литературы, 1967, № 3, с. 135—152; 5) Спорные вопросы текстологии «Задонщины». — Русская литература, 1967, № 1, с. 84—104; 6) Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве». — История СССР, 1968, № 6, с. 43—64; 7) «Слово о полку Игореве» и восточнославянский фольклор. — В кн.: Исторические связи в славянском фольклоре. Материалы и исследования. Русский фольклор. М.—Л., 1968, т. 11, с. 212—224; 8) Сказание о Мамаевом побоище и «Задонщина». — Археограф. ежегодник за 1967 г., М., 1969, с. 41—58; 9) Текстология Пространной Задонщины. — Уч. зап. Научно-исслед. ин-та языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР, Чебоксары, 1969, в. 47, с. 91—111; 10) Из текстологии Кирилло-Белозерского списка «Задонщины». — Вспомогат. истор. дисциплины, III. Л., 1970, с. 233—249.

³⁶ См.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966; Л и х а ч е в Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978; Р ы б а к о в Б. А. 1) «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971; 2) Русские летописи и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972; П р и й м а Ф. И. О гипотезе А. А. Зимина. — Русская литература, 1966, № 2; К у з ь м и н А. Г. 1) Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» (по поводу статьи А. А. Зимина). — Вопросы истории, 1968, № 6; 2) «Слово

текстологии памятников общественной мысли — сочинений Максима Грека, Вассиана Патрикеева, Ермолая-Еразма, Ивана Пересветова, Андрея Курбского.³⁷

Деятельность А. А. Зимина как текстолога протекала в русле, проложенном А. А. Шахматовым, и в главном была близка школе, сформировавшейся в Секторе древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР, с сотрудниками которого его связывали совместные археографические и текстологические работы (Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье), в печатном органе которого — «Трудах» — он много печатался. Это не исключало, конечно, и полемики по ряду конкретных текстологических проблем, порой весьма острой (по вопросу о «Слове о полку Игореве» и «Задонщине»).

Как и в археографической работе, А. А. Зимин в процессе текстологических изысканий придерживался сложившегося в нашей археографической практике и теории принципа исчерпывающего «привлечения всей рукописной традиции». Он был убежден, что «выяснить... первоначальный авторский текст и поставить вопрос если не об авторе, то о среде, в которой он был создан», возможно «только» в результате выяснения «литературной судьбы произведения, отраженной в дошедших до нас конкретных рукописях». А. А. Зимина радовало, что это постепенно «становится общепризнанным»,³⁸ и огорчали случаи отхода от завоеванных теорией и практикой текстологии позиций, результатом чего являлись его критические выступления в научной печати.

Оставаясь в своей собственной работе в рамках традиционной текстологии, А. А. Зимин в то же время осознавал необходимость «искать новые пути и методы», в частности, считал плодотворным применение математических методов. Так, он поддерживал изучение вариантов в источниках, имевших длительное бытование в рукописной традиции, и стиля произведений древнерусской письменности под углом зрения проблемы частотности, указав на необходимость в этой связи «осуществить подготовку частотных словарей отдельных произведений, авторов для различных веков, по отдельным жанрам и т. д.». Математические ме-

о полку Игореве» о начале Русской земли. — Вопросы истории, 1969, № 5. — О дискуссии в связи с обсуждением концепции А. А. Зимина см.: Советская историография Киевской Руси. Л., 1978, с. 247—248.

³⁷ Зимин А. А. 1) И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, с. 115—128, 243—299; 2) Источниковедческие проблемы раннего нестяжательства. — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения. Казань, 1974, с. 87—103; 3) Первое послание Курбского Ивану Грозному. (Текстологические проблемы). — ТОДРЛ, Л., 1976, т. XXXI, с. 176—201; 4) Первое послание Курбского Ивану Грозному и Василий Шибанов. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976, с. 142—147.

³⁸ Зимин А. А. О методике изучения повествовательных источников XVI в. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. М., 1973, в. 1, с. 211. (Разрядка наша. — В. П.).

тоды необходимы, по мнению А. А. Зимина, и при анализе «всех вариантов различных рукописей», а не только бесспорных случаев. Кроме того, в связи с исследованием конъектур он обратил внимание на неизученность типа и «характера описок и ошибок» в разное время, что тоже требует внимания исследователей.³⁹

В области *летописеведения*, кроме тех трудов А. А. Зимина, которые отмечены выше (по летописной археографии и текстологии), представляют большой интерес работы, формулирующие общие его воззрения на методiku летописного источниковедения. В этой связи А. А. Зимин рассмотрел методiku, разработанную А. А. Шахматовым, отметив его основополагающую роль в развитии источниковедения вообще и летописеведения в частности. Вместе с тем А. А. Зимин указал и на те предпосылки в шахматовской методике, которые, как ему представлялось, могут вести к некоторым просчетам.

А. А. Зимин придерживался прочно утвердившегося в нашей науке (хотя и оспариваемого изредка авторами некоторых работ) взгляда, что «Шахматовым была создана по существу новая методика источниковедения», оказавшая «огромное плодотворное влияние на развитие советского источниковедения» и с успехом применявшаяся при исследовании не только летописей, но и памятников публицистики и законодательства.⁴⁰

А. А. Зимин особо подчеркивает значение исходной шахматовской позиции — привлечение к исследованию всех известных в то время летописных текстов и введение в научный оборот множества новых, вся совокупность которых кладется в основу построения гипотез. Для А. А. Зимина «главное в шахматовской методике» состоит в том, что у А. А. Шахматова «сама система фактов становилась одним из критериев выбора способов объяснения отдельных ее элементов», т. е. объяснение конкретного факта зависело «не только от него самого, а и от того, в какую систему он входил»: «... если большинство фактов объяснялось наиболее убедительно одной какой-нибудь гипотезой, то и в истолковании остальных фактов Шахматов опирался именно на эту гипотезу, хотя они могли быть объяснены (подчас даже лучше) и другими предположениями».

А. А. Зимин при этом тонко заметил, что такой прием, «имеющий только вероятностное значение, мог бы быть оправдан лишь при соблюдении хотя бы одного из двух условий: 1) необратимости сопоставлений, т. е. если из них вытекает лишь

³⁹ Буганов В. И., Зимин А. А. О некоторых задачах специальных исторических дисциплин..., с. 125—126. (Разрядка наша. — В. П.).

⁴⁰ Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси. — В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 431. — См. также замечание А. А. Зимина о том, что в книге В. Л. Янина показано, «сколько еще неиспользованных возможностей заложено в методе, разработанном А. А. Шахматовым» (Зимин А. А. Рец. на кн.: В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962. — Советская археология, 1963, № 3, с. 272).

единственно возможный вывод о соотношении источников; 2) если в распоряжении исследователя множество наблюдений, каждое из которых имеет объяснение (вероятностное, но обязательное) через генерализирующую гипотезу». ⁴¹

Отметил А. А. Зимин и то важное обстоятельство, что А. А. Шахматову «было тесно в рамках» основного для него «чисто логического» (или логически-смыслового) «подхода к памятникам». Отсюда применяемые Шахматовым «другие приемы исследования» (сопоставление хронологических данных, лингвистическая интерпретация и т. п.), отсюда же — попытка определить «политическую направленность деятельности летописцев». ⁴²

К середине 60-х гг. А. А. Зимин пришел к выводу, что «чисто логическое источниковедение не всегда дает достаточно объективную и прочную базу исследования», поскольку «чревато двумя серьезными недочетами: модернизацией мышления древнерусского писателя и субъективизмом исследователя». Модернизация мышления выражалась в том, что «Шахматов создавал свою схему древнерусского летописания, в значительной степени исходя из представлений человека конца XIX—начала XX в. о логике исторического повествования», а «субъективизм интерпретации текста» — в субъективном понимании каждого отдельного летописного рассказа как основы признания того или иного отрывка позднейшей вставкой. ⁴³

Пути преодоления недочетов шахматовского метода А. А. Зимин видел в отказе от построения истории летописания «в рамках одной только чисто логической системы». Необходимы «разные планы (или, условно говоря, «системы») анализа» — исследование «идейного смысла летописных сводов», «тщательное рассмотрение... чисто литературных приемов изложения» (жанровых особенностей, стилистики, образных средств), «изменения...

⁴¹ Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси, с. 432. (Разрядка наша. — В. П.). — Игнорирование этого последнего обстоятельства приводило, по мнению А. А. Зимина, к разного рода «романтическим» интерпретациям «хода летописного дела». Опираясь «всею несколькими фактами», они «создают гипотезу, при помощи которой... стремятся разъяснить темные свидетельства других источников». Но «если фактов недостаточно, то, как правило, построить можно не одну, а несколько систем их объяснения, отсюда любая из них будет лишена того определяющего значения, которое она имела в работах Шахматова» (там же).

⁴² Там же, с. 435.

⁴³ Там же, с. 433—434. — К сожалению, А. А. Зимин не разобрал конкретных примеров модернизации мышления и субъективизма, подтверждающих мысль об ограниченности самого метода А. А. Шахматова. Более того, он упоминает о субъективной интерпретации текстов в работах Г. М. Бараца, замечая, что «с подобным субъективистским подходом метод Шахматова по самой своей сути уже ничего общего не имел» (там же, с. 434—435). Поэтому нам представляется недостаточно аргументированной мысль А. А. Зимина о недочетах метода. Быть может, правильнее говорить о недочетах и ошибках при практическом его применении, в том числе иногда и в работах самого А. А. Шахматова?

языковых особенностей, смены хронологических стилей». ⁴⁴ Это стало возможно в результате установившегося в советской науке творческого содружества филологов и историков, широкого использования «как филологических, так и исторических методов» исследования летописей. ⁴⁵

Однако А. А. Зимина чрезвычайно тревожили отдельные факты отступлений от завоеванных позиций в изучении русского летописания. Эта тенденция особенно рельефно проявилась в трудах А. Г. Кузьмина. В них содержится развернутая критика «методики изучения древнерусского летописания, разработанной советскими филологами и историками», «методики и результатов» работ А. А. Шахматова, вошедших «прочно в золотой фонд достижений отечественной науки», искусственно противопоставляется «историческое» направление «филологическому», охарактеризованному как «скептическое» или «формальное». ⁴⁶ Поэтому А. А. Зимин, как и ряд других наших крупнейших ученых (Д. С. Лихачев, Л. В. Черепнин, В. Л. Янин, Я. С. Лурье), ⁴⁷ счел своим долгом выступить против воскрешения давно и заслуженно забытых приемов работы, против такого подхода «к изучению русских летописей, который тянет нашу науку назад» и «должен быть решительно отброшен». ⁴⁸

Главный дефект построений А. Г. Кузьмина А. А. Зимин видит в его решительной борьбе «с текстологией как основой методики летописного источниковедения» «под флагом „дополнения“ Шахматова безнадежно устарелыми приемами работы его предшественников (П. М. Строева, К. Н. Бестужева-Рюмина и др.)», усматривавших «в летописях не исторически развившиеся своды, а сумму отдельных повестей и сказаний». ⁴⁹ Следствием этого было «широкое использование при изучении древнерусского летописания позднейших памятников» без предварительного всестороннего рассмотрения вопроса «о времени сложения памятника», без попытки выявления особенностей отражения прошлого в таких поздних источниках. Другим следствием подхода А. Г. Кузьмина к изучению летописей явился «примат „исторических методов“ исследования летописей над „текстологией“». А. А. Зимин показал, что на деле это вело к полному отказу от текстологии и замене реконструкции текстов реконструкцией

⁴⁴ Там же, с. 437.

⁴⁵ Зимин А. А. О методике изучения древнерусского летописания. — Изв. АН СССР, серия литературы и языка, 1974, т. XXXIII, № 5, с. 454.

⁴⁶ Там же, с. 454—455.

⁴⁷ См.: Лихачев Д. С. Можно ли включать «Историю Российскую» Татищева в историю русской литературы? — Русская литература, 1971, № 1; Черепнин Л. В. Спорные вопросы изучения начальной летописи в 50—70-х годах. — История СССР, 1972, № 4; Лихачев Д. С., Янин В. Л., Лурье Я. С. Подлинные и мнимые вопросы изучения русских летописей. — Вопросы истории, 1973, № 8.

⁴⁸ Зимин А. А. О методике изучения древнерусского летописания, с. 464.

⁴⁹ Там же, с. 455.

идей,⁵⁰ созданию «летописи без летописных текстов»,⁵¹ априоризму и субъективному подходу.⁵²

А. А. Зимин выявил и «тот комплекс идей, с позиций которых А. Г. Кузьмин пытается дать свою интерпретацию истории русского летописания»: «все дело сводится к церковно-национальному представлению о судьбах Древней Руси». При этом показано, что А. Г. Кузьмин «равнодушен к попыткам понять классовую и политическую сущность летописания».⁵³

В результате критического рассмотрения попыток ревизии сложившихся в отечественной науке методов летописеведения А. А. Зимин приходит к обоснованному выводу о несостоятельности таких попыток. Магистральный же путь летописного источниковедения справедливо связывается им «с дальнейшим развитием той методики, которая с успехом применяется в трудах советских литературоведов и историков и выработана в результате их совместных усилий».⁵⁴

Много сделано А. А. Зиминим и в области *дипломатики*. Его интересовали все разделы и аспекты актового источниковедения, выражением чего является читанный им в Историко-архивном институте и сохранившийся в рукописном виде курс лекций по русской дипломатике,⁵⁵ однако наибольшее число работ по этой проблематике посвящено выявлению подлинности актов и их датировке. Впрочем, занимался А. А. Зимин и формулярным анализом, в частности, жалованных грамот Иосифо-Волоколамскому монастырю.⁵⁶

Уже в ранней работе А. А. Зимина, в которой дипломатическому анализу подверглись княжеские духовные грамоты начала XVI в. (Ивана Борисовича Рузского, Федора Борисовича Волоцкого, Дмитрия Борисовича Углицкого и двух несохранившихся завещаний Василия III), обнаруживается особый подход к источнику, нашедший развитие в последующих его трудах. В противоположность предшественникам, «которые основывали свои соображения об авторе, времени, месте написания того или иного завещания великого или удельного князя» главным образом на данных «Собрания государственных грамот и договоров», лишь «изредка внося в них известные коррективы», изучали «грамоты

⁵⁰ Там же, с. 457—458. — В другой связи А. А. Зимин писал, что нельзя «устанавливать взаимосвязь памятников только на основании одного сопоставления идей (отсюда датировать их) без текстологического сопоставления» (Зимин А. А. О методике изучения повествовательных источников XVI в., с. 189).

⁵¹ Зимин А. А. О методике изучения древнерусского летописания, с. 460.

⁵² Там же, с. 462.

⁵³ Там же, с. 462—463.

⁵⁴ Там же, с. 464.

⁵⁵ См.: Каштанов С. М. Александр Александрович Зимин..., с. 156.

⁵⁶ Зимин А. А. О дипломатике жалованных грамот Иосифо-Волоколамскому монастырю XVI в. — В кн.: Актовое источниковедение. М., 1979, с. 164—178.

суммарно» либо «выборочно»,⁵⁷ А. А. Зимин на основе детального их исследования по подлинникам и во всей совокупности дает анализ этих актов «как документов, характеризующих напряженную борьбу за укрепление русского централизованного государства».⁵⁸

Работы А. А. Зимина, в которых отвергается или ставится под сомнение подлинность ряда актов, основываются на применении разнообразных методов выявления актов подделок. Палеографические наблюдения, данные сфрагистики, терминологический анализ, анализ формуляра, текстологическое изучение, установление времени составления сборников, содержащих грамоты, выяснение соответствия и несоответствия содержания документа той исторической обстановке, о которой идет речь, выявление хронологических ошибок, анахронизмов — вот неполный перечень тех приемов и методов, которыми оперировал автор.

В результате А. А. Зимину удалось либо выявить ряд подложных актов, либо предложить убедительные обоснования в тех случаях, когда факт подложности уже был установлен его предшественниками, но аргументация их кем-то была поставлена под сомнение, либо предложить другие их датировки.

Так, в отличие от предшественников, датировавших уставную грамоту князя Всеволода Мстиславича 30-ми годами XII в. (были предложены различные даты в пределах этого десятилетия), А. А. Зимин пришел к выводу, что она в дошедшей до нас редакции была составлена в самом конце XIV—начале XV в. Анализ текста грамоты не позволил ему выделить первоначальный текст XII в., который позднее был переработан: «Весь памятник настолько пронизан чертами исторической действительности XIV—начала XV в., что говорить о подлинной грамоте кн. Всеволода, положенной в его основу, не приходится». Выявил А. А. Зимин и источник исторических материалов, содержащихся в акте (Новгородская I летопись), а также связал ее изготовление с судебной реформой в Новгороде.⁵⁹

Рассматривая актовые подделки Троице-Сергиева монастыря, относительно подложности (или интерполированности) которых были высказаны справедливые мнения и прежде (жалованная грамота Дмитрия Ивановича Донского, грамота на село Сватково и другие владения Переяславского уезда, жалованная грамота князя Василия II на село Шухоболово), А. А. Зимин обосновал

⁵⁷ Зимин А. А. Княжеские духовные грамоты начала XVI в. — Истор. записки, 1948, т. 27, с. 266.

⁵⁸ Там же, с. 268.

⁵⁹ Зимин А. А. Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича. — В кн.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952, с. 123—131. — В. Л. Янин, признавая убедительность аргументации А. А. Зимина против датировки грамоты первой половиной XII в., обосновывает иную, отличающуюся от предложенной А. А. Зиминим датировку — не позднее рубежа XIII—XIV вв. (Янин В. Л. К хронологии «Торгового устава» князя Всеволода. — Археограф. ежегодник за 1976 г., М., 1977, с. 63—68).

другие даты их изготовления (80-е гг. XVI в.) и указал на цель фальшивок — воспрепятствовать практической реализации отмены тарханов.⁶⁰ А. А. Зимин поддержал также мнение С. Н. Валка о подложности данной Савы Сюзева и данной посадника Ивана Фомина, приведя дополнительные аргументы в пользу этой точки зрения, и указал на подложность данной Митрофана Изинского.⁶¹

При выявлении поддельных актов, помимо использования специальных технических приемов из арсенала дипломатики и других вспомогательных исторических дисциплин, А. А. Зимин обращает пристальное внимание на выяснение классовых побуждений, «которыми руководствовались составители поддельных актов». Он показал, например, что правильно решенная проблема, связанная с фальсификацией актового материала, «позволяет уяснить некоторые из форм стяжательской деятельности крупных монастырей-вотчинников, пытавшихся путем подделки документов закрепить за собой захваченные у крестьян земли», а также и побуждения светских феодалов, пытавшихся «при помощи подделок похолопить свободных людей».⁶²

Важной стороной дипломатического анализа, пограничной с исторической хронологией, является датирование актов. В частности, А. А. Зимин провел с этой целью исследование более десяти договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. и в результате уточнил их датировки, вследствие чего ему удалось внести ряд корректив в освещение некоторых событий политической истории Руси.⁶³ Аналогичная работа была предпринята в отношении 54 духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв.⁶⁴

Вместе с тем, сопоставляя свой опыт датировки актов с опытом издателя «Духовных и договорных грамот великих и удельных князей» Л. В. Черепнина, А. А. Зимин сформулировал некоторые методические приемы, несоблюдение которых может, по его мнению, привести к фактическим ошибкам. Прежде всего «датировки недатированных актов должны основываться в первую оче-

⁶⁰ Зимин А. А. Актовые подделки Троице-Сергиева монастыря. — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961, с. 247—251.

⁶¹ Зимин А. А. К изучению фальсификаций актового материала в Русском государстве XVI—XVII вв. — Труды Моск. гос. историко-архивного ин-та. Вопросы источниковедения истории СССР. М., 1963, т. 17, с. 393—428. — См. также соображения А. А. Зимина о подложном ярлыке хана Узбека (Зимин А. А. Краткие и пространные собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам, с. 28—40).

⁶² Зимин А. А. К изучению фальсификаций актового материала в Русском государстве XVI—XVII в., с. 399—400.

⁶³ Зимин А. А. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. — Проблемы источниковедения, М., 1956, в. V, с. 300—327.

⁶⁴ Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. — Проблемы источниковедения, М., 1958, в. VI, с. 275—321.

редь на фактах, хотя и мелких, но твердо установленных хронологически», а «гипотезы общего характера не могут быть положены в основу точных датировок». Если же точная датировка невозможна, то «следует прежде всего установить хронологические рамки», во время которых акт мог быть написан, «и уже затем связывать составление документа с тем или иным конкретным событием». А. А. Зимин признает, что «эти рамки ограничивают иногда весьма широкий отрезок, но зато более точно определяют хронологию акта, чем их дальнейшее весьма проблематичное сужение». Если это обстоятельство «не вполне учтено», то «читателю предлагается . . . лишь гипотетическая датировка той или иной грамоты», а это «может породить у него впечатление о том, что датировка ряда опубликованных документов уже окончательно установлена, тогда как на самом деле дальнейшее уточнение хронологии . . . совершенно необходимо».⁶⁵

А. А. Зимину принадлежал и опыт классификации актового материала. Им выделены следующие группы актов.

А. Акты о социально-экономических отношениях.

1. Акты феодального землевладения: а) акты, характеризующие борьбу феодалов за землю (данные, меновные, купчие, межевые и др.); б) акты, фиксирующие феодально-имущественные права землевладельца (жалованные грамоты несудимые, тарханские и льготные).

2. Акты, характеризующие вассальные отношения феодалов (княжеские договорные грамоты, шертные грамоты татарских ханов, присяжные, складные, поручные грамоты).

3. Акты, относящиеся к истории феодального хозяйства, крестьянства и холопства (духовные грамоты, крестьянские порядные, полные, докладные, кабалы служилые, грамоты ввозные и послушные).

4. Акты о феодальном ремесле и торговле XV—XVII вв. (данные, льготные, тарханские на городские дворы и слободы).

5. Акты историко-бытовые (рядные, сговорные и роспускные о заключении и расторжении брака).

Б. Акты внутренней и внешней политики.

1. Княжеские духовные и договорные грамоты.

2. Акты, характеризующие внутреннюю политику, управление и суд: а) уставные наместничьи грамоты и доходные списки, грамоты в «кормление»; б) акты судебно-процессуального характера (судные списки, правые и бессудные грамоты); в) акты церковно-административного управления.

3. Акты внешнеполитического характера.⁶⁶

⁶⁵ Там же, с. 321.

⁶⁶ Классификация актов, предложенная А. А. Зиминим, входит в составленную им программу курса «Русская историческая дипломатика феодальной эпохи» для Историко-архивного института. Со ссылкой на А. А. Зимина эту часть программы опубликовал Л. В. Черепнин (Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Часть вторая. М., 1951, с. 62).

Как видим, А. А. Зимин считал единственно правильным принципом классификации актов учет их содержания и рассматривал историко-правовую структуру акта в качестве дополнительного фактора. Эта точка зрения дала ему основание утверждать, что при издании грамот Великого Новгорода и Пскова имели место «пережитки формально-юридического подхода», проявившиеся в классификации актов. В ее основу, как представлялось А. А. Зимину, необходимо было положить «не столько форму, сколько их содержание», и тогда «отчетливо обрисовались бы два основных раздела: акты социально-экономические и акты внешней и внутренней политики Великого Новгорода».⁶⁷

Занимаясь изданием и исследованием актов, А. А. Зимин пришел к ряду выводов о современном состоянии актоведения, успехах и пробелах в развитии дипломатики, о методике исследования актов, решенных задачах и задачах, ждущих еще решения.

Успехи дипломатики в послевоенный период, как показано А. А. Зиминим, достигнуты благодаря трудам С. Н. Валка, М. Н. Тихомирова и особенно Л. В. Черепнина, предложившего «новые пути исследования таких видов актов, как жалованные и правые грамоты», связавшего их изучение «с проблемами социально-экономической и политической истории страны» и давшего «сильный толчок последующему новому подъему дипломатики». Эстафету подхватили исследователи нового поколения и прежде всего С. М. Каштанов, который, наметив «широкие перспективы изучения актового материала в целом», особое внимание уделил жалованным и указным грамотам, разработал «приемы формулярного (текстологического) анализа» этого вида актов, что позволило «показать складывание и развитие структуры жалованных грамот в связи со складыванием государственного аппарата и развитием его финансовой системы».⁶⁸

В то же время, несмотря на ряд положительных результатов, отмеченных А. А. Зиминим в области изучения «т. н. частных актов», разработка методики «исследования формуляра частно-правовых актов» представлялась ему отстающим участком дипломатики, следствием чего явилось отсутствие «достаточной четкости в анализе значения трудов А. С. Лаппо-Данилевского».⁶⁹

Но особенно волновало А. А. Зими́на воскрешение «элементов так называемого фактографического подхода» к актам, «когда исследователь ограничивается описанием и анализом отдельных источников вне связи с их судьбами», когда отдельные явления устанавливаются «на „примере“ того или иного акта». Поэтому в выработке методики «изучения отдельных грамот в тесной

⁶⁷ Зимин А. А. Рец. на кн.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 69.

⁶⁸ Буганов В. И., Зимин А. А. О некоторых задачах специальных исторических дисциплин... с. 127.

⁶⁹ Там же.

связи с развитием формуляра» А. А. Зимин видит одну «из важнейших источниковедческих задач».⁷⁰

В дискуссии с Н. Е. Носовым по поводу приемов изучения иммунитетных и уставных грамот XVI в. А. А. Зимин отстаивал ряд принципов, которыми, по его мнению, необходимо руководствоваться при исследовании актов вообще, данной их разновидности в частности. Отказ «от выборочного привлечения источников для иллюстрации того или иного положения» является первым и основным таким требованием. Отсюда встает задача всестороннего обследования архивных фондов и достижения исчерпывающей полноты при сборе источников.⁷¹ Второе требование состоит в том, чтобы установить, какая часть всей совокупности когда-то существовавших актов определенной разновидности сохранилась и привлечена для анализа, имеет ли исследователь дело «со случайным материалом или с основной группой источников».⁷² Если окажется, что «до нас дошел не случайный комплекс актовых источников, а основная масса» (в отношении земельных актов А. А. Зимин вслед за С. М. Каптановым именно к такому выводу пришел),⁷³ то тогда вступало в силу третье требование — проведение статистической обработки как актов определенной разновидности в целом, так и их отдельных элементов (клаузул),⁷⁴ т. е. применение собственно дипломатического (формулярного) метода анализа в тесной и органической связи со статистическими подсчетами, что дает возможность проследить соотношение между формой и содержанием актового материала, развитие актового формуляра «в исторической перспективе, в связи с политикой правительства, с учетом особенностей отдельных русских земель», в сопоставлении с реальным историческим процессом.⁷⁵

⁷⁰ Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси, с. 443.

⁷¹ Зимин А. А. О методике актового источниковедения в работах по истории местного управления России первой половины XVI в. — Вопросы архивоведения, 1962, № 1, с. 34. — А. А. Зимин призывал к созданию каталога всех дошедших актов XVI в. (Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси, с. 443) и сам занимался его составлением (см.: Зимин А. А. Хронологический перечень актов архива Суздальского Спасо-Ефимьева монастыря (1506—1612 гг.). — Археограф. ежегодник за 1962 г., М., 1963, с. 366—396).

⁷² Зимин А. А. О методике актового источниковедения..., с. 35, 38, 45.

⁷³ Там же, с. 35—36; Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси, с. 444.

⁷⁴ Зимин А. А. 1) О методике актового источниковедения..., с. 41; 2) Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси, с. 444.

⁷⁵ Зимин А. А. 1) Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси, с. 444; 2) О методике актового источниковедения..., с. 45. — Возражения Н. Е. Носова см.: Носов Н. Е. О статистическом методе в актовом источниковедении (По поводу статьи А. А. Зимина). — Вопросы архивоведения, 1962, № 4. См. также: Каптанов С. М. К проблеме местного управления в России первой половины XVI в. — История СССР, 1959, № 6; Носов Н. Е. «Новое» направление в актовом источниковедении. — Проблемы источниковедения, М., 1962, в. X.

Историческая генеалогия некоторое время отставала от насущных нужд исторической науки, а по мнению В. И. Буганова и А. А. Зимина, даже «прозябала». Лишь С. Б. Веселовский, «понимая ее огромные потенциальные возможности, накапливал материал, создавал росписи родов, писал этюды по истории боярских фамилий», почему и значение его трудов справедливо оценивается как непреходящее.⁷⁶ А. А. Зимин и был тем исследователем, который чрезвычайно высоко ценил вклад С. Б. Веселовского в развитие этой вспомогательной исторической дисциплины, первым продолжил его дело, приложив много усилий для возвращения генеалогии той роли, которую она должна играть при воссоздании политической истории, процесса складывания господствующего класса, истории государственных учреждений, истории феодального землевладения.

Собственно этим конкретным исследовательским задачам и подчинено подавляющее большинство отдельных генеалогических трудов А. А. Зимина, не говоря уже о том, что много генеалогических этюдов органически входит в ткань его монографий, в результате чего генеалогия становится средством и методом познания.

В самом деле, в специальном очерке, посвященном истории боярской фамилии Колычевых, А. А. Зимин показал, что их судьбы «в годы правления Ивана IV отразили важнейшие особенности московской политики того времени», и это обстоятельство позволяет «лучше понять сущность опричнины Ивана Грозного». Именно на примере Колычевых А. А. Зимин показал, что «в социально-экономической структуре России XVI в. сохранялись значительные черты обособленности таких земель, как Новгород, Старица и другие». Отсюда следовал его важный вывод, принципиально отличный от господствующих до этого взглядов на опричную политику: «...не пресловутая борьба дворянства с боярством, а искоренение пережитков феодальной раздробленности, стремление окончательно подчинить Великий Новгород и разгромить Старицу составляло основной нерв политической истории России времен опричнины».⁷⁷

Генеалогические изыскания, связанные с суздальскими и ростовскими князьями, привели А. А. Зимина к выводам о сравнительно позднем их включении в Боярскую думу (начиная с 1509—1512 гг.) и усилении в ее составе (во второй половине княжения Василия III), о их роли в руководстве армией и в местном управлении, о постепенном укреплении политических позиций в стране суздальских и ростовских княжат с благословения самого же правительства.⁷⁸

⁷⁶ Буганов В. И., Зимин А. А. О некоторых задачах специальных исторических дисциплин..., с. 128.

⁷⁷ Зимин А. А. Колычевы и русское боярство XIV—XVI вв. — Археогрф. ежегодник за 1963 г., М., 1964, с. 56—71.

⁷⁸ Зимин А. А. Суздальские и ростовские князья во второй половине XV—первой трети XVI в. — Вспомогат. истор. дисциплины, VII. Л., 1976, с. 56—69.

Главным образом на генеалогическом исследовании основывается монография А. А. Зимина «Формирование состава Боярской думы. Вторая половина XV—первая треть XVI в.», подготовленная им и утвержденная к печати Институтом истории СССР, но пока еще не опубликованная.⁷⁹ Историческая генеалогия является основой и ряда других его работ,⁸⁰ а также нескольких исключительно ценных справочных изданий.⁸¹

Существенное место в генеалогических изысканиях А. А. Зимина занимают источниковедческие сюжеты. Выяснение степени достоверности генеалогических источников, выявление причин их недостоверности, их датирование, обнаружение генеалогических подделок⁸² неразрывно связаны с его генеалогическими трудами. Это обстоятельство позволило М. Е. Бычковой прийти к обоснованному выводу, что А. А. Зимин применял новый метод генеалогического исследования: «отбор биографических сведений об отдельных лицах сочетается» в его работах «с источниковедческим анализом документов, содержащих эти сведения».⁸³

Намечая перспективы развития исторической генеалогии в связи с насущными нуждами исторической науки, А. А. Зимин считал первостепенной задачей «издание источников, особенно справочного характера» (основных редакций родословных книг, росписей родов, поданных в Разрядный приказ в конце XVII в., именных указателей, списка землевладельцев России XIV—XVI вв., биографических справочников), а также монографий об

⁷⁹ См.: Каштанов С. М. Александр Александрович Зимин..., с. 153; Кобрин В. Б. Александр Александрович Зимин..., с. 298; Список печатных трудов А. А. Зимина, с. 284.

⁸⁰ Зимин А. А. 1) Дмитровский уезд и удельный двор во второй половине XV—первой трети XVI в. — Вспомогат. истор. дисциплины, V. Л., 1973, с. 182—195; 2) Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. — В кн.: История и генеалогия. С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977, с. 161—188; 3) Феодалная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV—первой трети XVI в. — История СССР, 1973, № 3, с. 124—142; 4) Служилые князья в Русском государстве конца XV—первой трети XVI в. — В кн.: Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. Сборник статей, посвященный памяти А. А. Новосельского. М., 1975, с. 28—56; 5) Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV—первой трети XVI в. — Истор. записки, 1979, т. 103, с. 195—244.

⁸¹ Зимин А. А. 1) Состав Боярской думы в XV—XVI веках. — Археограф. ежегодник за 1957 г., М., 1958, с. 41—87; 2) О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. — Истор. записки, 1958, т. 63, с. 180—205; 3) Список наместников Русского государства первой половины XVI в. — Археограф. ежегодник за 1960 г., М., 1962, с. 27—42; 4) Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV—первой трети XVI в. — Истор. записки, 1974, т. 94, с. 271—301; 5) Дьяческий аппарат второй половины XV—первой трети XVI в. — Истор. записки, 1971, т. 87, с. 219—286.

⁸² О генеалогических подделках см., например: Зимин А. А. К изучению фальсификаций актового материала в Русском государстве XVI—XVII вв., с. 412—421.

⁸³ Бычкова М. Е. Генеалогия в советской исторической литературе. — Вспомогат. истор. дисциплины, VII. Л., 1976, с. 53.

отдельных родах.⁸⁴ Кроме того, А. А. Зимин оценивал как весьма плодотворные опыты генеалогического изучения крестьян, торговых людей, купеческих семей и призывал к продолжению работы в этом направлении. Наконец, он считал, что методы генеалогических исследований «таких крупных специалистов, как акад. С. Б. Веселовский и ряда других ученых, могут быть полезными для разработки методов генеалогии новых периодов истории нашей страны».⁸⁵

Вклад А. А. Зимина в развитие вспомогательных исторических дисциплин не ограничивался лишь той сферой, которая охарактеризована выше. В своих трудах он постоянно прибегал и к *палеографическому* анализу рукописей (в том числе к методам *кодикологии* и *филигранологии*), много сделал в области *документоведения*, *архивоведения*, проявлял интерес к *геральдике*, *сфрагистике*, *нумизматике*. Призывал А. А. Зимин также к разработке нового раздела палеографии — *неографии*, «которая изучала бы особенности письма XIX—XX вв., в первую очередь — советского времени». В этой связи он ставил задачи изучения бумаги, почерков, печатей, типографских шрифтов и шрифтов пишущих машинок, систем стенографии, анализа и систематизации таких датирующих признаков, как марки, почтовые штемпели, специальные гашения (в связи с чем «филателия должна превратиться из увлечения коллекционеров-любителей в научный раздел неографии»), а также составления справочников, «в которых точно будет зафиксирована дата выхода в свет серий марок, сроки обращения марок, помещены сведения о сроках доставления писем (простых, авиа) в разные пункты страны».⁸⁶

Много сделав для развития отдельных вспомогательных исторических дисциплин, в чем нашла отражение (помимо его собственных научных интересов) одна из объективных тенденций эволюции источниковедения — отпочковывание новых дисциплин, связанное с изучением отдельных видов источников или появлением новых методов исследования,⁸⁷ А. А. Зимин не являлся в этой сфере узким специалистом. В его научной деятельности ярко проявилась и другая объективная тенденция современного источниковедения — комплексность, интеграция, синтезирование данных разных вспомогательных исторических дисциплин.⁸⁸

⁸⁴ Буганов В. И., Зимин А. А. О некоторых задачах специальных исторических дисциплин... с. 129.

⁸⁵ Зимин А. А. Вспомогательные исторические дисциплины и их роль в работе историков-архивистов. — Труды научн. конф. по вопросам архивного дела в СССР, М., 1965, т. I, с. 130.

⁸⁶ Там же, с. 127—128.

⁸⁷ Буганов В. И., Зимин А. А. О некоторых задачах специальных исторических дисциплин... с. 118.

⁸⁸ Там же; см. также: Янин В. Л. 1) К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья. — История СССР, 1973, № 3; 2) Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977, с. 3—21.

С полным основанием можно говорить о том, что А. А. Зимин был *источниковедом* исключительно широкого профиля.

Примером и образцом комплексного источниковедческого исследования является упоминавшаяся уже монография «Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции». В ней автор применил многообразные специфические приемы анализа, характерные для отпочковавшихся от источниковедения вспомогательных исторических дисциплин: палеографии (с элементами кодикологии), текстологии, археографии, документоведения, дипломатики, архивоведения, генеалогии, — и методiku, свойственную источниковедению в целом, при строгом соотношении со сложной исторической обстановкой, в условиях которой создавался этот документ. Можно указать и на другие работы А. А. Зими́на подобного профиля.⁸⁹

Не приводя в данном случае всех конкретных результатов источниковедческих изысканий А. А. Зими́на, остановимся на некоторых общих его взглядах, касающихся эволюции источниковедения как научной дисциплины, его методики, трудных, по выражению самого А. А. Зими́на, проблем.

Рассматривая «развитие отечественного источниковедения с точки зрения совершенствования приемов исследования», А. А. Зимин выделяет в его истории три периода.⁹⁰

В первый период (конец XVIII и XIX в.), считает А. А. Зимин, «распространено было, если так можно выразиться, „источниковедение факта“, характеризующееся рассмотрением, по возможности всесторонним, вначале одного какого-нибудь памятника, чаще всего уникального («Повесть временных лет» исследовалась А. Л. Шлецером, тмутараканский камень — А. Н. Олениным, грамота кн. Мстислава — Е. Болховитиновым), а затем группы однотипных памятников (жития святых подверг анализу В. О. Ключевский, публицистические сочинения времени «Смуты» — С. Ф. Платонов). Хотя уже тогда широко «применялись приемы внешней (палеографической) и дипломатической критики памятника», все же «каждый источник, как правило, изучался сам по себе, а вся работа в целом складывалась из суммы источниковедческих разысканий по отдельным памятникам». Собственно источниковедческие вопросы решались методом рационалистической критики: «... в случае многозначности решений выбиралось то, которое подкреплялось большим числом логических аргументов и отвечало „здравому смыслу“ автора». Ставя «первые барьеры описательному и некритическому исполь-

⁸⁹ См., например: Зимин А. А. 1) Краткое и пространное собрание ханских ярлыков, выданных русским митрополитам, с. 28—40; 2) О монетной реформе правительства Елены Глинской. — Нумизматика и эпиграфика, М., 1964, т. IV, с. 245—250; 3) Выпись о втором браке Василия III. — В кн.: Историческое повествование Древней Руси. Л., 1976, с. 132—148 (ГОДРЛ, т. XXX).

⁹⁰ Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси, с. 429.

зованию источников в трудах историков», «источниковедение факта» характеризуется и рядом серьезных недочетов и непреодолимых трудностей — модернизацией явлений далекого прошлого, подменой истории текстов древних памятников «сводными» текстами и т. д.⁹¹

Начало второго этапа отечественного источниковедения А. А. Зимин датирует рубежом XIX—XX вв. и связывает «в первую очередь с трудами Шахматова в области русского летописания». Созданная А. А. Шахматовым «новая методика источниковедения» опиралась уже «не на отдельные факты (источники), а на их систему» и условно определяется А. А. Зиминим как «источниковедение системы фактов». Новая методика исследования актов, предложенная А. С. Лаппо-Данилевским, по представлению А. А. Зимины, также вписывается в рамки второго этапа истории источниковедения, поскольку этого ученого сближает с А. А. Шахматовым «попытка изучить источник не изолированно, а в определенной системе». Но существовала и «отчетливо выраженная разница» между ними: если «Шахматов подходил к летописям исторически, рассматривая их в движении», то для «Лаппо-Данилевского первостепенное значение имела форма документа, которую он отрывал от содержания акта», почему «конкретно-историческая действительность очень часто оставалась за пределами исследования».⁹²

Наконец, «третий этап в развитии древнерусского источниковедения представлен трудами советских ученых». Являясь «законным наследником того лучшего, что выработали ученые в предшествующую эпоху», советское источниковедение, как показал А. А. Зимин, «не укладывается в рамках одной какой-нибудь системы (логической, лингвистической, историко-правовой и т. п.), а должно являться своеобразной „системой систем“». Советским ученым свойствен новый подход к источникам, основанный «на марксистском понимании исторического процесса». В результате источники оказались органически включенными «в историческую реальность прошлого в качестве элемента определенной системы отношений». На этом плодотворном пути применения марксизма к источниковедению стало возможным «определить классовую сущность и политическую направленность важнейших исторических источников прошлого». Тот или иной комплекс исторических источников теперь подвергается многоплановому анализу посредством привлечения «данных из смежных дисциплин», что превращается «в обязательную норму источниковедческого анализа». Поэтому и «путь построения новейшей методики источниковедения», как представляется А. А. Зимину, «проходит именно через стык наук».⁹³

⁹¹ Там же, с. 429—431.

⁹² Там же, с. 431—435. — Оценка А. А. Зиминим разработанной А. А. Шахматовым методики источниковедческого анализа рассмотрена выше в связи с его летописеведческими трудами (см. с. 118—120).

⁹³ Там же, с. 435—436.

Высоко оцененные А. А. Зиминим впечатляющие успехи, достигнутые советскими источниковедами, были исходным пунктом его размышлений о проблемах, недостатках и даже дефектах в практике работы медиевистов-русистов по изучению источников. Его беспокоило и «известное отставание в теоретической разработке методики исследования древнерусских памятников»,⁹⁴ с чем он связывает «недочеты методического свойства», обнаруживающиеся в отдельных работах.⁹⁵

Следует признать, что и сам А. А. Зимин, за малыми исключениями,⁹⁶ не оставил работ, в которых систематически излагал бы методику источниковедческого исследования. Его методические установки отбирались, складывались, уточнялись и формулировались в процессе исследования конкретных источников разных видов, а также в полемике с воззрениями, которые представлялись А. А. Зимину ошибочными, причем и в этих последних случаях — также на материале источников, будь то акты, летописи или повествовательные памятники.⁹⁷ Поэтому их изложение в конкретно-источниковедческих исследованиях А. А. Зимина и даже в его работах методического и теоретического профиля носит, как правило, фрагментарный, а иногда постановочный характер. Часть методических проблем, поставленных и решенных в трудах А. А. Зимина, освещена нами выше — при анализе его воззрений в связи с теми или иными вспомогательными историческими дисциплинами, хотя и они во многих случаях имеют более широкое значение и применимы к источниковедению в целом. Можно указать и на ряд других вопросов источниковедческой методики, в той или иной форме затронутых А. А. Зиминим.

Так, его беспокоила «недостаточная строгость в использовании разновременных памятников», излишняя доверчивость «по отношению к заведомо поздним памятникам», не подвергнутым предварительному источниковедческому анализу для выяснения степени их достоверности,⁹⁸ иначе говоря, «источниковедческая всеядность». В этой связи А. А. Зимин решительно выступил против провозглашенного А. Г. Кузьминым принципа, согласно которому «ученый не может заставить источник оправдываться», а «дол-

⁹⁴ Там же, с. 437—438.

⁹⁵ Зимин А. А. О методике изучения повествовательных источников XVI в., с. 187.

⁹⁶ См.: Зимин А. А. Методика издания древнерусских актов.

⁹⁷ Незаурядный полемический дар А. А. Зимина проявлялся, пожалуй, наиболее сильно именно в источниковедческих работах или в многочисленных источниковедческих экскурсах в других его трудах. По его убеждению, «спорят не тезисы, а аргументы», поэтому «всякое доказательство того или иного тезиса должно состоять как бы из двух частей: критического пересмотра предшествующих объяснений и из обоснования той интерпретации, которая, по мнению автора, является наиболее убедительной» (Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси, с. 442—443).

⁹⁸ Там же, с. 438—439.

жен доказать свое обвинение».⁹⁹ А. А. Зимин показал, что исследователь не имеет права подходить к памятникам прошлого, обладая «презумпцией невиновности», а «должен всесторонне исследовать источник, прежде чем вынести свое решение о подлинности или неподлинности его, о степени достоверности его известий, о времени составления, авторе и т. п.». Недопустима любая презумпция в отношении источника, ибо «утверждение о подлинности источника в равной мере требует всесторонних и конкретных доказательств, как и характеристика источника как неподлинного».¹⁰⁰

Трудные, по определению А. А. Зимина, проблемы встают перед источниковедом, если в его распоряжении «имеется настолько мало источников, что это делает просто невозможным однозначное решение вопроса». В подобных случаях «гораздо правильнее будет... признать факт многозначности решений, чем выбирать одно из них и объявлять его наиболее вероятным и даже единственным», поскольку «сосуществование различных гипотез отвечает естественному положению вещей».¹⁰¹ Такой подход А. А. Зимина весьма показателен и отражает эволюцию в его взглядах на роль и отчасти методы источниковедения. Незадолго до смерти во введении к собранным им своим статьям по источниковедению¹⁰² А. А. Зимин писал: «Со студенческих лет я с восторгом погружался в безбрежное море сверкающей шахматовской мысли и уверовал во всеислие источниковедения как рычага, способного перевернуть мир исторической науки. Однако в 1963 г. наступил перелом, когда я понял, что от Шахматова надо идти к новым берегам. На смену вере во всеислие логического источниковедения пришла убежденность в необходимости комплексного, всестороннего подхода к источнику. Многовариантность объяснения не стала мне казаться кощунственной, а наоборот, помогающей приблизиться к познанию истины. Источниковедение стало занимать свое, но только одно из важных мест в познании истории».

Эта ретроспективная самооценка отвечает высказанным А. А. Зиминим еще в 1969 г. взглядам как на шахматовскую методiku (см. выше), так и по поводу возможности, а при определенных условиях даже необходимости альтернативных оценок,

⁹⁹ См.: Кузьмин А. Г. Спорные вопросы методологии изучения русских летописей. — Вопросы истории, 1973, № 2, с. 33. — У нас еще «не обсуждены закономерности источниковедческой ретроспекции», — писал А. А. Зимин и продолжал: «При каких условиях поздний источник может быть использован при характеристике более ранних явлений? Бывают случаи, когда не современный событию источник привлекался к исследованию только потому, что он представляется авторам „подходящим“ к их пониманию событий» (Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси, с. 448).

¹⁰⁰ Зимин А. А. О методике изучения древнерусского летописания, с. 456—457.

¹⁰¹ Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси, с. 439.

¹⁰² См.: Каштанов С. М. Александр Александрович Зимин..., с. 157.

вытекающих из анализа того или иного исторического источника. Признание такой необходимости входит в противоречие с отмеченными им случаями стремления «объявить ту или иную преимущественно логическую систему объяснения источников единственно возможной (хотя бы сама система строилась на небольшом количестве фактов, допускавших различную интерпретацию)». ¹⁰³ Именно с этих позиций А. А. Зимин оценивал дискуссию о былинах между Б. А. Рыбаковым, с одной стороны, и В. Я. Проппом и Б. Н. Путиловым — с другой, ¹⁰⁴ подверг критике построения С. О. Шмидта (касающиеся приписок к лицевым летописям, «Выписи о втором браке Василия III» и источников о восстании 1547 г.), в основе которых, с точки зрения А. А. Зимина, лежат не гипотезы, не факты, а догадки, в результате чего «из нескольких равнозначных объяснений фактов» предпочтение отдается одному «из возможных вариантов объяснения текста», которое соответствует общему представлению автора об изучаемых событиях без доказательства невозможности или меньшей вероятности других объяснений. ¹⁰⁵ В тот же ряд методических просчетов источниковедческого характера А. А. Зимин поставил «вкусовую» оценку источниковедческой работы, при которой исследователю (речь идет о воззрениях Р. Г. Скрынникова по поводу приписок к лицевому своду) та или иная точка зрения, высказанная его предшественниками, представляется более убедительной или вероятной, хотя и не подкрепляется новыми доказательствами. ¹⁰⁶

Размышления А. А. Зимина о роли источниковедения в процессе познания истории (как уже отмечалось, он отводил ему одно из важных, но не единственное место) привели его к выводу о том, что при реконструкции воззрений русских вольнодумцев по произведениям их идейных врагов только перекрестное сопоставление источников недостаточно, а «необходимо посмотреть, как те представления, которые им приписываются, соотносятся с общим уровнем общественно-политической мысли изучаемого времени, с предшествующим и последующим этапом антицерковных движений», с реформационным движением в странах Восточной и Центральной Европы. ¹⁰⁷ В том же ряду рассуждений А. А. Зимина и высказанное им мнение о возможности и необходимости проверки степени достоверности отдельных известий «в недостоверном в целом источнике». Общая характеристика такого источника недостаточна: «Нужно учитывать целую совокупность явлений, в которую входит и разбор исторической об-

¹⁰³ Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси, с. 440.

¹⁰⁴ Там же, с. 440—441.

¹⁰⁵ Там же, с. 441—442; Зимин А. А. О методике изучения повествовательных источников XVI в., с. 187—192, 196—211.

¹⁰⁶ Зимин А. А. О методике изучения повествовательных источников XVI в., с. 192—196.

¹⁰⁷ Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси, с. 445—446.

становки самого события, и его характер, и наличие аналогичных событий в сходной ситуации, чтобы сделать окончательный вывод о достоверности сообщения о нем источника».¹⁰⁸

Предложенный здесь обзор работ А. А. Зимина по источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам, безусловно, неполон и по необходимости краток. Но и в таком виде он дает представление о необычайно широких интересах ученого и чрезвычайной важности для дальнейшего движения исторической науки результатов его подвижнического труда.

Еще в 1963 г., осмысливая перспективу развития источниковедческих дисциплин, А. А. Зимин писал: «Дальнейшее углубленное изучение древней Руси будет, вероятно, проходить на основе совершенствования известных уже методических приемов изучения источников и разработки все новых и новых подходов к ним».¹⁰⁹ Все, сделанное самим А. А. Зиминим, достигнуто именно на этом пути. Его жизнь в науке свидетельствует о плодотворности традиционного источниковедения (хотя сам А. А. Зимин не отвергал новые методы исследования, многократно отмечая их перспективность). Можно даже говорить, что приверженность этому направлению источниковедения являлась одной из важнейших внутренних объективных основ всех его успехов. Другая их основа, субъективная, состоит в личных качествах Александра Александровича Зимина, прежде всего в его необыкновенном, выдающемся таланте.

¹⁰⁸ Там же, с. 448.

¹⁰⁹ Зимин А. А. Рец. на кн.: В. Л. Янин. Новгородские посадники, с. 272.

И. З. ЛИБЕРЗОН

НЕИЗВЕСТНЫЕ АКТЫ XV в.

При подготовке к публикации сборника документов «Акты социально-экономической истории Севера России XV—XVII вв.» мы обратили внимание на два ранее неопубликованных акта XV в., дошедших до нас в виде записей в копийных книгах Соловецкого монастыря.

Таких копийных книг сохранилось три, самая ранняя из них относится к 1633 г.¹ На первом листе ее запись: «Книги 141-го году Соловецкого монастыря при игумене Рафаиле переписные государевым жалованным грамотам и всяким крепостям». Книга в черном тисненном кожаном переплете, на 588 л., в 4°, написана одиннадцатью почерками XVII в. Филиграни находятся в середине листа, в месте сгиба и соединения, поэтому полный вид их установить невозможно, видны лишь фрагменты — верхняя или нижняя часть. В большинстве случаев изображены кувшинчики, относительно близкие таковым альбома Гераклитова за 1610—1633 гг.² На л. 1—16 оглавление, на полях у каждого заголовка буквенная пагинация от № 1 до № 131; на л. 17 приведено распоряжение игумена Рафаила от 1 февраля 1633 г. о том, что он «велел написать в книги списки с государевых жалованных грамот, и новгородских посадников и посадниц, и иных христоробцов в данных, и с купчих и со всяких крепостей слово в слово Соловецкого монастыря на отчину». Самый ранний документ, внесенный в эту книгу, относится к 1419/20 г., самый поздний — ко 2 ноября 1635 г. Все внесенные в книгу документы расположены «по главам». Частные акты помещены в 8-й главе «Данные, и духовные, и купчие новгородских посадников и посадниц, и корельских людей на всякие угоды на выские, и на кемские, и на шуеречкие, и на иные монастырские промыслы, числом их 53».

¹ Архив Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, к. 2, № 136.

² Гераклитов А. А. Филиграни XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов. М., 1963, № 578, 579, 634, 737, 881.

Следует отметить, что из 53 внесенных записей 32 подлинных акта дошли до нашего времени.³

Вторая копия книга⁴ отличается от первой внешними данными — F, на 285 л., по содержанию же она полностью повторяет указанную выше копия книгу 1633 г. Анализ почерков и филиграней позволяет отнести ее к первой трети XVIII в.

Третья копия книга составлена в 1832 г. во время написания игуменом Досифеем истории Соловецкого монастыря.⁵ Она состоит из трех частей, первая из которых содержит великокняжеские и царские грамоты, а также частные акты новгородцев. Последние разбиты на две группы (1-я — подлинные и 2-я — списки), что позволяет судить о наличии подлинных частных актов в монастыре в 30-е гг. XIX в. Перед списками с подлинных грамот указано: «Данные, вкладные и купчие на пергаменте за свинцовыми печатями, соловецкими настоятелями от новгородцев полученные».⁶

Акты, о которых идет речь, во всех трех копиях книгах помещены дважды: сначала вместе со всеми ранними актами,⁷ после данной Тимофея и Дениса Ермолиных, относящейся к 1514 г.,⁸ и перед данной Микиты Ивановича,⁹ датированной 1459—1469 гг. на основании имени игумена Ионы,¹⁰ затем они помещены в двух первых копиях книгах в специальном разделе «на виремские угоды посадничьи данные»,¹¹ после данной Михаила Семеновича и перед данной Марьи, жены Луки Федоровича, а в третьей копия книге они повторены также после данной Михаила Семеновича и перед данной Марьи, т. е. в таком же порядке, но без вынесения в особый раздел.¹²

Новгородские копия акты XV в. опубликованы несколько раз. Первой является публикация Н. С. Чаева, который исключил два вышеупомянутых акта, отнес их к XVI в. и не привел при этом никаких оснований для такой датировки.¹³ Не вошли они и в другие публикации. Мы имеем в виду «Материалы по истории Карелии XII—XVI вв.»¹⁴ и «Грамоты Великого Новгорода и Пскова».¹⁵

³ Архив ЛОИИ СССР, ф. 123, оп. 1.

⁴ Там же, к. 2, № 150.

⁵ ГПБ, Соловецкое собрание, № 18/1477, 19/1478, 20/1479.

⁶ Там же, № 18/1477, л. 25 об.—31 об.

⁷ Архив ЛОИИ СССР, к. 2, № 136, л. 33 об.—60; № 150, л. 23—34; ГПБ, Соловецкое собрание, № 18/1477, л. 25 об.—30.

⁸ Д о с и ф е й. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первокласснаго Соловецкаго монастыря, ч. I. М., 1836, с. 67.

⁹ Архив ЛОИИ СССР, ф. 123, оп. 1, № 5.

¹⁰ Ст р о е в П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, с. 816.

¹¹ Архив ЛОИИ СССР, к. 2, № 136, л. 59—60; № 150, л. 34—34 об.

¹² ГПБ, Соловецкое собрание, 18/1477, л. 31 об.

¹³ Ч а е в Н. С. Северные грамоты XV в. — ЛЗАК, 1929, в. 35, с. 124.

¹⁴ Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Петрозаводск, 1941.

¹⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949 (далее — ГВНиП).

Акты следующего содержания: 1) «Челобитье господину моему игумену Антонию, служителю святого Спаса на Соловки, и священникам, и старцем от Федора от Остафьевича. Что еста, господа мои, бразговали пожни наши на море у батка моего и у мене, ино те пожни свой участок в дом святого Спаса дал вам, господие мои, и вы бы, господа мои, помянули по родителех наших да и нас бы есте не забыли, как вас бог вразумит. А яз вам, господа своей, челом бью»; 2) «Се яз Еустафей¹⁶ Дмитриевич дал есми¹⁷ святому Спасу на бразгу Соловецкого монастыря *Князьостров*¹⁸ и Кузьнаволоку, пожни косить и лес сечь в Кузьнестрове и в Кузьнаволоке. А взяти ми дватцать бель от Кузьнаволока до Вирмы, от Вирмы до Товручья. А то моя отчина по той грамоте, а есть у мене и отводный грамоты, а не лживые. А вы, старцы, кто с вами сопретца, и вы ко мне посылаете».¹⁹

Формуляр данных грамот отличен от формуляра тех, которые имеют точную датировку XVI в. По содержанию документов можно судить о том, что в них указаны лица знатного происхождения (окончание на -ич), что между этими лицами существует родственная связь, что названы одни и те же владения. Следует отметить, что во всех случаях существует только указанный выше порядок размещения этих актов (т. е. первым помещен более поздний по времени акт, исходящий от сына) и что он мог появиться только после смерти Евстафия Дмитриевича (отца).

Родство этих лиц подтверждает запись вкладной книги монастыря: «Лета 6975-го дали посадники новгородские Остафей Дмитриевич, да сын его Феодор, да Марья Кадская, да Михаило Берденев, да Моисей Бабкин деревню у Вирмы реки над морем».²⁰

Вкладная книга монастыря включает записи XV—XVII вв. Приведенная выше запись написана почерком XVI в. на бумаге, филигрань которой относительно близка таковому альбома Брике за 1550—1556 гг.²¹ Достоверность этой записи у нас не вызывает сомнения по следующим причинам: подлинная грамота одного из указанных лиц, а именно Моисея Бабкина,²² сохранилась до

¹⁶ Еуфимей (Архив ЛОИИ СССР, к. 2, № 136, л. 60; № 150, л. 34 об.; ГПБ, Соловецкое собрание, № 18/1477, л. 30 об.).

¹⁷ Дополнено: в дом (Архив ЛОИИ СССР, к. 2, № 136, л. 60; № 150, л. 34 об.; ГПБ, Соловецкое собрание, № 18/1477, л. 30 об.).

¹⁸ Кузьостров (Архив ЛОИИ СССР, к. 2, № 136, л. 44; № 150, л. 27 об.; ГПБ, Соловецкое собрание, № 18/1477, л. 28 об.). Разночтения мы относим за счет описок переписчика, так как в других актах и записях писцовых книг указаны имя Евстафий (Остафий) и Федор Остафьевич и название Кузьостров.

¹⁹ Архив ЛОИИ СССР, к. 2, № 136, л. 43—44, 59 об.—60 (список XVII в.); № 150, л. 27—27 об., 34 об. (копии XVIII в.); ГПБ, Соловецкое собрание, № 18/1477, л. 28 об., 30 об. (копии XIX в.).

²⁰ Архив ЛОИИ СССР, к. 2, № 125, л. 21. — На эту запись первым обратил внимание В. А. Сатаров.

²¹ Briquet C.-M. Les filigranes, v. 4. Genève. 1907, № 12717, 12742, 12744.

²² Архив ЛОИИ СССР, ф. 123, оп. 1, № 10.

наших дней, кроме того, в копийной книге, составленной в 1832 г., данные всех этих лиц помещены в разделе подлинных грамот.²³ Запись вкладной книги указывает и на местоположение владений — на р. Вирме и на р. Шизне, находящихся в Спасском Выгоозерском погосте Обонежской пятины. На соседство земельных участков Бабкина, Берденева, Луки Федоровича с Федором Остафьевичем указывают записи писцовых книг²⁴ и одна из жалованных грамот Ивана IV.²⁵ В этих документах приведена фамилия Федора Остафьевича — Глухов. Под этой фамилией известен новгородский посадник Дмитрий Васильевич, который между 1448 и 1458 гг. приобрел земли в Спасском Выгоозерском погосте и среди них и участок «в Кузевех островах».²⁶ Последние известия о Дмитрие Васильевиче Глухове относятся к 1456—1458 гг.,²⁷ а о его сыне Евстафии Дмитриевиче — к 1473/74 г.²⁸ Следовательно, акт, исходящий от имени Евстафия Дмитриевича, о даче монастырю пожень «на бразгу» мы можем условно датировать так: не ранее 1456—1458 и не позднее 1473/74 г.

Датировка второго акта, исходящего от имени Федора Остафьевича, более сложна. Если первой датой может быть дата последнего упоминания его отца, т. е. не ранее 1473/74 г., то при установлении второй даты мы должны учесть указание на имя игумена Антония, приведенное в акте. Сведения об игумене Антонии весьма скудны. Его имени нет в работе П. М. Строева.²⁹ Оно приведено в труде настоятеля Соловецкого монастыря Досифея в разделе «Игуменство 14 настоятелей»³⁰ без указания дат игуменства и источников, откуда сведения о нем взяты. В «Полном месяцеслове Востока»³¹ и в «Азбучном указателе имен русских деятелей»³² имя игумена Антония приведено с ссылкой на источник: «Книга глаголемая: Описания о российских святых». Эта книга опубликована в 1888 г. М. Ф. Толстым.³³ По мнению известного историка русской церкви Е. Голубинского, «Книга глаголемая» является топографическим каталогом русских святых, она составлена «во второй половине XVII в. неизвестно кем и неизвестно где»³⁴. Но в изданной Толстым книге имени игу-

²³ См. сноску 6.

²⁴ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930, с. 163, 164.

²⁵ ЦГАДА, ф. 281, № 2/8443.

²⁶ ГВНиП, № 291.

²⁷ ГВНиП, № 294. См. также: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1963, с. 277, 281, 287, 288 и др.

²⁸ ГВНиП, № 315.

²⁹ Строев П. М. Списки иерархов..., с. 816.

³⁰ Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание..., с. 67.

³¹ Полный месяцеслов Востока, т. II. Владимир, 1901, с. 549.

³² Сборник имп. Российского исторического о-ва, СПб., 1888, т. 62, с. 540.

³³ Толстой М. Ф. Книга глаголемая: Описание о российских святых и в котором граде или области или монастыре и пустыни поживе и чюдеса сотвори, всякого чину святых. М., 1888.

³⁴ Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903, с. 310—311.

мена Антония нет. В основу публикации им положены два самых ранних списка этой книги, хранящихся ныне в ГБЛ.³⁵ Мы проверяли эти списки, имени игумена Антония в них действительно нет. Но в найденных нами еще пяти списках в разделе «В ограде Соловецкого монастыря» имя игумена Антония приведено вместе с датой его смерти: «Преподобный Антоний, игумен тоя же обители, преставися в лето 7000 августа 17 дня».³⁶ Итак, второй датой этого акта может быть 1492 г. августа 17, не позднее.

Таким образом, оба приведенных выше акта являются актами XV в.

**В. С. БАРАШКОВА, З. В. ДМИТРИЕВА,
Л. С. ПРОКОФЬЕВА**

ПИСЦОВАЯ КНИГА ЕЗОВЫХ ДВОРЦОВЫХ ВОЛОСТЕЙ БЕЛОЗЕРСКОГО УЕЗДА 1585 г.

Писцовая (езовая) книга дворцовых волостей и государевых оброчных угодий Белозерского уезда 1585 г. в своем роде является уникальным источником. Ее уникальность объясняется, во-первых, тем, что она — единственная из сохранившихся писцовых книг по Белозерскому уезду за XVI в., во-вторых, предстает перед нами как источник экономической истории дворцовой деревни, в жизни которой большую роль играл рыбный промысел.

Описание волостей и государевых оброчных угодий в 1585 г. осуществляли А. Е. Салтыков и подьячие А. Варламов и Б. Логинов. Как следует из заголовка книги,¹ территориально оно локализуется бассейном р. Шексны, основной водной магистрали Белозерского края, бассейном Белого озера, крупнейшего центра рыбных богатств, а также включает описание ряда станов, расположенных в юго-западной части Белозерского уезда в водоразделе рек Суды и Андоги и связанных с крестьянской железодельной промышленностью. Книга включает в себя 1) описание пришекснинских езовых дворцовых волостей, 2) описание езов на

³⁵ ГБЛ, ф. 173, № 207, 209.

³⁶ ГПБ, Q I. 603, л. 67—68; Q I. 401, л. 99 об.—100; собр. Титова, № 426, л. 43; БАН СССР, собр. Дружинина, № 83, л. 30 (этот список нам указала О. А. Белоброва); ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 2, № 1220, л. 30.

¹ «Книги государевы царевы и великого князя Белозерского уезду езовые, что по реке по Шексне, и езовых волостей, которыми волостми и в которых местех те езы быют письма и меры Андрея Ефимьевича Салтыкова да подьячих Афонася Варламова да Богдана Логинова 93-го году и езы митрополичьи и архиепископлены ростовскаго и монастырьские, в которых местех те езы меж государевых езов стоят и на Беле озере и в ьных озерах и в реках рыбные ловли и горные деревни и починки оброчные» (ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собр. СПб. духовной академии (далее — ГПБ, ДА), А 1/16, л. 1505). — В настоящее время книга подготовлена к печати авторами данной статьи.

р. Шексне,² 3) описание Белого озера и государевых угодий (озер, рыбных ловель, мельниц, горнов), сдаваемых на оброк.

Писцовая книга Белозерского уезда 1585 г. сохранилась в двух известных в настоящее время списках XVII в. Первый список (ленинградский) входит в состав копийной книги Кирилло-Белозерского монастыря, хранящейся в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина,³ второй (московский) с утраченным началом — хранится в Отделе редких книг Государственной публичной исторической библиотеки РСФСР.⁴ Утрата первых листов рукописи московского списка затруднила правильную атрибуцию рукописи. Вот почему в кратком информационном обзоре рукописного собрания ГПИБ РСФСР, сделанном В. И. Малышевым, эта рукопись неправильно была определена как переписная книга XVII в. по Белозерскому уезду.⁵

Текст, которым начинается ленинградский список — «Сей список ис Помесново приказу за приписью дьяка Венедикта Махова дан по челобитью Кирилова монастыря властей для спорных земель во 131-м году»,⁶ — перекликается с последними словами московского списка: «А у подлинных книг на полях припись дьяка Венедикта Махова. Справа Семена Реткина».⁷ Обе эти записи имеют особое значение для воссоздания истории списков и их отношения к утерянному подлиннику. Они прежде всего, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что в 131-м (1622/23) г. в Поместном приказе был сделан официальный, сверенный подьячим С. Г. Реткиным и скрепленный приписью дьяка В. М. Махова список с белозерской писцовой книги 1585 г., который, видимо, был передан в Кирилло-Белозерский монастырь, но со временем утерян. С этого официального списка в Поместном приказе впоследствии и были сделаны оба известных нам списка.

О том, что ленинградский и московский списки более позднего происхождения по сравнению со списком, сделанным в 1622/23 г., свидетельствуют филигранные.⁸ Водяные знаки на бумаге списков позволяют отнести время составления обоих списков ко второй

² Езы — деревянные сооружения, перегораживающие реку, построенные для ловли рыбы.

³ ГПБ, ДА, А 1/16, л. 1505—1644.

⁴ ГПИБ РСФСР, Отдел редких книг (далее — ГПИБ), рук. 4, л. 48—190 об.

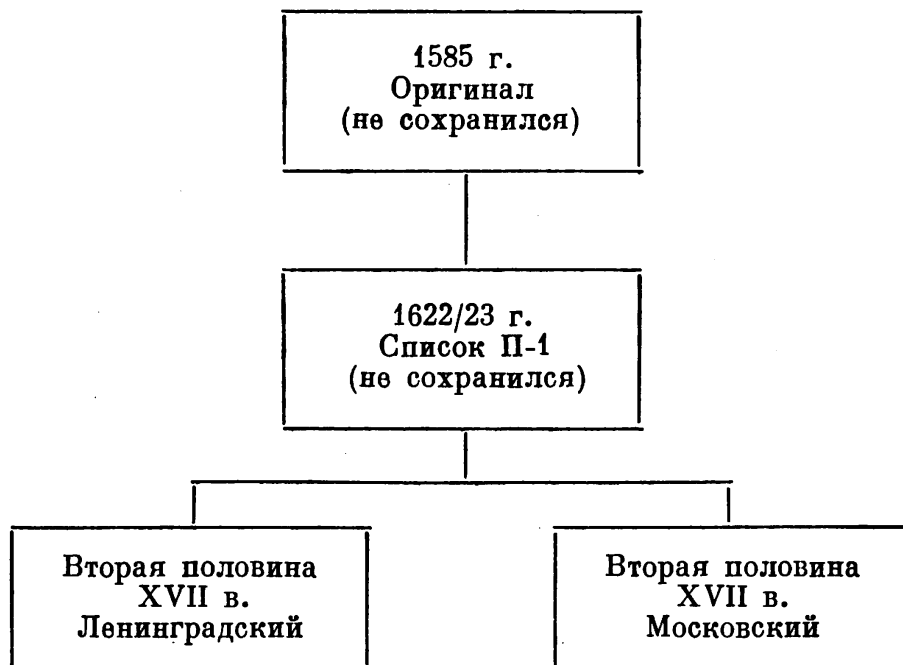
⁵ Малышев В. И. Рукописи Государственной публичной исторической библиотеки. — Вопросы истории, 1953, № 2, с. 125—126.

⁶ ГПБ, ДА, А 1/16, л. 1505.

⁷ ГПИБ, рук. 4, л. 190 об. — О дьяке В. М. Махове и справном подьячем С. Г. Реткинне, служивших в Поместном приказе в первой четверти XVII в. см.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 326, 456.

⁸ Ленинградский список писцовой книги имеет водяные знаки: герб «Семи провинций» типа Хивуд № 3136 (1656 г.) и гербовый щит под короной типа Nostitz № 679 (1652 г.), но литера А (Monumenta Chartae Papyraceae. T. I. E. Heawood. Watermarks. Hilversum, 1956, № 3136; T. V. The Nostitz Papers. Hilversum, 1956, № 679). Московский список имеет водяной знак

половине XVII в. Таким образом, схема взаимоотношения списков писцовой книги 1585 г. выглядит так:

Сличение ленинградского и московского списков позволяет говорить о их большой текстуальной близости (наблюдаются лишь незначительные буквенные различия в написании отдельных имен, реже географических названий). В обоих списках в некоторых местах на полях поставлена помета «зри». Она поставлена в тех местах, где речь идет о Кирилло-Белозерском монастыре, спор из-за земельных владений которого и послужил причиной появления списка 1622/23 г. Внешнее оформление списков имеет некоторое различие. Рукопись ГПИБ РСФСР цифрами кириллицы разделена на 40 глав. Принцип, по которому произведено это деление, остается неясным, поскольку наряду с выделением описания каждой волости в отдельную главу наблюдается и выделение в отдельные главы листов и даже частей страниц, текст которых не всегда дает для этого какие-либо основания. В ленинградском списке деление на главы отсутствует. На лицевой стороне каждого листа вверху имеется запись — «езовые».

Необходимо также отметить, что в обоих списках описание волости Иванов Борок ошибочно помещено после описания Усть-Угольской волости. В действительности оно должно находиться между описанием Милобудской волости и описанием волости Федосьин Городок. Такое расположение волостей соответствует оглавлению, приложенному к ленинградскому списку,⁹ и террито-

«Голова шута», а также литерное сопровождение «JGANNE» (в рамке), характерное для документов 1664—1678 гг. (Клепиков С. А. Бумага с филигранью «Голова шута». (Foolscap). — Зап. Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, 1963, в. 26, с. 409—411, 430).

⁹ ГПБ, ДА, А 1/16, л. 1603.

риальному нахождению волостей. Описание волости Иванов Борок, видимо, выпало из списка 1622/23 г. и затем было помещено на несоответствующее оглавлению место.

Список с книги был известен еще дореволюционным исследователям. Два отрывка писцовой книги были опубликованы в XIX в. Один отрывок касается Заягорбской волости,¹⁰ а второй — волости Федосьин Городок.¹¹ Первая публикация содержит лишь отрывочные сведения, включающие начальные строки описания, и заключительную часть, в которой сообщаются сведения об устройстве Цылинского еза, а также указан размер выплачиваемого оброка. Все материалы о крестьянах этой волости и их сельскохозяйственных угодьях исключены. Во второй публикации, более полной по сравнению с первой, недостает лишь сведений о погосте Богоявленском. Основываясь на этих публикациях, П. Н. Милюков в составленном им списке писцовых и дозорных книг XVI—XVII вв. поместил как самостоятельно существующие писцовые книги не только книгу 1585 г. А. Е. Салтыкова, но и «книгу Федосьина Городка».¹² Знаком был с опубликованным описанием волости Федосьин Городок и С. Б. Веселовский, который неточно определил ее как сотную.¹³

Наряду с публикацией этих двух отрывков непосредственно к ленинградскому списку обращались как дореволюционные, так и советские исследователи.¹⁴ Однако специальное исследование писцовой книги 1585 г. никем не было осуществлено.

Описание, предпринятое А. Е. Салтыковым¹⁵ и подьячими А. Варламовым и Б. Логиновым, является частью государственного описания уездов Русского государства, последовавшего после опричного террора, а также голода и мора 1570 г., поэтому одной из целей книги было определение живущих и пустых вытей, а также номенклатуры и суммы податей.

¹⁰ Акты юридические. СПб., 1838 (далее — АЮ), № 230, с. 251—252.

¹¹ Писцовые книги XVI в. Под ред. Н. В. Калачева. Отд. 2. СПб., 1877, с. 411—417.

¹² Милюков П. Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892, с. 169.

¹³ Веселовский С. Б. Сошное письмо, т. 2. М., 1916, с. 578.

¹⁴ Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397—1625), т. 1, ч. 2. СПб., 1910, с. 115—118; Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI в. М.—Л., 1951, с. 76, 183; Барашкова В. С. 1) Промыслы и ремесла города Белоозера в XVI—начале XVII века. — Уч. зап. Гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, 1964, в. 229, с. 349—351; 2) Очерки по истории хозяйственного развития Белозерского края в XVI—начале XVII в. Автореф. канд. дис., М., 1968, с. 25; Сербина К. Н. Крестьянская железодельная промышленность Северо-Западной России XVI—первой половины XIX в. Л., 1971, с. 110; Очерки русской культуры XVI в., ч. 1 (раздел «Промыслы»). М., 1977, с. 147—148.

¹⁵ О А. Е. Салтыкове, руководившем описанием земель Белозерского уезда, известно, что в 1577 г. он принимал участие в качестве сотенного головы в походе в Ливонию, возглавляемом Иваном IV (Разрядная книга 1475—1598 гг. Подг. текста, вводная статья и редактирование В. И. Буганова. М., 1966, с. 277), а А. Варламов в 1581 г. был подьячим Дворового Четвертного приказа (Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие..., с. 80).

При описании дворцовых волостей в 1585 г. писцы пользовались данными писцовых книг Ф. Чулкова и дьяка Ф. Фатьянова, которые в 1553/54—1556/57 гг. описывали черные волости Белозерского и Пошехонского уездов.¹⁶ В писцовой книге итоговые данные по каждой волости сопоставляются с данными описания Ф. Чулкова и Ф. Фатьянова. Согласно установившейся традиции, письмо Ф. Чулкова и Ф. Фатьянова названо «старым».

Писцовые книги последних не сохранились. До нас дошла лишь сотная на волость Иванов Борок 1557 г., опубликованная в «Актах юридических».¹⁷

Для определения полноты и достоверности старого письма в книге 1585 г. приведем некоторые сопоставимые данные двух описаний. При сравнении текстов сотной 1557 г. и книги 1585 г. можно отметить, что все селения, упомянутые в 1585 г., без труда можно отыскать в сотной 1557 г. Название деревень, как правило, не изменилось или изменилось несущественно: дер. Коврижная (1557 г.) — дер. Коврижино (1585 г.), дер. Доронинская (Сысоево) — дер. Доронино (Сысоевская) и т. д. В сотной 1557 г. в волости Иванов Борок значится 20 деревень, 40 дворов, 4 деревни пустых и 4 пустоши. В писцовой книге 1585 г. мы находим 22 деревни, 61 двор, 2 деревни пустых и 4 пустоши. Количество крестьянской пашни в живущих деревнях, по данным писцовой книги 1585 г., возросло в 1.4 раза по сравнению с живущей пашней, указанной в сотной 1557 г. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что общее количество земли во всех запустевших селениях не изменилось по отношению к количеству пашни, которое указано в этих же селениях в сотной 1557 г. Так, в дер. Курганы в первой половине XVI в. значится 0.5 дес. пашенной земли и 2 дес. перелога (всего 2.5 дес.), в 1585 г. — 1 дес. перелога и 1.5 дес. лесом поросло (всего 2.5 дес.). В другой деревне — Вязовке — в сотной 1557 г. мы находим 1.5 дес. пашни «во льготе на 10 лет», а в писцовой книге 1585 г. те же 1.5 дес. поросли лесом.

На основе этих данных можно предположить, что писцы в 1585 г. не измеряли заброшенную землю пустошей, а ее размеры определяли на основе данных о пашне в этих селениях по писцовой книге Ф. Чулкова и при этом указывали ее новое состояние — «перелог» или «лесом поросло». Сопоставим итоговые данные старого письма 1585 г. и данные об оброке сотной 1557 г.:

Сотная из писцовых книг
Ф. Чулкова
на волость Иванов Борок 1557 г.

Писцовая книга 1585 г.

... А вытей десеть без трети выти и пол-полчети и пол-пол-полтрети выти... А с того Порожского езу давати было им царю и великому княю оброку с году на год, по пис-

А по книгам Федора Чулкова да дьяка Федора Фатьянова ез Порожской били с 10 вытей без трети и пол-полчети и с пол-пол-полчети выти. А оброку давали с того езу

¹⁶ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие..., с. 537—538.

¹⁷ АЮ, № 228, с. 244—247.

цовым книгам, восемь осетров, двадцать пять стерлядей, а давати было им тое рыбы три осетры семерников, пять осетров пятерников, двадцать пять стерлядей вислых средних, а икры осетрией с тое рыбы из вислых осетров тридцать семь гривенок с полугривенкою, а голов осетрых к Москве им не возити, а давати им за восемь голов осетры денгами пять алтын и две денги, по четыре денги за голову.¹⁸

8 осетров: 3 осетра семерников, 5 осетров пятерников вислых, да 25 стерлядей средних вислых, да икры осетрии 37 гривенок с полугривенкою, да за 8 голов осетрых 5 алтын 2 денги.¹⁹

Как показывает сопоставление текстов, итоговые данные об оброке совпадают. Таким образом, имея достоверные данные старого письма в книге 1585 г., можно, выявив некоторые сведения о хозяйственном состоянии дворцовых волостей в середине XVI в., сравнить их с данными 1585 г. и рассмотреть в динамике изучаемые явления.

Переходя к характеристике содержания писцовой книги 1585 г., следует указать, что писцовая книга содержит описание 12 дворцовых волостей вместе с описанием тех езов, которые каждая волость «била» и с которых платила рыбный оброк. Все волости располагались по течению р. Шексны, где были наиболее благоприятные условия одновременно для занятия сельским хозяйством и рыболовством. Эти волости следующие: Заягорбская, Даргунская, Долгая Слободка, Усть-Угольская, Чуровская, Веретейка Малая, Милобудская, Иванов Борок, Федосьин Городок, Ивачевская, Вогнема, Липник Заозерский.

Писцовая книга 1585 г. позволяет нам прежде всего установить типы и размеры поселений, содержит данные о количестве крестьянских и других дворов (в том числе пустых). По писцовой книге 1585 г. можно определить виды и размеры земельных угодий и степень их запустения к середине 80-х гг. XVI в., а также рассчитать по волостям количество пашни и сена на двор. Всего в 12 дворцовых волостях (по нашим подсчетам) значилось 11 погостов, 3 села, 2 сельца, 211 деревень живущих и 223 пустых, в том числе пустоши, 761 двор (725 дворов крестьянских), 1371 дес. пашни «паханой», 798 дес. перелога, 556 вытей, из них 193 выти живущих.²⁰ Писцовая книга, включая данные о запустении, указывает причины этого явления: голод и моровое поветрие 1570 г.²¹ Запустение распространялось по волостям неравномерно. В основном запустели волости в юго-восточной части Белозерского края, в то время как в волостях, распо-

¹⁸ Там же, с. 246.

¹⁹ ГПБ, ДА, А 1/16, л. 1543.

²⁰ Наши подсчеты не имеют существенных расхождений с итогами писца (л. 1603 об.) (211 деревень (авт.) — 207 (писца), пустых селений соответственно 223 и 202, пустых дворов 241 и 238, пустых вытей 363 и 378, пашни живущей 1371 и 1376 дес.).

²¹ ГПБ, ДА, А 1/16, л. 1544 об., 1556.

ложенных на северо-востоке, например в волости Иванов Борок, наблюдается увеличение количества крестьянских дворов и пахотной пашни.

Писцовая книга 1585 г. содержит редкие данные об оброке крестьян дворцовых волостей в XVI в. По ней можно восстановить полную картину выплачиваемых крестьянами податей.

Большая часть перечисленных нами дворцовых волостей платила государев оброк рыбой и икрой. С этой целью каждая волость «била», т. е. строила, ез, чаще всего один или несколько, и осуществляла лов осетров, севрюги и стерлядей. Отсюда происходит и название волостей — езовые.

Лов рыбы на р. Шексне посредством езов ведет свое начало по крайней мере с XIV в. Уже в духовной грамоте Дмитрия Донского 1389 г. упоминается Малобудский ез на р. Шексне.²² Сохранились также купчие и меновные грамоты XIV—XV вв. на езы белозерских монастырей.²³ Кроме того, до нас дошла выпись из писцовых книг 1510—1511 гг. И. М. Заболоцкого и дьяка А. Харламова на митрополичий ез в устье р. Суды.²⁴ Некоторые езы имели несколько владельцев, каждый из которых имел право пользоваться ловлей во время определенного количества «ночей» или их части.²⁵ К середине XVI в. большая часть езов принадлежала царю, т. е. Дворцу. «Шехонская» рыба ценных пород подавалась к царскому столу во время пиров, а белуга, осетр и стерлядь в вяленом виде шли в качестве подарков послам иностранных государств.²⁶

Во второй половине XVI в. езы на р. Шексне встречались довольно часто. Не случайно Г. Штаден, живший в России в 1564—1576 гг., отметил в своих записках: «По реке Шексне нет городов или замков, но по дну забиты забои из бревен: на них ловится осетр, который идет из Каспийского моря и направляется к Белоозеру. Осетр этот поедается при дворе великого князя».²⁷

К моменту описания, в 80-х гг., Дворцу принадлежали следующие езы: 1) Цылинский («била» Заягорбская волость), 2) Мальбуский («били» Даргунская и волость Долгая Слободка), 3) Коленцовский («била» Малая Веретейка), 4) Порожский («била» волость Иванов Борок), 5) ез на Быстрой тони у Федосьина Городка («била» волость Федосьин Городок), 6) Ивачевский («била» Ивачевская волость), 7) Внухоцкий («била» Вогнемская волость), 8) Вогнемский («била» Вогнемская волость), 9) Устьяевский («била» волость Липник Заозер-

²² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, с. 34.

²³ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков. М., 1951, № 298, 299, 300.

²⁴ Там же, № 305, с. 254.

²⁵ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. Составитель И. А. Голубцов. Т. II. М., 1958, № 119, с. 73.

²⁶ Герберштейн С. Записки о московских делах. СПб., 1908, с. 214.

²⁷ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Л., 1925, с. 66.

ский), 10) половина еза Римбуч («били» крестьяне Вогнемской волости).²⁸ Некоторые езы «били» несколько волостей. Кроме того, царю шла $\frac{1}{12}$ улова еза, расположенного в устье р. Ягорбы, и $\frac{1}{5}$ улова еза, расположенного в устье р. Пидьмы.

При характеристике рыбного промысла ез чаще всего определяется как «забор из кольев и плетня» или «частокол», перегородивший реку или ее часть, для ловли идущей вверх по реке рыбы.²⁹ Одно из достоинств писцовой книги 1585 г. состоит в том, что она содержит описание каждого еза. Эти описания показывают, что езы на р. Шексне не просто «заборы», а мощные деревянные сооружения, на строительство которых требовались сотни многометровых строевых елей и сосен (из них делали «козла» и «осляди», а также другие детали еза). Для примера приведем описание Коленцовского еза, находившегося в волости Малая Веретейка: «А в том езу 32 козла. А в тот ез выходит лесу большого на козлы, и на переклады, и навалу 180 дерев 6 и 7 сажень,³⁰ да на осляди 93 дерева целых 16 сажень, да на грузила и на суковатики, и на вилы среднево лесу 150 дерев 7 сажень. Да в клетку выходит 50 дерев пол-3 сажени, а мелково лесу на засов 1500 жердей 5 сажень, да в воротех кладут на лето по 3 сежи. А в пором выходит большого лесу 7 колод 15 сажень да поперечных 6 бревен пол-3 сажени, да 30 тесниц 7 сажень да стырь да палица».³¹ Как видно из текста, на постройку еза шло более 450 деревьев, не считая 1500 жердей, 7 «колод» и 6 бревен. По тем временам это было мощное сооружение, поэтому его «били» несколько волостей: Малая Веретейка, Усть-Угольская, Заягорбская, Даргун и Долгая Слободка. Единицей измерения длины сооружения являлись «козла». Длина езов колебалась от 18 до 32 козел.

Судя по приведенному описанию, к «козлам» и «перекладам» прикреплялись «осляди» (большие толстые жерди). Козлы, переклады и поваленные деревья («навал») закреплялись на дне грузилами, «суковатиками» и «вилами». В специально встроенные в такие заборы «ворота» опускали сежи для ловли рыбы (сети из лыка в форме длинного кошеля), куда рыба могла свободно войти, но из которой обратно не могла выйти. Таких ворот могло быть несколько. При описании еза на Быстрой тоне у Федосьина Городка есть весьма любопытная запись: «А в том езу сежей в воротех не кладут и над сежею в клетке не сядят».³² Эта запись свидетельствует о том, что в езах над воротами устраи-

²⁸ Кроме дворцовых езов, источник описывает езы, принадлежавшие архиепископу Ростовскому, Кирилло-Белозерскому, Воскресенскому Череповецкому, Ферапонтову и Симонову монастырям.

²⁹ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. 1. М.—Л., 1947, с. 382; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси..., т. II, с. 678.

³⁰ Сажень — 152 см. См.: Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М., 1975, с. 86, 87.

³¹ ГПБ, ДА, А 1/16, л. 1554—1554 об.

³² Там же, л. 1569 об.

лась «клетка». В «клетке» и находились рыболовы, опускавшие по ночам по три-четыре сежи для ловли осетров и стерлядей. Через ворота, если ез перегораживал всю реку, проходили суда. Вдоль еза ходил паром, на который опускали сежу, и таким образом доставляли рыбу на берег. Паром имел два весла: стырь (кормовое весло) и палицу (рулевое весло). Впрочем, с помощью сетей ловили рыбу не в каждом езе. В езах, расположенных в верхнем течении Шексны, рыбу ловили неводами. Так, в упомянутом выше езе у Федосьина Городка, где не было «клетки», «ловили у того езу 7 неводами в 9 тонях».³³ Невод обычно обслуживало 5 человек.

Сооружение езов на Шексне требовало больших затрат человеческого труда. Книга дает наглядный материал, свидетельствующий, сколько человек поставляла та или иная волость на строительство еза. Так, крестьяне Заягорбской волости, которые «били» Цылинский ез (28 козлов), ежегодно отправляли 16 человек (всего в волости насчитывалось 87 крестьянских дворов). На строительстве еза эти 16 человек были заняты «месяц и более». Однако «битьем» еза не ограничивались работы, связанные с эксплуатацией еза. Очень большого труда требовала и заготовка строительного материала в специально отведенных для этого так называемых езовых лесах, имевшихся в каждой волости.³⁴ Здесь запрещалось рубить лес на дрова, заготавливать бревна на строительство домов, ставить починки и вырубать лес для подсеки. За нарушение правил, установленных по охране леса, на нарушителя, как указывает книга, налагался штраф в размере 2 руб. и полагалась явка на суд в Москву «перед боярином и дворецким Г. В. Годуновым».³⁵ Кроме лесов, охранялся и сам ез. На Цылинском езе, например, сидели целовальник и 3 сторожа.³⁶ Писцовая книга 1585 г. не оставляет сомнений, что «битьем» и эксплуатация еза были тяжелым делом для крестьян всей волости.

Строительство еза начиналось сразу же после вскрытия реки, «как лед пройдет». Кроме того, крестьяне, особенно проживающие в верховьях Шексны, чинили его. Это случалось тогда, «когда летом живет прибыльная вода», т. е. поднимался уровень Белого озера, из которого вытекает Шексна. «И тогда, — как говорит наш источник, — ез выламывает».³⁷ В дополнение к этому крестьяне доставляли рыбу в Москву на своих лошадях в основном два раза в год: половина рыбы и икры — на Ильин день (20 июля по ст. ст.), вторая — осенью на день Дмитрия Солунского (25 октября), кроме того, свежие осетры привозились на Николин день осенний (6 декабря).³⁸ Предварительно крестьяне сами своею солью солили рыбу и организовывали ее хранение. Для хранения

³³ Там же.

³⁴ Там же, л. 1511.

³⁵ Там же, л. 1606 об.

³⁶ Там же, л. 1511.

³⁷ Там же, л. 1590.

³⁸ Там же, л. 1604—1604 об.

и обработки рыбы в Заягорбской, Даргунской, Усть-Угольской, Долгой Слободке, Ивановом Борку, Ивачевской и Вогнемской волостях существовали ледник и сушило.³⁹ Писцовая книга 1585 г. упоминает также государев рыбный двор, находившийся на берегу Шексны, в волости Липник Заозерский.⁴⁰

Как показывает сотная на волость Иванов Борок, крестьяне езовых волостей за непоставку рыбы в срок или за поставку не полностью строго наказывались: «А на которой срок рыбы и икры, и за осетри головы денег не привезут, или привезут да несполна, и та рыба и икра и денги имати на них вдвое, без отдачи, и с прогоны, а самих тех ослушников из волости высылати и вперед им в той волости не живати, а на их место называти иных жильцов».⁴¹

Все волости в основном поставляли разнообразный ассортимент рыбы ценной породы: осетры (вислые семерники, вислые пятерники, косячные и свежие), стерляди — большие, средние и меньшие, стерлядь просольная — и икра. Из 12 волостей только 2 (Ивачевская и Федосьин Городок) дополнительно платили посолный корм и мелкий доход. В середине XVI в. государь получал с дворцовых волостей 384 осетра, 649 стерлядей, 15 севрюг, 9 белорыбиц, 2 бочки соленых стерлядей и 43.3 пуда осетровой икры.⁴² По новому письму (1585 г.) дворцовые волости должны были поставлять на государев двор 186 осетров, 679 стерлядей, 5 севрюг, 5 белорыбиц, 2 бочки соленых стерлядей и 23 пуда икры.⁴³ В писцовой книге также говорится о том, «а в котором году царь и великий князь тое рыбы, имати на них не велит», то в таком случае всякий раз оговаривается, какое количество денег за рыбу и икру должна поставить та или иная волость. Характерно, что при этом фиксируется цена каждого вида рыбы. В итоговых данных писцовая книга 1585 г. выводит следующие цены на рыбу: один осетр (семерник, пятерник, косячный) — 40 алтын (240 денег), севрюга — 10 алтын (60 денег), белорыбица — 8 алтын 2 денги (50 денег), стерлядь большая — 10 денег, стерлядь средняя — 8 денег, стерлядь меньшая — 6 денег, бочка стерлядей — 1.5 руб. (300 денег), пуд осетровой икры — 0.5 руб. (100 денег).⁴⁴ Оговорим, что при сопоставлении этих данных с данными о ценах,

³⁹ Там же, л. 1509, 1513, 1521, 1526.

⁴⁰ Там же, л. 1596 об.

⁴¹ АЮ. № 228, с. 246—247.

⁴² ГПБ, ДА, А 1/16, л. 1511, 1519 об., 1525, 1534 об., 1537 об., 1542—1543, 1544—1555, 1560 об., 1569 об., 1578—1578 об., 1590—1593, 1601—1603 об.

⁴³ Там же, л. 1604 (подсчеты авторов). — Говоря о величине рыбного оброка, следует сказать, что наши подсчеты по волостям расходятся с итоговыми данными писца (особенно это касается итоговых данных о старом письме). Это расхождение объясняется тем, что писец, сравнивая оброк по старому и новому письму, не включил в старое письмо оброк с 5 запустевших к 1585 г. езов, поэтому слова писца «прибыло оброка» относятся лишь только к новому Коленцовскому езу и к волостям Иванов Борок, Липник Заозерский, в которых к 80-м гг. XVI в. увеличилось количество вытей (там же, л. 1605 об.—1606).

⁴⁴ Там же, л. 1604 об.

приведенными в сотной на волость Иванов Борок 1557 г.,⁴⁵ оказалось, что номинальная цена на икру и стерлядь (меньшую) не изменилась, а цена на осетра семерника возросла вдвое, на осетра пятерника — в 2.5 раза. Сведения писцовой книги 1585 г. о ценах на ценные породы рыб в своем роде являются исключительными, так как данные о них в исторической литературе отсутствуют.

Вторая часть книги посвящена описанию государевых угодий, сдаваемых крестьянам Белозерского края на оброк. Эта часть книги дает нам возможность определить территориально районы добычи рыбы (кроме упомянутых езов на р. Шексне), назвать центры крестьянской железоделательной промышленности, обозначить район, доставлявший на царский двор битых лебедей, выделить «оброчные, сокольничьи» деревни, перечислить места, где находились государевы мельницы.

На севере Белозерского края самым крупным центром добычи рыбы было Белое озеро. Писцовая книга 1585 г. определяет его местоположение и размеры, указывает породы рыб, которые водились в нем: стерляди, щуки, судаки, лещи, язи, окуни, мни, плотицы.⁴⁶ Для ловли рыбы использовались переметы, кереводы, тагосы, бродники и невод, т. е. различного рода рыболовецкие сети.⁴⁷

Рыбная ловля на Белом озере велась круглый год и подразделялась на три вида: 1) на вешнюю, которая начиналась сразу же после того как освобождалась поверхность озера от льда и длилась по Ильин день (20 июля), 2) осеннюю — с Ильина дня до заморозков и 3) зимнюю «поледную».

Лов рыбы на Белом озере своими снастями осуществляли так называемые «охочие ловцы». Ими были посадские люди г. Белозера, жители околоозерных дворцовых сел и деревень, крестьяне Кирилло-Белозерского, Усть-Шехонского, Ферапонтова, Борисоглебского, Покровского Суздальского и других монастырей.

На Белом озере следом за рыбными ловцами ездили в лодках прасолы и скупали у них рыбу. Как «охочие ловцы», так и прасолы платили в государеву казну оброк.

Писцовая книга содержит данные о числе ловцов и определяет их местожительство. В течение года в ловле рыбы участвовало около 600 человек, более чем 500 лодок. Ловцы поставляли в Москву 210 бочек щук и 208 бочек судаков, не считая 986 штук свежей рыбы. В случае непоставки рыбы на царский двор «охочие ловцы» должны были выплатить в государеву казну 250 руб.

Белозерские ловцы должны были сами солить рыбу и отвозить на своих лошадях в Москву на Большой Дворец. Белозерцы поставляли «государеву бочечную вешнюю рыбу» на Покров день (1 октября), а «осеннюю бочечную» оброчную рыбу — на Нико-

⁴⁵ АЮ, № 228, с. 246.

⁴⁶ ГПБ, ДА, А 1/16, л. 1607 об.

⁴⁷ Там же.

лин день (6 декабря).⁴⁸ Путь от Белоозера до Москвы осенью и зимой был нелегким и требовал для перевоза 419 бочек поставки большого числа подвод. Рыба зимнего лова самими крестьянами в Москву не доставлялась, а передавалась белозерским рыбным приказчикам и целовальникам. Само собой разумеется, что, помимо рыбы, доставляемой на государев двор, белозерцы-ловцы широко осуществляли ее продажу как на месте (прасолам), так и в других городах. Рыба, шедшая на продажу, обычно хранилась в амбарах как на посаде г. Белоозера, так и в сел. Крохино, на острове у истоков Шексны. Здесь, согласно писцовой книге 1585 г., значилось 27 амбаров городских посадских людей и монастырей. Крохино служило для белозерцев перевалочным пунктом при отправке рыбы в понизовые города по Шексне.

Наряду с Белым озером значительное место в рыбном промысле края занимали и другие крупные и меньшие по размерам озера, а также реки и большие ручьи. Писцовая книга 1585 г. сообщает о ловле рыбы белозерскими крестьянами в таких озерах, как Лачезеро, Андопольское, Робозеро, Ворбозомское, Липоозеро, Долгое, Ухтомское, Шольское, Ковжское, Святое, Сотозеро, и в других озерах и многочисленных реках, а также указывает размеры оброка, получаемого с них.⁴⁹ Данные о перечисленных озерах и реках, сдаваемых на оброк, имеют большое значение не только с точки зрения изучения рыбного промысла,⁵⁰ но и являются первоклассным источником по исторической географии Белозерского края. Писцовая книга 1585 г. позволяет с максимальной точностью определить местонахождение шекснинских езов, так как в ней указано расстояние между каждым из них, определены размеры участков езового леса, кроме того, перечислены многие десятки озер и рек, вблизи которых размещались населенные пункты.

В заключительной части содержатся сведения о центрах крестьянской железоделательной промышленности, расположенных в юго-западной части Белозерского уезда — в Судском, Дубровском и Коменском станах.⁵¹ По данным писцовой книги, в 1585 г. здесь действовали 273 горна,⁵² а 72 горна значились пустыми.

⁴⁸ Там же, л. 1608 об.—1609.

⁴⁹ Там же, л. 1636 об.

⁵⁰ Отчет высочайше утвержденной экспедиции для исследования рыбных и звериных промыслов на Белом и Ледовитом морях за 1859 г. Составлен начальником экспедиции Н. Данилевским. СПб., 1860; Арсеньев Ф. Рыбная ловля на Шексне. — Вестн. промышленности, 1861, № 8, с. 35—56; Государева погонная шехонская ловля стерлядей в XVII столетии. М., 1888; Яковлев В. В. Зимние рыбные промыслы на Белом озере в XVII столетии. СПб., 1901; Копанев А. И. Неземледельческая волость в XVI—XVII вв. — В кн.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967, с. 176—194; Булгаков М. Б. Рыбный рынок г. Белоозера в XVII столетии. — В кн.: Проблемы отечественной истории, ч. 1. М., 1973, с. 28—44; Барашкова В. С. Очерки..., с. 15.

⁵¹ ГПБ, ДА, А 1/16, л. 1635—1637.

⁵² Там же, л. 1637. — В работах К. Н. Сербиной при подсчетах общего количества горнов неправильно указана цифра 173 горна. (Сербина К. Н.

В середине XVI в. действующих горнов, следовательно, было 345, сокращение числа действующих горнов к середине 80-х гг. XVI в. составило 20%. Это еще одно свидетельство ослабления экономики края в связи с хозяйственным кризисом 70—80-х гг. XVI в.

Выявленный в результате исследования комплекс сведений дает основание полагать, что писцовая книга 1585 г. является ценным источником по истории крестьян второй половины XVI в.

Л. И. ИВИНА

УЛОЖЕНИЕ 1649 г. И ЕГО ИЗДАНИЯ

(в связи с подготовкой нового издания Уложения)

Историография Уложения 1649 г. обширна. Она насчитывает свыше 200 названий. Статьи и монографии посвящены как исследованию самого памятника, так и различным вопросам истории России XVII в., связанным с Уложением.¹ В советской историографии последних лет обстоятельный разбор многих работ, посвященных Уложению, находим в книгах П. Я. Черных, М. Н. Тихомирова, П. П. Епифанова и А. Г. Манькова.² В настоящей работе внимание сосредоточивается на вопросах, связанных с созданием самого памятника, его изданиях, методике его публикации.

В исследованиях последних лет история создания Уложения 1649 г. рассматривается на фоне тех социально-экономических и политических изменений, которые все ярственнее заявляли о себе, знаменуя приход нового времени. Большое внимание обращено на изучение социальных волнений, имевших место в 1648—1649 гг. в Москве и других городах, давших толчок к созыву Земского собора 1648—1649 гг., в тесной связи с которым находится история создания Уложения.

Для изучения истории собора и выработки Уложения исследователи привлекают два источника — память от 16 июля 1648 г. из приказа кн. Н. И. Одоевского в Новгородскую четверть и предисловие к Уложению, которое предшествует 25 главам, регла-

1) Крестьянская железодельная промышленность Северо-Западной России XVI—первой половины XIX в. Л., 1971, с. 110; 2) Крестьянские промыслы Северо-Запада России в XVI—первой четверти XVII в. — В кн.: Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Л., 1978, с. 115).

¹ Библиографию см.: Уложение государя царя и великого князя Алексея Михайловича. СПб., 1913, с. XII—XIII; Памятники русского права, в. VI. М., 1957, с. 456—468; Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное Уложение 1649 г. М., 1961, с. 432—442.

² Черных П. Я. Язык Уложения 1649 года. М., 1953; Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное Уложение 1649 г.; Маньков А. Г. Уложение 1649 г. — кодекс феодального права России. Л., 1980.

ментирующим все стороны правовой жизни Русского государства XVII в.³ События в этих памятниках излагаются по-разному, хотя сличение текстов показывает, что предисловие к Уложению и память от 16 июля содержат совпадающие по тексту куски (о созыве выборных на земский собор, нормах представительства на нем, работе над Уложением, задачах членов комиссии по выработке Уложения). В памяти инициатива создания собора приписывается сословиям (дворянам и посадским людям). Члены собора, имевшего место 10 июня—16 июля, так называемого «летнего собора», подают челобитную о составлении «Судебника и Уложенной книги, чтоб впредь по той Уложенной книге всякие дела делать и вершить».

Остановимся на содержании предисловия к Уложению подробнее: в нем излагается работа по выработке самого Уложения.

Предисловие Уложения начинается с изложения указа царя от 16 июля 1648 г. Царь с патриархом, освященным собором, боярами и думными людьми «советовал» и «указал» выписать, собрать и изложить «пристойны те статьи к государственным и к земским делам . . . чтобы Московского государства всяких чинов людям от болшого и до меншого чину суд и росправа была во всяких делех всем равна». Создание Уложения исходит, таким образом, от царя, а о летнем соборе вообще умалчивается. «Все собрати и в доклад написать» царь «указал» боярам Никите Ивановичу Одоевскому и Семену Васильевичу Прозоровскому, окольному Федору Федоровичу Волконскому и дьякам Гавриле Леонтьеву и Федору Грибоедову. Так была начертана программа подготовительных работ и создана комиссия из пяти лиц для ее выполнения.

Далее царь предписывал созвать выборных, т. е. земский собор (нормы представительства указывались), «чтобы его государево царьственное и земское дело с теми со всеми выборными людьми утвердить и на мере поставить, чтобы те все великие дела по нынешнему его государеву указу и соборному уложению впредь были ничем нерушимы».

Затем в предисловии отмечается, что названные бояре «с товарищи», «выписав ис правил святых апостол и святых отец, из градских законов греческих царей», «из старых судебников прежних великих государей и из указов» и написав вновь статьи на случаи, не предусмотренные прежними законами, вновь все собранное и написанное приносили царю.

Еще Н. П. Загоскин считал, что на основании предисловия можно судить о том, что кн. Одоевскому «с товарищи» было поручено лишь «выписать» подходящие статьи из постановлений, «собрать» все указы и боярские приговоры и «справить», сличить

³ Смирнов П. П. Несколько документов к истории Соборного Уложения и Земского собора 1648—1649 годов. — ЧОИДР, 1913, кн. 4, смесь, с. 5, № 1; Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978, с. 283.

их со старыми судебниками, сформулировать для предстоящего разрешения их земским собором новые законодательные вопросы, неразрешенные предшествовавшим законодательством, наконец, собрав все это, «в доклад написать», т. е. приготовить для доклада царю и земскому собору.⁴ При этом Загоскин подчеркивал, что вся предварительная обработка материала — подготовительная почва для деятельности выборных людей по составлению проекта сборника.

Загоскин останавливался и на вопросе о том, что было «чтено» выборным, как продолжительно было чтение, кто читал. Он полагал, что на все эти вопросы предисловие не дает ответа и не передает во всей полноте истинной картины составления памятника. Уже из самого предисловия видно, что кн. Одоевский «с товарищи» представили к 3 октября не законченный законодательный сборник, а только систематизированный материал, проект будущего Уложения. Каков был проект, неясно: не дошли ни делопроизводство комиссии Одоевского, ни деяния земского собора, ни первоначальный проект Уложения, представленный к 3 октября. Загоскин также полагал, что статьи, против которых стоит на полях отметка «вновь», должны «почитаться теми новыми вопросами, которые разрешены были общим советом при участии земского собора».

Изложение процесса законодательных работ, начавшегося с 3 октября, в предисловии подлинного свитка⁵ читается так: «... октября с 3-го числа государь ... и з думными людьми сего собрания слушал и выборным людем ... чтено, чтоб то все Уложение впредь было прочно и неподвижно. И указал государь то все Уложение написать и то Уложение закрепить святейшему Иосифу ... А закрепя то Уложение руками, указал государь списать в книгу и закрепить тое книгу дьячьими руками». Таковы сведения предисловия о создании Уложения. О работе по подготовке его к изданию, обнародовании и вступлении в силу как закона читаем: «А с тое книги для утверженья на Москве во все приказы и в города напечатать многие книги и по тому Уложению всякие дела делать как писано ниже сего».⁶

Следующий абзац предисловия — о выполнении работ по написанию Уложения на список и подписании его выборными людьми — читается только в печатных текстах Уложения, в подлинном свитке он отсутствует. Так мы приблизились к вопросу о том, что текст предисловия подлинного свитка Уложения имеет ряд несовпадений с печатными вариантами Уложения. На это

⁴ Загоскин Н. П. Уложение царя и великого князя Алексея Михайловича и Земский собор 1648—1649 года. Казань, 1879, с. 31—39.

⁵ Подлинный свиток Уложения хранится: ЦГАДА, ф. 135 (Государственное древлехранилище хартий и рукописей), отд. V, рубр. 1, № 6; см. также: Государственное древлехранилище хартий и рукописей. Составитель В. Н. Шумилов. М., 1971, с. 159, № 387.

⁶ Цитируется по фотокопии в издании Уложения 1913 г., табл. VI—X.

несовпадение в 1831 г. обратил внимание автор статьи, опубликованной в «Московском телеграфе».⁷

Единого мнения о происхождении «Уложенного столбца» в литературе нет. Еще в 1879 г. Н. П. Загоскин на основании предисловия к Уложению так представлял себе работу над ним: дьяки, участвовавшие в комиссии для составления Уложения, читали проект статей, члены комиссии давали разъяснения.⁸ Такими разъяснениями Загоскин, например, считал указания на источники, сделанные на полях некоторых статей. Эти обсуждения, редактирования и постепенно записывавшиеся в окончательной форме статьи и составили, вероятно, к концу соборной сессии тот «подлинный уложенный столбец», который был закреплен руками всех соборных людей. На подобное соображение, полагал Загоскин, наводит внешний вид «Уложенного столбца»: он написан несколькими почерками, только первые 10 глав имеют заглавия и нумерацию статей, в остальных главах между статьями оставлены промежутки. Далее Загоскин отмечал: если бы этот столбец был составлен одновременно, после окончания соборной сессии, единственно для закрепления его рукоприкладствами соборных людей, ему постарались бы придать более тщательный вид. Соборная сессия затянулась, пожелали скорее распустить выборных и поэтому, не делая нового списка Уложения, который пришлось бы снова читать и сверять с подлинником, дали подписать им подлинный столбец.⁹

Д. М. Мейчику работа над Уложением представлялась следующим образом: к 1 сентября 1648 г. — сроку, к которому собирались выборные из городов, готово было не более 10 начальных глав Уложения.¹⁰ Остальные 15 глав не могли еще быть окончены. Употребив на первые главы около полутора месяцев, редакторы на окончание всего труда должны были потратить еще около четырех месяцев. Так оно и было. Уложение, судя по послесловию, «совершено» 29 января 1649 г. Думается, что спешность работы над Уложением повлияла на его структуру.

В плане этих соображений приведем наблюдения К. А. Софроненко над структурой Уложения.¹¹ Первые 10 глав Уложения излагают нормы права отдельных институтов: борьба с преступлениями против прав церкви, против личности царя, в особый раздел выделены преступления по подделке документов, печатей, фальшивомонетничество, преступления, связанные с изменой отечеству, в отдельный раздел выделены финансовые вопросы и вопросы судопроизводства. Далее последовательность освещения ин-

⁷ Об источниках, из коих взято Уложение царя Алексея Михайловича. — Московский телеграф, 1831, ч. XXXVIII, № 7 (апрель), с. 400—415.

⁸ Загоскин Н. П. Уложение..., с. 58—59.

⁹ Там же, с. 60.

¹⁰ Для доказательства приводилась ст. 24 главы XI, в которой воспрещалось об утаенных дворах бить челом «впредь сентября с 1 числа нынешняго 157-году» (Мейчик Д. М. Дополнительные данные к истории Уложения. — Сб. Археол. ин-та, СПб., 1880, кн. 3, с. 104).

¹¹ ПРП, в. VI, с. 14—15.

ституты нарушается: глава XI характеризует правовое положение крестьян; главы XII—XIII освещают вопросы подсудности духовенства и феодально-зависимых от церковного суда людей; главы XIV—XV — о крестном целовании как виде доказательства на судебном процессе и «вершеных» делах — являются как бы продолжением изложения норм главы X (вопросы судопроизводства).

Процессуальные вопросы предыдущих глав прерываются главами (XVI—XVII), где рассматриваются вопросы феодального земельного права. Неясно помещение далее главы XVIII — о печатных пошлинах, тем более что главы XIX—XX — о нормах, относящихся к правовому положению холопов и посадских людей. Главы XXI и XXII оказались, таким образом, оторванными от остальных глав, излагающих виды преступлений. Главы XXIII—XXV регулируют вопросы правового положения служилых людей. Главы XXII—XXV названы указами, что свидетельствует о внесении царских указов как особых глав.¹²

Слушание Уложения, как показал Мейчик, происходило не в порядке расположения глав в подлинном свитке и печатных изданиях. Мейчик указывал на челобитные, которые были доложены царю 13 и 25 ноября, 18 декабря 1648 г. и послужили источником для 9-й и других статей главы XIX. Глава XI слушалась в начале января 1649 г., ибо закон об отмене урочных лет для крестьянского сыска должен был войти в силу со 2 января того же года, как о том свидетельствует грамота в Звенигород от 24 января 1649 г. Одной из последних утверждена глава XVII — «О вотчинах»: в заключительной статье главы запрещается возобновление дел, решенных до 28 января 1649 г., тогда как челобитье выборных об имениях, приобретенных духовенством и монастырями, было подано еще в начале ноября 1648 г.¹³

Итак, по наблюдениям Мейчика, 28 января 1649 г. было последним днем в ряду дней, когда утверждались статьи Уложения.¹⁴

По свидетельству послесловия Уложения, книга «совершена» 29 января 1649 г. Мейчик считал, что в этот день Уложенный список был скреплен руками всех членов собора. Разнообразие почерков, помарки, вставки, подчистки и сохранившаяся до наших дней «Опись поправкам» — все это указывает на спешность работы.

¹² А. Г. Маньков считает, что в основу систематики глав Уложения положена группировка по видам права. На построение глав повлияло обычное для XVII в. стремление рассматривать объект одновременно со всех сторон — от возбуждения дела до исполнения судебного решения. Такая структура создает трудности при анализе права Уложения по его отраслям (Маньков А. Г. Уложение..., с. 57).

¹³ Мейчик Д. М. Дополнительные данные..., с. 105; см. ААЭ, т. IV, № 32, 33; АИ, т. IV, № 30; см. также: Маньков А. Г. Уложение..., с. 49—51.

¹⁴ Мейчик Д. М. Дополнительные данные..., с. 114—115.

Вместе с тем для Мейчика Уложенный список не есть первоначальный проект, внесенный законодательной комиссией на рассмотрение и утверждение собора. Выражение послесловия «совершена сия книга» вместе с общим смыслом предисловия позволяет думать, отмечал Мейчик, что начальный черновой подлинник имел вид книги с полями для разных заметок и поправок. Одна из таких заметок (очевидно, по ошибке переписчика) попала в текст Уложенного столбца в ст. 30 главы X (о Троице-Сергиевом монастыре). Затем Уложение было «написано на список», в него и попало послесловие этой книги. Далее нужно было приготовить его к печати. С этой целью царь повелел переписать его в книгу за скрепою дьяков Леонтьева и Грибоедова.

С гипотезой Мейчика о черновой книге не соглашался Владимирский-Буданов, считавший, что способ составления и утверждения памятника требовал написания его на столбце, так как при изменениях текста легче было работать со столбцами.¹⁵ Владимирский-Буданов считал, что «книгою назван кодекс, а не форма вещества, на котором он написан». Для подтверждения своего мнения Владимирский-Буданов указывал, что в других источниках Уложение называется «Уложенной книгой».

В советской историографии одним из последних по этому вопросу писал П. Я. Черных, он считал мнение Владимирского-Буданова неубедительным. Объяснение Черных таково: было известно, что Уложение должно было быть написано в форме книги, поэтому уже в списке употребили слово «книга», чтобы не переделывать текста при напечатании.¹⁶

Мнение Черных можно было бы принять безоговорочно, если бы мы не знали, что в предисловии свитка при печатании Уложения были внесены поправки. Думается, что с таким же успехом могли бы их внести и в послесловие.

Представляется более убедительным мнение Владимирского-Буданова, сводящееся к тому, что в свитке книгою назван кодекс, а не материал, на котором он написан.

Сравним тексты предисловия и послесловия свитка.

Предисловие: «... с думными людьми сего собрания слушал и выборным людем ... чтено, чтоб то все Уложение впредь было прочно и неподвижно. И указал государь то все Уложение написать и то Уложение закрепить святейшему Иосифу ... А закрепя то Уложение руками, указал государь списать в книгу и закрепить тою книгу дьячьими руками, а с тою книги...»; «А как сие Уложение по государеву ... указу чтено выборным людем, и в то время в Ответной палате ... сидел ... Долгорукой да с ним выборные люди». Итак, в предисловии свитка Уложение называет себя только «Уложением». Здесь отсутствует слово «список», появившееся в печатных экземплярах. Нет в предисловии свитка

¹⁵ Владимирский-Буданов М. В. Новые открытия в истории Уложения. — Киевские университетские известия, 1880, кн. 2, с. 15.

¹⁶ Черных П. Я. Язык Уложения, с. 18.

имен дьяков и целого абзаца о написании Уложения «на список» и «приложении» рук. Эта редакция заканчивается словами: «Совершена сия книга...», т. е. Уложение, как законодательный сборник.¹⁷

Что же прибавляется и изменяется в предисловии печатного экземпляра? Вместо слов «сего собрания слушал» — «того собрания». Теперь Уложение уже называется «списком»: «все Уложение написать на список и закрепить тот список». Далее указываются имена дьяков и вводится абзац: «И по государеву... указу, то Уложение на список написано. И святейший Иосиф, патриарх... к тому Уложению на списке руки свои приложили...».

Все эти прибавления в предисловии печатного экземпляра надо рассматривать как разъяснения, сделанные после окончания работы над Уложением и подписания его. Таким образом, в печатном экземпляре предисловие приобретает законченный вид: в нем последовательно рассказывается обо всех видах работы над Уложением вплоть до печатания. Таким окончательным вариантом предисловия является предисловие ко II изданию.

Несколько слов о заглавии Уложения. В подлинной рукописи (свитке) нет общего заглавия. На это указывали еще Ваденюк и Мейчик, это видно и из фотоконии (см. изд. Уложения 1913 г.).¹⁸

Обратим внимание на то, как называлось Уложение в самом законодательном памятнике и в других материалах конца 40-х гг. XVII в. Уложение, написанное на свитке, называет себя «Уложением», в заключительной записи (в конце свитка) читается «сия книга».

В печатном экземпляре говорится об Уложении, которое надо «написать на список и закрепить тот список», а затем и о выполнении этой работы — «то Уложение на список написано», «... к тому Уложению на списке руки свои приложили».

В памяти от 16 июля 1648 г. — первом документе, который пишет об Уложении (подробнее о памяти выше), оно называется «Уложенной книгой». В Выписке из расходных книг 40—50-х гг. XVII в. упоминаются слова «уложение, книги уложенные», в «Описи поправкам» к Уложению — «Уложенный список, список», в Книге записной книжной продажи — «Книги Уложения судных дел».

Тщательное описание внешнего вида подлинного свитка Уложения с указанием на многие палеографические особенности было сделано в 1878 г. слушателями Петербургского археологического

¹⁷ Отметим, что слова «список» и «книга» в XVII в. определяли форму документа — книжную или столбцовую. «Список... подлинной» употреблялся, например, для характеристики боярских списков. «Список» в словаре 1704 г. Федора Поликарпова — свиток, сверток; то, что свивается, скатывается в трубку. См.: Станиславский А. Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа. — В кн.: Актовое источниковедение. М., 1979, с. 126.

¹⁸ Ваденюк П. Е., Мейчик Д. М. Поездка слушателей института в Москву. — Сб. Археол. ин-та, СПб., 1879, кн. 2, с. 15.

института П. Е. Ваденюком и Д. М. Мейчиком.¹⁹ Они насчитали в Уложении 959 столбцов, длина каждого колеблется от 4 до 10 вершков. Бумага плотная, в нескольких местах разорвана, особенно пострадали начальные столбцы. Разорванные места подклеены. Скоропись, почерков не менее 5. Иногда почерк меняется вместе со столбцом, иногда один почерк занимает несколько столбцов. Всех же смен почерков, как заметил еще Миллер, не менее 400 (подробнее см. дальше). Рукоприкладства выборных людей крайне неразборчивы, в некоторых местах трудно поручиться за верность чтения. Расположение подписей по столбцам варьируется. По большей части каждый столбец скреплен подписью одного члена собора. Есть столбцы, подписанные двумя и более лицами (столбцы 955, 956). В некоторых случаях подпись одного лица растянута на несколько столбцов. Подпись № 210 тянется от столбца 571 до 583-го. На столбцах 304, 920, 959 подписей вовсе нет.

По склейкам лицевой стороны свитка сверху вниз тянется скрепа думного дьяка Ивана Гавренева. На обороте склейки скреплены двумя думными дьяками — Федором Елизарьевым и Михаилом Волошениновым и двумя дьяками — Гаврилом Леонтьевым и Федором Грибоедовым.

К 959-му столбцу Уложенного свитка приклеена, как свидетельствовали Ваденюк и Мейчик, «Опись поправкам». О существовании ее было известно еще в 1831 г.²⁰ Внешнее описание этой «Описи» и публикация ее были подготовлены Ваденюком и Мейчиком.²¹ «Опись» имеет заглавие, из которого следует, что в Уложенном списке были сделаны подчистки, поправки, вписаны слова еще до того, «как к тому списку руки приложены». В Книгах — «письменной и печатной» — эти поправки уже были учтены.²² После заглавия в «Описи» перечисляются поправки начиная с предисловия и кончая 25-й главой. По склейкам «Опись» скреплена подписями тех же дьяков, что и свиток Уложения, — Г. Леонтьева и Ф. Грибоедова. Документ состоит из 10 сставов.

П. Я. Черных на основании упоминания в заглавии описи «печатной» книги Уложения предполагал, что «Опись» была написана после того, как было напечатано Уложение, по крайней мере в I издании, по-видимому, летом 1649 г. Следует еще раз подчеркнуть (на это Черных не обратил внимания), что сами поправки в свитке Уложения сделаны до подписей на нем, а «Опись поправкам» как документ написана позднее, возможно и летом 1649 г. «Опись поправкам», на это указывали ее публикаторы, составлена без особой тщательности: не все исправления и вставки в ней отмечены. Некоторые исправления, указанные в описи, невозможно прочитать из-за дефектов рукописи.

¹⁹ Там же, с. 1—30.

²⁰ Об источниках. . . , с. 400—415.

²¹ Ваденюк П. Я., Мейчик Д. М. Поездка. . . , с. 23—30.

²² Имеются в виду рукописная книга, приготовленная со свитка для печатания, и печатный экземпляр Уложения, сделанный в 1649 г.

В связи с поправками к Уложению обращают на себя внимание заметки против трех статей: ст. 111 главы X — «попомнить», ст. 189 главы X — «поговорить о той статье с бояры», ст. 40 главы XVI — «поговорить с бояры». Эти заметки Загоскин, например, расценивал как попытку пересмотра некоторых определений Уложения.²³ В то же время он отмечал, что сравнение этих статей свитка с печатными статьями показало, что никакие изменения в них не были внесены.

Характеризуя правописание подлинного свитка, исследователи подчеркивали, что оно, будучи фонетическим, изменяется с каждым почерком. Но в целом правописание и язык свитка близки к разговорной русской речи московского типа в устном ее употреблении. Отмечаются такие особенности, как постоянное смешивание «ѣ» и «е» в корнях слов и в суффиксах; переход «к» перед «к» и «т» в «х», «ч» перед «ч» — в «ш» (кто, хъ кому); родительный падеж единственного числа местоимений и прилагательных мужского рода оканчивается в большинстве случаев на «-ово» и «-ево» (ково, ево, прихожево, чюжево; неопределенная форма глаголов на «-тсья» и «-тисья», как правило, оканчивается на «-тца» (вступатца, вдаватца).²⁴

Обнародование общих гражданских законов в печати начинается в России Соборным Уложением царя Алексея Михайловича. До этого, правда, был напечатан Номоканон (Кормчая Книга), но он не относится к разряду гражданских законов.

О том, что Уложение должно быть напечатано, сказано в предисловии к нему: «...а с тое книги для утверженья... напечатать многие книги и всякие дела делать как писано ниже сего». Так читаются эти слова в свитке. В I издании этот абзац повторен без изменений. Во II издании к словам «списан список в книгу слово в слово» прибавляется «а с тое книги напечатана сия книга», т. е. имеется в виду II издание.

Более подробные сведения о печатании Уложения содержатся в Расходной книге Печатного двора, опубликованной Ваденюком и Мейчиком в 1879 г.²⁵ Судя по Расходной книге, Уложение печаталось с 7 апреля по 20 мая 1649 г. В этот период печатался «первый завод» (I издание). Для печатания нужно было в виде книги приготовить противень Уложенного свитка и составить оглавление («указ главам»), занимающее 60 с половиной листов старой печати. В Расходной книге названы имена 5 справщиков, проводивших работу по печатанию Уложения, упоминалось о переделке 72 листов «в книге судебных дел». Всего было издано 1200 экз. Указ о продаже книг датирован 1 июня, к 7 августа почти весь тираж (1100 книг) был распродан.²⁶ Исследователи считают, что факт «переделки» 72 листов в тексте Уложения сле-

²³ Загоскин Н. П. Уложение... с. 65—66.

²⁴ Подробнее см.: Ваденюк П. Е., Мейчик Д. М. Поездка... с. 16—18; Черных П. Я. Язык Уложения... с. 132—133.

²⁵ Ваденюк П. Е., Мейчик Д. М. Поездка... с. 21—23.

²⁶ Мейчик Д. М. Дополнительные данные... с. 116.

дует учитывать при решении вопроса о причинах переиздания Уложения. В чем состояла переделка и какие именно листы были перепечатаны, неизвестно. Ясно только, что переделка была закончена к 20 мая 1649 г.²⁷

17 августа 1649 г. в связи с жалобой гостей последовал царский указ написать гостей в Уложенной книге выше дьяков, а 27 августа 1649 г. — указ о том, чтобы печатать «второй завод» (II издание) — тоже 1200 книг. «Завод» этот вышел в свет 21 декабря 1649 г. и продавался до 1651 г.²⁸

Еще Н. П. Загоскин считал, что в 1649 г. в царствование Алексея Михайловича было выполнено два издания Уложения.²⁹ Сличая их, он выделил внешние особенности этих изданий: различия в наборе, переносе строк, букв; различия в заставках и красных буквах указал на л. 62, 66, 67 об., 71, 74 об., 85, 86, 93, 180, 183 об., 188 и др.; различия в написании неопределенного наклонения глаголов на «-ти—ть» (I изд. «-ти», II — «ть»); в I издании опечатки затерты черной краской, во II — выправлены (л. 61 (6-я строка снизу), 263 об. (6-я строка снизу), 284 об. (1-я строка снизу), 285 (1-я строка сверху), 332 (12-я строка снизу) и др.); различия на л. 285 (I изд. — числа статей ПГ, ПД³⁰ ошибочно набраны ПВ, ПГ; во II изд. эти опечатки выправлены). I издание Загоскин считал неисправленным, а II — исправленным. В то же время он подчеркивал, что изменений в редакциях статей нет, а есть только варианты. Кроме того, Загоскин обратил внимание на то, что экземпляр I издания, которым он пользовался (принадлежал Д. А. Корсакову), наводит на мысль о перемене и вставке в него некоторых листов после окончания печатания (на л. 64 набор как бы искусственно подогнан для окончания предисловия на его обороте; л. 65 нет в обоих изданиях; бумага и набор л. 91, 92 резко отличаются от предыдущих и последующих; на последних двух листах нет нумерации, она приписана уже чернилами). Однако от каких-либо выводов на основе анализа одного экземпляра он отказался.³⁰

Итак, по материалам Печатного двора, Уложение было напечатано в течение 1649 г. два раза. Некоторые исследователи старопечатного Уложения насчитывают три издания Уложения. О трех изданиях Уложения сказано в предисловии к т. I ПСЗ, но в самой общей форме. В статье, напечатанной в 1831 г. в журнале «Московский телеграф», говорилось о двух изданиях 1649 г. Мнение это подкреплялось многочисленными примерами, показывающими отличие I издания от II. Такого же мнения придерживался Н. П. Загоскин, он суммировал наблюдения над

²⁷ Латкин В. Н. Материалы для истории земских соборов XVII в. СПб., 1884, с. 189; Николаевский П. Московский печатный двор при патриархе Никоне. — Христианское чтение, 1891, № 1—2, с. 175; Черных П. Я. Язык Уложения..., с. 22.

²⁸ Мейчик Д. М. Дополнительные данные..., с. 116; ПСЗ, т. 1, № 247.

²⁹ Загоскин Н. П. Уложение..., с. 66.

³⁰ Там же, с. 79, прим. 1.

двумя изданиями и показал их различия в орфографическом, грамматическом отношениях и в смысле разночтений. Он установил наличие расхождений текстуального характера. Мнение Мейчика сводилось к тому, что существование третьего издания Уложения доказывается наружным осмотром различных старопечатных экземпляров и требует проверки.³¹

Сохранившиеся экземпляры печатного Уложения по внешним признакам резко распадаются на три группы. Именно этот факт и питает мнение о трех изданиях Уложения. Наиболее убедительно, на наш взгляд, вопрос об изданиях Уложения решил В. Л. Борисов еще в 1899 г.³² Он изучил 9 печатных экземпляров текста Уложения и разделил их на 3 группы. К 1-й группе он отнес экземпляр Уложения (БАН, № 97), характеризующий собой признаки I издания.³³ 2-ю группу печатных экземпляров, таких у Борисова было 3, он отнес ко II изданию (примером служил экземпляр, хранящийся в ГПБ, № 11 (III. 2. № 11)).

Изучение печатных экземпляров Уложения 1649 г. позволило Борисову выделить группу, которую он назвал третьей — переходной между первой группой (I изданием) и второй (II изданием). По набору, заставкам, переносам и другим внешним признакам экземпляры этой группы соответствуют I изданию. Таких экземпляров у Борисова было 5.³⁴ Эта группа характеризуется опечатками I издания (см. л. 18, 44, 48 об., 51 об., 72, 81 об., 88, 94, 100, 159, 170, 172 об., 190, 219, 230, 237, 241 об., 246, 250 об., 263 об., 284 об., 285, 332). Расхождения с I изданием только в отдельных листах, напечатанных особо и включенных в экземпляры I издания уже после выхода издания в свет. Эти переделки относятся к тем местам Уложения, которые содержат смысловые различия, отличающие I издание от II. В этой группе экземпляров в предисловии прибавлена фраза «а с тое книги напечатана сия книга»; в ст. 1 главы II — «таким» I издания исправлено на «каким», так в свитке и во II издании; ст. 13 главы II — «и тем их изветом», так в свитке и во II издании, в I издании исправлено на «и тому их извету» во фразе «а в том деле ничем их не уличат, и тому их извету не верить». В ст. 25 главы X в I издании при перечислении праздников добавлено «с предпразднеством», а также слова «владычныя и», «вся в чистоте», «отнюд не пити». Ни в свитке, ни во II издании этих добавлений нет, их нет и в выделенной Борисовым группе экземпляров.

В ст. 28 главы X только в I издании добавлены фразы «а в четверток великий в банях не париться», «Да в Вознесениев

³¹ Подробнее см.: Черных П. Я. Язык Уложения..., с. 111—121.

³² Борисов В. Л. К вопросу об издании Уложения царем Алексеем Михайловичем. — Вестн. археологии и истории, издаваемый СПб. археологическим институтом, 1899, в. XII, с. 14—28.

³³ Борисов В. Л. К вопросу..., с. 25.

³⁴ Переходным, по нашему мнению, является экземпляр, хранящийся в Архиве ЛОИИ СССР (к. 115, № 517).

день бань не топяти ж, и на Усекновение и рождество Иоанна Предтечи на игрища не ходить», «Да в Петров пост во многих городех, заговев, в первой понеделник бесятся и играют, и то искоренить проклятое дело». Нет в I издании слов «и епископле» в ст. 28. В статьях 30, 83, 91, 158 исправлено и положение «гостей» по отношению к другим чинам, в свитке и I издании гости указаны ниже всех других чинов. В ст. 4 XIV главы только в I издании нет слов «кому крест целовати». Изменена по сравнению со свитком и I изданием ст. 10 той же главы относительно крестного целования.

Когда и почему были сделаны эти исправления, пока остается неясным, за исключением исправлений, связанных со статьями, где упоминались гости. Они были внесены в связи с челобитной гостей, помеченной 17 августа 1649 г.

Листы предисловия (л. 61 об.—64) в переходных экземплярах также были перепечатаны. В I издании предисловие начинается с лицевой стороны л. 62, на нем помещен текст, ограниченный словами «В лето... да Федору Грибоедову»; л. 63 занимает отрывок от слов «а для того своего государева и земского... дела» и кончая фразой «и те статьи написав вновь, к государю приносили»; на л. 64 — окончание: «и в нынешнем... люди». При перепечатке начало предисловия помещено на обороте л. 61, тот отрывок, который раньше приходился на л. 63, уместился на л. 62 об.; л. 64 об. остался без изменения, исключая вставки на его обороте фразы «а с тое книги напечатана сия книга», не оказавшей влияния на его общее расположение. Благодаря такому расположению л. 63 стал лишним, так как он повторял то, что напечатано на л. 62, поэтому во многих экземплярах он вырезан, а его пагинация перенесена на предшествующий л. 62, получивший двойную пагинацию (62,3).³⁵ Иногда пагинация не перенесена, тогда л. 63 вовсе отсутствует. В других экземплярах для избежания такой двойной пагинации оставлены оба листа (л. 62 и 63); ч. 63 представляет собой повторение большей части л. 62.³⁶

Во II издании — всюду двойная пагинация л. 62 и отсутствие повторения текста на л. 63. Таким образом, отсутствие л. 63 в экземпляре может быть признаком для определения измененного I издания (т. е. переходного) и II издания, но не I издания. Добавим еще признаки, различающие I и II издания:

1) I издание л. 1 кончается строкой «комъ деле бити челом»; II издание — «о какомъ деле бити челомъ»;

2) I издание л. 184 об., 4-я строка сверху — «в вере дати жеребей, и им в том дати жеребей»; II издание — «в вере дати жеребей, кому крест целовать, и им в том дати жеребей»;

3) I издание л. 338, последняя строка — «днь»; II издание — «в К̅Θ̅ день»;

³⁵ Примером может служить экземпляр: ГПБ, т. 2, № 10-а.

³⁶ Примером служат экземпляры: ГПБ, III.2, № 10-а — и не отмеченный Борисовым: Архив ЛОИИ СССР, к. 115, № 517.

4) I издание л. 221 — пагинация поставлена правильно: «с̄ка»; II издание — пагинация исправлена, раньше ошибочно было «скв», «в̄» переделано на «а̄».

Мнение о наличии двух старопечатных изданий Уложения 1649 г. в 1953 г. поддержал языковед П. Я. Черных.³⁷ В этом убеждает наличие текстуальных разночтений между экземплярами I и II изданий.

Вместе с тем наличие расхождений между экземплярами Уложения по внешним признакам (набору, заставкам, переносам, количеству листов в тетрадах и т. п.) заставило А. С. Зернову в 1958 г. считать, что Уложение 1649 г. напечатано тремя изданиями.³⁸ 45 печатных экземпляров Уложения были разделены ею на три группы (А, Б, В). Она полагала, что варианты, разделяющие Уложение на три издания, можно обнаружить почти на каждом листе. В основе ее деления — число листов в тетрадах и число досок для орнамента (причем экземпляры Б и В по числу листов в тетрадах исследовательница не разделяет). О работе Борисова Зернова не упоминает, возможно, она не была с ней знакома. Нам представляется, что мнения Борисова и Зерновой не противоречат друг другу: Борисов не отрицал наличия трех групп изданий по внешним признакам. Заслуга Зерновой, несомненно, в том, что она просмотрела и обнаружила уже 45 экз. Уложения и указала на место их хранения.³⁹ Изучение текста I и II изданий с точки зрения разночтений языкового порядка было предпринято Черных. Он полагал, что изменения текстуального порядка были внесены, вероятно, сразу после напечатания I завода (I издания) и осуществлены путем перепечатки отдельных листов. Сличив текст I и II изданий, Черных пришел к заключению, что проводилась вполне сознательная, преднамеренная правка текста Уложения. Она коснулась только «внешней» стороны Уложения, т. е. форм языка и орфографии. Их он называет разночтениями языкового порядка.⁴⁰

Важным этапом в изучении истории Уложения была работа по сличению подлинной рукописи — свитка со старопечатными изданиями. Большую работу в этом плане проделали в 1878 г. П. Е. Ваденюк и Д. М. Мейчик.⁴¹ Разночтения подлинника и печатных изданий эти исследователи делят на 3 группы: 1) явные исправления

³⁷ Черных П. Я. Язык Уложения... с. 120.

³⁸ Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XV—XVII веках. Сводный каталог. М., 1958, № 216.

³⁹ Издания группы А хранятся: ГБЛ, ЦГАДА, ГИМ, ГПБ; Б: ГБЛ, ЦГАДА, ГИМ, ГПБ, ГПИБ, БАН; В: ГБЛ, ГИМ, ГПИБ, ГПБ, БАН; Зернова А. С. Книги... с. 69. Зерновой не учтены экземпляры из Архива ЛОИИ СССР, к. 115, № 513 (II издание 1649 г.), 517 (переходное, по терминологии Борисова, издание 1649 г.) и библиотеки МГУ. Поздеева И. В., Кашкарова И. Д., Леренман М. М. Каталог книг кириллической печати XV—XVIII вв. научной библиотеки МГУ. М., 1980, с. 186.

⁴⁰ Черных П. Я. Язык Уложения... с. 121.

⁴¹ Ваденюк П. Е., Мейчик Д. М. Поездка... с. 12.

описок, допущенных в подлинном свитке; ⁴² 2) изменения по воле верховной власти (сюда относят 3 случая, когда «гости» перемещены выше «дьяков» (статьи 30, 83, 158 главы X)); 3) изменения, причина которых неясна (прибавления к ст. 25 главы X — о праздниках только в I издании; редакция ст. 10 главы XIV — о крестном целовании, изменено только во II издании).

Первые 10 глав свитка помечены церковнославянскими цифрами и имеют каждая свое заглавие. С XI главы счет главам прекращается, а содержание не всегда обозначено. Глава XI называется «суд о крестьянех» (в изданном тексте глава имеет номер и указание на число статей: «а в ней 34 статьи»).⁴³ Главы XII—XV без всяких названий (в изданном тексте они пронумерованы и озаглавлены, указано число статей). Главы XVI—XIX, XXI, XXIII названы указами (указ о поместных землях, указ о татиных и разбойных делах; в изданном тексте слово «указ» опущено, добавлены указания на число статей в главах). Остальные заголовки свитка Уложения и печатного экземпляра совпадают.

Текст глав в подлинном свитке разбит на статьи. В большинстве случаев подобное деление совпадает с таковым печатных изданий. Однако встречаются несовпадения: в подлиннике текст написан без разбивки, а в печатных изданиях разделен на статьи. В главе I написаны без разбивки статьи 6—9, в главе II — статьи 20—21, в главе XVII — статьи 2—7, 10—11, 13—14, 15—16, 17—18, 22—24. Ст. 26 печатного издания состоит из двух частей, в свитке не разделена. Такие же случаи в главе IX. В подлинном свитке статьи не пронумерованы, поэтому там не показан и общий итог статей каждой главы, как это сделано в печатном издании (исключение составляют главы III—X). Отметим также, что в свитке Уложения цифры изображены буквенной цифирью (К=20 и т. д.), во II издании — словами.

Свиток начинается с предисловия, старопечатное Уложение — с оглавления. Оглавление, по предположению Черных, было написано после составления Уложения и отличалось большей искусственностью орфографии и языка, чем основной текст.⁴⁴

Сличение начала подлинного свитка Уложения с обоими изданиями позволило Черных сделать вывод о проведении архаизации и славянизации текста I издания Уложения по сравнению с текстом свитка. II издание по орфографии больше прибли-

⁴² В подлиннике (стб. 6) в титуле патриарха опущено «святѣйшій», ср. издание л. 64, 4-я сверху строка. Стб. 7 (или 6 подлинника) — в исчислении чинов нет слов «и гостем и торговым», ср. издание, л. 64, 5-я снизу строка. В ст. 30 главы X текст о Троице-Сергиевом монастыре читается только в подлиннике.

⁴³ Ваденюк П. Е., Мейчик Д. М. Поездка. . ., с. 15.

⁴⁴ Черных П. Я. Язык Уложения. . ., с. 136. — По нашим наблюдениям, оглавление, как правило, включало в себя начало статьи текста или какой-то абзац из нее. Пример: ст. 10 главы IX — оглавление: «кто мыт и перевоз или мостовщину вново заведет». Текст статьи начинается теми же словами. То же можно сказать об оглавлении к главе I и др.

жено к подлиннику, но все-таки некоторая архаизация осталась. Факт архаизации Черных ставит в связь с деятельностью Московского печатного двора и в первую очередь с деятельностью «справщиков», работавших над Уложением в процессе его печатания, — Ивана Наседки, Михаила Рогова и других. Черных полагал, что текст Уложения в I издании был архаизирован без ведома редакционной комиссии кн. Н. И. Одоевского и вызвал протест председателя комиссии. Протест был учтен при переиздании Уложения в ноябре 1649 г. Черных считал, что II издание было перепечатано с рукописи или с исправлениями по рукописи, правда не особенно последовательно осуществленными.⁴⁵

Все эти данные говорят о том, что текст Уложения претерпел в процессе изданий (I и II) в 1649 г. некоторую правку и уточнения главным образом редакционного характера. II издание 1649 г. приобрело тот вид законодательного памятника, который и был принят в юридической практике XVII в.

По поводу вступления Уложения, как кодекса, в силу закона отметим следующее: Н. П. Загоскин совершенно прав, когда писал, что вступление Уложения в обязательную силу должно считать с момента рассылки напечатанных экземпляров его по приказам и городам.⁴⁶ Свою мысль он подкреплял цитатой из предисловия Уложения: «А закрепя то уложение руками, указал государь списати в книгу. . . а с тое книги для утверженья на Москве во все приказы и в города, напечатать многие книги, и всякие дела делать по тому Уложению». Так звучит текст предисловия во II издании 1649 г. В Уложенном свитке последняя фраза читается так: «. . . напечатать многие книги и всякие дела делать как писано ниже сего».

Некоторые исследователи полагали, что «29 января» — дата окончания письменных работ по Уложению и, следовательно, вступления нового кодекса в силу.⁴⁷

Сведений о том, что в юридической практике прибегали к тексту подлинного Уложения, нет.

Издания Уложения, осуществленные в 1649 г., набирались церковнославянским шрифтом (кириллицей). Только в 1737 г., почти через 100 лет, было осуществлено, как это подчеркивал Загоскин, третье издание Уложения.⁴⁸ Оно, в отличие от предыдущих, набрано гражданским шрифтом. Издание 1737 г. было осуществлено по тексту второго издания 1649 г.⁴⁹ Издания XVII в. не имели заглавия. Изданию 1737 г. предпослано широковещательное заглавие — плод измышлений издателей.⁵⁰ Памятник озаглавлен:

⁴⁵ Черных П. Я. Язык Уложения. . . , с. 67—72, 133—134.

⁴⁶ Загоскин Н. П. Уложение. . . , с. 61.

⁴⁷ Черных П. Я. Язык Уложения. . . , с. 18.

⁴⁸ До Загоскина среди историков русского права было мнение, что издание 1737 г. — это второе издание Уложения (Загоскин Н. П. Уложение. . . , с. 66).

⁴⁹ На титульном листе издания указано: «Издано вторым тиснением при императорской Академии Наук 1737 года».

⁵⁰ Ваденюк П. Е. и Мейчик Д. М. Поездка. . . , с. 15.

«Уложение, по которому суд и росправа во всяких делах в Российском государстве производится, сочиненное и напечатанное при владении его величества государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея России самодержца в лето от сотворения мира 7156». Сочинение и написание Уложения отнесено в заглавии к 7156 г., тогда как в послесловии сказано, что оно «совершено» 29 января 7157 г.⁵¹ Положив в основу этого издания II издание 1649 г., издатели допускают некоторые отступления в передаче текста: 1) числовая нумерация глав II издания заменяется словесной, например, глава 24 (КД) передается «глава двадесять четвертая»; 2) произведена правка орфографии текста, она приближена к нормам грамматики 30-х гг. XVIII в. Так, в прилагательных с окончанием на «-ого» напечатано «-аго», инфинитив на «-ть» заменяется полной формой «-ти», окончание «-е» заменяется «-ѣ» («вскоре» — II издание, «вскорѣ» — 1737 г.), предлоги в издании 1737 г. получают окончание «ъ», а начальный «ы» переделывается в «и» («в ыные» — II издание, «в иные» — 1737 г.), «ь» в середине некоторых слов, где не требуется мягкость по нормам грамматики XVIII в., опускается («государское» — II издание, «государское» — 1737 г.), но восстанавливается, где мягкость требуется (ст. 202 главы X — «околным» — II издание, «окольным» — 1737 г.; «похвалбе» — II издание, «похвальбе» — 1737 г.), в конце слов «ь» заменяется на «ї» («умышленѣем» — II издание, «умышленіемъ» — 1737 г.), окончания глаголов на «-тца» II издания изменяется на «-тиса» («ссылатца», «дружитца» — II издание, «ссылатиса», «дружитиса» — 1737 г., ст. 2 главы II); 3) оглавление, помещенное во II издании в начале книги, перенесено в конец. Им и оканчивается текст Уложения. В остальном текст передается согласно II изданию 1649 г.

Изучение текста издания 1737 г. проводилось Миллером в 1767 г. В 1850 г. И. Е. Забелин опубликовал его материалы. Миллер выявил варианты печатного издания 1649 и 1737 гг., считая издание 1737 г. вторым. Позднее Загоскин доказал, что это варианты между I и II изданиями 1649 г., а издание 1737 г. повторяет II издание 1649 г.⁵²

После 1737 г. Уложение переиздавалось в XVIII в. довольно часто: в 1748, 1759, 1776, 1778, 1779, 1780, 1790, 1792 и 1796 гг. Эти переиздания были осуществлены в Петербурге и повторяли издание 1737 г. страница в страницу. В 1804 г. Уложение было издано в Москве. Затем известны издания Уложения 1649 г. в 1808 и 1820 гг.

Несколько слов об истории разыскания подлинного Уложения и начале его научного изучения.

⁵¹ На эту неточность обращено внимание в статье: Вадеюк П. Е. и Мейчик Д. М. Поездка... с. 2.

⁵² Забелин И. Е. Сведения о подлинном Уложении царя Алексея Михайловича. — Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. кн. 1. М., 1850, с. 1—18 (отделение II); Загоскин Н. П. Уложение... с 66—73.

В середине XIX в. благодаря публикации Забелина стало известно, что подлинным Уложением интересовалось правительство Екатерины II. Забелин в своей статье излагает историю разыскания подлинного свитка Уложения и знакомит читателей с работой, проделанной над ним Миллером.⁵³

Интерес к тексту Уложения пробудился в 1767 г., когда в Москве была учреждена Комиссия для сочинения проекта нового Уложения. Екатерина II пожелала видеть подлинник Уложения царя Алексея Михайловича, чтобы узнать, кто именно закрепил его своим рукоприкладством. После поисков обнаружилось, что «столбец Уложенный», как называли его в XVII в., хранился со времен царя Алексея Михайловича в Приказе Большой Казны, вошедшем позднее вместе с Казенным приказом в состав Мастерской и Оружейной палаты. 18 апреля 1767 г. присутствие Мастерской и Оружейной палаты сообщило, что в Казенной палате, близ Благовещенского собора (в Кремле), сыскан железный сундук, где хранятся оригинальное Уложение в суконном красном мешке и печатный экземпляр его первого издания 7157 г.⁵⁴ 19 апреля столбец и книгу представили Екатерине II, которая поручила коллежскому советнику и профессору Герарду Фридриху Миллеру списать с подлинного Уложения рукоприкладства. Уложение было отдано Миллеру с распискою, при этом взвешено (вес 11 фунтов 79 золотников (4 кг 735 г)). Миллер списал все рукоприкладства, сделанные на свитке Уложения в порядке их расположения, списал скрепы дьяков, измерил длину Уложения (434 аршина), насчитал около 400 перемен почерков. Список лиц, приложивших руки к Уложению, составил у Миллера 1416 номеров. Забелин указывал, что в этот счет неправильно внесены избиратели двух Стрелецких приказов, выборные которых, подписываясь, упомянули их число: один — 500 домов (см. № 297), другой — 600 человек (№ 298); это и подало повод к внесению их в общий счет. Сюда же попало одно лицо, расписавшееся только за неумением грамоте выборного (№ 300). Список, опубликованный Забелиным, имеет 315 номеров. Кроме того, Забелин напечатал составленные Миллером Список вариантов печатного Уложения, изданного в 1649 и в 1737 гг., и сведения об указаниях на источники, сделанные на полях свитка Уложения. Работа, проделанная Миллером по изучению подлинного Уложения в 1767 г., увидела свет только через 100 лет. Ранее сведения об указаниях на источники, сделанные на полях свитка Уложения, были изданы в 1831 г. в журнале «Московский телеграф» и в 1847 г. в работе В. А. Линовского.⁵⁵

⁵³ Забелин И. Е. Сведения о подлинном Уложении..., с. 1—18 (отделение II).

⁵⁴ Сведения о розыске подлинного Уложения отражены в деле архива Оружейной палаты, 1767 г., № 13; см.: Забелин И. Е. Сведения о подлинном Уложении..., с. 1.

⁵⁵ Линовский В. А. Исследование начал уголовного права, изложенных в Уложении царя Алексея Михайловича. Одесса, 1847.

Одновременно с Миллером над подлинным свитком Уложения работал М. Г. Собакин. Об этом говорится в записи на списке Уложения, изготовленном в XVII—XVIII вв. Он и нашел Уложение, передав его для представления Екатерине II. В этом же списке сохранились пометы, которые свидетельствуют о работе по сличению подлинного свитка Уложения со списком XVIII в. К этому экземпляру была приложена выписка из ст. 10 главы XIV Уложения, сделанной по подлиннику, с отметами, которые ее отличали от печатных изданий. На полях текста предисловия Уложения отмечены места, отсутствующие в подлинном свитке. Сведения об этом списке Уложения и сличении его с подлинником приводят в своей статье П. Е. Ваденюк и Д. М. Мейчик.⁵⁶

В 1830 г. был опубликован первый том Полного собрания законов (далее — ПСЗ), открывавшийся текстом Уложения 1649 г.⁵⁷ Важным компонентом тома является предисловие, в котором издатели текста Уложения впервые сделали попытку научного его осмысления, обратив внимание на взаимоотношения подлинника Уложения и его изданий. В предисловии подчеркивалось, что обнародование общих узаконений в печати России начинается Соборным Уложением царя Алексея Михайловича. Называя Уложение «Соборным», издатели, несомненно, хотели подчеркнуть, что законодательство принято на земском соборе, и тем показать его значение. Напомним, что в публикациях до ПСЗ памятник назывался Уложением.

Издатели отмечали свое знакомство с подлинным Уложением и с «Описью поправок». Что касается первоначального издания Уложения, напечатанного кириллицей, то они придерживались мнения о наличии трех изданий 1649 г. Указывалось, что до издания ПСЗ было 13 изданий Уложения гражданской печати, в которых есть опечатки и отступления. Для ПСЗ, как отмечалось издателями в предисловии, принимали тексты первоначальных трех изданий, как «вернейшие и постоянным употреблением их в присутственных местах утвержденные». По существу же публиковался текст II издания 1649 г. с поновлениями орфографического характера, сделанными в издании 1737 г.

В 1-м томе ПСЗ издавался только текст Уложения. Оглавление, составленное и изданное в первопечатных и последующих изданиях XVIII—начала XIX в., опускалось. Что касается передачи текста, то издатели вносили в него некоторые исправления орфографического порядка согласно своему времени. Внесена поправка и в предисловие (без оговорки): указ о составлении Уложения помечен 16 июня, тогда как в подлинном свитке и других изданиях он датирован 16 июля.⁵⁸

⁵⁶ Ваденюк П. Е., Мейчик Д. М. Поездка... с. 7.

⁵⁷ Полное собрание законов Российской империи, т. 1. С 1649 по 1675 г. (Собрание первое). СПб., 1830.

⁵⁸ Дату в ПСЗ — 16 июня — Л. В. Черепнин считал ошибочной (Черепнин Л. В. Земские соборы... с. 286). Еще в 1880 г. Мейчик обратил внимание на противоречие между этой датой и указанием на срок цар-

Новым для издания текста Уложения было составление примечаний к некоторым статьям, которые сводились к публикации текстов грамот, должных иллюстрировать некоторые положения статей. Так, в примечании к ст. 8 главы XI помещается полюбившаяся запись о беглых крестьянах 1636/37 г. К ст. 4 главы XVII публикуются указы о наследовании в побочных линиях (15 января и 9 октября 1562 г.). К ст. 8 главы XVIII дается (в примечаниях) ссылка на грамоту гостю М. Гурьеву от 4 декабря 1679 г.; к ст. 70 — ссылка на грамоту 8 мая 1657 г., данную боярину Бутурлину. К ст. 7 главы XX прилагается образец служилой кабалы для объяснения института кабального холопства (Грамота 10 января 1600 г.), к ст. 8 в примечании публикуется образец служилой кабалы 17 октября 1599 г. Примечания с текстами грамот даны к статьям 15, 29, 53, 61 главы XX, ст. 68 главы XXI.

Важная публикация по изучению свитка Уложения была сделана в 1831 г. в «Московском телеграфе» (см. выше). Автор статьи неизвестен. Располагая описанием подлинного списка Уложения, доставленного «одним из почтенных наших юристов», автор впервые в литературе отметил расхождения в предисловии свитка Уложения и в печатных экземплярах изданий 1649 г., которых, по его мнению, было два. В статье указывается наличие «Описи поправкам», приложенной при манускрипте Уложения, и отмечается, что опись составлена в скором времени после печатания книги, так как она «писана на одинаковой бумаге и одною почерка рукою», подписана теми же дьяками, которые подписали подлинник Уложения. Автор полагал, что подписи на свитке Уложения сделаны от имени 1263 человек 312 человеками. В статье содержится описание некоторых подписей. Заключается статья публикацией сведений об источниках Уложения, сделанных на полях многих статей свитка Уложения.

В 1874 г. в Петербурге Е. П. Карнович начал переиздание «Полного собрания законов», назвав это издание «Собранием узаконений Русского государства».⁵⁹ В первый том этого издания вошли все материалы т. I ПСЗ вместе с его предисловием. Напомним, что он открывался текстом Соборного Уложения 1649 г. Издание Карновича полностью воспроизводит ПСЗ. Том завершался аннотированными указателями предметов, личных имен, местностей и словарем древнерусских терминов. Это было новым по сравнению с изданием I тома ПСЗ.

ствования Алексея Михайловича: день выхода указа о составлении Уложения 16 июля 1648 г. падал «в третье лето богом хранимая державы» царя Алексея Михайловича, но Михаил Федорович умер 12 июля 1645 г., т. е. 16 июля 1648 г. приходится уже на четвертый год царствования его преемника. Дату 16 июня Мейчик воспринимал как желание издателей избежать этой ошибки и добиться соответствия между датой (16 июля) и обозначением срока длительности царствования (третье лето). — Мейчик Д. М. Дополнительные данные... с. 103.

⁵⁹ Собрание узаконений Русского государства. Изд. Е. П. Карновича. Т. 1. Царствование царя Алексея Михайловича с 1649 по 1676 год. СПб., 1875.

Д. М. Мейчик и П. Е. Ваденюк, будучи слушателями Археологического института (1879—1880), предприняли новое издание Уложения на научных основаниях.⁶⁰ Предусматривалось точное воспроизведение текста по подлиннику, с вариантами всех старопечатных изданий, с палеографическим описанием подлинника. Введение должно было ответить на вопросы: исторические причины, вызвавшие составление Уложения, порядок составления, биографические сведения о редакторах Уложения, роль выборных людей, участвовавших в соборе 1648—1649 гг., библиографическое описание всех изданий Уложения, критический обзор работ, написанных по Уложению, систематический указатель к Уложению, источники Уложения и влияние законодательных памятников предшествующего периода на состав и систему Уложения. В Археологическом институте эту программу одобрили, приступили к подготовке нового издания Уложения, но работа не была завершена.⁶¹

Для учебных целей в XX в. Уложение было издано в 1907 г. в Московском университете: на историко-филологическом факультете — под редакцией М. К. Любавского, на юридическом — под редакцией А. И. Снегирева.⁶²

В 1913 г. в память трехсотлетия дома Романовых было принято очередное издание Уложения 1649 г. Текст его печатался по ПСЗ.⁶³ В археографическую подготовку текста памятника ничего нового внесено не было. В предосланном тексте предисловии, излагавшем кратко историю создания Уложения, напротив, были отражены достижения юристов и историков, изучавших памятник уже более 100 лет. Указывалось, что Уложение составлялось 6 с половиной месяцев (с 16 июля 1648 г. по 29 января 1649 г.), в его создании приняли участие выборные люди путем подачи челобитных. Отмечалась связь Уложения с предшествующим за-

⁶⁰ Ваденюк П. Е., Мейчик Д. М. Поездка..., с. 3—4.

⁶¹ По-видимому, к этому времени относится подготовленная к изданию рукопись Уложения 1649 г., хранящаяся в коллекции Археологического института (Архив ЛОИИ СССР, к. 223, д. 54), любезно указанная автору статьи К. Н. Сербиной и Г. А. Победимовой. Рукопись содержит скопированный текст Уложения по изданиям 1649 г., к которому подведены различия орфографического характера, имеющиеся в печатных экземплярах 1649 г. (Рукопись без конца, текст доведен до ст. 19 главы XVIII, отсутствует глава I, глава II начинается со ст. 17). Судя по индексам в примечаниях, составители рукописи исходили из наличия трех изданий Уложения 1649 г. Все текстуальные различия изданий Уложения 1649 г. введены в подготовленный текст и отмечены квадратными скобками, что создает сводный текст изданий 1649 г., не существующий в исторической практике. Отличия текста свитка Уложения и печатных изданий не отмечены. К рукописи приложены изображения 10 заставок к главам Уложения, 34 заглавных киноварных букв и одной из страниц (214) печатного издания 1649 г.

⁶² Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. под редакцией М. К. Любавского. М., 1907; Снегирев А. И. Уложение, глава 11. Пособие для практических занятий юридического факультета МУ. М., 1907.

⁶³ Уложение государя, царя и великого князя Алексея Михайловича. [СПб.], 1913.

конодательством. Давались краткая характеристика первых двух изданий Уложения 1649 г. и их различия. Создание Уложения связывалось со сложной обстановкой в стране, предшествовавшей созыву Земского собора 1648 г. Предисловие заканчивалось библиографической справкой, содержащей 46 названий книг и статей об Уложении 1649 г. После текста Уложения впервые в практике издания памятника публиковались снимки текста предисловия, двух глав и подписей лиц на Уложенном столбце. Снимкам предпослан сокращенный текст статьи И. Е. Забелина «Сведения о подлинном Уложении царя Алексея Михайловича», впервые изданной в 1850 г. Здесь же опубликованы входящий в статью Забелина список лиц, приложивших руку к свитку Уложения, и указания на источники Уложения. Публикация снимков подлинного Уложения давала возможность более внимательно ознакомиться с текстом подлинника и рукоприкладств на нем, но в современной литературе об Уложении, к сожалению, эти снимки почти не привлекались.

Московский юридический институт в 1951 г. с учебной целью подготовил публикацию Уложения 1649 г., но она не вышла за стены института.⁶⁴

В 1957 г. Уложение 1649 г. было издано юридическим факультетом МГУ под редакцией К. А. Софроненко.⁶⁵ Публикация открывается небольшим предисловием, в котором дается характеристика эпохи, структура Уложения и его оценка как законодательного памятника. Каждая глава Уложения имеет комментарий, содержащий толкование статей и их оценку в юридическом плане. Текст Уложения печатался по I тому ПСЗ, изданному в 1830 г. без каких-либо изменений и комментариев текстуального характера. Были сохранены даже все заглавные буквы, принятые орфографией XVIII—первой половины XIX в. (например, Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всея России Самодержец). Не отмечены такие, например, несоответствия текста: 1) в предисловии, напечатанном в ПСЗ, указ о составлении Уложения помечен 16 июня, тогда как в предшествующих ПСЗ изданиях он помечен 16 июля; 2) в главе XXIV Уложения помещены две статьи. После статьи № 2 под № 1 помещен список цен иска вещам, которые не оценены в исковом заявлении. В комментарии к главе без каких-либо разъяснений список относится к ст. 2. (В издании Е. П. Карновича (СПб., 1875) текст Уложения также воспроизводится по ПСЗ, список № 1 без нумерации присоединен к ст. 2 также без разъяснений. В издании М. Н. Тихомирова и П. П. Епифанова (1961) список № 1 выделен в самостоятельную статью, исправлен и общий итог числа статей в главе на 3, что противоречит изданию 1649 г.).

⁶⁴ Серебрякова И. П. Издание памятников русского права. — Вестн. Моск. ун-та, серия X, право, 1960, № 1, с. 71—72.

⁶⁵ Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. — ПРП, 1957, в. VI.

В издании 1957 г. сделана попытка толкования источника как законодательного памятника феодально-крепостнической эпохи, с учетом достижений историков и юристов, занимавшихся изучением как самого Уложения, так и его источников. Публикация завершается списком основных изданий и исследований, посвященных Уложению. Библиографические сведения даются к каждой главе, что приводит к многократным повторениям некоторых работ. Важным подспорьем становится предметно-терминологический указатель, помогающий изучению Уложения и толкованию его статей. Правда, выделение некоторых терминов в отдельные рубрики не оправдано. Например, в две рубрики выделяются слова «архимандрит» и «архимарит», различающиеся только с точки зрения орфографии.

В 1958 г. текст Уложения 1649 г. был издан в извлечениях Всесоюзным юридическим заочным институтом (Соборное Уложение (извлечения). Вступит. статья И. А. Грекова. М., 1958).

Последним изданием Уложения 1649 г. является учебное пособие для высшей школы, выпущенное историческим факультетом МГУ в 1961 г. под редакцией и при участии М. Н. Тихомирова и П. П. Епифанова.⁶⁶ Тексту Уложения 1649 г. в издании предпосланы статьи обобщающего историографического и исследовательского характера, раскрывающие историю создания Уложения на фоне социальной борьбы 40-х гг. XVII в. (Тихомиров М. Н. Соборное Уложение и городские восстания середины XVII в.) и историю изучения Уложения — важнейшего исторического памятника феодальной России (Епифанов П. П. Соборное Уложение в исторической литературе). Статьи дополняются обширной библиографией Уложения 1649 г., включающей издания памятников, связанных с Уложением, сочинения о нем, литературу по истории России и русского права XVII в., связанную с Уложением, библиографические указатели по истории русского права. В издании, таким образом, показаны достижения историков и юристов по изучению Уложения за весь период его существования. Наличие в издании словника, более полного по объему, чем в названных предшествующих публикациях, помогает ориентироваться в тексте Уложения. Включение в издание сведений об источниках, заметок на полях Уложения⁶⁷ и списка имен, приложивших руку к подлинному Уложению, увеличивает его ценность. Вместе с тем сведения эти публикуются на основе материалов, изданных в 1850 г. И. Е. Забелиным. В передаче рукоприкладств они грешат неточностями, многие из которых исправлены исследователями позд-

⁶⁶ Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное Уложение 1649 года.

⁶⁷ Отметим вкравшиеся в издание при публикации этих сведений опечатки на с. 422—423. В главе XI помета сделана у статей 23 и 28 (в издании ст. 28 повторена 2 раза). В главе XVI помета у ст. 69, а не 88. Статья 15, 17, 30, 32, 33, указанные в издании на с. 423, относятся к главе XVII, а не XVI, как показано в издании. В издании отсутствуют пометы у статей 7, 16, 17, 37, 39, 41, 43, 44, 46, 49, 52, 54, 57, 58, 60, 63, 66, 69, 72 главы XX. В ст. 105 главы XX ошибочно напечатан 184 г., а не 154 г.

нее.⁶⁸ Наличие таких ошибок выявляется при помощи фотоконий рукоприкладств, имеющих в издании Уложения 1913 г.

Текст Уложения, как сказано в предисловии к изданию, воспроизводится по первоначальному изданию 1649 г., с сохранением его орфографии, но с заменой вышедших из употребления букв старого алфавита современными, славянских цифр — арабскими. Более подробной словесной характеристики старопечатного экземпляра Уложения, положенного в основу издания, нет. Правда, она в какой-то мере компенсируется приложением к изданию фотовоспроизведения листов предисловия и последнего листа текста старопечатного Уложения.

Учитывая выявленные в литературе особенности известных в настоящее время экземпляров старопечатного Уложения I и II изданий 1649 г. и наличие среди этих экземпляров «переходной группы», по терминологии Борисова, полагаем, что в основу разбираемой публикации был положен экземпляр Уложения, относящийся к этой «переходной группе». По набору, заставкам, переносам и другим внешним признакам он относится к I изданию, но в то же время характеризуется отсутствием текстуальных особенностей, отличающих I издание от II. Эта группа экземпляров, подобно I изданию, характеризуется более архаической орфографией, чем подлинный свиток и II издание Уложения.⁶⁹ Нам представляется, что выбор экземпляра для издания из «переходной группы» случаен. Возможно, что издатели даже не обратили на это внимание. Во всяком случае намеренный выбор экземпляра «переходной группы» должен был быть оговорен в издании.

В заключение характеристики издания Уложения 1961 г. отметим некоторые погрешности изданного текста. На с. 67 напечатано: «В лето 1756 го (да), 20 июля, в 16 день», надо: «В лето 7156-го, июля в 16 день». На с. 68: «А закрепя Уложение», надо: «А закрепя то Уложение». На с. 97 ст. 5: «исцов иск втрое, и отдати исцу», надо: «исцов иск втрое, и дати исцу»; ст. 9: «...А будет такое дело, челобитьчик», надо: «А будет такое дело, кто челобитьчик». На с. 103 ст. 33: «архимариту семьдесят рублев; келарю пятьдесят рублев; казначею сорок рублев», надо: «архимариту девяносто рублев; келарю семьдесят рублев; казначею шестьдесят рублев». На с. 104 ст. 42: «келарю тритцать рублев», надо: «келарю тритцать пять рублев». На с. 135 ст. 179: «на ту первую в том большом иску», надо: «на ту первую опчую ссылку в том большом иску». На с. 138 ст. 193: «и на тех людей», надо: «и на тех мастеровых людей». На с. 154 ст. 256: «по каба-

⁶⁸ Мейчик Д. М. Дополнительные данные... с. 132—137.

⁶⁹ Для экземпляра, положенного в основу издания, характерны такие написания: всякиа (II издание — всякие), умышленіем (II издание — умышленьем), тоа (II издание — тое), казнити (II издание — казнить), уложение (II издание — уложенье) и т. д. Приложенное к изданию воспроизведение листов предисловия и последнего листа старопечатного издания подтверждает наше мнение о принадлежности его к «переходной группе» экземпляров. (Последний лист кончается строкой «днь», как и I издание (II издание — 29 день)).

лам суда не давать», надо: «в заемных деньгах по кабалам суда не давать». На с. 167 ст. 31: «отдать на поместные земли», надо: «отдать им на поместные земли». На с. 175 ст. 10: «А кто крест поцелует накриве», надо: «А кто крест поцелует накриве кленется во лжю». На с. 263 ст. 114: «бегаючи от первого боярина», надо: «бегаючи от первого своего боярина». На с. 294 в заглавии главы XXIV: «А в ней 3 статьи», надо: «А в ней две статьи», ст. 3 главы XXIV, надо — 1.

Таким образом, все известные издания Уложения воспроизводили текст II старопечатного издания 1649 г. непосредственно с этого издания или с издания ПСЗ, где были допущены отдельные исправления текста смыслового и орфографического характера. Последнее издание 1961 г. текст Уложения воспроизводит по экземпляру, относящемуся к так называемой переходной группе изданий 1649 г., где сохранилась орфография I издания, а смысловые исправления характерны для II издания Уложения 1649 г.

В настоящее время в Ленинградском отделении Института истории СССР в серии «Законодательные памятники» готовится новое издание Уложения 1649 г. с развернутыми комментариями историко-юридического характера. В основу издания текста Уложения положено, как и в предшествующих изданиях, II старопечатное издание 1649 г. — самое полное и исправное, окончательный вариант кодекса, принятого в юридической практике XVII в. Новым для издания текста Уложения будет подведение вариантов по подлинному свитку Уложения и I его изданию 1649 г. Таким образом, в новом издании будут представлены вся смысловая правка и уточнения редакционного характера, предпринятые в процессе I и II изданий в 1649 г. текста Уложения.

Ю. А. ЛИМОНОВ

**«ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ» ДЖОНА МИЛЬТОНА
В РУССКОЙ РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ
КАК ПАМЯТНИК КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ
АНГЛИИ И РОССИИ В XVIII в.**

Творчество Джона Мильтона, классика английской литературы, представляет значительный интерес для истории становления и развития конкретных русско-английских культурных связей в XVII—XVIII вв. Эта проблема распадается на два аспекта. Один из них — использование Мильтоном материалов о России (в том числе опосредованно и русских) в своих сочинениях. Этому вопросу посвящена довольно значительная историография.¹

¹ Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, т. I. Иркутск, 1932; Самарин Р. М. Творчество Джона

Другой аспект — распространение произведений Мильтона в России. Он изучен значительно слабее.

В настоящей статье рассмотрен вопрос об одном из первых рукописных переводов в России поэмы «Потерянный рай», который был сделан задолго до появления печатного.²

В нашей историографии до сих пор не уделено должного внимания рукописной традиции памятников европейской культуры и ее распространению в XVIII в. в России. Между тем это весьма важный аспект взаимодействия культур народов Восточной и Западной Европы. Появление в начале XVIII в. качественно нового репертуара печатной книги еще не могло удовлетворить огромную массу русских читателей, а пополнение запросов читающей публики продолжалось традиционными рукописными памятниками. Это явление было характерно как для произведений национальной литературы, так и для сочинений западноевропейской, распространенной в переводах, причем эти рукописные переводы имели свою среду распространения. Она определялась временем, местом и социальной принадлежностью читательских кругов. Более того, надо признать, что популярность многих памятников западноевропейской культуры зависела именно от распространения их рукописных переводов. Подобное явление можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, ростом интереса читающей публики к новым памятникам западноевропейской культуры, к ее самым разнообразным отраслям, а этот интерес не удовлетворялся полностью типографскими изданиями. Во-вторых, сравнительно небольшими тиражами изданий для необъятного книжного рынка России. Отсюда сосуществование типографских изданий и рукописных списков одних и тех же произведений. И, в-третьих, определенной традицией письменной культуры Руси, в силу которой любое произведение, как в XVI и XVII вв., переписывалось не только читателями, но и профессионалами — писцами. Все это заставляет поставить вопросы изучения, связанные с рукописной традицией памятников западноевропейской культуры.

В рукописных списках XVIII в. распространялись переводы многих иноязычных произведений литературы, поэзии, публицистики, философии, истории. Не составляли исключения и труды англичан. В рукописных копиях распространялись переводы известных деятелей английской культуры XVIII в. — философа Александра Попа и поэта Эдуарда Юнга. В России этого времени хорошо было известно сочинение Джона Мильтона «Потерянный

Мильтона. М., 1964; Сенци М. Мильтон о России — В кн.: Русско-европейские литературные связи. М.—Л., 1966, с. 284—292; Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII—первая четверть XVIII в. М., 1976; Лимонов Ю. А. 1) Русские источники «Истории Московии» Джона Мильтона. — В кн.: Проблемы истории международных отношений. Л., 1972; 2) Культурные связи России с европейскими странами в XV—XVII веках. Л., 1978, с. 231—251.

² Первый перевод был опубликован в 1777 г. (Отечественные издания XVIII в. М., 1979).

рай»: его рукописный перевод был довольно широко распространен среди русских читателей. Подобная популярность, видимо, объяснялась теми вопросами, которые затрагивал поэт: борьба добра и зла, осуждение тирании, завоевание свободы личности, становление человеческого индивидуума, грядущий расцвет общества. Как видим, здесь не только «вечные вопросы» морали, этики, но и проблемы, связанные с социальными науками — историей и политикой. Поэма проникнута идеями прогресса. Вот почему она вызвала столь широкий интерес в России XVIII в., для истории которой этого времени характерны социальные выступления широчайшего диапазона — от грандиозной Крестьянской войны под руководством Пугачева и книги Радищева до масонско-просветительной деятельности Новикова и дворянского либерализма Карамзина.

В ряде рукописных собраний находятся переводы «Потерянного рая» Мильтона. Одним из лучших по полноте и сохранности является список из Воронцовского собрания Архива Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. На третьем листе рукописной книги помещено заглавие: «Погубленный Рай чрез Иоанна Милтона героической поемой представленный с французского на российский язык переведенный тайным советником Ея императорского величества действительным каморгером и ордена святого Александра Невского кавалером бароном Александром Григорьевичем Строгановым в Москве». Указана и дата перевода — «Лета 1745 года».³ Точно отмечено и начало его распространения: время снятия копии. В начале рукописи читаем: «Списывана с оригиналу ево в Москве же 1747 года».⁴ Перевод был сделан А. Г. Строгановым с французского. С языка оригинала он был переведен членом Французской академии наук Дюпре де Сен Мором и издан в 1729 г. в Париже.

Кроме отмеченного списка, существует еще несколько копий перевода. Так, одна из них находится в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук.⁵ Есть перевод поэмы Мильтона и в Москве.⁶ Наконец, о переводе упоминается в историографии, она ограничивается рецензией известного писателя второй половины XVIII в. В. Г. Рубана и небольшой газетной заметкой, опубликованной в 30-х гг. XIX в.⁷

³ Архив ЛОИИ СССР, ф. 36, оп. 1, № 822, л. 3.

⁴ Там же, л. 3 об. — Рукопись из собрания Воронцовых (F⁰) датируется серединой XVIII в.; на что указывает почерк — писарская скоропись XVIII в. На л. 1 рукописи владельческая (?) надпись: «Тимофея Орлова». Этим же почерком на л. 3 заглавие: «Поэма». Весь остальной текст рукописи написан другим почерком.

⁵ РО БАН, Устюж. 57; подробное описание рукописи см.: Описание Рукописного отдела БАН СССР, т. 4, в. 2. Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения. Составитель Ф. И. Мартынов. Л., 1980, с. 77—79.

⁶ Музейное собрание рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Описание. М., 1961, с. 336.

⁷ См. рецензию В. Г. Рубана на «Потерянный рай» (Санктпетербургский вестник, 1780, июнь, с. 453—467; июль, с. 39—50; Старинный русский

Рукописные списки «Потерянного рая» приобретают чрезвычайную ценность для истории англо-русских культурных отношений в связи с теми материалами, которые помещены перед текстом поэмы. Это прежде всего предисловие переводчика А. Г. Строганова, где в духе литературы нового времени ставятся вопросы о значении и месте Мильтона в мировой литературе. Очень последовательно и логично переводчик обосновал необходимость своей работы и переложения на русский язык поэмы. В «Предисловии к благослонному читателю» А. Г. Строганов указывает, что только такие, как Гомер в Греции, а Virgilius в Риме — создатели «Илиады» и «Энеиды», «оставленными делами учинили бессмертную по себе славу».⁸ «По ним же и до нынешних времен сколько нибыло стихотворцев» все только «тщились» подражать античным поэтам. Один только Милтон проявил свой дар и создал без подражания древним гениальное произведение. Именно оригинальность и талант поэта заставили переводчика свершить свой труд. Несмотря на столь современное «обоснование творческой темы и ее раскрытие», А. Г. Строганов, конечно, являлся сыном своей эпохи. И заканчивается «Предисловие к благослонному читателю» совершенно традиционно, в духе всей письменной культуры допетровской Руси. В заключительном абзаце читаем: «Впротчем же, буде я, яко перевотчик, в слогах или речениях в чем погрешил, оное прошу мне, яко человеку, подлежащему погрешности, чего никто же на свете избежать неможет, простити и всегда ко мне благосклонну быти».⁹ И далее проставлены буквы начальных слов подписи «БАС», т. е. «Барон Александр Строганов».

За «Предисловием» следуют еще более интересные материалы. В списке помещена биография поэта: «Житие Иоанна Милтона вкратце».¹⁰ Это его первое жизнеописание на русском языке и едва ли не одно из первых биографических сочинений в России о классиках западноевропейской литературы. В нем довольно подробно раскрываются жизненный путь Мильтона (его учение, служба) и его становление как поэта. В «Житии» говорится о стремлении автора «Потерянного рая» к знаниям, образованию, культуре, но в то же время подчеркнута его глубокая религиозность. Интересно, что об участии поэта в Английской революции говорится немного, хотя непосредственный его начальник Кромвель упоминается. Больше рассказывается о личных делах Мильтона, о его семье, детях и т. п. Упомянуты почти все произведения поэта, указана дата — 1669 г., когда поэма «Потерянный рай» «публикована». Наконец, нельзя не отметить, что, видимо, «Житие» использовало какие-то мемуарные материалы, составленные современниками, лично знавшими Мильтона, иначе трудно объяс-

перевод Мильтонова «Потерянного рая». — Московские ведомости, 1838, № 39, 14 мая, с. 316—317).

⁸ Архив ЛОИИ СССР, ф. 36, оп. 1, № 822, л. 4.

⁹ Там же, л. 5 об.

¹⁰ Там же, л. 6—9 об.

нить, откуда в рассматриваемом сочинении появились данные о внешнем облике поэта, его характере и нраве.

«Предисловие» и особенно «Житие» являются исключительными произведениями. Их создание в той же степени, если не в большей, чем сам перевод поэмы, показывает, как и каким путем осуществлялись связи и распространялись сведения об английской литературе в России XVIII в. Само по себе написание «Жития» — русской биографии одного из классиков западной поэзии — факт более чем значительный, говорящий об интересе к этой отрасли культуры отечественного читателя.¹¹

Текстологическая сверка списков поэмы Д. Мильтона дает интересные данные. Вне всякого сомнения списки из Архива ЛОИИ и РО БАН восходят к одному протографу. Они являются копиями списков, восходящих к одному оригиналу. Списки в своей основе текста поэмы идентичны, если не считать незначительных описок рукописи, хранящейся в БАН (I, VII главы). Но материалы, расположенные вместе с поэмой в сборниках, не совпадают. Сверка «Предисловия к благосклонному читателю», «Оглавления», «Жития Иоанна Милтона вкратце» показывают, что рукописи из РО БАН были скопированы с дефектного списка.¹² Это становится очевидным при сравнении их с рукописью из Архива ЛОИИ. Поэтому, несмотря на общий протограф, тексты списков ЛОИИ и БАН принадлежат к различным редакциям.¹³

Текстологические наблюдения способствуют дальнейшему анализу русских списков поэмы с целью классификации и установления истории их создания и распространения.

Появление в России середины XVIII в. рукописного перевода «Потерянного рая» Мильтона имело большое культурное значение. Существование его в рукописном переводе показывает, что распространение памятников западноевропейской литературы могло осуществляться в традиционных рамках письменной культуры допетровской Руси. Создание биографии Мильтона в России — пример интереса русского читателя к литературе Западной Европы.

¹¹ Вопрос об авторстве «Жития» требует особого исследования. Возможно, им был сам переводчик — А. Г. Строганов. Сейчас можно утверждать только одно: в ряде случаев текст биографии носит его редакторскую правку (например, о революции).

¹² Отметим, что сам по себе список РО БАН дефектный. В начале рукописи нет нескольких листов.

¹³ Ранее оба списка хранились в одном архиве. Список под шифром «Устюж. 57» поступил в БАН в 1932 г. До того времени он находился в Историко-археографическом институте, где находился и список из Архива ЛОИИ.

М. М. САФОНОВ

**ЗАПИСКА А. А. БЕЗБОРОДКО
О ПОТРЕБНОСТЯХ ИМПЕРИИ РОССИЙСКОЙ**

По мере того как прогрессировал процесс разложения крепостнической системы, а в недрах феодальной формации постепенно вызревал капиталистический уклад, все напряженной работала мысль господствующего класса России в поисках таких преобразований, которые бы открыли простор для развития производительных сил страны и в то же время укрепили бы позиции дворянства как первенствующего сословия. Среди памятников общественно-политической мысли конца XVIII—начала XIX в., носивших на себе явственный отпечаток тех сложных процессов, которые происходили в социально-экономической и политической жизни России того времени, особое место занимает записка о потребностях империи Российской, составленная государственным канцлером, светлейшим князем А. А. Безбородко, видным екатерининским вельможей, крупнейшим павловским бюрократом. Едва ли сейчас найдется исследование по истории внутренней политики, классовой борьбы, общественно-политической мысли и общественного движения России конца XVIII—начала XIX в., где бы не упоминалась записка А. А. Безбородко. Однако ни обстоятельства ее происхождения, ни время, когда она была написана, ни подлинное название этого документа, ни точный состав его текста до сих пор еще не до конца выяснены исследователями. Эти вопросы мы и попытаемся осветить в нашей статье.

По поводу происхождения записки А. А. Безбородко в исторической литературе были выдвинуты две противоположные гипотезы. Н. И. Григорович, биограф А. А. Безбородко, высказал мнение, что записка предназначалась для императора Павла. Григорович полагал, что Павел стремился привести государственное управление в стройную систему и поэтому должен был обратиться за советом к своему многоопытному секретарю. «Этим только обстоятельством, — заключал Григорович, — возможно объяснить появление на свет замечательной „Записки о потребностях империи Российской“, иначе „Записка для составления за-

конов Российских“ . . . Записка не представляет окончательно обработанного трактата, а есть только черновой набросок мыслей канцлера по вопросу, предложенному ему на объяснение с государем».¹

Совсем по-иному смотрел на обстоятельства возникновения записки А. А. Безбородко А. В. Предтеченский, автор наиболее обстоятельного труда по общественно-политической истории России первой четверти XIX в. «Происхождение записки, — писал Предтеченский, — остается невыясненным. . . По-видимому, Павел о ней не знал, но. . . она приобрела известность в придворных кругах. Очень вероятно, что Безбородко писал ее не для Павла, понимая, насколько бессмысленно предлагать вниманию императора содержащиеся в ней проекты социально-экономических и политических реформ. Но он мог рассчитывать на читателей более внимательных, чем Павел».²

Сопоставив эти две точки зрения своих предшественников, горьковский историк А. И. Парусов не нашел возможным присоединиться ни к одной из них.³

Характерно, что и Н. И. Григорович, и А. В. Предтеченский строили свои предположения чисто умозрительно: они не опирались ни на какой документ, освещающий происхождение записки, а исходили главным образом из общеполитических условий, в которых протекала деятельность Безбородко в последние годы XVIII в. Между тем такой документ существует, он не только опубликован, но и давно прокомментирован.

Еще в 1869 г. биограф Александра I М. И. Богданович упомянул в своем труде о беседе 22 апреля 1801 г. двух интимных друзей царя — П. А. Строганова и В. П. Кочубея, племянника Безбородко. Богданович сообщил о том, что Кочубей передал Строганову «идеи своего покойного дяди Безбородки о преобразовании государственного строя России».⁴ Богданович отметил, что это сообщение «извлечено из бумаг графа Строганова».⁵ Сообщение Богдановича обратило на себя внимание другого биографа Александра I — Н. К. Шильдера.⁶ В 1897 г. в приложении к своей монографии об Александре он опубликовал текст того документа, который имел в виду Богданович — собственноручную запись П. А. Строганова на французском языке: «Итог беседы с графом

¹ Григорович Н. И. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени (далее — Григорович Н. И. Безбородко), т. II. 1786—1799. СПб., 1881, с. 441—442.

² Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.—Л., 1957, с. 53.

³ Парусов А. И. Из истории аппарата управления второй половины девяностых годов XVIII в. — В кн.: К истории экономики, классовой борьбы и общественной мысли в России конца XVIII—XIX столетия. Горький, 1963, с. 130.

⁴ [Богданович М. И.]. История царствования императора Александра I и России в его время. Сочинение автора истории Отечественной войны 1812 года, т. I. СПб., 1869, с. 131.

⁵ Там же, Приложения, с. 93.

⁶ ОР ГПБ, ф. 859, к. 23, № 20, л. 7—11.

Кочубеем 22 апреля 1801». «Говоря с графом Кочубеем о реформе нашего управления, — гласит запись Строганова, — я напомнил ему о бумаге, которую составил его дядя. По этому поводу он мне сказал, что император (Александр I. — М. С.), будучи великим князем, часто говорил ему о своем желании видеть наше управление устроенным согласно принципам здравого смысла и что он, Кочубей, захотел узнать мнение своего дяди на этот счет. Первое, что сказал ему по этому поводу князь, было то, что ничего не следует делать, несколько дней спустя он сообщил ему, что набросал некоторые мысли на бумагу, и это была та бумага, которую он мне передал».⁷

В своей монографии Н. К. Шильдер пересказал содержание этого документа, а затем изложил основные положения записки А. А. Безбородко.⁸ Шесть лет спустя вел. кн. Николай Михайлович выпустил в свет трехтомную биографию П. А. Строганова.⁹ В этом издании два тома (второй и третий) всецело состояли из публикаций материалов строгановского архива, среди них запись беседы с В. П. Кочубеем 22 апреля 1801 г. была опубликована во второй раз.¹⁰ В биографическом очерке П. А. Строганова, составляющем первый том, вел. кн. Николай Михайлович повторил то, что уже было сказано о записке А. А. Безбородко в шильдерской монографии.¹¹ В дореволюционной историографии сведениями Н. К. Шильдера воспользовался лишь В. И. Семевский.¹² В настоящее время сочинение Н. К. Шильдера остается наиболее полной биографией Александра I и ученые постоянно обращаются к ней, чтобы получить биографические сведения о царе, а без публикации вел. кн. Николая Михайловича не обходится ни одно исследование о правительственной политике России начала XIX в. Однако история происхождения записки А. А. Безбородко, в общих чертах известная дореволюционным исследователям, оказалась ныне забытой.¹³

В силу этого из поля зрения ученых выпало еще одно очень важное свидетельство о происхождении записки А. А. Безбородко. В 1903 г. Н. Д. Чечулин опубликовал биографический очерк В. П. Кочубея. В этом очерке упоминалась «Записка об управлении государством», несколько листов черновика которой, писанных рукою самого Безбородко, сохранилось в бумагах

⁷ Résultat d'une conversation avec le comte Kotchoubey le 22 Avril 1801. — В кн.: Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование, т. II. СПб., 1897, с. 333—334.

⁸ Там же, т. I. СПб., 1897, с. 171—172.

⁹ Вел. кн. Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов (1774—1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I. СПб., 1903 (далее — Граф Строганов), т. I—III.

¹⁰ Там же, т. II, с. 13—14.

¹¹ Там же, т. I, с. 101—102.

¹² Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, с. 33—34.

¹³ В 1981 г., когда была уже завершена эта статья, точку зрения Н. К. Шильдера поддержал Н. Я. Эйдельман (Дворцовый заговор 1797—1799 годов. — Вопросы истории, 1981, № 1, с. 109—110).

Кочубея. На них, по словам Н. Д. Чечулина, им была сделана отметка, что «записка эта составлена по просьбе великого князя в 1798 году».¹⁴

Учитывая обстоятельства происхождения записки А. А. Безбородко, о которых В. П. Кочубей рассказал П. А. Строганову, можно уточнить несколько и ее дату. Естественно, что Кочубей мог передать просьбу великого князя Безбородко, когда они оба (и дядя, и племянник) находились вместе. В 1792 г. Кочубей был назначен послом в Турцию. Он вернулся из Константинополя только в 1798 г., и 14 июня был впервые после возвращения принят при дворе в Павловске.¹⁵ 22 декабря 1798 г. Безбородко, оставив Кочубея в Петербурге управлять Коллегией иностранных дел, отправился в Москву,¹⁶ откуда возвратился лишь 25 января 1799 г.¹⁷ Именно в этот период — с 14 июня по 22 декабря 1798 г., — в течение которого контакты Кочубея с Александром были особенно активны,¹⁸ Безбородко и написал свою записку. Не позднее 7 декабря 1799 г., когда Кочубей спешно покинул Петербург,¹⁹ чтобы вернуться в него лишь по воцарении великого князя, она была передана Строганову. В одной из своих черновых заметок, представляющих собой нечто вроде записной книжки, Строганов изложил содержание записки А. А. Безбородко. Покойный канцлер предполагал ввести сенаторские ревизии. В связи с этим Строганов отметил, что Сенату «только что поручили инспектировать судопроизводство во всей империи», и разобрал данную по этому случаю инструкцию. На том же листе, где кончается текст о записке А. А. Безбородко и инструкции ревизорам, Строганов начал новую запись о проекте учреждения хлебных магазинов. Она открывается словами: «Только что предложили установить налог на зерно».²⁰ Указ о сенаторских ревизиях состоялся 6 октября 1799 г. Инструкция ревизорам выработывалась в течение октября, 11 ноября она была рассмотрена в общем собрании Сената вместе с проектом указа о запасных хлебных магазинах.²¹ 29 ноября 1799 г. Павел утвердил этот указ,²² а два дня спустя и инструкцию ревизорам.²³

¹⁴ Чечулин Н. Д. В. П. Кочубей. — В кн.: Русский биографический словарь. Кнаппе—Кюхельбекер. СПб., 1903, с. 369—370.

¹⁵ А. А. Безбородко — Е. М. Безбородко, 14 июня 1798 г. — В кн.: Григорович Н. И. Безбородко, т. I. 1747—1787. СПб., 1879, с. 487—488.

¹⁶ Ф. В. Ростопчин — С. Р. Воронцову, 23 декабря 1798 г. — В кн.: Архив кн. Воронцова, т. VIII. М., 1876, с. 189.

¹⁷ А. А. Безбородко — Е. М. Безбородко, 1 февраля 1799 г. — В кн.: Григорович Н. И. Безбородко, т. I, с. 488.

¹⁸ В. П. Кочубей — С. Р. Воронцову, без даты. — В кн.: Архив кн. Воронцова, т. XVIII. М., 1880, с. 177; В. П. Кочубей — С. Р. Воронцову, без даты. — Там же, т. XIV. М., 1879, с. 122—125.

¹⁹ Роджерсон — С. Р. Воронцову, 28 февраля 1800 г. — Там же, т. XXX. М., 1884, с. 110, 112, 117.

²⁰ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 4, № 78, л. 8—10 об.

²¹ История Правительствующего Сената за двести лет. 1711—1911. Т. II. СПб., 1911, с. 754—755.

²² ПСЗ, I, № 19203.

²³ ПСЗ, I, № 19212.

Таким образом, П. А. Строганов изложил содержание записки А. А. Безбородко примерно в то же самое время, когда В. П. Кочубей покинул столицу. Возможно, записка была передана Кочубеем Строганову незадолго перед его отъездом. Вероятно, тогда же Строганов передал записку Александру. Во всяком случае, когда 22 апреля 1801 г. только что вернувшийся Кочубей²⁴ сообщил Строганову оставшиеся ему до сих пор неизвестными подробности о происхождении записки своего дяди, она уже побывала в руках Александра. На следующий день, 23 апреля, Строганов напомнил царю о том, что «когда-то»²⁵ передал ему копию с записки А. А. Безбородко. Теперь он предложил императору образовать Негласный комитет, а в основу его деятельности положить сочинение покойного канцлера.

В 1833 г., четыре года спустя после смерти Д. П. Троцинского, состоявшего при Александре I для исполнения «дел по особой высочайшей доверенности на него возложенных», его племянник А. А. Троцинский прислал Николаю I сундук с рукописями, хранившимися у его дяди, и сообщил о том, что в селе Кагорлык в бумагах покойного находится много ценных документов. Для разбора архива Д. П. Троцинского министр внутренних дел Д. Н. Блудов направил К. С. Сербиновича и В. Ю. Леонтьева.²⁶ В марте 1835 г. А. А. Троцинский сдал им эти бумаги по реестру. В реестре под номером 14 значилась «Копия с записки кн. А. А. Безбородко, своеручно им писанной перед концом жизни о потребностях империи Российской».²⁷ В том же 1835 г. бумаги Д. П. Троцинского были доставлены Д. Н. Блудову. Два десятилетия спустя Блудов завершил разбор этих бумаг и составил подробную опись их, о чем известил Александра II во всеподданнейшей записке.²⁸ В этой описи под номером 14 была обозначена «Записка перед концом жизни кн. Ал<ександра> Андр<еевича> (Безбородко?), своеручно им писанная под названием „Записка для составления законов Российских“».²⁹ 4 сентября 1855 г. Блу-

²⁴ Камер-фурьерский церемониальный журнал. Январь—июнь 1801 г. СПб., 1901, с. 372.

²⁵ Résultat d'une conversation avec l'Empereur le 23 Avril 1801. — В кн.: Граф Строганов, с. 7.

²⁶ Разбор помощником статс-секретаря В. Ю. Леонтьевым и редактором «Журнала Министерства народного просвещения» К. С. Сербиновичем бумаг, оставшихся после смерти Д. П. Троцинского в с. Кагорлыке Киевской губернии, и распределение этих бумаг. — ЦГИА СССР, ф. 1250, Бумаги, оставшиеся после смерти Д. Н. Блудова, оп. 1 (ч. XVI), № 40, л. 1—489 об.

²⁷ Реестр бумагам и рукописям, относящимся до государственного управления и отечественной истории из числа доставшихся генерал-майору Троцинскому по наследству от его покойного дяди д. т. с. Троцинского. — Там же, л. 103 об.

²⁸ Всеподданнейшая записка Д. Н. Блудова 6 июля 1855 г. с подробной описью рассмотренным бумагам покойного д. т. с. Троцинского. — Там же, л. 140—149.

²⁹ Опись доставшихся генерал-майору Троцинскому по наследству от дяди его покойного д. т. с. Троцинского бумаг, относящихся к государственному управлению или к отечественной истории. — Там же, л. 243—243 об.

дов, в это время главноуправляющий II отделением с. е. и. в. Канцелярии, направил управляющему письмоводством предписание сдать в архив отделения бумаги Трощинского, относившиеся к истории русского законодательства.³⁰ К предписанию был приложен реестр этим бумагам. В реестре под номером 19 значилась «Копия с записки князя Безбородко о потребностях империи Российской».³¹ Документы Трощинского были переданы в архив II отделения, ныне же они находятся среди материалов Комиссии составления законов.³² Что касается дела о разборе бумаг Трощинского, то оно осталось среди материалов Блудова и после его смерти поступило в архив Государственного совета. В руки Блудова попало еще одно дело, имевшее непосредственное отношение к записке А. А. Безбородко.

В апреле 1845 г. после смерти А. Н. Голицына, главноначальствующего над почтовым департаментом, члена Государственного совета, близкого друга Александра I, его бумаги были разобраны генерал-адъютантом А. Ф. Адлербергом.³³ Среди этих бумаг была обнаружена, как гласит реестр, «Записка князя Безбородко о составлении Российских законов».³⁴ 13 апреля 1845 г. Адлерберг передал Блудову бумаги Голицына при подробном реестре, в числе этих бумаг находилась и записка А. А. Безбородко.³⁵ Все эти материалы оставались у Блудова до его смерти, а потом их передали в архив Государственного совета, где среди других блудовских бумаг они находятся и по сей день.³⁶ Так в архиве Государственного совета сосредоточились два дела, оказавших существенное влияние на историографическую судьбу записки А. А. Безбородко. Здесь издатель «Русского архива» П. И. Бартенев ознакомился с этими делами.

В 1874—1877 гг. на страницах «Русского архива» Н. И. Григорович напечатал обширный биографический труд «Канцлер князь Безбородко».³⁷ В приложении к этому труду П. И. Бар-

³⁰ Отпуск с предписания управляющему письмоводством II отделения 4 сентября 1855 г. с реестром отправленных ему бумаг. — Там же, л. 444.

³¹ Реестр оставшимся после покойного д. т. с. Трощинского бумагам и книгам, относящимся к истории русского законодательства. — Там же, л. 445 об.

³² На этих делах имеются их старые номера, под которыми они хранились в архиве II отделения: 1200, ч. 1—9, 1201, 1302, 1303, ч. 1—14. — ЦГИА СССР, ф. 1260, оп. 1, № 179, 373, 375, 376, 378—382, 386, 387, 411.

³³ О бумагах, оставшихся после кончины д. т. с. 1-го класса князя А. Голицына. — ЦГИА СССР, ф. 1250, Бумаги, оставшиеся после смерти Д. Н. Блудова, оп. 1 (ч. XVI), № 44, л. 1—98 об.

³⁴ Реестр бумагам, оставшимся после кончины д. т. с. 1-го класса кн. А. Н. Голицына, препровожденным по высочайшему повелению г-ну статс-секретарю графу Д. Н. Блудову. — Там же, л. 5.

³⁵ Отношение генерал-адъютанта А. Ф. Адлерберга Д. Н. Блудову 13 апреля 1845 г. с препровождением оставшихся после кн. Голицына бумаг. — Там же, л. 1—2 об.

³⁶ Там же, л. 6—11 об.

³⁷ Русский архив, 1874, кн. 2, стб. 553—631, 899—937, 1026—1055; 1875, кн. 1, с. 98—115; кн. 2, с. 29—42, 141—156; 1876, кн. 1, с. 129—198; кн. 3, с. 456—495; 1877, кн. 1, с. 22—50, 198—232, 289—296.

тенеv поместил «Записку князя Безбородки о потребностях империи Российской»³⁸ — документ, который остался неизвестным биографу канцлера. Бартенев напечатал текст рукописи, сохранившейся в бумагах А. Н. Голицына.³⁹ В предисловии же к своей публикации издатель «Русского архива» поместил сведения, почерпнутые из дела о разборе бумаг Д. П. Трощинского, т. е. относившиеся совсем к другой рукописи.⁴⁰ «4 сентября 1855 г. покойный граф Д. Н. Блудов, — говорилось в предисловии, — препроводил к управляющему II-м отделением собственной его императорского величества Канцелярии „копию с записки князя А. А. Безбородко, своеручно писанной пред концом его жизни, о потребностях империи Российской“. На копии неизвестной рукой написано: „Cette pièce a été fait par le défunt prince Bezborodko en 1799“. В письме же графа Блудова записка была озаглавлена: „Записка для составления законов Российских“ и для этой именно цели передана во II отделение собственной Е. И. В. Канцелярии, где она теперь и хранится».⁴¹

В конце публикации П. И. Бартенев поместил краткую заметку — «упоминание о присяге государя в коронацию и о крестьянских волнениях дают повод думать, что замечательная записка эта писана в начале 1797 г. (после 5 апреля),⁴² а отнюдь не в 1799 г., когда Безбородко был уже при смерти».⁴³

Когда П. И. Бартенев уведомил читателя о том, что «4 сентября 1855 г. . . . Блудов препроводил к управляющему II отделением собственной е. и. в. Канцелярии „копию с записки князя А. А. Безбородко, своеручно писанной пред концом его жизни, о потребностях империи Российской“», то издатель «Русского архива», очевидно, подразумевал предписание Д. Н. Блудова управляющему письмоводством II отделения. Но слова о записке А. А. Безбородко, взятые в кавычки, Бартенев почерпнул вовсе не из блудовского предписания или приложенного к нему реестра: он неточно процитировал фразу из реестра, по которому А. А. Трощинский в 1835 г. передал рукописи К. С. Сербиновичу и Ю. В. Леонтьеву.⁴⁴ Под письмом же Блудова, где сочинение Безбородко было озаглавлено «Записка для составления законов Российских», Бартенев подразумевал блудовскую всеподданнейшую записку 6 июля 1855 г. с подробной описью бумаг Д. П. Трощинского.⁴⁵ Бартенев сообщил, что записка А. А. Безбородко хранится во II отделении, так что у читателя создава-

³⁸ Записка князя Безбородки о потребностях империи Российской. — Там же, 1877, кн. 1 (далее — РА), с. 297—300.

³⁹ ЦГИА СССР, ф. 1250, Бумаги, оставшиеся после смерти Д. Н. Блудова, оп. 1 (ч. XVI), № 44, л. 6—11 об.

⁴⁰ Там же, № 40, л. 1—489 об.

⁴¹ РА, с. 297.

⁴² День коронации Павла I.

⁴³ РА, с. 300.

⁴⁴ ЦГИА СССР, ф. 1250, Бумаги, оставшиеся после смерти Д. Н. Блудова, оп. 1 (ч. XVI), № 44, л. 103 об.

⁴⁵ Там же, л. 243—243 об.

лось впечатление, что именно эта рукопись, находящаяся в собственной е. и. в. Канцелярии, опубликована на страницах «Русского архива». Бартенов, видимо, полагал, что там находится подлинная рукопись.

Четыре года спустя после публикации П. И. Бартенева на страницах сборника Русского исторического общества Н. И. Григорович осуществил новое издание биографии А. А. Безбородко, значительно переработав и дополнив его.⁴⁶ В этом издании Григорович почти дословно повторил то, что Бартенов сообщил о записке А. А. Безбородко в предисловии к своей публикации (по небрежности вместо «II-го отделения» было напечатано «IV-го отделения»). Григорович добавил лишь то, что пометка на рукописи находится «выше заголовка».⁴⁷ В приложении к биографии канцлера Григорович напечатал текст записки вновь, приняв заглавие Бартенева, но отвергнув его соображения о датировке этого памятника. В названии публикации была совершенно определенно указана дата составления записки — 1799 г.⁴⁸ В конце публикации Григорович в некотором противоречии с текстом монографии, где говорилось о том, что записка А. А. Безбородко находится во II отделении, сообщил, что «копия записки хранится в Архиве Государственного совета, в деле о бумагах, оставшихся после смерти Д. Н. Блудова».⁴⁹ По всей видимости, Григорович, как и Бартенов, полагал, что во II отделении хранится подлинник записки А. А. Безбородко. (Вероятно, на эту мысль их навела опись бумаг Д. П. Трощинского, приложенная к всеподданнейшей записке Д. Н. Блудова 6 июля 1855 г., ведь в этой описи рукопись, с которой издатели не были знакомы *de visu*, была обозначена так: «Записка перед концом жизни кн. Александра» Андреевича» (Безбородко?) своеручно им писанная под названием „Записка для составления законов российских“».⁵⁰

Таким образом, ни П. И. Бартенову, ни Н. И. Григоровичу ничего не было известно о подлинной рукописи А. А. Безбородко. В основу их публикации был положен один из списков записки (как увидим далее, второй четверти XIX в., самый поздний из всех ныне известных). В качестве заглавия издатели выбрали название, употреблявшееся чиновниками II отделения в процессе делопроизводства. Датировка же памятника основывалась на анонимной пометке на позднем списке, сделанном никак не раньше второй четверти XIX в.

⁴⁶ Григорович Н. И. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени, т. I. 1747—1787. — Сб. Русского истор. о-ва (далее — РИО), 1879, т. 26; т. II. 1788—1799. — Там же, 1881, т. 29.

⁴⁷ Там же, т. 29, с. 441.

⁴⁸ Записка князя Безбородки о потребностях империи Российской 1799 года. — Там же, с. 643—646.

⁴⁹ Там же, с. 646.

⁵⁰ ЦГИА СССР, ф. 1250, Бумаги, оставшиеся после смерти Д. Н. Блудова, оп. 1 (ч. XVI), № 40, л. 243—243 об.

Издание Русского исторического общества было переиздано отдельной книгой,⁵¹ и текст публикации П. И. Бартенева — Н. И. Григоровича прочно вошел в историческую литературу с названием Бартенева и датировкой Григоровича. Но ни Барте-нев, ни Григорович, как, впрочем, и все остальные исследова-тели, пользовавшиеся их публикацией, не знали о том, что еще в 1858 г., т. е. за 19 лет до того, как «Записка князя Безбородки о потребностях империи Российской» появилась на страницах «Русского архива», в «Чтениях в императорском обществе исто-рии и древностей российских при Московском университете» анонимно была опубликована «Записка для составления законов Российских».⁵² Имя автора этого сочинения обозначено не было, но его содержание оказалось очень близким к «Записке князя Безбородки о потребностях империи Российской». Однако тексты этих двух документов не были тождественны.

К сожалению, издатели ничего не сообщили о публикуемой рукописи, ни о ее происхождении, ни о месте хранения. Оста-лось неизвестным и лицо, подготовившее этот документ к пуб-ликации. При сопоставлении текста записки, опубликованной в «Чтениях», с текстом публикации в «Русском архиве» обнару-живаются довольно существенные различия. Так, например, «Записка для составления законов Российских» гласит: «Госу-дарь самодержавный, естли он одарен качествами, сана его достойными, чувствовать должен, что власть дана ему беспре-дельная, для того, чтоб управлять делами справедливо...».⁵³ Но в «Записке о потребностях империи Российской» эта фраза вы-ражена более резко: «Государь самодержавный, если он одарен качествами, сана его достойными, чувствовать должен, что власть дана ему безпредельная не для того, чтобы управлять делами по прихотям».⁵⁴ Текст, опубликованный в «Русском архиве», от-личается более тщательной стилистической обработкой, но в то же время в нем есть смысловые несообразности, которых нет в «Записке для составления законов Российских». Так, например, в «Записке», опубликованной П. И. Бартеневым, говорится о том, что в каждый департамент Сената «определяется по два или более референдариев или статских советников 4-го или 5-го класса».⁵⁵ Но статские советники могли быть только 4-го, а отнюдь не 5-го класса. В «Записке» же, напечатанной в «Чте-ниях», этого противоречия нет: «... два или более референда-рия или сенатских советника 4-го и 5-го классов».⁵⁶

Вместе с тем текст, опубликованный в «Русском архиве», содержит дополнения, развивающие положения текста, появив-

⁵¹ Григорович Н. И. Безбородко, т. I и II.

⁵² Записка для составления законов Российских. — Чтения в имп. Об-ществе истории и древностей российских при Московском университете, 1858, кн. 3, смесь (далее — ЧОИДР), с. 137—141.

⁵³ Там же, с. 137.

⁵⁴ РА, с. 297.

⁵⁵ РА, с. 299.

⁵⁶ ЧОИДР, с. 139.

шегося на страницах «Чтений». Так, в «Записке для составления законов Российских» сказано, что «Российский император должен быть греческого православного восточного закона, так как его супруга, его наследник и его супруга и т. д.».⁵⁷ В тексте «Записки о потребностях империи Российской» это «т. д.» раскрыто: «Но что касается до супругов прочих великих князей российских, оные могут быть и другого христианского закона, а токмо никто наследником престола облачен быть не должен, кто не восприимет православной веры».⁵⁸ В тексте «Записки для составления законов Российских» говорится о том, что «коронавание императора есть обряд, посредством коего государь, принося торжественное богу благодарение, воспринимает залог благодати божьей к лучшему управлению своим царством».⁵⁹ В тексте «Записки о потребностях империи Российской» к этому присовокуплено, что «не было бы противно самодержавной власти, если бы государь, по изречении символа веры, произнес клятвенное обещание в таких выражениях, которые являли бы народу его непорочное намерение царствовать во славу империи и во благо общественное. Таковая присяга могла бы быть в следующей силе».⁶⁰

Сопоставление текста, опубликованного в «Чтениях», с текстом, воспроизведенным на страницах «Русского архива», свидетельствует, что они соотносятся как более ранняя и более поздняя редакции одного и того же памятника. При этом последняя редакция, как явствует из ее текста, не является окончательной, ибо после слов «Таковая присяга могла бы быть в следующей силе»⁶¹ нет ни полного текста присяги, ни даже ее краткого содержания. Наконец, после предложения, в котором определяется компетенция I департамента Сената, есть пометка: «(выписать из Учреждения о губернском правлении, распространя более)»,⁶² что также свидетельствует о незавершенности этой работы.

Естественно, перед исследователями прежде всего возникает вопрос о подлинной рукописи А. А. Безбородко. К сожалению, Н. Д. Чечулин, упомянувший в 1903 г. в биографическом очерке В. П. Кочубея о черновике записки, писанной рукою самого А. А. Безбородко, не указал точного местонахождения этой рукописи. Но в перечне источников, использованных в очерке, названы «документы архива кн. В. С. Кочубея в Диканьке».⁶³ После Октябрьской революции фамильные материалы князей Кочубеев хранились в Государственном архиве Полтавской обла-

⁵⁷ ЧОИДР, с. 137.

⁵⁸ РА, с. 297.

⁵⁹ ЧОИДР, с. 137.

⁶⁰ РА, с. 297—298.

⁶¹ РА, с. 298.

⁶² РА, с. 299.

⁶³ Чечулин Н. Д. В. П. Кочубей, с. 383.

сти.⁶⁴ Мы направили запрос о судьбе собрания Кочубеев в Полтавский областной государственный архив. 17 февраля 1976 г. директор архива Н. Х. Пайдем и начальник использования и публикаций документов В. Н. Жук ответили, что документы Диканьского архива погибли во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Трудно сказать, что собой представляла диканьская рукопись, раннюю ли, позднюю ли или еще одну пока неизвестную черновую редакцию, предшествующую той, которую мы назвали ранней. В равной степени любую из них Н. Д. Чечулин мог назвать черновиком. Как бы то ни было, рукопись погибла, и в нашем распоряжении нет автографа ни ранней, ни поздней редакций. Следовательно, задача сводится к тому, чтобы определить наиболее авторитетный список записки А. А. Безбородко.

Наряду с рукописями, хранившимися у А. Н. Голицына и Д. П. Трощинского, мы выявили еще три списка записки А. А. Безбородко. Два из них хранятся в архиве графов Воронцовых,⁶⁵ третий находится среди бумаг М. М. Сперанского, переданных Г. К. Репинским в Публичную библиотеку.⁶⁶ Здесь же в материалах М. М. Сперанского сохранилась выписка из той части записки А. А. Безбородко, где идет речь о государственном устройстве России.⁶⁷

Рукопись, обнаруженная в бумагах А. Н. Голицына, написана писарским почерком во весь лист, на белой бумаге второй четверти XIX в. без филиграней. На первом листе тем же почерком, которым написан основной текст, проставлено заглавие: «Записка для составления законов Российских». Выше заглавия неизвестной рукой приписано: «Cette pièce a été fait par le défunt prince Bezborodko в 1799» [sic. — М. С.].⁶⁸

Список Д. П. Трощинского находится среди материалов Комиссии составления законов, в деле, названном составителями описи так: «Записки неизвестных авторов: „Записка для составления законов Российских“, „Мнение о верховной власти государя“». Второй манускрипт представляет собой писарскую копию одной из редакций сочинения Д. И. Фонвизина «Рассуждение о неперемных государственных законах»,⁶⁹ первая же рукопись — записка А. А. Безбородко.⁷⁰ На обложке этой рукописи рукой Трощинского помечено: «Записка, перед концом жизни князя Александра Андреевича своеручно им писанная». Од-

⁶⁴ Богданович Т. Из переписки Александра I с В. П. Кочубеем. — Русское прошлое, 1923, в. 5, с. 101—111.

⁶⁵ Архив ЛОИИ СССР, ф. 36, оп. 1, № 400, л. 15—24 об.; ЦГАДА, ф. 1261, оп. 1, № 2542, л. 1—6 об. — Ознакомиться с текстом последнего списка автору не удалось.

⁶⁶ ОР ГПБ, ф. 731, оп. 1, № 61, л. 1—7.

⁶⁷ Там же, № 81, л. 1—8.

⁶⁸ ЦГИА СССР, ф. 1250, Бумаги, оставшиеся после смерти Д. Н. Блудова, оп. 1 (ч. XVI), № 44, л. 6—11 об.

⁶⁹ ЦГИА СССР, ф. 1260, оп. 1, № 373, л. 12—34.

⁷⁰ Там же, л. 2—11.

нако это не автограф А. А. Безбородко. Рукопись написана писарским почерком на белой плотной бумаге последней четверти XVIII—начала XIX в. с филигранями «Van der Ley—Pro Patria».⁷¹ Текст рукописи находится на правой части листа, левая — свободна. На первой странице рукой писавшего весь текст проставлено заглавие: «Записка для составления законов Российских». В тексте есть несколько карандашных пометок и исправлений, сделанных рукой Д. П. Трощинского.

Рукопись из архива Воронцовых находится в сборнике не связанных между собой документов под общим названием «О внутреннем правлении России». Она написана писцовым почерком на правой половине листа, на бумаге фирмы «Honig» конца XVIII—первой четверти XIX в.⁷² Заглавие рукописи — «Записка для составления законов Российских» — проставлено рукой писца.⁷³

Рукопись из собрания М. М. Сперанского написана на той же белой плотной бумаге с филигранями «Van der Ley—Pro Patria», что и список Д. П. Трощинского. На первой странице на полях слева зачеркнута карандашная пометка: «Графа Воронцова» — и той же рукой написано: «К. Безбородко». Несколько ниже карандашная пометка рукой К. Г. Репинского: «NB. Чья это пометка, не знаю. Она сделана, кажется, при описи бумаг в 1812 году в кабинете М. М-ча, найденных после ссылки». У нижнего края рукописи той же рукой помечено: «NB. Кажется, это копия написана рукой В. П. Кочубея? Репинский». Рукопись озаглавлена «Записка для составления законов Российских». Как заглавие, так и текст написаны В. П. Кочубеем.⁷⁴

Выписка из сочинения А. А. Безбородко хранится в деле, которое имеет название: «Записка о структуре, системе управления Сената и подведомственных ему учреждений. Копия сделана Францом Ивановичем Цейером с приписками Михаила Михайловича Сперанского и К. Г. Репинского». Рукопись написана в правой части листа рукой Ф. И. Цейера на белой плотной

⁷¹ Согласно наблюдениям С. А. Клепикова и М. В. Кукушкиной, документы с этими филигранями датируются 1779, 1781, 1791, 1797, 1805, 1810, 1812 гг. (Клепиков С. А. Филигранные и штампы на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. М., 1959; Клепиков С. А., Кукушкина М. В. Филигрань «Pro Patria» на бумаге русского и иностранного производства. — В кн.: Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. Л., 1965, табл. № 287). Добавим, что проект «Грамоты российскому народу жалуемой» 1801 г., вышедший из рук Д. П. Трощинского, написан на бумаге с этой же филигранью (ОР ГПБ, ф. 731, оп. 1, № 922, л. 1—18).

⁷² С. А. Клепиков и М. В. Кукушкина датируют эту бумагу 1796, 1799, 1801, 1803, 1813, 1818, 1821, 1825 гг. (Клепиков С. А. Филигранные на бумаге фирмы Гониг (Honig) 1665—1869 гг. — Сов. архивы, 1976, № 1, с. 72; Клепиков С. А., Кукушкина М. В. Филигрань «Pro Patria»... табл. № 287).

⁷³ Архив ЛОИИ СССР, ф. 36, оп. 1, № 400, л. 15—24 об.

⁷⁴ ОР ГПБ, ф. 731, оп. 1, № 61, л. 1—7.

бумаге фирмы «J Kool».⁷⁵ На правом листе на полях слева есть пометка М. М. Сперанского чернилами: «Мнение К. Безбородки с подлинника списанное от графа В. П. Кочубея». Несколько ниже рукой К. Г. Репинского карандашом отмечено: «№. Это выписка из предыдущей тетради. Репинский». Возле пометки М. М. Сперанского К. Г. Репинским карандашом поставлена точка, взятая в скобки. Этот же знак Репинский воспроизвел под своей пометой и приписал: «Рука М. М. Сперанского». Рукопись не имеет никакого заглавия. Она начинается словами: «Верховное в России правительство есть Правительствующий Сенат...». Далее следует текст записки А. А. Безбородко от этих слов до последней фразы.⁷⁶

Сопоставление этих рукописей с «Запиской для составления законов Российских», опубликованной в «Чтениях», свидетельствует о том, что они представляют собой списки поздней редакции. Как ранняя редакция, так и все списки поздней имеют одно и то же заглавие — «Записка для составления законов Российских». Правда, в очерке Н. Д. Чечулина «черновик» А. А. Безбородко назван «Запиской об управлении государством». Если это была рукопись ранней или поздней редакции, то она должна была иметь заглавие, как это явствует из текста, опубликованного в «Чтениях», и всех известных ныне списков, — «Записка для составления законов Российских». Поэтому либо заглавие «Записка об управлении государством» относилось к неизвестной нам черновой редакции, либо это название дано самим Н. Д. Чечулиным любой из редакций. Как бы то ни было, вне всяких сомнений, подлинное заглавие поздней редакции, а значит, и самого памятника — «Записка для составления законов Российских».⁷⁷

При сравнении списков поздней редакции выясняется, что их тексты не идентичны. Какой же из них наиболее точно воспроизводит подлинную рукопись А. А. Безбородко?

Наиболее дефектен самый поздний список А. Н. Голицына. При сравнении голицынского списка с ранней редакцией и со всеми списками поздней обнаруживается, что выражения, употреблявшиеся в XVIII в., заменены в нем словами, свойственными литературному языку XIX в. Так, например, «стечению» заменено на «течению», «председанием» — на «председательством», «каковая» — на «таковая», «решатся» — на «решаются» и др. Кроме того, в ряде случаев переписчик, осовременивая текст, произвел его стилистическую доработку. Так, например, во фразе

⁷⁵ Нам не удалось обнаружить в справочниках имеющиеся на документе филигранные пометки.

⁷⁶ ОР ГПБ, ф. 731, оп. 1, № 81, л. 1—8.

⁷⁷ Следует отметить, что фразеологическое построение «Записка для...» характерно для А. А. Безбородко. Так, например, он озаглавил собственноручный набросок, в котором была отражена его последняя воля: «Записка для моего духовного завещания». — РИО, т. 26, с. 646—647; П. В. Завадовский — С. Р. Воронцову. 19 апреля 1799 г. — В кн.: Архив кн. Воронцова, 1877, т. XI, с. 227; П. В. Завадовский — А. Р. Воронцову, 15 апреля 1799 г. — Там же, с. 223.

«а буде произойдет разногласие, в таком случае дела вносятся к государю, дабы он его сам... решил» подлежащее главного предложения («дела») было употреблено во множественном числе, а в придаточном оно уже стояло в единственном числе («его»). Переписчик устранил это противоречие. Вместо «дела вносятся» он написал «дело вносится».⁷⁸

Именно этот список, наиболее искаженно передающий подлинную рукопись А. А. Безбородко, был опубликован П. И. Бартеневым и Н. И. Григоровичем, причем оба издателя при публикации голицынского списка довершили его переработку в том же самом направлении, что и переписчик второй четверти XIX в.⁷⁹

Наибольшая близость наблюдается между списками Троцинского и Воронцова. Второй список повторяет уникальные чтения первого. Так, в списке Троцинского есть фраза: «Буде указ издаваемый, при первом его в Сенате прочтении, покажется вредным, Сенат имеет право внести представление единственное к государю, но в случае повторения его воли, оныя записываются и вносятся без всяких вновь представлений».⁸⁰ Рукой Троцинского слова «единственное» и «вносятся» исправлены карандашом на «единогласное» и «исполняется», а также произведено согласование единственного и множественного числа. Вследствие этой карандашной правки фраза приняла тот вид, в котором она встречается в ранней и во всех, за исключением воронцовского, списках поздней редакции. В списке Воронцова эта карандашная правка не учтена, вместе с тем в нем встречаются явные ошибки и пропуски, которых нет ни в одном из списков (например, «издавши»⁸¹ вместо «изрекши» и т. д.). Очевидно, воронцовский список был снят со списка Троцинского до того, как он был выправлен карандашом, причем переписчик допустил ряд ошибок, не имевших места в списке, с которого он снимал копию. Вместе с тем в списке Троцинского тоже есть дефекты, возникшие по вине переписчика. Так, например, вместо «2-й департамент уголовных дел» он написал «2 департамент уголовные дела».⁸² Вообще же список Троцинского ближе всех других к списку В. П. Кочубея. Что же касается списка Кочубея, сохранившегося в бумагах М. М. Сперанского, то он является наиболее

⁷⁸ ЦГИА СССР, ф. 1250, Бумаги, оставшиеся после смерти Д. Н. Блудова, оп. 1 (ч. XVI), № 44, л. 6—11 об.

⁷⁹ По сравнению с рукописью П. И. Бартнев в публикации заменил слова «воспринимает», «одинаком», «земли», «становяся», «имев», «толь» на «воспринимает», «одинаковом», «земель», «становились», «имели», «стольт». Кроме того, в выражении «подавала бы повод» Бартнев опустил частицу «бы», а фразу «податью или работою» напечатал так: «или податью или работою» (РА, с. 297—300); Н. И. Григорович повторил эти замены, а также вместо слов «замешательств», «внос» напечатал «замешательства», «взнос» и опустил полностью примечание А. А. Безбородко: «Как в учреждении сказано, слово «вышний» заменил на «высший», а из фразы «даже и к Государю» исключил союз «и» (РИО, т. 29, с. 643—646).

⁸⁰ ЦГИА СССР, ф. 1260, оп. 1, № 387, с. 10.

⁸¹ Архив ЛОИИ СССР, ф. 36, оп. 1, № 400, л. 23.

⁸² ЦГИА СССР, ф. 1260, оп. 1, № 387, л. 8.

авторитетным. Как гласит строгановская запись разговора 22 апреля 1801 г., записка («le papier») А. А. Безбородко была передана Кочубеем П. А. Строганову,⁸³ а он в свою очередь передал копию с нее Александру.⁸⁴ Остается только неясным, подлинную ли рукопись А. А. Безбородко или копию с нее Кочубей передал Строганову: ведь «le papier» могло означать и то, и другое. Выписка Ф. И. Цейера была сделана для Сперанского из поздней редакции записки А. А. Безбородко. На выписке Сперанский пометил: «Мнение к. Безбородки, с подлинника списанное от графа В. П. Кочубея» (разрядка наша. — М. С.).⁸⁵ Следовательно, в руках Кочубея находилась подлинная рукопись поздней редакции.

Кажется маловероятным, чтобы В. П. Кочубей решил передать наследнику престола через П. А. Строганова подлинную рукопись А. А. Безбородко, а Строганов снял с нее копию, сообщил ее Александру, подлинник же оставил у себя или вернул опять Кочубею. Скорее всего Кочубей сам снял копию с подлинника Безбородко и передал ее через Строганова Александру, сохранив у себя подлинную рукопись Безбородко. В таком случае копия записки, написанная рукой Кочубея и найденная впоследствии в бумагах Сперанского, и есть та самая рукопись, которую племянник канцлера передал через Строганова великому князю. Как бы то ни было, список, написанный Кочубеем, обладавшим подлинником записки А. А. Безбородко, является наиболее авторитетной копией. Это, конечно, не означает, что Кочубей, снимая копию с подлинника, не мог допустить ошибок. Такие ошибки определяются путем сравнения ранней редакции со списком Кочубея и с другими списками поздней редакции. В том случае, если разночтение встречается только в копии Кочубея, но его нет ни в ранней, ни в поздней редакциях и все списки поздней редакции повторяют раннюю, то чтение в этой копии является неверным. Так устанавливается ряд описок этого списка,⁸⁶ во всех остальных случаях чтение копии Кочубея является наиболее авторитетным.⁸⁷

⁸³ Résultat d'une conversation avec le comte Kotchoubey le 22 Avril 1801. — В кн.: Граф Строганов, т. II, с. 13.

⁸⁴ Résultat d'une conversation avec l'Empereur le 23 Avril 1801. — Там же, с. 7.

⁸⁵ ОР ГПБ, ф. 731, оп. 1, № 81, л. 1.

⁸⁶ В выражении «как законы однажды им определили» В. П. Кочубей пропустил «однажды»; вместо «инако» написал «иначе». Во фразе «но и тут надобно, чтоб или они возвращались на пашню, или других посылали на работу» выпало «или они возвращались на пашню». В выражении «генеральный суд по уголовной самой верховной важности» Кочубей вместо «по» написал «и». «По человечеству» заменено на «к человечеству». Наконец, вместо «и двое депутатов дворянства» Кочубей поставил «или двое депутатов дворянства», а слова «залог», «помыслить» заменил на «закон» и «помышлять» (ОР ГПБ, ф. 731, оп. 1, № 61, л. 2 об., 3 об.— 6 об.).

⁸⁷ Отметим, что «статские советники 4-го и 5-го классов», обратившие на себя наше внимание во всех списках поздней редакции, в копии В. П. Кочубея, как и в ранней редакции, являются «сенатскими советни-

Итак, «Записка для составления законов Российских» написана А. А. Безбородко во второй половине 1798 г. Ее текст наиболее точно передан копией В. П. Кочубея. Записка является важнейшим памятником общественно-политической мысли на рубеже XVIII—XIX вв., вышедшим из оппозиционного великокняжеского кружка, из членов которого в 1801 г. образовался Негласный комитет, где были выработаны основные внутривнутриполитические мероприятия начала александровского царствования.

В. Г. ЧЕРНУХА

МЕМУАРЫ СТОЛИЧНОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

С тех пор как столетие тому назад мемуаристика была отнесена к разряду исторических источников, интерес исследователей к воспоминаниям постоянно возрастает. Историки все чаще привлекают эти материалы для своих исторических построений, все больше предпринимается попыток рассмотреть особенности этого вида источника, решить ряд связанных с ним источниковедческих проблем. Источниковедческое изучение мемуаристики ведется в нескольких направлениях: предметом изучения являются либо отдельные, как правило крупные, произведения мемуаристики, либо компактные мемуарные комплексы, отобранные по какому-либо признаку (хронологическому, социальному происхождению автора, отражению в них процесса или события и т. п.). В этих штудиях и рассматриваются некоторые общие источниковедческие проблемы мемуаристики. Много реже историки ставят эти общие проблемы на базе всего корпуса мемуаров.

Общая характеристика русской мемуаристики второй половины XIX в. была дана С. С. Дмитриевым и Л. Г. Захаровой в университетских курсах источниковедения.¹ При этом Дмит-

ками 4-го и 5-го классов». (Там же, л. 5). Следует особо оговорить фразу: «В исследовании по сим делам да истребятся все способы потаенные и где права человека и гражданина угнетаются вопреки законов...». (Там же, л. 7). В ранней редакции находим: «...кровь человека согражданина угнетается...». (ЧОИДР, с. 141). Во всех списках поздней редакции значится: «...кровь человека и гражданина угнетается...» (ЦГИА СССР, ф. 1250, Бумаги, оставшиеся после смерти Д. Н. Блудова, оп. 1 (ч. XVI), № 44, л. 11 об.; ф. 1260, оп. 1, № 373, л. 11; Архив ЛОИИ СССР, ф. 36, оп. 1, № 400, л. 24 об.; ОР ГПБ, ф. 731, оп. 1, № 81, л. 8). Думается, что чтение в копии Кочубея «права человека и гражданина», перекликающееся с французской «Декларацией прав человека и гражданина», является более правильным.

¹ Дмитриев С. С. Воспоминания, дневники, частная переписка. — В кн.: Источниковедение истории СССР. М., 1973, с. 393—416; Захарова Л. Г. Мемуары, дневники, частная переписка второй половины

риев предпринял и попытку классификации мемуаров, взяв за основу социально-профессиональное и общественное положение авторов и выделив на этом основании несколько групп, в том числе мемуары государственных деятелей. Предлагая расширить последнюю группу за счет воспоминаний чиновников в целом, автор настоящей статьи видит свою задачу в анализе одной из частей этой группы — мемуаров столичной бюрократии второй половины XIX в.

Здесь для изучения взяты только воспоминания (дневники, составляющие значительную долю мемуарного наследия чиновничества, требуют особого рассмотрения), причем лишь изданные. Автора прежде всего занимают воспоминания чиновников центрального аппарата, непосредственно участвовавших в разработке и осуществлении правительственной политики.

Выделение любой группы воспоминаний ныне для исследователя облегчено появлением ценного справочника под редакцией П. А. Зайончковского.² При отборе этой группы мемуаров возможны два подхода: широкий, учитывающий лишь принадлежность авторов к столичной бюрократии, тогда в сфере внимания исследователей оказываются и такие воспоминания, которые относятся к периоду их провинциальной, скажем, службы, и подход узкий, принимающий во внимание только отражение в них службы в центральной администрации. Разумеется, подход исследователя зависит от того, чем он занимается. Изучение биографий, моделей карьер, социальной психологии бюрократии требует широкого подхода к отбору, занятия проблемами истории высших и центральных государственных учреждений, внутренней политики обуславливают более жесткий отбор.

Автор статьи избрал второй, «узкий» подход. Для наблюдения выделен «малый» круг воспоминаний. Исключение делается только для мемуаров правительственных деятелей, поскольку для историков важны и подробности их служебной карьеры.

Для начала отметим, что лишь небольшая часть воспоминаний чиновничества увидела свет в виде отдельных изданий. Именно так были опубликованы мемуары С. Ю. Витте, К. Ф. Головина, А. И. Дельвига, В. П. Мещерского, Е. М. Феоктистова, П. А. Червина.³ Подавляющее же их большинство появилось на страницах журналов, часть была тут же — без каких-либо изменений — переиздана. Основными, массовыми поставщиками на книжный

XIX в. — В кн.: Источниковедение истории СССР XIX—начала XX в. М., 1970, с. 368—399.

² История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях, т. 1—3. М., 1976—1981.

³ Витте С. Ю. Воспоминания, т. I—III. М.—Пгр., 1923—1924; Головин К. Мои воспоминания за 35 лет. 1859—1894. Т. I—II. СПб. [б. г.]; Дельвиг А. И. Мои воспоминания, т. I—IV. М., 1913; Мещерский В. П. Мои воспоминания, ч. I—III. СПб., 1897—1912; Феоктистов Е. М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Л., 1929; Червин П. А. 1) Записки. (Новые материалы по делу каракозовцев). Кострома, 1918; 2) Воспоминания. 1863—1865. Кострома, 1920.

рынок мемуарной литературы вообще и воспоминаний чиновников в частности были дореволюционные исторические журналы.

XIX век был временем быстрого развития русской мемуаристики, берущей свое начало в XVIII в. В XIX в. этот литературный жанр развивается и количественно, и качественно. В мемуаротворчество вовлекаются новые социальные группы, авторы ставят перед собою все более широкие задачи. На процесс мемуаротворчества накладывают свой отпечаток социально-экономическое развитие страны, рост образования, культуры, упрочение национального самосознания, расцвет литературы. Широкий общественный интерес к истории собственной страны, подхлестнутый Отечественной войной 1812 г.,⁴ породил во второй половине XIX в. бурное учредительство в области исторической журналистики. Исторический документ со страниц ученых изданий перекочевывает в журналы, предназначенные для широкого (относительно!) читательского круга. Во второй половине XIX в. утверждается тип ежемесячного исторического журнала, ориентирующегося на любителей исторического чтения.⁵

В 1863 г. в Москве П. И. Бартенев основывает «Русский архив», вскоре, в 1870 г., М. И. Семевский начинает издавать в Петербурге «Русскую старину». Наличие этих журналов не останавливает А. С. Суворина и С. Н. Шубинского, и с 1880 г. они приступают к выпуску в Петербурге аналогичного издания — «Исторического вестника». В 1913 г. в Москве начинает выходить «Голос минувшего». Все это были однотипные издания, однако следует сказать, что издатели и редакторы сумели придать своеобразие каждому из этих журналов. Когда А. И. Фаресов говорил о редакторе «Исторического вестника» С. Н. Шубинском, что тот «угадал потребность иметь исторический журнал с обработанным и живым материалом из русской жизни, а не в виде сухих документов о ней»,⁶ то он имел в виду противопоставить этот журнал в первую очередь «Русскому архиву», где печатались почти исключительно документы, а отчасти и «Русской старине», содержание которой было несколько более «сухим», чем «Исторического вестника», постоянно печатавшего русские и переводные исторические романы, путевые очерки и т. д.

Именно эти журналы вынесли основную тяжесть по изданию мемуаров вообще и мемуаров чиновников в особенности. Редакторы их неутомимо разыскивали мемуары, заказывали их, готовили к печати.⁷

⁴ Г ар т а к о в с к и й А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980.

⁵ Подробнее см.: Д м и т р и е в С. С. 1) Русские исторические журналы по истории СССР. — В кн.: История СССР периода капитализма. Научно-методическое пособие. М., 1961, с. 167—190; 2) Источниковедение русской исторической журналистики. (Постановка темы и проблематика). — В кн.: Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976, с. 272—305.

⁶ Ф а р е с о в А. И. С. Н. Шубинский как редактор журнала. — Истор. вестник, 1913, № 7, с. 180.

⁷ Воспоминания о П. И. Бартеневе, М. И. Семевском и С. Н. Шубинском как редакторах см.: Б р ю с о в В. «Обломок старых поколений». Петр

Разумеется, это далеко не полный перечень русских исторических журналов, но именно они оказались самыми долговечными и наиболее много сделавшими для предоставления читателю обширной исторической литературы всех ее жанров, включая мемуары. Существовали еще ученые сборники и журналы. Охотно печатали воспоминания литературные журналы «Вестник Европы», «Русский вестник» и др.

Интерес читателя к дневникам и воспоминаниям чиновников был особого рода. Дело в том, что характерной чертой русской государственной жизни XIX в. была ее «закрытость» для общественных кругов. Правительственная политика была прерогативой императора, располагавшего абсолютной властью и считавшего себя неподконтрольным общественному мнению. Подданные не только не могли вмешиваться в политику, но даже претендовать на осведомленность относительно планов правительственных верхов. Именно потому подданным было крайне интересно, хотя бы с опозданием на несколько десятилетий, узнать о том, что происходило в правительственных и ведомственных кругах, и, спроецировав узнанное на свое время, догадаться о происходящем сегодня. Даже и в 1909 г. было интересно прочитать в воспоминаниях П. М. Ковалевского, как его дядя, Е. П. Ковалевский, министр народного просвещения в 1858—1861 гг., боялся Вольной русской печати. «Приедет министр в заседание Государственного совета или Комитета министров, — красочно описывал П. М. Ковалевский, — ему навстречу вынимают из карманов вырезанные статьи в доказательство того, что никакая пуговица на вицмундире не служит щитом от порицания или насмешки. А тут еще Герцен высылает свои издания с полным адресом (он высылал их всем министрам и сановникам), и каждый раз приходится испытывать дрожь: не пробрал ли он за что-нибудь?»

— Этот раз, слава богу, ничего, — радуется, бывало, старик, пробежавши присланное». ⁸

Исторические журналы, где было опубликовано большинство рассматриваемых здесь воспоминаний, ставили своей задачей (увы!) не вооружение историка для его работы тщательно изданным источником, а предоставление массовому читателю, интересующемуся историей, занимательного и поучительного чтения. На удовлетворении читательского спроса зиждилось финансовое благополучие издания. Этим и определялся подход к публикации вос-

Иванович Бартенев. — Русская мысль, 1912, № XII, с. 108—118; Тимошук В. В. М. И. Семевский, основатель и редактор исторического журнала «Русская старина». Его жизнь и деятельность. 1837—1892. СПб., 1895; Кауфман А. Е. За кулисами печати. (Отрывки воспоминаний старого журналиста). — Истор. вестник, 1913, № 7, с. 97—99; Фаресов А. И. С. Н. Шубинский как редактор журнала, с. 173—188; Михайлов К. Н. На редакционном приеме у С. Н. Шубинского. (Личные о нем воспоминания). — Истор. вестник, 1913, № 12, с. 1014—1032.

⁸ Ковалевский П. М. Власти предрержащие. — Русская старина, 1909, № 2 (февраль), с. 305.

поминаний издателей и редакторов, не стеснявших себя строгими правилами научной археографии.

По утверждению сотрудника «Исторического вестника» К. Н. Михайлова, его редактор считал «надлежащим» материалом для своего журнала «тот, который приятен и нравится публике и легко ею переваривается».⁹ Разумеется, строгий подход к археографии источника мог лишь «утяжелить» материал (в данном случае, воспоминания) и сделать его скучным для читателя.

В. Я. Брюсов, в 1899—1902 гг. исполнявший при П. И. Барте-неве обязанности, условно говоря, секретаря редакции, позже сви-детельствовал об археографических «приемах» издателя «Рус-ского архива»: «Современные методы исследования и издания документов были ему чужды. Он почитал себя вправе не только сокращать, но и порою даже подновлять печатаемый текст. Излишняя заботливость о точности казалась ему „крохобор-ством“».¹⁰

Обычно публикаторами выступали редакторы журналов. Ча-сто воспоминания они издавали без всяких археографических по-яснений. Воспоминания чиновника Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел В. П. Авенариуса, Я. Г. Есипо-вича, А. А. Плещеева, товарища министра фипансов при И. А. Вишнеградском Ф. Г. Тернера, К. И. Фишера и других¹¹ не были предварены никакими объяснениями издателей. В луч-шем случае читателя ждало крайне скупое предисловие от ре-дакции, в каждом случае разное. Общих правил публикации в журналах не существовало, незаметно их наличие и в каждом отдельном журнале.

Показателен пример публикации записок А. В. Эвальда и П. А. Кускова в одном и том же «Историческом вестнике».¹² Оба очерка посвящены службе авторов в Главном выкупном учрежде-нии, созданном в 1861 г. для осуществления выкупной операции. Они производят впечатление сочинений, неразрывно между собою связанных не только темой и действующими в них персонажами, но даже манерой и причиной написания. Появившиеся первыми воспоминания Эвальда начинались с признания автора, что он попал на службу в Главное выкупное учреждение по совету уже

⁹ Истор. вестник, 1913, № 12, с. 1027.

¹⁰ Русская мысль, 1912, № XII, с. 116.

¹¹ Авенариус В. П. По чужому адресу. (Из служебных воспоми-наний). — Истор. вестник, 1913, № 7, с. 189—193; Записки сенатора Еси-повича. — Русская старина, 1909, № 1—11; Мардарьев Н. Г. Нечто из прошлого. (Из воспоминаний бывшего цензора). — Голос минувшего, 1916, № 5—6, с. 372—391; Плещеев А. А. Воспоминания о К. А. Скальков-ском. — Истор. вестник, 1906, № 12, с. 932—948; Воспоминания жизни Ф. Г. Тернера. — Русская старина, 1909, № 3—11; 1910, № 1—2, 4—6, 11—12; 1911, № 2—5. (Воспоминания эти тут же были напечатаны отдель-ным изданием); Записки сенатора К. И. Фишера. — Истор. вестник, 1908, № 1—12.

¹² Воспоминания А. В. Эвальда. — Истор. вестник, 1902, № 11, с. 454—474; Воспоминания П. А. Кускова. — Там же, 1910, № 12, с. 918—936.

служившего там Кускова. Позже опубликованные воспоминания Кускова производят впечатление работы, навеянной записками Эвальда. Воспоминания Эвальда не были предварены никаким введением, зато воспоминания Кускова имели редакционное предисловие, где говорилось о том, что Кусков недавно скончался; в его воспоминаниях почему-то была выделена как нечто ценное характеристика долголетнего главы Выкупного учреждения сенатора М. К. Цеймерна и, наконец, кратко пояснялись функции этого учреждения, уже знакомые читателю по воспоминаниям Эвальда.

Части записок известного цензора 50—60-х гг. О. А. Пржецлавского при его жизни публиковались без каких-либо введений,¹³ а первая посмертная публикация сопровождалась следующим подстрочным примечанием редакции: «Воспоминания эти доставлены 3-го февраля 1880 г. сыном автора. Осип Антонович Пржецлавский род. 1799 г., умер 10-го декабря 1879 г. в Твери».¹⁴

Особенности публикации — полный текст, фрагмент, подлинник, копия, исправления, принадлежность заголовка — никогда не указывались, не сообщались приметы рукописи, не раскрывалась ее история. Чаще всего редакция считала необходимым лишь сообщить, откуда получена рукопись, подтверждая тем самым свои права на нее. Между тем редакционное введение к публикации, всегда желательное, иногда было просто необходимо, поскольку текст воспоминаний ставил перед читателем загадки. В качестве примера можно сослаться на записки Я. Г. Есиповича.¹⁵ Предваряя свои записки, Есипович писал, что он намерен «в видах беспристрастия» снять некоторые характеристики, а также, что он представляет «широкие права» на зашифровку имен «неисторических» и «микроскопических» лиц, упоминаемых в записках.¹⁶ Успел ли он сам осуществить это намерение или же зашифровка была сделана издателем, руководствовавшимся иными соображениями, оба ли они «прошлись» по тексту, остается неизвестным.

У А. П. Николаи (в 1881—1882 гг. он был министром народного просвещения, в 1884—1894 гг. — председателем Департамента законов Государственного совета) оказался опубликованным очерк о разработке крестьянской реформы в Закавказье.¹⁷ Он в 1863—1874 гг. служил на Кавказе и был, в частности, председателем Закавказского центрального комитета об устройстве быта помещичьих крестьян. Опубликованный документ — не воспоминания, а исторический очерк, в котором личность автора, наиболее яркая примета мемуаристики, совершенно отсутствует, между тем название относит его к этому жанру. Естественно воз-

¹³ Русский архив, 1872, № 9, 10, 12; Русская старина, 1874, № 11, 12; 1875, № 7, 9, 12; 1878, № 4, 5.

¹⁴ Русская старина, 1883, № 8, с. 377.

¹⁵ Записки сенатора Есиповича. — Русская старина, 1909, № 1—11 (отдельный оттиск — СПб., 1909).

¹⁶ Русская старина, 1909, № 1, с. 122—123.

¹⁷ Николаи А. П. Воспоминания моей жизни. Крестьянская реформа в Закавказском крае. — Русский архив, 1892, кн. II, № 5, 6, 8.

никает вопрос, кто дал название очерку — автор или опубликовавший документ П. И. Бартенев. А в данном случае это важно для суждений о том, не был ли очерк извлечен из обширных воспоминаний, где был бы вполне уместен как некое документальное приложение.

Небрежно были изданы воспоминания служившего в Морском министерстве П. М. Ковалевского.¹⁸ Появились они в трех книжках как отдельные очерки, посвященные трем разным министерствам — морскому, народного просвещения и финансов. Первый очерк не был предварен введением от издателя и относился к более позднему времени, нежели опубликованный за ним в следующем номере журнала, а П. М. Ковалевский фигурировал и в тексте, и в оглавлении как Н. М. Ковалевский. Во втором очерке инициалы автора были исправлены, а самим воспоминаниям предпосылалось введение издателя, где, между прочим, упоминались предшествующие выступления Ковалевского с фрагментами мемуаров, однако никак не объяснялась происшедшая с изданием его воспоминаний в «Русской старине» путаница, поскольку было ясно, что второй очерк должен был идти первым. Публикация третьего очерка (в № 5) была снабжена примечанием — «Из посмертных бумаг П. М. Ковалевского». Напрашивается предположение о цензурных препонах, следовательно, о возможных изъятиях из текста.

Наиболее развернутые предисловия издателей обычно не превышали страницы. Примером таковых служат предисловия П. И. Бартенева к запискам Д. Н. Толстого (директора Департамента полиции исполнительной Министерства внутренних дел в 1861—1862 гг.)¹⁹ и М. И. Семева к воспоминаниям М. Н. Муравьева.²⁰

Предисловие П. И. Бартенева к запискам Д. Н. Толстого (занимающее менее 1/2 страницы) в большей части было посвящено характеристике мемуариста как человека и отчасти как деятеля. Введение было своего рода данью памяти недавно (в 1884 г.) скончавшегося человека. Археографические принципы не оговаривались, не характеризовался, хотя бы и кратко, публикуемый источник. «Мы признательны вдове его за позволение обнародовать нижеследующие выдержки из его записок, к сожалению, не конченных. Живой ум и деятельное сердце постоянно влекли его к участию в современной жизни, и, несколько раз принимаясь за свою автобиографию, он покидал ее для какого-нибудь труда, который более занимал его», — писал Бартенев,²¹ и это все, что было

¹⁸ Ковалевский П. М. Власти предрержащие. — Русская старина, 1909, № 4, 2, 5.

¹⁹ Записки графа Дмитрия Николаевича Толстого. — Русский архив, 1881, № 5, с. 5—70.

²⁰ Граф М. Н. Муравьев. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа. 1863—1866 гг. — Русская старина, 1882, № 11—12; 1883, № 1—5.

²¹ Русский архив, 1885, № 5, с. 5.

сказано им о публикуемом документе. Уже самое предисловие Бартенева вызывало вопрос: что он публикует, весь ли написанный, хотя и незавершенный, текст или фрагменты из незаконченного? Недоразумение усиливалось после прочтения авторского введения к запискам, где Д. Н. Толстой упоминает разные части своих записок, в том числе и о недоведенном до конца описании службы его во главе Департамента полиции исполнительной. Бартенева оставил без внимания это указание Толстого, хотя, надо полагать, опубликовал именно этот фрагмент воспоминаний в виде второй части записок, представляющих две совершенно не связанные между собою части. Первая была началом жизнеописания, начинавшегося обычной для таких источников фразой — «я родился. . .» — и рассказавшего о детских, юношеских и первых годах службы, а вторая — только историей его службы в Министерстве внутренних дел, — была доведена до отставки и производит впечатление завершенного рассказа, хотя и кончалась отточием (неизвестно, кем поставленным). Вторая публикуемая часть записок, датированная 12 марта 1864 г., была снабжена подстрочным примечанием издателя: «Этот второй отрывок писан графом Толстым в селе Знаменском, когда он находился в полной отставке».²² Несколько кратких подстрочных издательских примечаний отсылали читателя к упоминавшимся в тексте публикациям или уточняли персоналию.

Введение М. И. Семевского к мемуарам М. Н. Муравьева содержало в себе даже элементы критики источника, но, видимо, служило цели утилитарной: без этой критики была бы невозможна публикация документов, относящихся к столь недавнему (не прошло и 20 лет) времени. Принципы публикации Семевский обходил молчанием. Об истории записок в предисловии было сказано следующее: «Записки эти продиктованы графом Михаилом Николаевичем в течение трех месяцев, именно с 3 января по 4 апреля 1866 г., одному из бывших при нем чиновников А. Н. М-ву (Мосолову — в свою очередь автору воспоминаний о пребывании Муравьева в Вильно.²³ — В. Ч.), и несколько лет спустя разошлись по рукам в С.-Петербурге в нескольких списках. Наш список получен из первых рук, и 7 декабря 1881 г. мы получили от старшего достопочтенного внука покойного графа весьма любезно выраженное согласие на то, чтобы поделиться с читателями „Русской старины“ этим историко-биографическим памятником».²⁴

Записки, созданные М. Н. Муравьевым вскоре после своей отставки, которую он рассматривал как проявление неблагодарности императора и результат интриг правительственных деятелей, были наполнены настолько резкой критикой национальной политики правительства, что, естественно, могли и даже должны были

²² Там же, с. 33.

²³ Мосолов А. Н. Виленские очерки. 1863—1865. (Муравьевское время). СПб., 1898.

²⁴ Русская старина, 1882, № 11, с. 388.

вызвать недовольство в то время еще живущих сановников, причастных к этой политике. Да и Александр III крайне не любил «преждевременной» публикации исторических документов, за что издателям (Семевскому, в частности) нередко выговаривалось.²⁵ Именно поэтому Семевский подчеркнул время составления записок, объяснив этим «пыл раздражения» и «злобу» воспоминаний. Более того, максимализм автора был отмечен издателем в качестве характерной черты его натуры, вообще обусловившей тон записок. «Беспристрастие в оценке людей... никогда не было достоинством ума графа Михаила Николаевича», — деликатно замечал Семевский.²⁶ Необходимость смягчения тона записок, хотя бы в поощаду П. А. Валуева, которому особенно досталось от Муравьева, вызвали частое вторжение публикатора в текст воспоминаний. Особо резкие выражения либо опускались, что было обозначено отточиями, либо сопровождалось восклицательными и вопросительными знаками, свидетельствующими о несогласии публикатора с замечаниями мемуариста. Более того, Семевский вообще позволил себе разорвать текст записок. Когда в очередной раз речь зашла о противодействии П. А. Валуева, Семевский прервал повествование вставкой «от редакции», где говорилось о «несостоятельности» оценок, привнесенных настроениями более позднего времени, и в доказательство, что в 1863 г. Муравьев относился к министру внутренних дел «с полнейшей признательностью», привел полный текст двух писем Муравьева Валуеву (май и август 1863 г.), надо полагать, полученных Семевским от экс-министра, ознакомившегося в рукописи или в журнале (к этому времени вышло уже два номера с записками Муравьева) с произведением виленского генерал-губернатора. Заключив публикацию писем обширным наставлением «от редакции» о необходимости будущему историку «с величайшей осторожностью» относиться к оценкам, сделанным Муравьевым, Семевский вновь вернулся к тексту записок, пометив: «Обратимся, однако, к прерванному рассказу графа Михаила Николаевича Муравьева».²⁷

²⁵ Сими́на Н. Г. Исторические документы на страницах «Русской старины» в 70—80-х годах XIX в. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Л., 1964, с. 197—198. — Сими́на приводит ряд высказываний Александра II и Александра III, свидетельствующих об их отношении к публикациям исторических источников. В 1889 г. Александр III (возможно, имея в виду также записки М. Н. Муравьева) заявил М. И. Семевскому при представлении последнего царю: «Да, это издание (т. е. «Русская старина». — В. Ч.) весьма интересно, но в нем иногда появляются материалы и сведения не вполне исторической давности». К 1890 г. относится его же резолюция, но общего значения: «Вообще надо обратить внимание на все теперешние исторические журналы, которые постоянно печатают совершенно лишние подробности и факты, и слишком рано печатают различные мемуары и записки». (Там же, с. 197, 198).

²⁶ Русская старина, 1882, № 11, с. 388.

²⁷ Русская старина, 1883, № 1, с. 145—149. — Точно такой же прием был применен при публикации мемуаров О. А. Пржецлавского. В рассказе о печально известном своими хищениями из сумм «инвалидских» капита-

Очевидно, с помощью таких приемов публикации Семевскому удалось сохранить часть текста записок от посягательств цензуры. О том, что какие-то изъятия из текста при публикации этих мемуаров Семевский сделал, говорят отточия.²⁸ Однако известно, что он довольно свободно обращался с текстом мемуаров, даже и не обозначая купюры,²⁹ поэтому исследователь всегда будет оставаться в недоумении, насколько полон опубликованный текст.

Интересен в археографическом отношении опыт издания воспоминаний директора канцелярии Морского министерства в 60—70-х гг. К. А. Манна.³⁰ Здесь мы сталкиваемся с коллизией предоставления статуса публикатора владельцу рукописи, душеприказчику автора — его племяннику А. И. Манну. И тот, надо полагать, не в силу своей большей осведомленности в правилах научной публикации, нежели редакция «Исторического вестника», а в силу индивидуального отношения к рукописи, прекрасно справился с изданием воспоминаний дяди. Он предпослал запискам введение («Вместо предисловия»), где поднял многие из проблем археографии и истории источника. Там объяснялось, как он стал владельцем рукописи, излагалось все, что он знал об истории ее написания, указывалось, где она находится и куда он намерен ее передать. Раскрывались принципы ее опубликования. Он заверил читателя, что весьма бережно отнесся к оригиналу, воспроизведя его «чуть ли не фотографически», но что вынужден был в то же время сделать некоторые изъятия описаний «событий» и «характеристик лиц», обнародование которых было бы «неудобно и несвоевременно». Минусом публикации является то, что публикатор не показал читателю этих выпущенных мест. А. И. Манн предупредил даже о том, что он внес и литературную правку, подчеркнув, что она производилась лишь в случаях, когда оказывались нарушенными правила грамматики. Публикатор объяснил, что в случаях расхождения сообщаемых мемуаристом сведений, касающихся его семьи, с теми, что имелись у публикатора, он помещает свои комментарии. Более того, читателя предупреждали, что после опубликования рукописи ее владелец намерен передать ее на хранение в Рукописное отделение имп. Публичной библиотеки, чтобы будущие историки могли сверить публикацию с оригиналом, в частности с целью проверки правильности прочтения издателем авторского почерка. Таким образом, это была одна из наиболее грамотных публикаций. Аналогична история публикации записок чиновника Министерства внутрен-

лов Политковском издатель сделал пространную вставку-дополнение. (Там же, № 9, с. 522—524).

²⁸ Недаром публикатор воспоминаний П. А. Черевина, состоявшего при Муравьеве в 1863—1865 гг. для особых поручений, Ф. Рязановский писал, что записки Муравьева были «испорчены в угоду цензуре и сильным мира» (с. II).

²⁹ С и м и н а Н. Г. Исторические документы. . . , с. 202—203.

³⁰ Воспоминания К. А. Манна. — Истор. вестник, 1917, № 1—7/8.

них дел П. А. Шульца³¹ одним из его детей. Публикатор («Н. Ш.») заявил, что это извлечение из записок его отца, предоставившего душеприказчикам право публикации тех их частей, которые «могут представить... исторический или общественный интерес», что фрагмент был избран для публикации самой редакцией и что он не пошел ни на какую даже литературную правку, опасаясь искажений. Единственно, что было опущено им, это строки, касающиеся семейных дел. Читателю сообщались краткие биографические сведения об авторе для того, чтобы фрагмент стал понятен как эпизод в цепи служебной карьеры, и сообщалась дата написания его (1875 г.), чтобы читателю были понятнее авторские ссылки на «современность».

Однако эти грамотные публикации были редким исключением, но не правилом.

Все эти факты приведены здесь не для того, чтобы упрекнуть издателей в пренебрежении правилами научной археографии, ибо, как уже говорилось, они себе таких целей и не ставили, а для выяснения «качества» публикации имеющихся в нашем распоряжении мемуаров чиновников. Возможно, для издателей журналов мемуаристика нового времени еще не приобрела патины исторического документа, требующего внимательного и бережного обращения. Для них важнее была литературная, публицистическая, занимательная сторона мемуаристики.

Правда, положение с изданием мемуаров изменилось в советское время, когда исторические издания перешли из сферы коммерческой в научную. Однако это положительное явление менее всего отразилось на мемуарах чиновничества. После революции начали издаваться в первую очередь воспоминания участников революционного движения, долгое время находившиеся под спудом. Мемуарной литературы, принадлежавшей перу правительственных деятелей, чиновников XIX в., было издано немного, причем это были главным образом дневники (П. А. Валуева, В. Н. Ламздорфа, Д. А. Милютина, А. А. Половцова, Е. А. Перетца, А. В. Никитенко и др.), а значит, общая картина археографии мемуаров существенно не меняется.

Такое положение с научным уровнем издания мемуаров столичного чиновничества второй половины XIX в. ставит перед исследователями, работающими с этим видом источника, весь набор вытекающих отсюда сложностей: на них ложится и вся та работа, которую обычно проделывает публикатор, разыскивая сведения об авторе и рукописи. Найти ныне эти сведения значительно труднее, нежели во времена публикации рукописи, когда были живы автор либо его близкие. Поскольку часть рукописей к нашему времени оказалась уже утраченной, то часть данных теперь можно извлечь только с помощью наблюдений над печат-

³¹ Острожский комитет в Петербурге в 1856—1857 гг. Из воспоминаний Павла Антоновича Шульца. — Голос мпупувшего, 1915, № 1, с. 124—145. № 2, с. 146—170.

ным их текстом, а это, разумеется, чревато возможностью неточных выводов. Существующая ныне неуверенность в полноте и точности воспроизведения авторского текста обязывает историков во всех случаях предпринимать попытки архивных разысканий оригинала мемуаров.

Одна из задач источниковедения — оценка достоверности источника — при работе с мемуаристикой состоит прежде всего в выяснении побудительных мотивов написания записок и тех целей, которые авторы перед собою ставили. Существуют универсальная причина мемуаротворчества, специфические, порождавшие ту или иную группу мемуаров, и частные, двигавшие каждым из мемуаристов. Универсальная причина мемуаротворчества в последнее время так была сформулирована А. Г. Тартаковским, подводившим итоги многим высказываниям: «Стремление личности запечатлеть для современников и потомства опыт своего участия в историческом бытии, осмыслить себя и свое место в нем».³² Подчеркнем в этом определении несколько затушеванную Тартаковским (вследствие выдвижения на первый план личностного начала) вторую сторону мемуаристики — стремление запечатлеть «время». Иногда именно оно, а не автор становится главным «героем» воспоминаний. Мемуарист — первый историограф своего времени, правда, в отличие от историка-профессионала, не связанный заданными ему уровнем историографии проблематикой и методикой, а свободно их выбирающий. Концепции мемуаристов нередко оказывают большое влияние и на идущих вслед за ними историков. Именно так, как представляется, обстояло дело с либеральной русской историографией, занимавшейся буржуазными реформами 60-х гг. XIX в.

Среди мемуаристов второй половины XIX в. группа чиновников весьма значительна, что заставляет рассмотреть вопрос о причинах этого явления. Ответ заключается как в специфике профессии, так и в особенностях психологии этой социальной группы. Во-первых, чиновничество было — наряду с интеллигенцией — наиболее образованным слоем России второй половины XIX в., во-вторых, наиболее привычным к письменному творчеству, в-третьих, оно было причастно (и столичное особенно!) к правительственной политике, а последняя касалась и затрагивала всех и каждого, следовательно, сведения о собственной деятельности имели широкое общественное значение. И, наконец, многолетняя служба так вовлекала чиновника в круг общественных интересов, что и после отставки (а именно тогда обычно писались воспоминания) над ним продолжала тяготеть известная инерция профессионального бытия (так тонко подмеченная многими писателями, например, Ж. Симоном в «Президенте»), заставлявшая их продолжать свою «службу» и в отставке, хотя бы в форме составления итогового отчета о деятельности. К тому же вынужденная отставка, неудачная карьера, нецелен-

³² Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика, с. 23.

ные заслуги — все это дополнительно стимулировало мемуаротворчество именно чиновников. И распространенные, специфические причины, и частные, обусловленные особенностями личности и судьбы, довольно отчетливо «читаются» во многих мемуарах. Неоцененные намерения, обусловленная этим отставка заставили взяться за перо Д. Н. Толстого и рассказать о периоде своей службы в Департаменте полиции исполнительной.

Стремление подчеркнуть значение своей деятельности, свести счеты с противниками, вернуться к политической деятельности двигали С. Ю. Витте,³³ мемуары которого являют собою ярчайший пример политической мемуаристики.

М. Н. Муравьев и П. А. Шувалов не снизили до объяснений причин, почему из долгой служебной деятельности они выбрали лишь по одному эпизоду (первый — двухлетний период генерал-губернаторства, а второй — месяц заседаний Берлинского конгресса), но известно, что это были особенно «горячие» точки их карьеры. Вокруг Берлинского конгресса, расценивавшегося многими современниками как поражение русской дипломатии, кипели страсти, и П. А. Шувалова, представителя России на этом конгрессе, сильно порицали за сделанные европейской дипломатии уступки, сползание с позиций предшествовавшего конгресса в Сан-Стефано.³⁴ Именно это побудило ушедшего в отставку Шувалова набросать воспоминания о Берлинском конгрессе³⁵ и давать их затем для чтения в попытках отвести обвинения, препятствовавшие его дальнейшей карьере. Для М. Н. Муравьева его мемуары были средством борьбы с противниками его методов национальной политики, утверждения значения своей деятельности.

Все это следует учитывать при работе с мемуарами чиновников.

Некоторые из чиновников-мемуаристов не только задумывались над задачами мемуаристики, но и пытались объяснить читателю свое понимание этих задач; если же прямых высказываний по этому поводу ряд записок и не содержит, то анализ проблематики, содержания воспоминаний позволяет эти задачи реконструировать.

Распространенное определение задач мемуаристов дал О. А. Пржецлавский, объяснивший появление мемуаристики изменившимися задачами историографии. Если прежде история занималась только «событиями» и «личностями», влиявшими на эти события, то теперь для истории нужны сведения об «эпохе», «состоянии общества». Отсюда вытекает и задача мемуари-

³³ Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907—1915 гг.). — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения СССР. М.—Л., 1963, с. 308 и др.

³⁴ Адо В. И. Берлинский конгресс 1878 г. и помещичье-буржуазное общественное мнение России. — Истор. записки, 1961, т. 69, с. 101—141.

³⁵ П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе. — Красный архив, 1933, № 4 (59), с. 82—109.

стики — сохранить «частности», которые придают эпохе «движение» и «колорит».³⁶

В известной мере установка О. А. Пржецлавского перекликается с позицией Ф. Г. Тернера, писавшего: «Мне кажется . . . что жизнь каждого человека, если проследить ее от колыбели до смерти, представляет сама по себе некоторый психологический интерес; это да послужит мне извинением перед могущими быть читателями моих воспоминаний, если они не найдут в них того интереса, на который они, может быть, рассчитывали».³⁷

Сходство исходных позиций состоит в том, что оба мемуариста признают важность частностей, событий повседневной жизни, воссоздающих живую картину истории, разница же заключается в том, что Тернер делает акцент на ценность автобиографического материала, целостность жизнеописания, поучительность его именно в таком виде. Очевидно, близки к тернеровской точке зрения на задачи мемуаристики и все другие лица, выступавшие в жанре жизнеописаний. Н. В. Шелгунов, известный участник революционного движения 60-х гг., служивший в 50-х гг. в Министерстве государственных имуществ, считал желательным, чтобы «каждый» человек, участвовавший, как он выразился, во «внутренней жизни», оставлял воспоминания, объясняющие обстоятельства, поставившие его на тот или иной путь. Такие воспоминания в сумме, говорил он, дали бы целостную картину эпохи.³⁸

У Пржецлавского акцент на жизнеописание отсутствует, и это заставляет предполагать (в соответствии с характером его записок), что для него важна в мемуаристике не столько собственная жизнь, сколько его свидетельства о людях и событиях. Отсюда очерковость, «калейдоскопичность» его воспоминаний.³⁹

Особый подход к мемуарам, сознательно проводимый мемуаристом и определивший их содержание, обнаружил Я. Г. Есипович: «Настоящие записки начаты были с одною *специальной* целью (курсив мой. — В. Ч.) — сохранить главные черты процесса, производившегося в Верховном Уголовном суде о государственном преступнике Каракозове и его сообщниках».⁴⁰ Есипович был секретарем суда на процессе Каракозова и действительно располагал уникальной информацией, которую намеревался сохранить и обнародовать. Так возникли его записки. Его убеждение, что воспоминания должны отражать в первую очередь наиболее общественно важные события, в которых автор принял участие, привело к созданию второго фрагмента его записок — о за-

³⁶ Беглые очерки. Воспоминания О. А. Пржецлавского. — Русская старина, 1883, № 8, с. 377.

³⁷ Русская старина, 1909, март, с. 661.

³⁸ Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. Воспоминания в двух томах. Т. I. М., 1967, с. 54.

³⁹ Русский архив, 1872, № 9, 10, 12; Русская старина, 1874, № 11, 12; 1875, № 7, 9, 12; 1878, № 4, 5, и др.

⁴⁰ Записки сенатора Есиповича. — Русская старина, 1909, № 1, с. 122.

прещении издания газеты И. С. Аксакова «Москва», которое рассматривалось в Сенате, где служил Есипович.⁴¹

Это, конечно, особый подход. Для мемуариста важно сохранить уникальную и общественно-значимую информацию, известную лишь ему. Это в то же время подход, характерный для мемуариста-чиновника. Первоначально близок был к такому же, как Есипович, пониманию задач мемуаристики и директор канцелярии Морского министерства К. А. Манн, ибо начал составление записок с фиксации, по утверждению его душеприказчика, подтверждаемому и содержанием записок, «отдельных наиболее ярких моментов из его жизни»,⁴² а если учесть, что под этим подразумевается жизнь служебная, то речь также идет о том, чтобы донести до читателя информацию, если не уникальную, то в всяком случае малоизвестную. В дальнейшем Манн переменял намерение и начал объединять очерки в связное повествование, автобиографию.

Мемуары чиновников, как все мемуары вообще, представляют собою по форме и содержанию очень пеструю картину. Личность авторов, их жизненный опыт, особенности судьбы, взгляды, пристрастия, литературные способности, представления о задачах мемуаристики, обстоятельства написания воспоминаний — все накладывало отпечаток индивидуальности на воспоминания. Начнем с того, что одни воспоминания состояли из нескольких страничек, например воспоминания В. П. Авенариуса,⁴³ другие — достигали нескольких томов, например воспоминания С. Ю. Витте, В. П. Мещерского, А. И. Дельвига. Одни мемуаристы живописали подробнейшим образом свою жизнь; другие ограничивались характеристикой обычаев и деяний других лиц, ими встреченных. Каждый чиновник-мемуарист был не только государственным служащим, но еще и членом общества, участником общественной, культурной, светской жизни, человеком семейным, но один в воспоминаниях считал необходимым ограничиться строго служебной деятельностью, а другой, наоборот, рассказывал о чем угодно, кроме службы. Служивший в Министерстве внутренних дел в 60—70-х гг. известный романист В. А. Соллогуб в своих воспоминаниях⁴⁴ отразил почти исключительно свою светскую и литературную жизнь, встречи с музыкантами, заграничные поездки, лишь изредка несколькими словами обмолвиваясь о своей службе, а управляющий Государственным банком Е. И. Ламанский⁴⁵ выделил единственную жизненную линию — историю с начала своей подготовки к службе, а затем и самой службы в кре-

⁴¹ Там же, № 4, с. 146.

⁴² Истор. вестник, 1917, № 1, с. 43.

⁴³ Авенариус В. П. По чужому адресу. (Из служебных воспоминаний). — Истор. вестник, 1913, № 7, с. 189—193.

⁴⁴ Воспоминания графа Владимира Александровича Соллогуба. СПб., 1887.

⁴⁵ Из воспоминаний Е. И. Ламанского. — Русская старина, 1915, № 1—12.

дитно-банковской сфере. Его воспоминания — «пособие» по истории кредита и банков в России.

Поэтому всякая попытка классифицировать воспоминания⁴⁶ по форме и содержанию, свести их в какие-то четкие группы чревата упрощением и может дать повод для споров: не все записки легко поддаются занесению в какую-либо графу, даже если изобрести весьма сложную рубрикацию. Мемуары столичного чиновничества, как и мемуары других социальных групп, чаще всего по форме представляют собою либо развернутую автобиографию, либо очерк, освещающий какое-либо событие, отрезок служебной карьеры или же рисующий портрет представителя бюрократических кругов.

Автобиографий среди изданных воспоминаний столичных чиновников не так уж и много. Такую форму имеют записки А. А. Ауэрбаха, А. И. Георгиевского, К. Ф. Головина, П. И. Голубева, А. И. Дельвига, Н. А. Качалова, Е. И. Ламанского, К. А. Манна, В. Н. Никитина, К. А. Скальковского, В. А. Соллогуба, Ф. Г. Тернера, К. И. Фишера, А. Д. Шумахера, М. П. Щербинина.⁴⁷ Сюда же с некоторой натяжкой могут быть отнесены воспоминания С. Ю. Витте. Вид автобиографических записок придают им первые главы, рассказывающие о детстве и семье, но это поздние вставки, сделанные, по его собственному признанию, чтобы рассказ был «более или менее связным».⁴⁸ И хотя И. В. Гессен, первым издавший их русский текст, постарался свести два разных пласта его записок в последовательное повествование (гессеновское издание явилось основой для издания советского, ибо до недавнего времени никто из советских исследователей не видел рукописи мемуаров⁴⁹), все же записки Витте не приняли классическую форму жизнеописания, неся отчетливые следы серии «объяснительных записок» автора по наиболее для него болезненным вопросам политики, как убедительно показали Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин.

В большинстве случаев жизнеописания эти остались незавершенными, а иногда еще и неоконченными публикацией. Из предисловия к воспоминаниям ближайшего сотрудника Д. А. Толстого по Министерству народного просвещения А. И. Георгиевского известно, что он довел их до 1867 г.; однако опубликован-

⁴⁶ Интереснейшую попытку анализа разных по авторской психологии типов мемуаров представляет работа Л. Я. Гинзбург «О психологической прозе» (Л., 1977).

⁴⁷ Георгиевский А. И. Мои воспоминания и размышления. — Русская старина, 1915, № 2, 4, 5, 6, 9; Качалов Н. А. Записки. — Голос минувшего, 1916, № 5—6, с. 5—23; Никитин В. Н. Воспоминания. — Русская старина, 1906, № 9—11; 1907, № 1, 2; Скальковский К. А. Воспоминания молодости. (По морю житейскому). СПб., 1906; Шумахер А. Д. Поздние воспоминания о давно минувших временах. — Вестник Европы, 1899, № 3 и 4; Щербинин М. П. Воспоминания. — Русский архив, 1876, кн. III, с. 285—313.

⁴⁸ Витте С. Ю. Воспоминания, т. I. М., 1960, с. 58.

⁴⁹ Ананьич Б. В. О рукописи и тексте мемуаров С. Ю. Витте. — Вспомогат. истор. дисциплины, XII. Л., 1981, с. 188—204.

ная их часть обрывается на более раннем времени, хотя и сопровождается пометой — «продолжение следует».⁵⁰

Гораздо больше воспоминаний столичного чиновничества увидели свет как очерки об отдельных случаях или периодах их служебной деятельности. О некоторых из этих очерков известно, что они являются лишь извлечениями из рукописей, причем последние могли иметь и форму дневников, и форму жизнеописания. Очевидно, именно из дневников были извлечены А. С. Харламовым, чиновником канцелярии С.-Петербургского обер-полицмейстера 60-х гг., опубликованные им эпизоды.⁵¹ У Н. П. Игнатьева оказалась изданной лишь та часть воспоминаний, которая относится к его дипломатической деятельности 60—70-х гг.,⁵² в то время как в архиве хранятся и записки его о службе на посту министра внутренних дел в 1881—1882 гг.

В форме очерков известны воспоминания Ф. Ф. Воропонова, Г. К. Градовского, Я. Г. Есиповича, П. М. Ковалевского, А. Ф. Кони, П. А. Кускова, Н. Н. Мамантова, Н. Г. Мардарьева, М. Н. Муравьева, А. П. Николаи, О. А. Пржецлавского, П. А. Черевина, П. А. Шувалова, А. В. Эвальда.⁵³ Сюда же входит и очень известная серия воспоминаний о реформе 1861 г.

Другая группа очерков — портретные зарисовки правительственных деятелей или чиновников высокого ранга, чья деятельность была известна и представляла широкий интерес. Одни из таких мемуарных очерков содержат только рассказ о личных встречах и впечатлениях, другие являются биографическим очерком, материалы для которого отчасти почерпнуты из памяти, а частично основаны на источниках.

Примером таких портретных зарисовок первого типа являются очерки П. Д. Стремоухова, служившего в 60—70-х гг. в Министерстве внутренних дел, а затем в Главном управлении по делам печати. Во время разработки и проведения крестьянской реформы он был нижегородским губернским предводителем дворянства и в этом качестве, представляя интересы помещиков, имел частые стычки с губернатором А. Н. Муравьевым, о котором написал один из очерков.⁵⁴ В этой же должности ему до-

⁵⁰ Русская старина, 1915, № 2, с. 343—345; № 9, с. 442.

⁵¹ Харламов А. С. Отрывки из воспоминаний. — Истор. вестник, 1889, январь, с. 86—105.

⁵² Записки Н. П. Игнатьева печатались в 1914—1915 гг. в «Известиях Министерства иностранных дел», «Русской старине» и «Историческом вестнике», а в 1916 г. вышли отдельно.

⁵³ Воропонов Ф. Ф. 1) Моя петербургская служба. 1872—1882 гг. — Вестник Европы, 1904, № 11, с. 135—185; 2) Крестьянский банк и его начало. Из личных воспоминаний. — Там же, 1905, № 12, с. 507—559; Градовский Г. К. Столичная бюрократия в 70-х годах. (Из воспоминаний литератора). — Вестник знания, 1909, № 3, с. 328—335; № 6, с. 751—757; Мамантов Н. Н. При шести министрах. — Вестник Общества ревнителей истории, 1916, в. 3, с. 80—97; Мардарьев Н. Г. Нечто из прошлого. (Из воспоминаний бывшего цензора). — Голос минувшего, 1916, № 5—6, с. 327—391.

⁵⁴ Стремоухов П. Д. Нижегородский губернатор А. Н. Муравьев. (Из моих воспоминаний). — Русская старина, 1891, № 5, с. 349—361.

велось познакомиться с назначенным в апреле 1861 г. вместо С. С. Ланского П. А. Валуевым, героем другого очерка его воспоминаний.⁵⁵ Стремоухов не переводит свои воспоминания в биографию, но зато рассказы о встречах включает в общеисторическую канву, давая тем самым уже представление о характере государственной деятельности описываемых лиц. Историю своего знакомства с Валуевым он изложил на фоне недовольства помещиков реформой, а отсюда и С. С. Ланским, ожиданий их в связи с назначением Валуева и первых обнадеживающих впечатлений, в том числе и от установки нового министра на замещение губернаторских должностей из числа предводителей дворянства. Стремоухов оказался одним из первых предводителей, перешедших на государственную службу. В качестве рязанского губернатора он оказался вовлеченным в борьбу с дворянской фрондой, ибо рязанские дворяне поддерживали оппозиционное выступление москвичей 1865 г. И в этой должности Стремоухов всячески пытался воспрепятствовать той самой оппозиции, в которой непременно принял бы участие, не будь он представителем администрации.

История выступления рязанских помещиков рассказана Стремоуховым под углом зрения его отношений с Валуевым. В 1867 г. Стремоухов поступает на службу в Министерство внутренних дел. Встречался он с Валуевым и тогда, когда последний возглавлял Министерство государственных имуществ и созданную по его инициативе сельскохозяйственную комиссию, куда Стремоухов входил от Министерства внутренних дел. Служба в Главном управлении по делам печати отражена в воспоминаниях о его начальнике М. Р. Шидловском.⁵⁶

Особенно много выступал с воспоминаниями о своих современниках А. Ф. Кони. Его мемуарная портретная галерея ученых, литераторов, юристов, государственных деятелей насчитывает много десятков произведений. Среди них воспоминания о М. Т. Лорис-Меликове, Д. А. Милютине, П. А. Шувалове.⁵⁷ Воспоминания о С. Ю. Витте были вызваны к жизни появлением первого издания записок Витте, и отметим попутно, что это еще одна из причин мемуаротворчества. Воспоминания Кони о современниках написаны мастерски, ценность их не только в воссоздании живого образа, но и в том, что он всегда подается на фоне эпохи и на поприще деятельности, которые охарактеризованы человеком, умевшим обобщать и оценивать события, видеть их глазами историка. Эти очерки Кони чаще всего строятся на эпизодах личных встреч мемуариста с героями его очерков, но иногда автор вводит и биографический материал.

⁵⁵ Стремоухов П. Д. Из воспоминаний о графе П. А. Валуеве. — Русская старина, 1903, № 11, с. 273—293.

⁵⁶ Стремоухов П. Д. М. Р. Шидловский. — Русская старина, 1903, № 6, с. 553—554.

⁵⁷ Они собраны в 5-м томе его Собрания сочинений (М., 1968).

Мемуары Е. Э. Картавцева, управляющего Крестьянским и Дворянским банком в 80-х гг. XIX в., о министре финансов, затем председателе Комитета министров Н. Х. Бунге — пример такого очерка, в котором биографические сведения, почерпнутые «на стороне», теснейшим образом переплетены с личными воспоминаниями.⁵⁸

С воспоминаниями-некрологами выступал на страницах своего журнала М. И. Семевский, в том числе и воспоминаниями о представителях бюрократической верхушки,⁵⁹ с которыми был хорошо знаком по своей службе в Государственной канцелярии.

В целом же эти обычно небольшие по объему очерки составляют значительную группу мемуаров, написанных в разной манере.⁶⁰

Перевес очерков над автобиографиями легко объясним: разное, эпизодическое творчество было доступнее, осуществимее, не требовало «исповедальности», почти неизбежной при автобиографическом построении мемуаров.

Обращает на себя внимание наличие среди оставивших воспоминания чиновников этого времени большого числа лиц, известных своей литературной деятельностью в области беллетристики, поэзии, публицистики.

Литературные занятия с государственной службой сочетал В. П. Авенариус, известный в свое время автор антинигилистических повестей и произведений для детей, а ныне ведомый лишь литературоведам, да и то благодаря разгромной рецензии М. Е. Салтыкова-Щедрина на его сборник «Бродящие силы». А. И. Георгиевский был автором многих ученых сочинений. Г. К. Градовский гораздо более известен как публицист, нежели как чиновник, каковым он являлся, и свидетельством того, что казенная служба не прошла для него бесследно, являются неко-

⁵⁸ Картавцев Е. Э. Николай Христофорович Бунге. Биографический очерк. — Вестник Европы, 1897, № 5, с. 5—39.

⁵⁹ Семевский М. И. 1) Александр Иванович Головин. — Русская старина, 1887, № 3, с. 767—790; 2) Сергей Иванович Зарудный. — Там же, 1888, № 2, с. 477—479; 3) В кн.: Константин Николаевич. — Там же, 1892, № 2, с. I—VI.

⁶⁰ Васильев А. В. Памяти Т. И. Филиппова. Пб., 1901; Кони А. Ф. Памяти Я. Г. Есиповича. — В кн.: На жизненном пути, т. 2. СПб., 1912, с. 430—439; Оболенский Д. Д. Граф В. А. Бобринский. — Русский архив, 1898, № 7, с. 461—464; Плещеев А. А. Воспоминания о К. А. Скальковском. — Истор. вестник, 1906, № 12, с. 932—948; Рудин С. Д. Воспоминания о деятельности И. И. Шамшина на посту управляющего Межевой частью. — Журн. Министерства юстиции, 1912, № 2, с. 163—185; Семенов Н. П. Болезнь и кончина генерала Ростовцева. По воспоминаниям и документам. — Русский вестник, 1866, № 2, с. 723—745; Хрущов И. П. Памяти графа И. Д. Делянова. СПб., 1898; Цее В. А. А. В. Головин и его отношение к А. И. Герцену. — Русская старина, 1897, № 11, с. 273—277; Шумахер А. Д. Несколько слов о г.-а. Тимашеве и отношении его к общественным учреждениям. — Вестник Европы, 1893, № 12, с. 846—857; Юргенс Ф. А. Воспоминания об Е. И. Ламанском в связи с деятельностью Государственного банка. СПб., 1903.

торые из его воспоминаний-очерков. П. М. Ковалевский был поэтом, литератором, но его воспоминания «Власти предрержащие» целиком посвящены людям и событиям, связанным с его служебной деятельностью. Директор Горного департамента К. А. Скальковский много выступал в печати, в частности с театральными рецензиями. П. А. Кусков был не только чиновником Главного выкупного учреждения, но и поэтом и философом. В. Н. Никитин, выслужившийся из писарей до директора Петербургского тюремного комитета, был автором беллетристических и научно-публицистических произведений. Ф. Г. Тернер выступал с экономическими и теософскими сочинениями. А. В. Эвальд на всем протяжении второй половины XIX в. печатался как беллетрист и публицист. О. А. Пржецлавский занимался издательской деятельностью. И это не говоря о таких известных беллетристах, как К. Ф. Головин, В. П. Мещерский и В. А. Соллогуб.

Наличие среди мемуаристов-чиновников значительного числа литераторов обусловило сильную «беллетризацию» некоторых записок: наличие живописных деталей, шаржированных портретов, множества обширных диалогов. Последними отмечены, например, воспоминания В. Н. Никитина и П. М. Ковалевского. Обычно прямая речь (да еще и не просто реплика, а целые монологи или диалоги) вызывает недоверчивое отношение читателя. Однако с отрицанием ее точности не следует спешить. Ответ на вопрос о ее достоверности может дать внимательный анализ мемуаров.

Пространные диалоги есть в воспоминаниях В. П. Мещерского, но там же можно прочесть, что он вел дневник, и встретить пространные выдержки из него. Более того, приведя свой разговор с петербургским генерал-губернатором А. А. Суворовым 1866 г. (т. II, с. 40), мемуарист пояснил, что разговор был записан им тотчас же. Ясно, что он был перенесен в воспоминания из дневника, а потому заслуживает доверия не только по существу, но и в отношении точности передачи. Кстати, форма прострannого дневника, куда заносилось все злободневное, была нужна в то время Мещерскому для оказания влияния на наследника, с которым он был близок. (Позже такие же дневники составлялись и представлялись им как Александру III, так и Николаю II). Ежедневно по вечерам, при встречах, они читали свои дневниковые записи и обменивались мнениями. Это обязывало Мещерского к точности, ибо немедленная проверка записей не представляла трудностей.

А. Ф. Кони в своем рассказе о встречах с М. Т. Лорис-Меликовым приводит пространный монолог (с характерными оборотами речи) ушедшего в отставку министра внутренних дел о его планах введения общегосударственного представительства и т. п. Естественное сомнение читателя в том, что память мемуариста могла сохранить подлинные слова и выражения, снимается признанием автора, что он записал их немедленно,

Разнящиеся по форме воспоминания столичного чиновничества разнообразны по своей проблематике и содержанию. Но объединяет их одно — отражение в них служебной деятельности авторов. Воспоминания В. А. Соллогуба с почти полным игнорированием службы — редкое исключение среди записок. Обычно же служба автора, особенности деятельности ведомства, характеристики начальников, сослуживцев занимают главное место в этих воспоминаниях.

Авторы воспоминаний представляют всю чиновничью иерархию — от министров и главноуправляющих (М. Н. Муравьев, А. П. Николаи, П. А. Шувалов), товарищей министров (Ф. Ф. Тернер), директоров департаментов (Д. Н. Толстой, А. Д. Шумахер) и канцелярий до рядовых служащих. Среди авторов и люди, всю жизнь состоявшие на государственной службе, и те, кто оставил ее скоро ради литературной или иной деятельности.

Естественно, служебное положение мемуариста определяло его осведомленность, круг занимавших его проблем, а потому сказывалось и на содержании воспоминаний, однако это не означает автоматического повышения значимости источника в зависимости от чина и должности мемуариста. На содержании мемуаров, а отсюда и на их значении сказывались интересы, наблюдательность, память, литературные способности авторов, а потому зачастую записки малозначительных по должности и рангу чиновников оказываются содержательнее, нежели произведения их более высокопоставленных коллег. Особенно заметно это на воспоминаниях чиновников-литераторов, как правило, очень интересовавшихся общественно-политической жизнью и не замыкавшихся в рамках своей канцелярии или департамента (воспоминания Г. К. Градовского, К. Ф. Головина, В. П. Мещерского).

Как бы ни было разнозначно содержание мемуаров чиновников, как бы иногда ни казались некоторые из них малоинтересными, все они несут (как и произведения мемуаристики вообще) ту особую информацию, которая не содержится, как правило, в официальном документе. И если официальный документ позволяет установить, что было, то документ мемуаристики дает возможность объяснить, как было. О том, что существовал экзамен на чин, известно из официальных документов, но как проводились эти экзамены, можно узнать, например, из воспоминаний В. Н. Никитина.⁶¹ Изучив документы так называемой Тюремной комиссии 70-х гг., можно констатировать, что ею был разработан проект передачи контроля над тюрьмами в Министерство юстиции, но что в последний момент было решено сохранить его за Министерством внутренних дел. Однако точную причину резкого изменения позиции членов комиссии можно установить на основании воспоминаний Г. К. Градовского, красочно описавшего проезд на ее заседание шефа жандармов и его давление на ее членов.⁶²

⁶¹ Русская старина, 1906, № 10, с. 54—161.

⁶² Вестник знания, 1909, № 6, с. 756—757.

Самые небольшие по объему и частные по содержанию мемуары порой содержат весьма ценные сведения. Несколько страниц воспоминаний Н. А. Качалова, рассказавшего о своем детстве, предварены вводным абзацем, где объясняется причина обращения его к мемуаротворчеству после выхода в отставку, и здесь же объяснена причина отставки: расхождение во взглядах с министром финансов Н. Х. Бунге на «управление таможенной частью», сразу же наталкивающая исследователя на одну из коренных проблем экономической политики. Формулярный список и другие официальные документы, отражающие факт выхода Качалова в отставку, не объясняют так недвусмысленно ее причину.

Это всего лишь несколько примеров, которыми мы вынуждены ограничиться и которые могут быть бесконечными или весьма многочисленными даже на материалах какого-либо одного мемуарного источника. Множественность исследовательского подхода к русской истории второй половины XIX в. позволяет и позволит все разностороннее использовать данные этих источников. Сейчас их использование наталкивается на очень слабую в целом изученность этой группы источников. Ведь только воспоминаниям С. Ю. Витте посвящены специальные работы, лишь небольшое число мемуаров, преимущественно изданных (или переизданных) в советское время, имеют вводные статьи публикаторов, где поднимаются источниковедческие проблемы. Нужно же специальное изучение буквально каждого из этих источников, которое только и позволит оценить значение каждого из них.

В. В. ЛАПИН

МЕМУАРЫ АДМИРАЛА И. А. ШЕСТАКОВА

Судьба мемуаров морского министра И. А. Шестакова является примером того, как заслуживающий внимания источник в силу своей неизученности не вводится в научный оборот и многие ценные сведения, содержащиеся в нем, не попадают в поле зрения историков. Если значение дневников И. А. Шестакова для изучения внутренней политики России второй половины XIX в. отмечалось такими исследователями, как П. А. Зайончковский и Ю. Б. Соловьев,¹ то обширные мемуары морского министра за 1830—1881 гг. используются мало:² были опубликованы в уре-

¹ Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970, с. 11; Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973, с. 79.

² Из современных исследователей, пожалуй, лишь В. Г. Чернуха использовала в своей монографии «Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х годов XIX века» (Л., 1978) отдельные сведения из воспоминаний.

ванном цензурой виде воспоминания об учебе в Морском кадетском корпусе,³ а также два небольших отрывка о боевых действиях на Кавказском побережье в 40-х гг. прошлого века.⁴

Цель настоящей статьи — обратить внимание исследователей истории России второй половины XIX в. на эти мемуары и дать хотя бы их краткую характеристику.

«Полвека обыкновенной жизни» — так назвал Шестаков свои воспоминания, но это только литературный прием: уже при беглом ознакомлении с биографией Шестакова (1820—1888) можно понять, что предстоит встреча с воспоминаниями о далеко не обыкновенной жизни. Прежде чем стать управляющим Морским министерством (1882—1888), автор был офицером Черноморского флота (1836—1851), адъютантом М. П. Лазарева (1849—1851), командировался в Англию (1851—1854) и США (1856—1859) для наблюдения за постройкой заказанных там кораблей, командовал Средиземноморской эскадрой (1860—1862), во время военной тревоги 1863 г. в должности помощника Главного командира Кронштадтского порта много усилий приложил к приведению флота и крепости в боевую готовность и одновременно руководил подготовкой эскадры Лесовского, направлявшейся к берегам США для демонстрации против англичан. Шестаков был адъютантом генерал-адмирала вел. кн. Константина Николаевича (1854—1869), начальником Кораблестроительного департамента Технического комитета Морского министерства (1881—1882), морским агентом в странах южной Европы — в Италии, Испании, Португалии и Австро-Венгрии (1873—1881). С 1869 по 1873 г. был в отставке и жил за границей.⁵

Шестаков много сделал для укрепления русского флота. Под его руководством была разработана и принята судостроительная программа 1881 г., реформирован аппарат Морского ведомства. Заметный след в истории флота оставил ценз, введенный Шестаковым в 1885 г. Согласно положению о морском цензе, для производства в следующий чин обер-офицеры должны были провести в плавании определенное число месяцев, а штаб-офицеры и контр-адмиралы соответственно командовать кораблями и эскадрами. Это позволило уволить большое число офицеров, которые много лет не плавали и чрезвычайно обременяли бюджет Морского ведомства. В то же время некоторые современники адмирала, а также морские офицеры, выяснявшие причины разгрома флота в русско-японской войне, указывали на пагубность цензовой системы для воспитания офицеров.⁶

³ Русский архив, 1873, кн. 1, с. 106.

⁴ Л а з а р е в М. П. Документы, т. 2. М., 1955, с. 366—369.

⁵ Общий морской список, ч. XII. СПб., 1912, с. 192—194.

⁶ ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 5784, Записка капитана 1-го ранга И. П. Энгельмана и других о методах воспитания личного состава иностранных флотов, 1905, с. 1; ф. 417, оп. 2, д. 2427, Отдельное мнение лейтенанта Щеглова о морском цензе, л. 34—36; Д е п о р в и л ь П. Из воспоминаний старого моряка. — Море, 1906, № 33/34, с. 1177.

За границей Шестаков приобрел обширные знания в области современного ему вооружения и т. д. Он сам спроектировал паровой фрегат «Генерал-адмирал» и руководил его постройкой в Бостоне. Его агентские донесения признаны образцовыми, так как он всегда сопровождал рапорт собственными наблюдениями, обстоятельным и критическим анализом, весьма смелыми прогнозами.⁷ Именно Шестаков добился закупки торпед в Италии, несмотря на противодействие многих лиц в министерстве. Благодаря его дальновидности и настойчивости русский военно-морской флот одним из первых освоил этот новый вид оружия на море и с успехом применял его во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг.⁸ До последних дней жизни адмирал интересовался новинками техники, поощрял отечественных конструкторов.⁹

Во время управления Морским министерством Шестаков часто совершал инспекторские поездки по всем военным портам России.

Высокую оценку автору мемуаров «Полвека обыкновенной жизни» дает в своем дневнике государственный секретарь А. А. Половцов, как известно, не особенно щедрый на похвалы: «Морской министр Шестаков что ни скажет — рублем подарит. Прямая честная душа, ясный ум, мужество характера — вот отличительные черты этого замечательного человека, которому желаю возможно широкого участия в делах отечества».¹⁰ Здесь, правда, следует учитывать определенную близость взглядов Шестакова и Половцова на некоторые проблемы государственного управления, например решительную поддержку Шестаковым идеи отмены чинов, а также их общую неприязнь к К. П. Победоносцеву и Д. А. Толстому.

Не отказывая Шестакову в уме и образованности, современники неоднократно отмечали его тяжелый характер: вспыльчивость, грубость, нетерпимость к мнениям других; его многочисленные записки по поводу улучшения тех или иных отраслей военно-морской администрации выставляли страстью к интригам.¹¹

Шестаков был образованным человеком. Еще в Морском кадетском корпусе он выделялся стремлением выйти за рамки учебной программы, чем и обратил на себя внимание кн. А. С. Меншикова, тогдашнего начальника Главного морского штаба, и директора корпуса И. Ф. Крузенштерна.

Автор воспоминаний всегда интересовался историей. В годы службы на Черноморском флоте он перевел на русский язык со-

⁷ Исаков И. С. Адмирал Шестаков и его воспоминания. — ОРНРК ГПБ, ф. 856, д. 16, л. 23.

⁸ Там же, л. 26.

⁹ См.: Крылов А. Н. Мои воспоминания. М.—Л., 1946, с. 111.

¹⁰ Дневник государственного секретаря А. А. Половцова, т. 1. М., 1966, с. 79.

¹¹ Денорвиль П. Отрывки из воспоминаний старого моряка. — Море, 1906, № 7/8, с. 271—272; Мамантов Н. Н. При шести министрах. — Вестник Общества ревнителей истории, СПб., 1916, в. 3, с. 90—96; Ковалевский Н. М. Власть предрежащие. В главном адмиралтействе, — Русская старина, 1909, № 1, с. 78.

чинение Д. Джемса «История Великобританского флота от времен Французской революции до Наваринского сражения», которое было издано в шести томах в 1845 г. в Николаеве.¹²

Шестаков известен и своей публицистической деятельностью. За его подписью в журнале «Морской сборник» в 1840—1865 гг. было опубликовано 25 заметок, корреспонденций и статей, одна из которых была даже удостоена похвалы некрасовского «Современника».¹³ В статье о В. А. Корнилове Шестаков указал на пагубность «чехарды» начальников для дела воссоздания русского флота. Его «Старые мысли на новое дело» были изложением основных принципов «лазаревской школы», конспектом программы воссоздания морских сил России.¹⁴

После смерти морского министра в ноябре 1888 г. его бумаги были переданы для разбора государственному секретарю А. А. Половцову. Тот обнаружил среди бумаг семь тетрадей мемуаров и семь записных книжек с подневными записями. Половцов ознакомился с ними и нашел интересными. «Наслаждаюсь чтением записок Шестакова», — отметил он в своем дневнике 13 декабря 1888 г.¹⁵ От Половцова, если верить А. В. Богданович, петербургское общество и узнало о существовании дневников, в которых будто бы были обнаружены еще и письма К. П. Победоносцева, а в них обер-прокурор Синода писал о тупости Александра III и восхвалял покойного наследника Николая Александровича.¹⁶

В докладе адмирала Н. М. Чихачева «О помещении дневников и воспоминаний адмирала Шестакова в библиотеку», представленном Александру III 30 декабря 1888 г., говорилось о переданном второй женой покойного адмирала пожелании И. А. Шестакова не публиковать его мемуары в течение 50 лет.¹⁷ К тому же за сокрытие дневников выступили великие князья Алексей Александрович и Владимир Александрович, нашедшие содержание записок Шестакова скандальным.¹⁸ Царь, естественно, не мог допустить, чтобы увидели свет записки его министра, в которых многие государственные деятели и сам он были выставлены в весьма невыгодном свете. По распоряжению Александра III рукописи были опечатаны в дубовом ларце и пролежали без использования в Публичной библиотеке до 1912 г. В 1912 г. с них были сняты копии по приказу Морского Генерального штаба для изучения вопроса о создании военно-морской базы в Моонзунде (Шестаков был сторонником создания там базы и в дневниках обосновывал свои взгляды на этот предмет). Снятие копий проис-

¹² Русский биографический словарь, т. 24. СПб., 1911, с. 234—238.

¹³ Там же, с. 235.

¹⁴ Шестаков И. А. Старые мысли на новое дело. — Морской сборник, 1858, № 1, неоф. отд., с. 1—33.

¹⁵ Дневник А. А. Половцова, т. 2. М., 1966, с. 127.

¹⁶ Богданович А. В. Три последних самодержца. М.—Л., 1926, с. 93.

¹⁷ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 3, д. 1147, л. 6—7.

¹⁸ Дневник А. А. Половцова, т. 2, с. 142—143.

ходило в обстановке большой секретности, даже в Морском Генеральном штабе об этом знал очень узкий круг лиц, поэтому дневники не стали доступны историкам в те годы, и прошло еще четверть века, пока в 1938 г. не начали составлять по поручению Военмориздата обзор рукописных материалов по истории революционного движения в царском флоте, и бумаги Шестакова попали в руки историков. После Великой Отечественной войны предполагалось издать воспоминания и дневники Шестакова в четырех томах под общей редакцией адмирала И. С. Исакова, который написал предисловие ко всему изданию. Ценность предисловия состоит прежде всего в том, что оно содержит подробную характеристику Шестакова как морского деятеля. Это предисловие соответствовало общим задачам четырехтомного издания воспоминаний как источника по истории военно-морского флота. В него не вошла бы добрая половина мемуарного наследия — все, что относилось к гражданской службе Шестакова, а также были бы опущены, по определению Исакова, «дилетантские рассуждения» об искусстве, политике, истории и т. д.¹⁹

В 1946 г. в «Морском сборнике» появилась небольшая заметка А. Н. Михайловой, где сообщалось о подготовке к публикации рукописей бывшего морского министра.²⁰

Оригинал воспоминаний под названием «Полвека обыкновенной жизни» представляет собой семь переписанных набело рукой автора тетрадей, в каждой из которых содержится одна часть, разбитая на несколько глав. Первые шесть частей имеют законченный вид, повествуют о жизни автора и о событиях, свидетелем которых он являлся с начала 20-х по 1880 г. Седьмая часть представлена одной главой, посвященной 1881 г. Общий объем записок 2860 страниц рукописного текста *in folio*. Дневники Шестакова за 1882—1888 гг. являются как бы хронологическим продолжением мемуаров.

Шестаков очень дорожил своими воспоминаниями и предназначал их для печати. Вот что написано в его духовном завещании, составленном в июле 1883 г.: «Записки мои, посвященные памяти первой жены моей, передать в Императорскую публичную библиотеку с тем, чтобы издать по смерти моей вполне или в сокращениях. Своевременность и выполнение требований приличия относительно упомянутых в записках лиц зависит совершенно от управляющего библиотекой. Вырученные деньги прошу употребить на стипендии имени жены Надежды Алексеевны Шестаковой».²¹

Мемуары писались на основе дневников, которые Шестаков вел с середины 30-х гг., о чем свидетельствуют сам автор и наличие массы мелких подробностей, которые невозможно долго дер-

¹⁹ Исаков И. С. Адмирал Шестаков..., л. 20.

²⁰ Михайлова А. Н. И. А. Шестаков и его мемуары. — Морской сборник, 1946, № 2, с. 109—111.

²¹ ЦГИА СССР, ф. 725, оп. 1, д. 10, Духовное завещание И. А. Шестакова, л. 20.

жать в памяти. Во многих случаях из текста можно выделить фрагменты, представляющие собой почти не обработанные дневниковые записи, а в ряде мест автор прямо приводит выдержки из дневника. Записные книжки морского министра за 1882—1888 гг. дают некоторое представление о характере материала, из которого он выбирал сведения для мемуаров: их мозаичный характер объясняется тем, что дневник велся регулярно и важные события в нем перемешались с мелочами жизни.

Шестаков старался описывать в мемуарах события такими, какими он их видел много лет назад: «Желая, чтобы в записках моих могли заметить мои постоянные превращения, я ввожу в них всё или почти всё в таком виде, в каком представлялось оно мне при своевременной наблюдательности и тогда же заносилось на листки впечатлений».²² К сожалению, эти «листки впечатлений», т. е. дневники 40—70-х гг., не сохранились, и судьба их неизвестна.

Каждая часть охватывает определенный этап в жизни автора и предваряется эпиграфом и посвящением, которые выражали ее направленность. Например, посвящение второй части, описывающей заграничное путешествие Шестакова и порядки николаевской России, гласит: «Мудрым иноземцам и умудряющимся соотечественникам».²³

В начале каждой главы автор дает краткое содержание, из которого можно даже в какой-то мере определить отношение автора к описываемым событиям или людям. Например, в этом своеобразном указателе к главе IX четвертой части говорится о событиях 1865 г.: «Участие общего мнения в государственных делах. Катков и его исключительное положение в печати. Примирившийся с в. к. Константином Валуев выпускает на Каткова когти по поводу остзейского вопроса. Псевдолиберализм правительства. Адрес московского дворянства. „Весть“ громко выступает на поприще известности. Ответ на адрес. Рескрипт Валуеву. Правительство бессознательно исправляет промахи дворянства. Вопрос кончается сонетами. Цензурный вопрос. Валуев отбрасывает мнения невлиятельных способностей и принимает мысли влиятельных бездарностей. Химическое разложение идеи Корфа в департаменте законов. Нарушение канцелярской тайны в Совете. Изменения в цензурном уставе. Ломоносовский юбилей».²⁴

Работа над мемуарами была тесно связана с жизненными коллизиями автора. За свою жизнь Шестаков трижды изгонялся со службы из-за конфликтов с начальством, и за ним укрепилась репутация неуживчивого человека, о чем свидетельствует в своем дневнике государственный секретарь Е. А. Перетц.²⁵

²² Шестаков И. А. Полвека обыкновенной жизни, ч. 1. — ОРЯК ГПБ, ф. 856, д. 1, с. 89.

²³ Там же, с. 3.

²⁴ Там же, ч. 4, с. 156 об.

²⁵ Перетц Е. А. Дневник. М.—Л., 1927, с. 115.

Самым сокрушительным было удаление с поста Виленского губернатора в результате столкновения с генерал-губернатором Северо-Западного края А. Л. Потаповым. Шестаков был исключен из свиты и даже обвинен в продаже евреям-старьевщикам генерал-адъютантских регалий. Этим событиям в мемуарах уделено очень много внимания. Можно даже предположить, что написание своего рода объяснительной записки о борьбе Шестакова с Потаповым и послужило началом создания воспоминаний. Это довольно пространное сочинение (94 страницы рукописного текста) содержит переписку с Потаповым, который, по мнению Шестакова, произвольно толковал некоторые важные законы и подменял их своими распоряжениями. Отношения обострились в связи с полицейскими приемами Потапова. Шестакова обвинили в доносе на генерал-губернатора, против него выступили шеф жандармов П. А. Шувалов и министр внутренних дел А. Е. Тимашев, и беспокойный контр-адмирал был уволен в отставку. Записка помечена 26 ноября 1869 г., т. е. была написана сразу после увольнения. Она составлена в довольно умеренных выражениях и содержит обвинения только в адрес Потапова. К ней приложено несколько официальных писем и циркуляров, которые должны были подкрепить соображения автора.²⁶

Оказавшись не у дел, опальный адмирал приступил к работе над воспоминаниями и в 1873 г. закончил первые пять частей.

В первой из них читатель знакомится с жизнью автора и событиями, свидетелем которых он был в 1820—1851 гг., его детством в поместье отца (с. Смилово Красненского уезда Смоленской губернии), годами учения в Морском кадетском корпусе, службой в Черноморском флоте в «эпоху Лазарева». Здесь интересны описания боевых действий на Кавказском побережье, крейсерство в Черном и Средиземном морях (1836—1851). Обращают на себя внимание настойчивые упоминания Шестакова о том, что он всегда стремился к службе на кораблях, а не в канцеляриях. В этой же части рассказывается о столкновениях с английскими кораблями на Балтике летом 1808 г., сведения об этом автор почерпнул из дневника своего отца — отставного морского офицера — непосредственного участника событий.

Вторая часть отведена событиям 1851—1856 гг. Это путешествие по Европе, пребывание в Англии, Крымская война, борьба с англо-французской эскадрой на Балтике.

В этих двух частях заметно желание автора показать свои заслуги перед русским флотом, при этом он называет флотилию паровых канонерских лодок, построенных под его руководством, главной силой, остановившей корабли союзников, которые угрожали Петербургу.

В третью часть мемуаров в виде глав включены шесть статей

²⁶ ЦГАВМФ, ф. 26, оп. 1, д. 26, «Губернаторство в Вильно. Эпизод из истории Северо-Западного края (1868—1869)».

Шестакова, напечатанные им в «Морском сборнике» в 1858—1861 гг. Вырезки из соответствующих номеров журнала наклеены на листы тетради и предваряются объяснением автора, почему они включены в воспоминания.

Четвертая часть по тематике распадается на два раздела: о внутренних делах 1859—1865 гг. и о крейсерстве в Средиземном море в 1860—1862 гг. Главы VII—X касаются в основном внутренних вопросов, так как в это время зачисленный в свиту Шестаков имел возможность общаться с высокопоставленными чиновниками.

Пятая часть начинается описанием путешествия по Европе, впечатлениями о политической жизни Франции в начале 60-х гг. XIX в. Главы VII и VIII, посвященные службе в Вильно, созданы на основе упоминавшейся уже записки «Губернаторство в Вильно». Шестаков теперь пространнее описал события в Виленской губернии в 1868—1869 гг., не стесняясь делать резкие выпады в адрес А. П. Потапова, А. Е. Тимашева, П. А. Шувалова и всей административной системы царской России. Эти главы содержат подробное, хотя и тенденциозное, описание состояния Северо-Западного края.

Три главы пятой части посвящены тому времени, когда автор воспоминаний был градоначальником в Таганроге. Главной задачей этих фрагментов было, очевидно, показать, что автор до своего злополучного губернаторства в Вильно уже имел опыт работы в гражданской администрации и сделал очень много для развития Приазовья. Последнее нельзя назвать необоснованным. Шестакову как градоначальнику дана очень высокая оценка в книге «История Таганрога», где он противопоставляется большинству других «отцов города», образы которых невольно заставляют вспомнить градоначальников города Глухова. Пятая часть очень интересна описанием изготовления отчета градоначальника, городской росписи, условий работы местной администрации в пореформенные годы. Вообще эта часть воспоминаний написана с заметным желанием автора как можно точнее, даже скрупулезно довести до читателей события, предшествовавшие его падению. Шестаков неоднократно вставляет в текст большие фрагменты из служебных документов и даже вклеивает в тетрадь с воспоминаниями отпечатанный типографским способом «Проект устройства каботажного судоходного общества», выработанный им и направленный новороссийскому генерал-губернатору П. А. Коцебу.

В 1873 г., после окончания мемуаров, Шестаков опубликовал в «Русском архиве», редактором которого был тогда П. Бартенев, в сокращенном виде одну главу первой части. Шестаков уверял, что он старался поправить свое материальное положение предполагаемыми доходами от публикации, чему, конечно, трудно верить, принимая во внимание ничтожность гонорара. Возможно, это была попытка шантажировать некоторых лиц в Адмиралтействе, от которых зависела судьба изгнанника. В том же 1873 г.

Шестакову последовало приглашение вернуться на службу, и, по уверениям адмирала, с большим трудом публикация была прекращена, так как издание записок, критикующих многих лиц в Морском министерстве, в том числе генерал-адмирала вел. кн. Константина Николаевича, морского министра Н. К. Краббе и некоторых других деятелей, было, конечно, невозможно для морского офицера, находящегося на службе.

Во время пребывания на посту морского агента в южных государствах Европы Шестаков написал шестую часть мемуаров, в которой ясно видно стремление смягчить критику некоторых лиц, например того же Краббе. Шестаков наполнил эту часть сообщениями о многочисленных встречах с коронованными особами, видными государственными деятелями Европы, желая, очевидно, подчеркнуть свое высокое положение в эти годы. Именно эту часть он дал прочитать М. А. Корффу, с которым подружился во время жизни в Италии (1874 г.), а также познакомил с ее содержанием «некоторых доверенных людей». Эта часть имеет обширную портретную «галерею». Ни одно более или менее значительное событие в России и за ее пределами не выпало из поля зрения Шестакова, а их описание не миновало страниц его тетрадей.

Различные подробности о ходе переговоров с Турцией в конце войны 1877/78 г., о Берлинском конгрессе, сообщенные автору, по его словам, самим Н. П. Игнатьевым, действия русских войск в Средней Азии, разного рода происшествия в дипломатических кругах Европы наполняют эту часть.

Почти каждое сообщение сопровождается рассуждениями Шестакова, иногда довольно интересными и пространными. Эта часть отличается от предыдущих менее тщательной литературной обработкой дневниковых записей и чрезвычайной пестротой содержания глав. Вот что читатель находит в главе VIII: «1876 год. Смерть М. А. Корфа и Н. К. Краббе. Еще ницкий православный приход. Новые выборы во Франции и различные политические партии. Разрешение минного вопроса. Венгры и славяне. Слухи об отречении государя. Смерть Ю. Ф. Самарина и замечательное сочувствие мыслящей России. Герцеговинский вопрос. Горчаков знаменует свое двадцатилетие управлением устранением войны между Портой и Черногорией. Увеличение нашей эскадры в Средиземном море. Берлинский меморандум. Убийство консулов в Салониках. Посылка английского флота к Дарданеллам и наша неспособность. Сербы и черногорцы объявляют Турции войну. Черняев, Рейхштадтское свидание. Наши волонтеры в Сербии. Болгарские ужасы и митинги в Англии. Сербия разгромлена. Наш ультиматум из Ливадии. Перемирие. Воинственные речи Дизраэли в Лондоне и царя в Москве. Военные приготовления. Мой взгляд на деятелей. Наше летнее странствование».²⁷

²⁷ Шестаков И. А. Полвека... ч. 6, с. 144.

В этой части воспоминаний заметно критическое отношение Шестакова к Александру II, в адрес которого он бросает несколько довольно резких упреков. Так, например, он, иронизируя по поводу практики назначения министров, писал: «...приемы остались прежними, завещанными бабьими царствованиями, но не подпираемые бабьей прозорливостью и не оправдываемые женским своенравием, с которым издавна род людской примирился».²⁸

Последняя часть мемуаров, как уже упоминалось, состоит из одной главы, время ее написания установить точно не удалось. Она скорее всего должна была служить для объяснения позиции Шестакова по отношению к вел. кн. Константину Николаевичу и начальнику Главного морского штаба А. А. Попову. Обоим дается уничтожающая характеристика.²⁹ Чувствуется желание Шестакова показать, что в начале 80-х гг. он был единственным, кто правильно понимал нужды русского флота и мог встать во главе Морского ведомства. Это видно, например, из описания заседания Адмиралтейств-совета 8 января 1882 г.: «...Казакевич, ленивый по природе, мало ознакомившийся даже с нуждами Кронштадта за десятилетнее в нем царствование. Преждевременно устаревший Гр. Бутаков, пропитанный злобой и ненавистью ко всему константиновскому и, по верному замечанию Алексея, считавший себя умнее, чем был на самом деле. Попов, скромный поневоле, обращал каждый вопрос в личный. Стеценко, непризнанный гений, постоянно твердил о том, что делается у других, не указывая, что нужно делать у нас. Перелешин все твердил о культуре и противно истории утверждал, что мы не культурны, не можем бороться с культурными соседями. Пузино замолвил только слово о невыгодности построенных за последнюю войну миноносок. Брюммер изредка, будто палил из пушки: „Ход! Главное — ход!“ Пещуров умно безмолвствовал».³⁰

Мемуары Шестакова отражают жизнь автора с самого начала его самостоятельной деятельности и до того момента, когда он достиг возможного для себя предела продвижения по служебной лестнице — поста управляющего Морским министерством. Они позволяют проследить процесс формирования личности этого незаурядного человека. То, что в основе воспоминаний дневниковые записи, наложило на их вид определенный отпечаток: Шестаков 70-х гг. при всем желании придать воспоминаниям определенную окраску не смог справиться с яркими впечатлениями молодых лет, занесенными на страницы дневника. Во время службы на Черноморском флоте у Шестакова происходило становление его независимого характера, который так часто был причиной его конфликтов с начальством. По его словам, семья флотских офицеров при Лазареве и его преемниках была не совсем обычной частью механизма николаевской Российской империи: «В госу-

²⁸ Там же, с. 212.

²⁹ Там же, с. 166—167.

³⁰ Там же, ч. 7, с. 28.

дарстве, где железная воля воплощенной необузданности гнула всех долу, растапливая в том же горниле самовластья таланты и бездарность, достоинства и посредственность, добродетели и пороки, чувства, свойственные разумному творению и чисто животные побуждения и выливалась в единую форму тупой, неодолимой никакими страданиями покорности. Восемнадцатилетнее существование в таких условиях явного общества людей исключительно служащих, сплоченного, недоступного растлевающим влияниям взаимного недоверия и сыщицких попыток извне, составляет трудно объяснимую аномалию. Прошедшие такую школу свободой не тешатся, они с ней срастаются».³¹

Начало политического образования Шестакова было положено еще в период службы на Черноморском флоте. В записках он вспоминает свои наблюдения за царским двором во время путешествия Николая I по Средиземному морю и приводит довольно яркий пример нравов того времени. Однажды Николай Павлович до смерти напугал всех, спросив, какая будет погода и следует ли предпринять морскую прогулку. Министры метались и даже бегали к садовнику узнавать, бодро ли кричал утром петух.³² Тогда молодой лейтенант спросил себя: о чем же важном могут говорить государственные мужи своему царю, если ошибка в таком пустяковом вопросе рассматривалась ими как возможность проститься с должностью. С осуждением и болью описывает он дикую выходку Николая I, загнавшего 60-летнего капитана на саллинг (самый верх мачты линейного корабля) и продержавшего его там несколько часов только за то, что тот не расслышал команды царя. Впоследствии верноподданические чувства и монархические убеждения автора подверглись сильному испытанию во время его заграничных путешествий. «Четырехлетнее пребывание в Англии привило мне новые заманчивые воззрения и открыло новые более обширные горизонты. Я понял, что, не переставая быть моряком, можно и должно стать гражданином. В Англии началось мое политическое образование, оставившее неизгладимые следы. Последующее двухлетнее пребывание в Штатах послужило дальнейшему развитию моему, и я не мог уже смотреть совершенным невеждой на действия собственного правительства».³³

II глава второй части целиком посвящена знакомству с Лондоном, который произвел на русского моряка огромное впечатление. Его поразили вид столицы «фабрики мира», деловитость обитателей. «Не хмурились на меня казармы, не приводили в робость дворцы, не пугали планы, захватывающие дух обширностью. Время и пространство ценились дорого... Я познал силу в жизни, труде и деятельности».³⁴ Несмотря на большую занятость специальными вопросами (наблюдение за постройкой корве-

³¹ Там же, ч. 1, с. 72.

³² Там же, с. 101.

³³ ЦГАВМФ, ф. 26, оп. 1, д. 16; Шестаков И. А. Полвека... ч. 2, с. 187.

³⁴ Шестаков И. А. Полвека..., с. 28.

тов для Черноморского флота, изучение современного кораблестроения и металлообработки), Шестаков стремился увидеть как можно больше, как можно глубже понять этот удивительный для него мир. Он посещал клубы, музеи, заседания парламента, приюты, больницы, канцелярии, королевский дворец, библиотеки, места развлечения лондонцев и т. д., и это не было простым любопытством путешественника. Русский был заражен политической активностью англичан: «Как бы не выделялась специальность из всего, что удовлетворяет человека, совершенное безучастие в общем движении немислимо, в особенности в обществе, возбужденном свободой до чрезвычайной чувствительности ко всему совершающемуся в пределах его деятельности».³⁵ В более поздние годы Шестаков, вспоминая о своих путешествиях, писал, что главная их цель — «выбить мысли из привычной колеи», куда их заталкивает повседневность. В этом смысле пребывание в Англии выбило мысли автора воспоминаний на всю жизнь из привычной для россиянина колеи.

Время пребывания в Англии — это не только время переворота в мировоззрении молодого моряка, но и период значительного расширения его кругозора. В «мастерской мира» Шестаков ознакомился с рабочим вопросом. Пролетариат Англии, его положение и политическая активность вызвали значительный интерес у русского офицера. Он видел неизбежность увеличения общественного веса рабочих в связи с увеличением их численности, организованности и сознательности, вспоминая, что в средние века люди искусства и науки тоже не занимали столь высоко положения в обществе, как это было в середине XIX в.³⁶

Шестаков, находясь в США, посылал корреспонденции в «Морской сборник», который печатал его статьи под названием «Между делом». Живая картина американского общества накануне гражданской войны представляет собой несомненный интерес для историка. Автор воспоминаний с большой симпатией писал о деловитости и энергии американцев, поражался оперативностью различных государственных служб США. Итог своим американским впечатлениям он подвел следующими словами: «Всмотревшись, а особенно испытав на себе удобства видимой странности, беспристрастный наблюдатель согласится, что Европа — хорошо написанный систематический трактат, а Штаты — произведение, наполненное оригинальными мыслями, поражающими свежестью».³⁷

Несмотря на политическое образование, которое дали Шестакову его зарубежные поездки, он остался монархистом, хотя видел, что многие пороки российской системы исходят от единовластия царя. Автор воспоминаний не видел в России такой силы, которая могла бы разделить с царем власть или тем более взять

³⁵ Там же, с. 126 об.

³⁶ Там же, с. 23.

³⁷ Там же, ч. 3, с. 8 об.

полностью бразды правления в свои руки. Третье сословие он считал совершенно неподготовленным к какой-либо активной политической деятельности, а перспективу создания дворянского представительства считал нелепой, говоря, что среди российских дворян нет таких людей, которые могли бы составить палату лордов. Именно поэтому такой умный человек, как Шестаков, не идет далее мечтаний об упорядочении условий службы, чтобы на высокие посты в государственном аппарате не могли проникать недостойные этого люди.

Во время пребывания на посту морского министра Шестаков не проявлял открыто своих взглядов, которые не совпадали со взглядами сторонников реакционного курса, и в вопросах внутренней политики находился на позициях, сходных с позициями Д. А. Милютина. Он, как и военный министр, считал необходимым дальнейшее движение по пути реформ 60-х гг., порицал поворот в сторону реакции, резко критиковал неспособность царской администрации обеспечить нормальную работу государственного аппарата. То обстоятельство, что Шестаков получил пост министра при Александре III и оставался на нем до конца своих дней, объясняется личной симпатией монарха к резкому в суждениях и действиях адмиралу, а также стремлением Шестакова не вмешиваться в дела, не касающиеся непосредственно Морского ведомства. Ряд высказываний в седьмой части воспоминаний, а также записи в дневнике свидетельствуют о его симпатиях к деятелям либерального направления. Так, например, он назвал назначение реакционера Д. А. Толстого на пост министра внутренних дел в 1882 г. «вызовом, напрасно брошенным общество»,³⁸ сожалел по поводу отставки А. А. Абазы, М. Т. Лорис-Меликова, Д. А. Милютина, с которыми его связывала давняя дружба, осуждал К. П. Победоносцева. Не случайно ходили слухи, что перед смертью Шестаков будто бы писал Александру III, что политика и ретроградные взгляды Победоносцева приносят вред России, и советовал отдалить его.³⁹

Мемуары Шестакова особенно ценны своим ярким изображением событий, происходивших сто с лишним лет назад. Это взгляд современника, к тому же человека, который прошел сложный и долгий путь от простого офицера до морского министра, изменение его восприятия окружающего мира не только в связи с повышением по службе, но и в связи с изменением в какой-то мере его политических взглядов.

Мемуары «Полвека обыкновенной жизни» дают исследователям богатый материал по истории внешней и внутренней политики России второй половины XIX в., так как в них нашли отражение такие события, как Крымская война, кризис 1863 г., реформы 60-х гг., русско-турецкая война 1877/78 г.

³⁸ Шестаков И. А. Дневник за 1882 год. — ОРиРК ГПБ, ф. 856, д. 12, л. 40.

³⁹ Богданович А. В. Три последних самодержца, с. 93.

Много интересного может найти для себя в записках бывшего морского министра исследователь в области истории военно-морских сил России. Это описание Балтийского и Черноморского флотов, характеристика лиц, стоявших у руля Морского министерства, изменения в системе управления, строительство первых паровых кораблей.

Особенностью мемуаров является обширная портретная галерея, выполненная с большим мастерством. Многие из представленных в ней лиц играли значительную роль в событиях середины прошлого столетия, поэтому данные им довольно объективные оценки вряд ли пройдут незамеченными исследователями.

Отличительной чертой воспоминаний является их критический характер, так как для оправдания своих поступков Шестаков от критики отдельных лиц, непосредственных противников, переходит к осуждению всей политической системы царской России. Нельзя не отметить также довольно высокий литературный уровень записок, благодаря которому читатель не только видит, но и чувствует эпоху.

Немалый интерес представляют мемуары для исследователей, занимающихся политической историей других стран, например США, Франции, Англии, Австро-Венгрии, Италии, Ближнего Востока, так как И. А. Шестаков подолгу жил и работал в этих странах, всегда внимательно следил за событиями в мире и свои наблюдения и размышления заносил на страницы дневника, а затем мемуаров.

Р. Ш. ГАНЕЛИН

К ИСТОРИИ ТЕКСТА ПЕТИЦИИ 9 ЯНВАРЯ 1905 г.

Петиция, с которой петербургские рабочие шли к Зимнему дворцу в день, вошедший в историю как «Кровавое воскресенье», с большой выразительностью воплотила в себе то указанное В. И. Лениным обстоятельство, что «из зубатовщины, как мелкого повода, выросло широкое, крупное, всероссийское революционное движение».¹ А в истории текста петиции, в нескольких вариантах этого документа, отразились различные стадии с необыкновенной стремительностью развивавшегося необратимого процесса созревания пролетарского революционного сознания, классового и общеполитического, — процесса, который царские власти не сумели разглядеть под причудливой оболочкой гаповщины.

Специально изучавший петицию А. А. Шилов² установил четыре этапа в истории ее текста. Первым из них он предложил

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 211.

² Шилов А. А. К документальной истории «петиции» 9 января 1905 г. — Красная летопись, 1925, № 2 (13), с. 19—36.

считать три нумерованных римскими цифрами пункта, каждый из которых состоял из параграфов (первый — из пяти, второй — из двух и третий — из шести), предложенных Гапоном в марте 1904 г. на встрече с четырьмя наиболее развитыми и сознательными рабочими, требовавшими от Гапона, чтобы он определил свое лицо, и без этого отказывавшими ему в поддержке, — А. Карелиным, Д. Кузиным, И. Васильевым и Н. Варнашевым. Выработанный под влиянием и давлением руководящей группы рабочих, этот перечень требований гласил:

«I. Меры против невежества и бесправия русского народа:

1) свобода и неприкосновенность личности, свобода слова, печати, свобода собраний, свобода совести в деле религии; 2) общее и обязательное народное образование на государственный счет; 3) ответственность министров перед народом и гарантия законности управления; 4) равенство перед законом всех без исключения; 5) немедленное возвращение всех пострадавших за убеждения.

II. Меры против нищеты народа: 1) отмена косвенных налогов и замена их прямым, прогрессивным и подоходным налогом; 2) отмена выкупных платежей, дешевый кредит и постепенная передача земель народу.

III. Меры против гнета капитала над трудом: 1) охрана труда законом; 2) свобода потребительно-производительных и профессионально-рабочих союзов; 3) 8-часовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ; 4) свобода борьбы труда с капиталом; 5) участие представителей рабочего класса в выработке законопроекта о государственном страховании рабочих; 6) нормальная заработная плата».

Этот текст, написанный, по воспоминаниям Н. Варнашева,³ красными чернилами на листе бумаги, А. А. Шилов определяет как зерно петиции, называя его «программой пяти». Он не вошел, однако, в тот документ, который знаменовал собой следующий, второй, этап ее истории. Документ этот, известный как «резолуция рабочих об их насущных нуждах», был написан оставшимся неизвестным социал-демократом, отвергнувшим «программу пяти», которую Гапон предъявил, по словам И. Павлова, на трех листках из записной книжки, исписанных красными чернилами.⁴ Произошло это 5 января, после того как 27 декабря под сильнейшим давлением рабочих-активистов было принято решение начать забастовку и выработать резолюцию о рабочих нуждах. 6-го В. Я. Богучарский, получивший резолюцию от Гапона накануне, 5-го вечером, отправил ее в «Освобождение», где она и была напечатана в № 65.⁵

³ Варнашев Н. М. От начала до конца с Гапоновской организацией. — В кн.: Историко-революционный сборник, в. 1. М.—Пг., 1924, с. 198.

⁴ Павлов И. Я. Из воспоминаний о «Рабочем союзе» и священнике Гапоне. — Минувшие годы, 1908, № 4, с. 91.

⁵ Текст резолюции, приведенной А. А. Шиловым в его статье по корреспонденции в «Освобождении», может быть найден в сборнике докумен-

Опираясь на использованные В. И. Лениным письма из Петербурга в большевистскую газету «Вперед» и на прокламацию Петербургского комитета РСДРП 8 января 1905 г., А. А. Шиллов оценил резолюцию как соответствовавшую многим положениям социал-демократической программы, указав, что хотя она и подчеркивала противоположность классовых интересов пролетариата и буржуазии, но недостаточно.

Вместо перечня 13 требований «программы пяти», изложенных тремя пунктами, резолюция содержала 15 требований, разделенных на две группы: первую — из 10 непосредственно рабочих требований, осуществимых и при капиталистическом строе, и вторую — из 5 общеполитических требований, завершавшую текст. «Внести коренное улучшение в положение трудящегося народа, — говорилось в резолюции, — может только передача земель, фабрик, заводов и прочих средств производства в руки народа. Но и при настоящем капиталистическом строе русский рабочий мог бы улучшить свое положение. Для этого необходимо: 1) чтобы наименьший размер (минимум) заработной платы устанавливался по соглашению депутации рабочих с хозяевами, которые не могли бы произвольно его понизить; 2) чтобы таким же способом устанавливался внутренний распорядок на фабриках и заводах; 3) уничтожить штрафы; 4) отменить детский труд; 5) отмена сверхурочных работ (в случае их необходимости — заработная плата должна быть двойная); 6) сократить рабочий день до восьми часов; 7) ввести государственное страхование рабочих при непосредственном участии самих рабочих в выработке законоположения о страховании и в управлении страхованием; 8) поставить фабричную инспекцию под непосредственный контроль рабочих союзов; 9) отменить прямые налоги, лежащие только на рабочих: выкупные платежи, мещанские и крестьянские подати, больничные, прописочные сборы и т. д.; 10) заменить косвенные налоги, которые всем бременем ложатся на беднейшие классы народа, прямым подоходным налогом.

Таковы те требования, которые могли бы быть удовлетворены теперь же, при существовании капиталистического производства. Но для этого необходимо, чтобы страпой правили не чиновники, которые держат руку капиталистов и угнетают рабочий класс, а сам народ.

Положение рабочего класса безысходно. Никакие улучшения, исходящие от чиновничьего правительства, не достигают своей цели. Поэтому рабочие прежде всего должны стремиться к тому,

тов «Начало первой русской революции. Январь—март 1905 г.» (М., 1955, с. 16—18). Он воспроизведен там на основе перлюстрированного письма. Из разночтений с текстом «Освобождения» наиболее значительное находится в начале резолюции. В первой фразе в перлюстрации отсутствуют выделенные нами в тексте «Освобождения» слова: «„Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга“ от лица своего представителя священника Георгия Гапона, своих 7000 членов и остальных петербургских рабочих...».

чтобы получить гражданские права и участие в управлении государством.

Ближайшие требования рабочего класса, исполнение которых даст рабочим возможность организовать в рабочую партию и самим улучшить свое положение, следующие:

1. Созыв учредительного собрания из представителей всего русского народа, избранных всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием. Учредительное собрание должно выработать реформы по управлению государством, именно: передачу власти из рук чиновников в руки представителей народа, избираемых также всеобщим голосованием (парламент).

Необходимыми условиями для осуществления этого требования являются:

2. Уравнение в гражданских правах всех сословий (крестьян, мещан, купцов, дворян и духовных), народностей и вероисповеданий.

3. Гарантии гражданской свободы: неприкосновенность личности и жилища, свобода слова, печати, собраний, всевозможных обществ и рабочих союзов, свобода стачек.

4. Освобождение из тюрьмы и ссылки лиц, понесших наказание за так называемые политические преступления, в том числе за рабочие стачки и крестьянские беспорядки.

5. Прекращение войны по воле народа».

Резолюция не содержала ни обращений к царю, ни указаний на способ ее доведения до сведения правительства. Решение о шествии к Зимнему дворцу, которое, как считал Шилов, было принято лишь на следующий день, 6 января, дало Гапону возможность заменить не удовлетворявшую его резолюцию, поставив на ее место петицию-прошение, составленную им самим в ночь на 7 января, поскольку набросанные его друзьями проекты петиции были, по его словам, для него неприемлемы. Вторым вариант петиции (первым мы вслед за А. А. Шиловым считаем резолюцию) состоял из «программы пяти», развитого предисловия и короткого заключения к ней. Он был опубликован в большевистской газете «Вперед» 18 (31) января 1905 г. (№ 4) под названием «Петиция петербургских стачечников царю». Мы не воспроизводим его здесь, отсылая читателя не только к самой статье А. А. Шилова, но и к сборнику документов «Начало первой русской революции», где опубликован третий, окончательный, вариант петиции (о котором сейчас пойдет речь) с указанием всех разночтений, существующих между ним и вторым вариантом.⁶

Анализируя содержание петиции (так называемого второго ее варианта) в сопоставлении с резолюцией, А. А. Шилов отметил отсутствие зависимости петиции от резолюции, замену выдвигаемых в резолюции требований просьбами петиции, а также мысли резолюции о необходимости рабочим организо-

⁶ Начало первой русской революции. М., 1955, с. 28—31.

ваться в свою партию мыслью петиции о даровании реформ свыше. «Резко выявленное в „резолуции“ противоречие интересов капиталистов и рабочих сильно смягчено в „петиции“, — писал А. А. Шилов, — ведь главные враги народа не хозяева, а казнокрады-чиновники. Национализация земель, заводов и фабрик выброшена. Зато в „петиции“ выявлена затушеванная мысль „резолуции“ о самодержавии, и Николай Романов превратился в идеального царя-батюшку, ничего не знающего и не ведающего о страданиях народа, благодаря своим чиновникам, царствующего по божеским законам, милующего и жалующего своих верноподданных, готовых идти ради него даже в могилу. Едва ли можно сомневаться, что все эти мысли принадлежали самому Гапону и им внесены в „петицию“». ⁷

Дальнейшие изменения текста петиции явились результатом ее обсуждения на многолюдных рабочих собраниях 7 и 8 января. А. А. Шилов видел смысл этих изменений в стремлении сделать петицию не только рабочей, но и общенародной. Ее начало — «Мы, рабочие города С.-Петербурга» — было изменено на «Мы, рабочие и жители города С.-Петербурга разных сословий». А «программа пяти» предъявлялась «от лица всего трудящегося класса России». Было введено упоминание о «необходимости народного представительства». Более или менее случайный характер носили изменения в мартовской «программе пяти», из них наиболее значительными были внесенные в нее параграфы об отделении церкви от государства и прекращении войны по воле народа (это последнее требование, заключавшее резолюцию, во вторую редакцию не было включено). «Основные недостатки „петиции“, указанные при характеристике второй ее редакции, остались целиком и в третьей, но благодаря вставке ряда фраз и подчеркиванию немедленности осуществления ряда параграфов последняя редакция „петиции“ потеряла тон раболепной просьбы и приобрела характер, более соответствующий народным требованиям», — заключал свое исследование А. А. Шилов. ⁸

Обладавшее несомненной убедительностью, оно оказало влияние на освещение истории петиции в литературе, явственно ощущаемое, в частности, в посвященном этому комментарию к сборнику документов «Начало первой русской революции» и в соответствующей главе «Истории Ленинграда». ⁹ На работу А. А. Шилова ссылается Т. П. Бондаревская, отмечая, что плоды деятельности петербургских большевиков накануне 9 января проявились «прежде всего в содержании петиции». ¹⁰ У. А. Шустер, отметивший, что «причины изменения текста петиции (и притом изменения в сторону «полевения») нужно искать не в кабинет-

⁷ Шилов А. А. К документальной истории... с. 32.

⁸ Там же, с. 36.

⁹ Начало первой русской революции, комм. 10, с. 810—811; История Ленинграда, т. III. М.—Л., 1956, с. 250—251.

¹⁰ Бондаревская Т. П. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг. Л., 1975, с. 59.

ной истории вариантов, а в растущей „политизации“ самого движения в ходе массовых рабочих собраний», также использует работу А. А. Шилова, но при этом указывает, что история составления петиции «не во всех деталях представляется ясной».¹¹

Здесь следует сказать, что исследование А. А. Шилова сразу же после своего появления вызвало критические замечания со стороны двух различных по характеру научно-литературных занятий авторов. Оба эти замечания остались неразвитыми. Ныне представляется необходимым с известной подробностью остановиться на них и на затронутых в них вопросах. Первое из этих замечаний принадлежало А. Е. Преснякову, который, поставив статью А. А. Шилова в связь с опубликованной накануне ее появления С. Н. Валком отчетной запиской петербургского градоначальства,¹² обратил внимание на то, что решение об аресте Гапона объяснено в записке с помощью ссылки на «содержание заключительных пунктов петиции», ставшее известным властям 8 января. Между тем в редакциях, рассмотренных А. А. Шиловым, А. Е. Пресняков не видел оснований для такой ссылки. Ошибочно истолковав слова А. А. Шилова о том, что «не установлено в точности, с каким именно текстом петиции шли рабочие 9 января» (в действительности эти слова Шилова, стоящие в самом начале его статьи, явно относились к тому состоянию вопроса, с которым он столкнулся, приступая к его исследованию), А. Е. Пресняков продолжал: «По рукам тогда ходил текст — копия с представленного Святополк-Мирскому [министру внутренних дел. — *Р. Г.*] — с такой „заключительной частью“: „Россия слишком велика, нужды ее слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо, чтобы сам народ помогал себе: ведь ему только известны истинные его нужды. Не отталкивай же его помощь, прими ее, государь. Повели немедленно, сейчас же, призвать представителей земли русской от всех классов, от всех сословий. Пусть тут будет и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель. Пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей, пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания, а для этого повели, чтобы выборы в учредительное собрание происходили при условии тайной и равной подачи голосов. Это самая главная наша просьба“».¹³ Но приведенный А. Е. Пресняковым текст входит с незначительными разночтениями в состав второй и третьей редакций петиции, занимая в каждой из них центральное по положению место, а потому не может быть определен как «заключительная часть» или «приписка» (у А. Е. Преснякова есть и такой термин). Если не считать, что в его руках был оставшийся нам неизвестным

¹¹ Шустер У. А. Петербургские рабочие в 1905—1907 гг. Л., 1976, с. 81, 79.

¹² Валк С. Н. Петербургское градоначальство и 9 января. — Красная летопись, 1925, № 1 (12).

¹³ Пресняков А. Е. 1905 год. — Былое, 1925, № 4 (32), с. 23.

вариант петиции, завершившийся приведенным текстом, а это маловероятно, в частности, потому, что текст этот по содержанию не носит заключительного характера, придется признать эту попытку объяснить ссылку в записке градоначальства на «содержание заключительных пунктов петиции» неудачной.

Однако при всем том А. Е. Пресняков отметил весьма существенное упущение А. А. Шилова, и дело было не в одной только записке градоначальства. Многие официальные отчетные документы и заявления причастных к событиям официальных лиц сходятся в том, что на каком-то очень позднем этапе в текст петиции были внесены дополнения, которые изменили ее характер, превратив ее из документа, содержавшего чисто рабочие требования, в документ общеполитического характера. В записке градоначальства, кроме упоминания о том, что властям «8 января стало известным содержание заключительных пунктов петиции на высочайшее имя, составленной Гапоном при участии представителей революционных фракций», находим еще и слова о «расширении программы требований рабочих и составлении известной петиции на высочайшее имя с заключительными пунктами конституционного значения».¹⁴ Директор Департамента полиции А. А. Лопухин в своей записке 1 февраля, ссылаясь на влияние «главарей» революционных организаций, решивших придать забастовке «характер общего протеста рабочих против существующего государственного строя», утверждал, что Гапон, «еще в первых числах января рекомендовавший рабочим не возбуждать политических вопросов, не читать и жечь подпольные листки и гнать разбрасывателей их, войдя затем в сношения с помянутыми главарями, постепенно начал на собраниях отделов вводить в программу требований рабочих коррективы политического характера и, по внесении в нее последовательно-общеконституционных положений, закончил, наконец, эту программу требованием отделения церкви от государства».¹⁵ В другом месте своей записки Лопухин заявлял, что «именно» вечером 8 января Гапон «распространил текст петиции от имени рабочих на высочайшее имя, в которой, независимо от пожеланий об улучшении их экономических требований [так в тексте. — Р. Г.], были включены дерзкие требования политического свойства». «Петиция, — утверждал Лопухин в полном противоречии с действительностью, — большинству забастовщиков осталась неизвестной, и таким образом рабочее население было умышленно введено в заблуждение о действительной цели созыва на Дворцовую площадь, куда и двинулось с единственным сознательным намерением принести челобитную о своих нуждах и малом заработке».¹⁶

В лопухинской записке в сущности развивалась версия правительственного сообщения о событиях 9 января, в котором

¹⁴ Валк С. П. Петербургское градоначальство. . ., с. 39, 40.

¹⁵ Начало первой русской революции, с. 101.

¹⁶ Там же, с. 102.

утверждалось, что «пропаганда явно революционная» началась вследствие «подстрекательства подпольных революционных кружков» «с утра 8 января» («в этот день священником Гапоном была составлена и распространена петиция от рабочих на высочайшее имя, в коей рядом с пожеланиями об изменении условий труда были изложены дерзкие требования политического свойства»).¹⁷

Излагая со слов министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского содержание петиции, отвезенной им 8-го вечером царю, жена министра записала в своем дневнике: «Она касается почти исключительно политических вопросов, между прочим, чтобы по воле народа был заключен мир и чтобы церковь была отделена от государства, чтобы был общественный контроль над правительством и т. д.; кончается тем, чтобы государь сделал все это, а не только говорил, чтобы он принял из рук самих рабочих их петицию — „обещайся и поклянись, а то прольется кровь“».¹⁸

Министр финансов В. Н. Коковцов, отвечая позже на обвинения предпринимателей в том, что не только полицейские власти, но и ведавшее промышленностью финансовое ведомство просмотрело характер движения, утверждал, что «6 января, до беспорядков, до известного адреса, ставшего известным 8 января, все фабриканты, 118 человек, заявили успокоительные известия».¹⁹

Утверждения о ставшей известной 8-го неожиданной и поздней политизации петиции должны были оправдать карательные действия властей «предъявлением требований об изменении существующего государственного строя», тем, что, по словам Лопухина, «вполне мирному движению рабочих» был придан «характер народной манифестации, направленной к ограничению самодержавия», причем «масса рабочих» была якобы «не осведомлена о внесении в петицию политических требований, а обманно уверена в представлении его величеству ходатайства исключительно

¹⁷ Девятое января. Книга для чтения. Сост. А. А. Шилов. Л.—М., 1925, с. 176.

¹⁸ Дневник кн. Е. А. Святополк-Мирской за 1904—1905 гг. — Истор. записки, 1965, т. 77, с. 273.

¹⁹ Записки В. Г. Глазова о совещании у С. Ю. Витте 18 января 1905 г. — Красный архив, 1925, т. 4—5 (11—12), с. 30. — Речь шла о созванном Коковцовым вечером 6-го совещании крупнейших столичных заводчиков, которое отклонило основные требования забастовщиков (Коковцов — Святополк-Мирскому, 7 января 1905 г. — В кн.: Путиловец в трех революциях. Сб. материалов. Сост. и подг. С. Б. Окунь. Л., 1933, с. 63). Исходя из отмеченной Коковцовым одинаковости рабочих требований на различных фабриках и заводах, С. Б. Окунь, ссылаясь на работу А. А. Шилова, ставил их в связь с мартовской «программой пяти».

На совещании у Витте 18 января, где страх перед будущим господствовал надо всем, Коковцов, судя по записи Глазова, занял такую позицию, что чисто рабочие требования могут де быть удовлетворены немедленно («нужды рабочих 1) удовлетворить сейчас ведомств[ом] м[инистерства] финансов, меры приняты; другая часть 2) в разработке законодательства, работа в м[инистерстве] финансов ведется ... Из числа 18 заявленных рабочими пунктов 13 могут быть удовлетворены теперь». — Записки В. Г. Глазова... , с. 36).

об удовлетворении некоторых нужд рабочего класса».²⁰ Хотя выдвижение забастовщиками требований политического характера и не было единственной причиной решения властей о расправе с рабочей манифестацией (отказ промышленников удовлетворить требования бастующих, разумеется, имел важное значение), но действительно сыграло свою роль в его принятии. И принято было это решение еще 7 января, после того как забастовка приобрела всеобщий характер, а министр юстиции Н. В. Муравьев, свернув принесенный ему Гапоном утром этого дня экземпляр одного из вариантов петиции с уже имевшимся у него экземпляром, заявил, что речь идет об ограничении самодержавия. «Собственно рабочий вопрос — пустяки, — излагала Святополк-Мирская суть их беседы, — они только придрались к этому, а главное — политика».²¹ Какой-то вариант петиции, по-видимому, до 8-го оказался и у градоначальника генерала И. А. Фуллона.²²

Хотя отчетливо выраженный политический характер рабочие требования приобретали под давлением масс и влиянием социал-демократов лишь в самые последние дни накануне шествия ко дворцу, причем впоследствии настроенные против «политики» активисты гапоновского общества настаивали на том, что они, как и некоторые другие рабочие, осознали это очень поздно,²³ тем не менее ни один из вариантов петиции не был свободен от требований чисто политического характера.^{23а} Ни мартовская «программа пяти», ни резолюция о рабочих нуждах, рассматриваемая как первый вариант петиции, ни второй и третий ее варианты никоим образом не могли быть названы, как это сделал Лопухин, «ходатайством исключительно об удовлетворении некоторых нужд рабочего класса» или его «челобитной о своих нуждах и малом заработке». Нельзя исключить, что Лопухин и Святополк-Мирский впервые ознакомились с петицией в ее третьем, окончательном, варианте (напомним, что отделение церкви от государства, названное Лопухиным, не фигурировало ни в одном из предшествовавших вариантов, а добавленное к нему Свято-

²⁰ Записка директора Департамента полиции А. А. Лопухина... — В кн.: Начало первой русской революции, с. 101—102.

²¹ Дневник кн. Е. А. Святополк-Мирской за 1904—1905 гг., с. 273.

²² Любимов Д. Н. Гапон и 9 января. — Вопросы истории, 1965, № 8, с. 126.

²³ Протоколы допросов В. А. Иноземцева и В. А. Янова 20, 13, 18 января 1905 г. — Красная летопись, 1922, № 1, с. 309, 311, 312, 314, 319; Протокол допроса А. М. Горького. — Истор. архив, 1955, № 1, с. 99. Отметим, что в развешенном 8-го с утра объявлении гапоновского собрания о воскресном шествии ко дворцу его целью провозглашалась подача царю «просьбы о содействии к удовлетворению рабочих нужд».

^{23а} С. Н. Валк отмечал, что «основное политическое требование петиции — о созыве Учредительного собрания — было заимствовано из первого ее наброска, авторство которого принадлежит неустановленному социал-демократу» (Валк С. Н. Революционное движение [в Петербурге] с 1860-х годов до империалистической войны. — В кн.: Ленинград. Путеводитель, т. I. М.—Л., 1933, с. 101).

полк-Мирской прекращение войны по требованию народа было тем пунктом резолюции, который перешел в третий вариант петиции, минуя второй). Однако против такого предположения, даже если согласиться с утверждениями гапоновцев-мемуаристов о том, что мартовская «программа пяти» была сохранена от властей в тайне, и допустить, что Фуллон и Муравьев до 8-го не ознакомили с бывшими у них экземплярами одного и того же или разных вариантов петиции руководителей Министерства внутренних дел, говорит показание одного из участников составления резолюции С. Я. Стечкина (о нем будет сказано далее), согласно которому Гапон 5 января передал резолюцию многим представителям печати.²⁴ Казалось бы, резолюция обязательно должна была попасть не только к градоначальнику и министру юстиции, но и к директору Департамента полиции и министру внутренних дел... Но, с другой стороны, если она к ним все-таки не попала, они могли довольно долго быть под успокоительным впечатлением заверения, данного Гапоном Фуллому 3 января. Оно, в частности, гласило: «До настоящей минуты все требования только экономические, но если вы не пойдете на уступки, чтобы предупредить взрыв, то дальше будет хуже. Но, по крайней мере, не употребляйте силы, не приводите казаков. М. б., рабочие захотят дать петицию царю, так не бойтесь: все будет тихо и мирно. Рабочие желают только, чтобы слышали их голос».²⁵ Начальник канцелярии министра внутренних дел Д. Н. Любимов утверждал в своих воспоминаниях, что Гапону удалось успокоить Фуллона даже после того, как один из вариантов петиции попал в его руки: «Градоначальник, познакомившись с текстом петиции, было, заволновался, но Гапон ездил к нему для объяснений, и никаких мер принято не было».²⁶

Но если в официальном правительственном сообщении и у Лопухина находим лишь общие утверждения о неожиданной политизации петиции, то в отчетной записке градоначальства содержатся, как мы видели, еще и прямые указания на то, что требования общеполитического, конституционного, содержания оказались в тексте документа заключительными. Наиболее простым объяснением этого является предположение о том, что в записке градоначальства имелась в виду резолюция, в которой, как мы знаем, пять пунктов общеполитического содержания были вынесены в конец. Отметим, что в листовке ПК РСДРП 8 января эти пять заключительных пунктов резолюции фигурировали как выдвинутые в петиции, с которой 6 января собрание путиловских рабочих призвало всех петербургских рабочих идти ко дворцу.²⁷ Таким образом, в возбужденной атмосфере кануна

²⁴ Протокол допроса С. Я. Стечкина 3 февраля 1905 г. — Красная летопись, 1922, № 1, с. 326.

²⁵ Гапон Г. История моей жизни. Л., 1926, с. 81.

²⁶ Любимов Д. Н. Гапон и 9 января, с. 126.

²⁷ Начало первой русской революции, с. 40—41,

«Кровавого воскресенья» терялись точные следы истории текста петиции.

Не исключено, однако, что «заключительные пункты политического содержания» были вольностью официальной «текстологии». Не были ли объявлены заключительными пункты, сохранившиеся во втором и в третьем вариантах, хотя и не в самом конце текста, но перед последним его абзацем? Не удобнее ли было представить пункты политического значения добавленными в конец, «припиской», как выразился А. Е. Пресняков? Ведь упоминавшийся уже Д. Н. Любимов, изложив с обильными цитатами второй вариант петиции, писал: «В заключение следовали требования свободы слова, личности, исповеданий и пр.».²⁸

Хотя использованные здесь нами материалы в большинстве были известны до выхода работы А. А. Шилова, он не уделил этой стороне дела внимания, чем и было вызвано замечание А. Е. Преснякова.

Другое замечание было сделано Л. Я. Гуревич в комментарии, составленном ею к переизданию известной ее работы о 9 января.²⁹

Отметив, что «сложный и запутанный неточными указаниями дат вопрос о составлении петиции подробно разобран А. А. Шиловым», и воспроизведя данную в его статье «четкую и чрезвычайно убедительную схему истории составления петиции», Л. Я. Гуревич далее писала: «Эта превосходная схема все же не уясняет некоторых известных нам подробностей».³⁰ Она усмотрела противоречие между утверждением А. А. Шилова о том, что резолюция была написана 5 января «представителем социал-демократии», и сделанным в тот же день на рабочем собрании заявлением сотрудника «Русской газеты» С. Я. Стечкина (псевд. Н. Строев), согласно которому резолюция была разрабо-

²⁸ Любимов Д. Н. Гапон и 9 января, с. 127. — Отметив, что «в знаменитой петиции 9 января не только были, но даже преобладали над экономическими политические ходатайства», Любимов объявлял «громадной политической ошибкой» запрет на ее напечатание, вследствие чего распространилось мнение, «что шествие рабочих „к царю“ не было политической демонстрацией, а они мирно шли „бить ему челом“ о своих экономических нуждах».

²⁹ Гуревич Л. Я. Девятое января. Харьков, 1926. — Ее работа, появившаяся в 1906 г. в «Былом» и тогда же вышедшая отдельным изданием, явилась первым исследованием событий «Кровавого воскресенья», созданным на основе материалов, которые были добыты из первых рук по горячим следам событий. Известная в то время литературно-издательская деятельница (впоследствии видный советский театровед), Л. Я. Гуревич явилась одним из организаторов распространения анкет между рабочими — участниками движения. Решение об этом было принято группой интеллигентов в самый день 9 января и осуществлялось среди пострадавших врачами в больницах и адвокатами — в нескольких бесплатных юридических консультациях (Доклад Л. Я. Гуревич в Государственной академии художественных наук 22 января 1925 г. — ЦГАЛИ, ф. 131, оп. 1, д. 16, л. 1—2). Результатом явились 300 анкет с ответами рабочих и записи нескольких десятков опросов.

³⁰ Гуревич Л. Я. Девятое января, с. 83—84.

тана им и представителями социал-демократии.³¹ По этому поводу Л. Я. Гуревич сообщила, что Стечкин в 1905 г. рассказал ей и об этом собрании 5 января, и о своем участии совместно с социал-демократами в производившейся у него на квартире подготовке резолюции.³²

Л. Я. Гуревич считала также невыясненным вопрос о том, кто были те друзья Гапона, которые писали не удовлетворившие его проекты второго варианта петиции. «По этому поводу» она и сообщила, что у нее сохранилась «копия какого-то чернового экземпляра петиции... не тождественного ни с одним вариантом петиции из приведенных Шиловым», который был ею получен в январе 1905 г. от забытого ею лица. Документ этот в комментариях Л. Я. Гуревич приведен не был, но сохранился в ее бумагах (копия сделана неизвестным нам почерком по старой орфографии без исправлений и помарок).³³ Приводим его полностью.

«Мы идем к тебе, государь, мы все рабочие и жители Петербурга, с нашими женами, детьми, отцами и матерями идем к тебе просить правды и защиты. Мы бедны, забиты, обременены непосильным трудом: Нас оскорбляют, обращаются с нами не как с людьми, но как с рабами, которые должны молча терпеть самую жестокую участь. Много уж мы терпели, и со дня на день все глубже и глубже становится наше падение. У нас нет прав, нам не дают образования, нас душат насильем и несправедливостью. Мы пропадаем, мы обессилены. Государь, мы дошли до предела человеческого страдания, мы дошли до того ужасного состояния, когда умереть лучше, чем жить среди невыносимых мучений.

Мы прекратили работу, объявив хозяевам, что мы не вернемся на фабрику, пока не исполнят наши требования. А мы просили немногого, мы просили только средств к жизни, без которых жизнь есть бремя, а работа одна сплошная пытка.

Первая наша просьба была, чтобы хозяева обсудили вместе с нами наши нужды. Они отказались. Нам отказали в праве представить наши требования под тем предлогом, что закон не дает нам этого права.

Мы требовали восьмичасового рабочего дня, установки заработной платы по взаимному соглашению, учреждения суда для разбора недоразумений между нами и мастерами, увеличения жалования чернорабочих до рубля в день, уничтожения сверхурочной работы, просили, чтобы мастер давал нам объяснения в неоскорбительных для нас выражениях и чтобы мастерские были устроены так, чтобы мы не болели из-за снега, дождя и сквозняка. Во всем этом нам было отказано, и даже самая наша

³¹ Об этом заявлении сообщил в своем письме от 5 января рабочий, член Петербургского комитета РСДРП. Письмо приведено в статье В. И. Ленина «Первые шаги» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 222).

³² Гуревич Л. Я. Девятое января, с. 84.

³³ ЦГАЛИ, ф. 131, оп. 2, д. 17, л. 50—53.

просьба рассматривалась как преступление, а желание улучшить свое положение как дерзость против хозяев.

Государь, нас здесь более 300 000, но мы сохранили только облик человеческий, а права человеческого у нас нет ни одного. Даже права говорить, думать и сообща толковать о своих нуждах, о том, как помочь им, у нас нет. Наших товарищей, осмелившихся возвысить голос на защиту народа и рабочих, бросают в тюрьмы, ссылают. Доброта считается преступлением. Сострадание к униженным и несчастным наказывается как злодеяние.

Бюрократия привела народ к краю пропасти, к разоренью, к разгрому постыдной войны. Мы не имеем голоса в тяжелых налогах, обременяющих нас. Мы не знали даже, для кого и зачем вырывают эти деньги у разоренного народа, мы не знаем, как тратятся эти деньги. Государь, разве не по божеским законам ты управляешь нами? Жизнь наша невозможна. Лучше нам всем погибнуть, всем рабочим в России, предоставив капиталистам и чиновникам жить и наслаждаться. Мы собрались перед твоим дворцом и просим: спаси нас, не отказывай в помощи своему народу, помоги ему разорвать путы бесправия, нищеты и невежества, освободи его от невыносимого гнета чиновников. Разрушь стену, отделяющую тебя от народа, чтобы он мог вместе с тобой управлять государством, созданным для счастья народного, того счастья, которое вырывают у нас, оставляя на нашу долю только муки и унижение.

Прими благосклонно наши просьбы, внушенные желанием твоего и нашего блага, сознанием необходимости выйти из этого невыносимого положения. Россия слишком велика, ее потребности слишком разнообразны и сложны, чтобы чиновники одни могли управлять ею. Необходимо *народное представительство*,³⁴ потому что только сам народ знает свои истинные потребности. Не отталкивай его помощи, прими его сотрудничество и прикажи тотчас же созвать представителей всех сословий, включая и рабочих. Пусть все свободно пользуются равным избирательным правом. Прикажи, чтобы выборы в учредительное собрание производились всеобщей подачей голосов. Это наше главное требование, в нем заключаются и все остальные. Это первое лекарство от наших ран, иначе мы должны скоро погибнуть. Но, конечно, одного этого мало, чтобы залечить все наши раны. И поэтому мы открыто и чистосердечно, как отцу, от лица всего рабочего народа скажем тебе, что еще надо сделать.

Надо дать:

1. Свободу и неприкосновенность личности, свободу слова, печати, собраний, свободу совести.
2. Всеобщее, бесплатное и обязательное образование.
3. Ответственность министров перед народом и гарантии против произвола администрации.
4. Равенство всех перед законом.

³⁴ Подчеркнуто карандашом.

5. Немедленную амнистию всех, кто пострадал за свои убеждения.
6. Уничтожение всех косвенных налогов и замену их прямым прогрессивным подоходным налогом.
7. Отмену выкупных платежей. Дешевый кредит и постепенную передачу государственных земель народу.
8. Законодательную охрану рабочего класса.
9. Свободу ассоциаций для кооперативных и производительных целей.
10. Восьмичасовой рабочий день и ограничение сверхурочной работы.
11. Свободу в борьбе между трудом и капиталом.
12. Участие представителей рабочих в выработке форм государственного страхования рабочих.
13. Установление нормальной заработной платы.

Вот, государь, наши главные нужды, и только когда они будут удовлетворены, Россия может освободиться от поработившего ее зла и процветать. Только тогда рабочие могут сплотиться и защищать свои интересы против постыдной эксплуатации.

Если же ты не отдашь этого повеления, если ты не ответишь на нашу просьбу, тогда мы умрем на этой площади, перед твоим дворцом. Нам больше некуда идти и перед нами только две дороги: одна ведет к свободе и к счастью, другая — в могилу. Укажи, царь, каким путем нам идти, и мы пойдем, хотя бы он привел нас к могиле. Пусть наша жертва спасет измученную Россию.

Мы, не колеблясь, принесем эту добровольную жертву».

Л. Я. Гуревич не пыталась определить место этого документа в общей истории текста петиции, ограничившись замечанием о том, что «он суше, рассудочнее по стилю», чем известные варианты, «и 13 требований, предъявленных в нем царю, даны в обычной нумерации, без привычных Гапону с марта 1904 г. делений под римскими цифрами («Меры против невежества и бесправия народа» и т. д.)».³⁵ Можно лишь предположить, что она видела в нем переходную ступень от резолюции — первого варианта петиции — ко второму ее варианту. Нам представляется, однако, что его место между вторым и третьим вариантами, так как в нем находим по меньшей мере четыре момента, отсутствовавшие во втором варианте и появившиеся в третьем. Прежде всего в первой фразе этого текста, как нами было уже отмечено применительно к третьему варианту, в отличие от второго, речь шла об обращении к царю не только от имени рабочих, но и жителей Петербурга. Затем в нем, как и в третьем варианте, содержатся отсутствовавшие во втором слова — «необходимо народное представительство». Далее в сопоставлении приводятся два отрывка из текста, сохранившегося в бумагах

³⁵ Гуревич Л. Я. Девятое января, с. 84.

Л. Я. Гуревич, и третьего варианта, подобных которым не находим во втором (за исключением выделенных нами первых слов второго отрывка):

Текст, сохранившийся
у Л. Я. Гуревич

Бюрократия привела народ к краю пропасти, к разоренью, к разгрому постыдной войны. Мы не имеем голоса в тяжелых налогах, обременяющих нас. Мы не знаем даже, для кого и зачем вырывают эти деньги у разоренного народа, мы не знаем, как тратятся эти деньги.

Третий вариант
петиции

Весь народ рабочий и крестьяне отданы на произвол чиновничьего правительства, состоящего из казнокрадов и грабителей, совершенно не только не заботящегося об интересах народа, но попирающих эти интересы. Чиновничье правительство довело страну до полного разорения, навлекло на нее позорную войну и все дальше и дальше ведет Россию к гибели. Мы, рабочие и народ, не имеем никакого голоса в расходовании взимаемых с нас огромных поборов. Мы даже не знаем, куда и на что деньги, собираемые с обнищавшего народа, уходят. Народ лишен возможности выражать свои желания, требования, участвовать в установлении налогов и расходовании их. Рабочие лишены возможности организовать в союзы для защиты своих интересов.

Вот, государь, наши главные нужды, и только когда они будут удовлетворены, Россия может освободиться от поработившего ее зла и процветать. Только тогда рабочие могут сплотиться и защищать свои интересы против постыдной эксплуатации.

Вот, государь, наши главные нужды, с которыми мы пришли к тебе. Лишь при удовлетворении их возможно освобождение нашей родины от рабства и нищеты, возможно ее процветание, возможно рабочим организовать для защиты своих интересов от паглой эксплуатации капиталистов и грабящего и душащего народ чиновничьего правительства.

Следует отметить, что определение числа участников шествия в более чем 300 тыс. человек, существовавшее в тексте Гуревич и во втором варианте, заменено в третьем «многими тысячами». Кроме того, в первой фразе этого текста находим слова «идем к тебе, государь», в то время как во втором и третьем вариантах — «пришли к тебе, государь». Этого, однако, с нашей точки зрения, недостаточно, чтобы поместить документ Л. Я. Гуревич между первым и вторым вариантами петиции. Впрочем, строгая последовательность в эволюции текста петиции на этом именно этапе менее вероятна, чем возможность параллельной работы над текстом при участии различных лиц.

Помимо сделанных в печати замечаний, в разбор которых оказались, как видим, вовлеченными весьма существенные обстоя-

тельства, статья А. А. Шилова дает повод и для некоторых других суждений. Так, решая одну из первых задач своего исследования, устанавливая связь между мартовской «программой пяти» и последующими вариантами петиции, он 6 января 1925 г. обратился за помощью к рабочим — деятелям гапоновского общества — А. Е. и В. М. Карелиным, Н. М. Варнашеву, Вл. А. Князеву, А. С. Семенову и Вл. Ант. Андриргу, из которых А. Е. Карелин и Н. М. Варнашев были участниками мартовского собрания 1904 г. На вопрос А. А. Шилова собравшиеся ответили, что предложенные Гапоном на этом собрании параграфы и пункты без изменений вошли во второй вариант петиции. Но вряд ли возможен был иной ответ, и не только потому, что в своих воспоминаниях Карелин в 1922 г., а Варнашев в 1924 г. уже заявили то же самое, но и потому, что существовала прочная традиция в трактовке этого вопроса в мемуарах рабочих-гапоновцев, восходившая к вышедшей в 1907 г. работе профессионального историка В. Святловского.

Излагая историю появления мартовской «программы пяти», И. Павлов, автор едва ли не первых по времени появления мемуаров о гапоновском обществе, прямо сослался на книгу В. Святловского, добавив: «Бывшие сотрудники Гапона утверждают, что петиция совершенно соответствовала этому ее прототипу».³⁶ Святловский, сам близко стоявший к движению петербургских рабочих в 1905 г. и тогда же делавший о нем свои записи,³⁷ утверждал, что на мартовском собрании «пяти самых влиятельных рабочих»³⁸ Гапон прочел те 11 пунктов своей резолюции, которые почти спустя год сыграли такую громадную роль».³⁹ «Нет сомнения, — писал затем Святловский, — что основные черты знаменитой петиции были выработаны Гапоном еще в марте и что они создались под напором ясно видевших дело сознательных рабочих».⁴⁰ Таков был первый, довольно плодотворный приступ к изучению происхождения петиции.

Попытаемся теперь, не ломая шиловской схемы, сделать к ней несколько дополнений. Итак, к концу 1904 г. Гапон располагал лишь мартовской «программой пяти». Между тем, по словам В. Святловского, «в ноябре вопрос о реализации мартовских пунктов выплывает наружу».⁴¹ И хотя мелкобуржуазные интеллигентские деятели С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, В. Я. Богучарский и др., которым эти пункты были тогда предъявлены, сочли их более чем достаточными и ограничились советом принять резолю-

³⁶ Павлов И. Я. Из воспоминаний о «Рабочем союзе» и священнике Гапоне, с. 90.

³⁷ Святловский В. История профессионального движения в России. Л., 1925, с. 3.

³⁸ Варнашев насчитывал пять участников, включая Гапона.

³⁹ Святловский В. Профессиональное движение в России. СПб., 1907, с. 91.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

ции, подобные принимавшимся в то время в ходе пресловутой банкетной кампании, в рабочей среде усиливалась агитация за самостоятельное выступление с радикальными требованиями общеполитического характера.

Большевики направляли «все усилия с самого начала на поддержку и развитие революционных элементов стихии при сдержанном, недоверчивом отношении к темному, зубатовскому тылу этой стихии».⁴² При этом им приходилось не только бороться с влиянием Гапона, который, по словам письма С. И. Гусева В. И. Ленину, не упускал случая, «чтобы так или иначе дискредитировать с. д.», но и преодолевать сопротивление меньшевиков, с готовностью уступавших лидерство любым непролетарским элементам. «С рабочими теперь заигрывают все. Вы не можете себе представить, сколько теперь появилось всяких авантюристов и проходимцев, готовых обещать рабочим все, что угодно», — писал С. И. Гусев В. И. Ленину.⁴³ Перед рабочими выступали представители либеральных кругов, иногда случайные люди, близкие к Гапону. Так, на собраниях 12 и 18 декабря идею уличной демонстрации с предъявлением петиции по образцу земских отставал помощник присяжного поверенного И. М. Финкель. Его роль усиленно подчеркивали в своих показаниях противники политизации движения В. А. Иноземцев и В. А. Янов.⁴⁴

Общеизвестно то сопротивление, которое на собрании «должностных лиц» Общества 27 декабря⁴⁵ оказал Гапон предложению о подаче петиции. Согласившись с ним, он, однако, не изменил своего отношения к «политике». В течение первых чисел января, очевидно вплоть до 5-го, в отделениях Общества действовала уже известная нам его установка — революционных листовок «не читать и жечь, разбрасывателей гнать и никаких политических вопросов не затрагивать».⁴⁶ Данное им 3 января Фуллому обещание отражало, по-видимому, его намерение не допустить политизации

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 263.

⁴³ Письмо С. И. Гусева В. И. Ленину 5 января 1905 г. — В кн.: Начало первой русской революции, с. 9; Бондаревская Т. П. Петербургский комитет РСДРП..., с. 54—60.

⁴⁴ Красная летопись, 1922, № 1, с. 314, 316.

⁴⁵ Дату этого собрания установил Б. А. Романов (К характеристике Гапона. — Красная летопись, 1925, № 2 (13), с. 38—43), исправив В. Невского (Январские дни в Петербурге. — Красная летопись, 1922, № 1, с. 16), считавшего, что оно было 28 декабря. А. А. Шилов (К документальной истории..., с. 24) приписывает решение о подаче петиции экстренному собранию представителей отделов Общества, состоявшемуся в этот день, 27-го, на Васильевском острове. Между тем принявшее это решение собрание «должностных лиц» состоялось на квартире Гапона, скорее всего, до экстренного собрания (Шустер У. А. Петербургские рабочие..., с. 71).

⁴⁶ Невский В. Январские дни..., с. 22. — В соответствии с этим большевики А. Л. Харик, Ю. И. Жилевич и Явич, предложившие 2 января на собрании Нарвского отдела выдвинуть лозунг политической свободы, встретили сопротивление, возглавленное председательствовавшим В. Иноземцевым, который заявил, что надо держаться на чисто экономической почве, избегая политических вопросов (там же, с. 17).

программы, хотя, конечно, мартовские пункты никак нельзя было считать свободными от политики.

Их он собирался провести в качестве резолюции назначенного на 6 января (но затем отложенного на 19 февраля) митинга, в котором предполагалось участие 5—6 тыс. рабочих. Сообщая об этом В. И. Ленину, С. И. Гусев привел мартовские пункты с некоторыми разночтениями по сравнению со вторым вариантом петиции. Пункт первый гласил: «Меры против нищеты [во втором варианте — невежества. — *Р. Г.*] и бесправия русского народа». В нем отсутствовало требование политической амнистии. Свобода печати была разъяснена как «явочный порядок издания, а не концессионный», гарантия законности правления — как «конституционная, с неизменным участием в должном количестве представителей от рабочих и народа, выбранных свободно самими рабочими и народом», а равенство перед законом — как «всесословная земская единица». В пункте втором второй параграф гласил: «Прогрессивный налог на землю, доход и наследство (установления обеспечения критериума для свободы от налога)». К этому пункту С. И. Гусев сделал примечание: «Документ воспроизводится дословно, и за безграмотность, а также за плагиат у с.-р. ответственности на себя не беру». В третьем пункте второй параграф гласил: «Свобода потребительных и профессиональных рабочих союзов (явочный порядок)», свобода борьбы труда с капиталом была разъяснена как свобода стачек, но отсутствовало требование нормальной заработной платы. В постскриптуме к этому письму от 5 января, начинавшемся словами: «События развиваются с страшной быстротой», в частности, указывалось: «На воскресенье Гапон назначил шествие к Зимнему дворцу для подачи петиции с требов[аниями], вполне соответств[ующими] программе-минимум (политич. части)». ⁴⁷ Речь здесь, несомненно, шла о резолюции, написанной в этот день и сейчас же прочитанной Строевым. Этим подтверждается данная Шиловым ее датировка, но ставится под сомнение общепризнанное представление о том, что решение о шествии ко дворцу было принято 6-го. Следует также отметить, что, согласно приведенным В. И. Лениным сведениям корреспондента английской газеты «The Standard», 5 января состоялись три собрания и приняты политические требования. ⁴⁸ Требования эти почти полностью совпадают с заключительными пунктами резолюции.

Составление резолюции, отмена назначенного на 6-е митинга, на котором должна была проводиться мартовская «программа пяти», несомненно, знаменовали собой известное отступление гапоновцев перед лицом нарастающей революционности масс. Возможно, впрочем, что маленьким шагом в этом направлении уже были сделанные в тексте мартовской программы добавления, особенно раскрытие параграфа о гарантии законности правления,

⁴⁷ Письмо С. И. Гусева В. И. Ленину, 5 января 1905 г., с. 8—10,

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 176.

Замена мартовских пунктов резолюцией была не столько заслугой оставшегося неизвестным социал-демократа, сколько результатом всей деятельности петербургских большевиков, стремившихся превратить экономическую стачку путиловцев в общую политическую стачку рабочих города.⁴⁹ Это подтверждается, в частности, сопоставлением резолюции с большевистской листовкой «Ко всем рабочим Путиловского завода», выпущенной в тот же день 5 января, как бы в ответ на обвинения директора завода в том, что организаторы забастовки «преследуют цели политические, весьма далекие от пользы современному положению рабочих». «Мы обратимся ко всем петербургским рабочим, — гласила листовка, — и все вместе будем дружно бороться против наших врагов — капиталистов и правительства. Пора, пора уже сбросить нам с себя непосильный гнет полицейского и чиновничьего произвола! Нам нужна политическая свобода, нам нужна свобода стачек, союзов и собраний, нам необходимы свободные рабочие газеты. Нам необходимо народное самоуправление (демократическая республика)».⁵⁰

Характеризуя разницу между мартовскими пунктами и резолюцией, А. Е. Пресняков отмечал, что в ней «при более полной и четкой формулировке социально-экономического переворота поставлено требование созыва учредительного собрания и передачи власти из рук чиновников в руки представителей народа».⁵¹ Это ясно показывала как бы своей собственной интерпретацией резолюции большевистская листовка, обращенная 6 января к рабочим Шлиссельбургского района, среди которых ознакомление с резолюцией началось накануне. В резолюции после изложения, условно говоря, рабочих требований и перед перечнем требований общеполитических, открывавшимся требованием учредительного собрания, избранного всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, указывалось: «Таковы требования, которые могли бы быть удовлетворены теперь же, при существующем капиталистическом производстве. Но для этого необходимо, чтобы страню правили не чиновники, которые держат руку капиталистов и угнетают рабочий класс, а сам народ». В листовке же после рабочих требований говорилось: «Но, товарищи, чтобы бороться за эти требования, за лучшую долю свою, нам нужно другое правительство, которое служило бы нашим интересам, а не интересам фабрикантов и притеснителей. Мы должны энергично требовать созыва Учредительного собрания из представителей народа на началах всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. Долой самодержавие! Да здравствует республика! Да здравствует социализм!».⁵²

Резолюция не удовлетворяла Гапона не только своей не подходящей для шествия формой, лишенной верноподданнического

⁴⁹ Бондаревская Т. П. Петербургский комитет РСДРП..., с. 152.

⁵⁰ Начало первой русской революции, с. 11.

⁵¹ Пресняков А. Е. 1905 год, с. 20.

⁵² Начало первой русской революции, с. 19.

обращения к царю, но и потому, что, несмотря на недостаточную последовательность, тем не менее, по оценке А. Е. Преснякова, «своей определенно-революционной постановкой она срывала весь его замысел».⁵³ И Гапон приступил к составлению второго варианта петиции с мартовской «программой пяти» в центре ее. Кто же были те друзья Гапона, которые приняли участие в его составлении? Существуют сведения о двух таких лицах противоположного друг другу типа — об инженере Путиловского завода, деятеле эсеровской партии П. М. Рутенберге и литераторе с весьма сомнительной репутацией А. И. Матюшенском. Первый, ставший через год с небольшим организатором убийства Гапона, с начала стачки посещал рабочие собрания, и фраза С. И. Гусева о плагиате у эсеров могла на самом деле относиться к результатам его правки мартовских пунктов. Вторым был одним из тех «авантюристов и проходимцев, готовых обещать рабочим все, что угодно», о которых писал С. И. Гусев. В свое время с «русским Рокамболом», как был назван Матюшенский ввиду его проделок в печати, боролся в Нижнем Новгороде В. Г. Короленко. У Гапона Матюшенский появился в начале января, представив себя в качестве одного из организаторов бакинской стачки, хотя, как давал понять знавший его журналист А. Филиппов, он играл в Баку провокационную роль, проявляя наибольший интерес к деньгам, как собранным стачечниками, так и поступившим в охранку.⁵⁴ Этот-то Матюшенский уже в 1906 г. в русской зарубежной печати приписал себе и мысль о шествии, и составление петиции по предложению Гапона.⁵⁵ А. Филиппов также писал о составлении петиции Матюшенским, о его и Гапона упорном сопротивлении сильнейшему давлению некоторых рабочих в пользу включения политических требований.⁵⁶ Гораздо более правдоподобны, однако, показания В. А. Янова, согласно которым вечером 7-го он видел, как Матюшенский «лишь переделывал петицию в ее начале и конце, придавая этим частям более литературную форму», причем написанные Гапоном требования были в середине ее. Речь шла, по словам Янова, об «окончательной редакции», что подтверждается его сообщением о включении в нее требований об отделении церкви от государства и о прекращении войны по воле народа.⁵⁷

Тем не менее известный политический защитник В. Беренштам, сообщивший в своих воспоминаниях об участии в работе

⁵³ Пресняков А. Е. 1905 год, с. 20.

⁵⁴ Филиппов А. Странички минувшего. I. О Гапоне. СПб., 1913, с. 19.

⁵⁵ См.: Шилов А. А. К документальной истории... с. 29.

⁵⁶ Филиппов А. Странички минувшего, с. 21.

⁵⁷ Красная летопись, 1922, № 1, с. 312, 319. — Янов, не зная Матюшенского, говорил о сотруднике газеты «Наши дни», поместившем в вечернем выпуске «Биржевых ведомостей» статью об интервью с директором Путиловского завода. В «Биржевых ведомостях» сообщение о путиловской забастовке не подписано, но в «Наших днях» (6 января 1905 г., № 18) помещена статья А. Матюшенского «Причина стачки».

над текстом П. М. Рутенберга, также считал, что «основной текст петиции» составлял Матюшенский. Участие Рутенберга Беренштам определял как отделку, редактирование текста.⁵⁸ У нас нет данных, чтобы определить, какой из известных вариантов петиции (или текст, сохранившийся у Л. Я. Гуревич) подвергнулся этой правке.

Независимо от достоверности сведений об участии в работе над текстом тех или иных лиц, нельзя отказать в убедительности мнению А. А. Шилова, который считал второй вариант, составленный «наподобие любого риторического духовного упражнения», «продуктом творчества самого Гапона, привыкшего к подобным выступлениям-проповедям».⁵⁹ С другой стороны, следует принять во внимание сообщение стоявшего в центре событий 9 января А. М. Горького, который писал в этот день Е. П. Пешковой о «программе требований Гапона, составленной под редакцией с[оциал]-д[емократов]». «Требования те же, что и у земцев, но, конечно, более демократические», — добавлял Горький.⁶⁰ Но главное, особенно применительно к третьему, окончательному, варианту петиции, состояло в том, что она явилась «в известной мере документом коллективного творчества».⁶¹ Ее обсуждение на многолюдных рабочих собраниях с внесением дополнений различного характера многократно описано авторами воспоминаний и исследований.

«Чрезвычайно интересное преломление в умах массы или ее малосознательных вождей программы социал-демократов», — так охарактеризовал 8 января содержание петиции В. И. Ленин.⁶² Установление истории ее текста способствует изучению такого «гигантского взрыва классовой борьбы», каким считал В. И. Ленин «Кровавое воскресенье».⁶³

⁵⁸ Беренштам В. 9 января (По воспоминаниям политического защитника). — Суд идет, 1924, № 1, стб. 23—24. — Беренштам был связан с рабочими организациями этого времени и, кроме того, защищал жену П. М. Рутенберга, издательницу социал-демократической литературы О. Н. Хоменко, обвинявшуюся в оскорблении офицеров — участников расстрела 9 января. Причастность Рутенберга к работе над текстом петиции подтвердил на основании семейной традиции его сын Е. П. Рутенберг в беседе с автором настоящей статьи 12 мая 1979 г. Сам Рутенберг сообщал лишь о своем авторстве применительно к прокламациям от имени Гапона, написанным после расстрела рабочих (Рутенберг П. М. Дело Гапона. — Былое, 1917, № 2 (24), с. 13, 15).

⁵⁹ Ш и л о в А. А. К документальной истории... с. 32. — Н. П. Павлов-Сильванский сравнивал петицию 9 января с мирским челобитьем XVII в. Поэтому, считал он, стрельба нанесла смертельный удар по патриархальным воззрениям на самодержавие в народном сознании (Лекция Н. П. Павлова-Сильванского «История и современность». — В кн.: История и историки. 1972. М., 1973, с. 354).

⁶⁰ Горький М. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 28. М., 1954, с. 348—349.

⁶¹ Б о н д а р е в с к а я Т. П. Петербургский комитет РСДРП... с. 59.

⁶² Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 176.

⁶³ Там же, с. 224.

**ОПЫТ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ПЕРВЫХ СОВЕТСКИХ ДЕКРЕТОВ
О ЛИКВИДАЦИИ НЕГРАМОТНОСТИ (1919 г.)**

Декрет Совета Народных Комиссаров о ликвидации безграмотности среди населения РСФСР, принятый 26 декабря 1919 г., занял видное место среди законодательных актов начального этапа культурной революции в СССР. На его общественно-политическое значение неоднократно указывалось в научной, справочной и учебной литературе, хотя текст декрета и обстоятельства, предшествовавшие его составлению, не стали еще предметом специального источниковедческого исследования. Не привлекал внимания и декрет Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов от 24 сентября 1919 г. «О всеобщей обязательной грамотности в Петрограде». Сопоставление же и изучение текстов этих декретов указывают на их несомненную связь. Более того, источниковедческий анализ декрета Петроградского Совета позволяет заключить, что он в определенной степени явился источником для составителей последующего законодательного акта правительства РСФСР о ликвидации неграмотности.

В числе важнейших задач первого периода культурной революции в Советской стране была и необходимость повышения уровня грамотности населения. Решению этой важнейшей социальной и политической проблемы после победы социалистической революции неизбежно должны были предшествовать определенное время и необходимые организационные меры, связанные с формированием пролетарских органов управления народным образованием и культурой. Уже в 1918 г. Народный Комиссариат просвещения выступил с важной инициативой создания единой трудовой школы. Следующим шагом на пути формирования революционного сознания рабочих и крестьян явились поиски Наркомпросом возможностей преодоления массовой неграмотности взрослого населения Советской России. Первые практические действия в этом направлении были предприняты в Петрограде, и не только потому, что город славился своими революционными традициями, а петроградские рабочие являлись передовым отрядом промышленного пролетариата России. Весомым обстоятельством, сказавшимся на действиях Наркомпроса в деле ликвидации неграмотности, было его структурное объединение с Комиссариатом просвещения Северной области в 1918—1919 гг., при котором аппарат двух комиссариатов был единым и размещался в Петрограде.

Первые сведения о намерении Народного Комиссариата просвещения приступить к работе по ликвидации неграмотности взрослого населения Северной области относятся к июню 1919 г., когда в газете «Известия Петроградского Совета» об этом была

опубликована краткая хроникальная заметка без подписи.¹ Причем, судя по тексту газетного сообщения, предполагалось вначале обучить неграмотных в Петрограде, а затем уже в других губернских и уездных городах. Любопытно, что мерам по ликвидации неграмотности среди сельского населения должна была предшествовать организация изб-читален, создававшихся для ознакомления крестьян с постановлениями Советского правительства, для чтения газет и простейших хрестоматий. Таким образом, в Наркомпросе с самого начала рассматривали задачу ликвидации неграмотности не академично, а тесно связывали ее с необходимостью активного воздействия на политическое сознание рабочих и крестьян.

К сожалению, многие архивные документы петроградских учреждений за 1919 г. безвозвратно утрачены, поэтому не представляется возможным выяснить, на какой источник опиралась заметка, опубликованная в «Известиях Петроградского Совета», был ли это официальный документ Наркомпроса, и если да, то кто являлся его автором. Летом же 1919 г. в петроградских газетах публиковались материалы, в которых определенно говорилось о работе Наркомпроса над нормативным актом, относящимся к ликвидации неграмотности. Так, «Красная газета» сообщала о возможной регистрации неграмотных, которую предполагалось проводить как на специально созданных пунктах, так и в государственных учреждениях. В газете высказывалось и важное соображение о том, что обучение неграмотных в Петрограде будет проводиться вечерами, в свободное от работы время.² Газетные сообщения, видимо, лишь отчасти отражали направления разработки соответствующего нормативного документа в Наркомпросе, а затем — в отделе народного образования Петроградского Совета, формирование которого началось примерно летом 1919 г., после перевода Народного Комиссариата просвещения в Москву. Подготовленный проект был рассмотрен на заседании Исполнительного комитета Петроградского Совета 23 сентября 1919 г. После внесенных в ходе обсуждения проекта изменений он был одобрен пленумом Совета 24 сентября 1919 г. под названием декрета Петроградского Совета о всеобщей грамотности в Петрограде. Текст декрета дважды публиковался в городских газетах. 25 сентября 1919 г. он был напечатан в «Петроградской правде» под заглавием «Проект декрета о всеобщей грамотности», рядом с сообщением об утверждении проекта на заседании Петросовета 24 сентября 1919 г. Официально декрет распустили «Известия Петроградского Совета» 1 октября. Тексты газетных публикаций декрета идентичны. Они также совпадают и с машинописным его текстом, выявленным в материалах Исполкома Петроградского Совета, хранящихся в ЦГАОРЛ.³

¹ Известия Петроградского Совета, 1919, 23 июня.

² Красная газета, 1919, 17 августа.

³ ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 3, д. 301, л. 79.

Декрет Петроградского Совета о всеобщей грамотности в Петрограде:

«Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов по докладу отдела народного образования постановляет:

1. Не более, чем в полугодичный срок, считая с 15 октября 1919 г., все жители Петрограда от 17 до 50 лет, не умеющие читать или писать, обязаны обучиться грамоте в государственных школах, как существующих, так специально для неграмотного населения учреждаемых по плану отдела внешкольного образования.

Примечание. Действие п. 1 распространяется на красноармейцев и на моряков, причем соответственная работа в воинских частях производится при ближайшем участии культурно-просветительного отдела военкома и политотдела флота.

2. Неграмотные привлекаются в школы в порядке определенной последовательности, начиная с более молодых возрастов и кончая старыми.

3. На срок обязательного обучения грамоте для лиц, не эксплуатирующих чужого труда и занятых в фабрично-заводских, ремесленных, торгово-промышленных предприятиях, государственных и советских учреждениях, равно как и находящихся в услужении у частных лиц, проводится льготное сокращение рабочего дня на два часа с сохранением заработной платы.

4. Часы обязательного обучения трудящихся являются рабочими часами, причем для рабочих и служащих, занятых в фабрично-заводских, ремесленных, торгово-промышленных предприятиях, государственных и советских учреждениях, а также находящихся в услужении у частных лиц, оплата проводится самими учреждениями и работодателями.

5. До открытия широкой сети школ грамоты обязательен предварительный учет всех неграмотных Петрограда. Учет производится не только в особых, временно устанавливаемых для этого пунктах, но и во всех советских учреждениях, совершающих акты гражданского состояния.

6. Взыскания с лиц, уклоняющихся от обучения, производятся в форме перевода тех из них, кто принадлежит к высшей продовольственной категории, в низшую, в форме исключения их из числа членов профессиональных союзов. Взыскания с учреждений и лиц, кои после установленного срока будут пользоваться трудом неграмотных, производится в форме высоких штрафов и наказаний по суду. Все уклоняющиеся от обучения и ненаучившиеся грамоте лишаются работы по истечении полугода.

7. Учащие для школ привлекаются за особое вознаграждение на началах трудовой повинности, причем в первую очередь привлекаются все занимающиеся в Петрограде и ближайших районах педагогическим трудом, обучающиеся в высших педагогических учебных заведениях, учащиеся в прочих высших учебных заведениях и иные категории грамотного населения по указанию местного внешкольного отдела.

8. Для размещения школ грамоты беспрепятственно используются все школьные здания, библиотеки, читальни, клубы, большие и населенные дома и все подходящие помещения на фабриках и заводах Петрограда.

9. Порядок производства учета неграмотных, привлечение к указанному учету советских учреждений и домкомбедов, комплектование школ грамоты, установление учебного плана со включением в него политической грамоты и определение продолжительности курса этих школ предусматриваются особой инструкцией внешкольного отдела, имеющей общеобязательное значение.

Настоящее постановление в течение двухнедельного срока подлежит оглашению на общих собраниях рабочих во всех фабрично-заводских предприятиях, на собраниях жильцов, созываемых домкомбедами, в театрах, кинематографах, клубах, перед началом зрелищ, представлений, лекций и т. п.

С момента опубликования сего работа по осуществлению всеобщей обязательной грамотности среди петроградского населения ведется под общим руководством Центрального Городского отдела по внешкольному образованию при помощи его районных подразделов».

Сопоставление текста приведенного выше декрета с его проектом, выявленным в ЦГАОРЛ, а также анализ обсуждения проекта на заседании Исполкома Петроградского Совета 23 сентября 1919 г. позволяют определить характер вносившихся в текст декрета изменений и дополнений, а также установить автора проекта.

Стенографический отчет заседания Исполкома Петросовета 23 сентября 1919 г. сохранился в виде двух вариантов машинописного текста без подписи и рукописной правки.⁴ Причем один вариант более полон, он содержит сведения, отсутствующие в другом. Проект декрета о всеобщей грамотности в Петрограде в материалах о заседании Исполкома 23 сентября не значится. Но среди различных документов Исполкома, хранящихся в ЦГАОРЛ, есть машинописный текст, озаглавленный «Декрет о введении всеобщей обязательной грамотности в Петрограде».⁵ На первой его странице, справа вверху, карандашом проставлена дата — 20 IX 19. Сопоставление текста обнаруженного документа с текстом декрета Петроградского Совета о всеобщей грамотности, а также обращение к стенографическому отчету о заседании Исполкома 23 сентября 1919 г. позволяют заключить, что обнаруженный документ и является проектом декрета о всеобщей грамотности в Петрограде.

Обсуждение проекта на заседании Исполнительного комитета Петросовета проводилось отдельно по каждому из пунктов. Первые два не встретили возражений. Третий, в котором говорилось

⁴ Там же, д. 50, 51.

⁵ Там же, д. 301, л. 68.

о том, что для неграмотных в период обучения «проводится льготное сокращение рабочего дня на два часа», вызвал оживленную дискуссию. Заведующий отделом труда Петроградского Совета Н. И. Иванов предложил проводить обучение неграмотных после работы и не в счет рабочих часов; сокращение продолжительности рабочего дня, по его мнению, отразилось бы на ритмичности производства, могло вызвать нарушения дисциплины. «Некоторые будут уходить, — говорил Н. И. Иванов, — а учиться не будут, проверить же трудно».⁶ Эту точку зрения отчасти поддержал член Исполкома С. С. Зорин, утверждавший, что сокращать рабочее время нужно только семейным рабочим и служащим.⁷ Однако большинство присутствовавших на заседании Исполкома и принявших участие в прениях одобрили п. 3 проекта без изменений. Мнение большинства по рассматриваемому вопросу наиболее аргументированно выразила С. Н. Равич, отметившая, что если декрет содержит положение о наказании за уклонение от обучения, то в нем должна быть предусмотрена и возможность учиться без ущерба для трудящихся.⁸ З. И. Лилина предложила также внести в п. 3 проекта поправку, устанавливающую начало обучения грамоте не после окончания рабочего дня, а до его начала — с 8 час. утра. Поправка эта, однако, не была принята, хотя Исполком и постановил учесть ее при составлении специальной инструкции о порядке обучения неграмотных.⁹

Изменения в проект декрета стали вноситься начиная с его четвертого пункта:

Проект:

«4. Часы обязательного обучения трудящихся являются рабочими часами, причем для рабочих и служащих, занятых в фабрично-заводских, торгово-промышленных предприятиях, государственных и советских учреждениях, а также находящихся в услужении у частных лиц, оплата проводится самими учреждениями и работодателями. Для всех остальных трудящихся возмещение идет за счет специального фонда отдела просвещения, в размере, установленном по согласованию с отделом труда».¹⁰

Декрет:

«4. Часы обязательного обучения трудящихся являются рабочими часами, причем для рабочих и служащих, занятых в фабрично-заводских, ремесленных, торгово-промышленных предприятиях, государственных и советских учреждениях, а также находящихся в услужении у частных лиц, оплата проводится самими учреждениями и работодателями».¹¹

Внесенная в п. 4 проекта поправка, выразившаяся в сокращении текста, имела весьма существенное значение. Упомянувшееся в проекте определение «остальные трудящиеся» могло от-

⁶ Там же, д. 51, л. 37.

⁷ Там же, д. 50, л. 45.

⁸ Там же, л. 41.

⁹ Там же, л. 43.

¹⁰ Там же, д. 301, л. 68.

¹¹ Там же, л. 79.

носиться прежде всего к тем домашним хозяйкам, которые, согласно Конституции РСФСР, выступали как субъекты права и приравнивались к лицам, занятым производительным трудом и могли избирать и быть избранными в Советы. Понятно поэтому стремление авторов проекта предусмотреть возможность оплаты времени, потраченного домохозяйками на учебу, не из семейного бюджета, а за счет государства. Мотивы, по которым эта часть проекта не попала в декрет, не вполне ясны, так как сведения об обсуждении п. 4 проекта в стенограмме заседания Исполкома отсутствуют. Можно только предположить, что поправка была внесена ввиду затруднительности полного и достоверного определения того, труд какой же категории домохозяек следует считать общественно-полезным, так как Конституция РСФСР не содержала прямых указаний на сей счет. В ст. 65 (из которой, очевидно, и исходили авторы проекта) лишь говорилось о том, что активное и пассивное избирательное право распространяется на всех «добывающих средства к жизни производительным и общественно-полезным трудом, а также занятых в домашнем хозяйстве, обеспечивающих для первых возможность производительного труда».¹²

Наиболее значительные изменения в ходе обсуждения проекта были внесены в 6-й пункт, текст которого оказался переделанным как композиционно, так и по существу.

Проект:

«6. Уклонившиеся от учета и от обучения подлежат взысканию по всей строгости закона».¹³

Декрет:

«6. Взыскание с лиц, уклоняющихся от обучения, производится в форме перевода тех из них, кто принадлежит к высшей продовольственной категории, в низшую, в форме исключения их из числа членов профессиональных союзов. Взыскания с учреждений и лиц, кои после установленного срока будут пользоваться трудом неграмотных, производится в форме высоких штрафов и наказаний по суду. Все уклоняющиеся от обучения и ненаучившиеся грамоте лишаются работы по истечении полугода».¹⁴

Из обсуждения п. 6 проекта можно установить весьма важное обстоятельство: перед внесением на заседание Исполкома проект рассматривался Президиумом Петросовета, который предложил зафиксировать в декрете положение, согласно которому домовые комитеты бедноты не могли бы прописывать в Петрограде неграмотных¹⁵ (замечания Президиума относительно остальных пунктов проекта декрета не сохранились). Указанное пожелание Президиума по существу лишало неграмотных, оставшихся полноправными гражданами РСФСР, совершать акты

¹² Декреты Советской власти, т. 2. 17 марта—19 июля 1918 г. М., 1959, с. 561.

¹³ ЦГАОРЛ, ф. 1000, од. 3, д. 301, л. 68.

¹⁴ Там же, л. 79.

¹⁵ Там же, д. 50, л. 45.

гражданского состояния, что вело к нарушению Конституции РСФСР. На это обстоятельство указали членам Исполкома С. Н. Равич и М. Каплун. Говорилось также, что, поскольку декрет о ликвидации неграмотности распространяется только на Петроград, реализация предложения Президиума не позволит пополнить в полной мере численность петроградских рабочих за счет приезжих из других областей, так как неграмотных из их числа нельзя будет прописать в Петрограде.¹⁶

Вместе с тем многие из выступивших на заседании Исполкома Петросовета 23 сентября 1919 г. предлагали ужесточить меры наказания по отношению к лицам, уклоняющимся от обучения грамоте. Так, С. С. Зорин поддержал мнение Президиума относительно того, что неграмотные должны увольняться с работы спустя год после опубликования декрета. Высказывалось также пожелание о привлечении лиц, нарушающих декрет о ликвидации неграмотности, к принудительным работам с понижением заработной платы и переводом в низшую продовольственную категорию.¹⁷ Совсем иной, упрощенный подход к проблеме контроля за соблюдением декрета о ликвидации неграмотности предложила З. И. Лилина: по ее мнению, достаточно было выдавать лицам, посещающим курсы обучения грамоте, дополнительный хлебный паек, и вопрос с уклонениями от обучения оказался бы решенным.¹⁸

Таким образом, при обсуждении п. 6 проекта декрета о всеобщей грамотности на Исполкоме Петроградского Совета высказывались различные, часто не совпадавшие мнения относительно привлечения к ответственности лиц, нарушающих декрет. Причем работники правоохранительных органов, если судить по тексту стенограммы заседания Исполкома, предлагали по существу сохранить редакцию и содержание п. 6 проекта без изменений, в том числе и без учета пожеланий Президиума Петроградского Совета. Очевидно, это было вызвано тем, что формулировка проекта позволяла, не связывая Совет конкретным решением, отыскать такие юридические нормы, которые бы согласовывались со сложившейся к тому времени практикой рассмотрения гражданских дел в соответствии с Конституцией РСФСР, при неукоснительном соблюдении конституционных прав трудящихся. Вненесенные же в проект поправки по 6-му пункту отчасти не соответствовали компетенции Петроградского Совета как местного органа государственной власти. Конечно, Совет, установивший в июле 1918 г. классовый паек, мог по своему усмотрению относить жителей Петрограда к той или иной продовольственной категории. Однако положения декрета об исключении уклоняющихся от обучения грамоте из числа членов профессиональных

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, д. 51, л. 42.

¹⁸ Там же.

союзов и увольнении их с работы безусловно превышали права Петроградского Совета, являлись определенным искажением общероссийского трудового законодательства и отчасти ущемляли правомочность трудящихся. Подобные меры могли вытекать только из общероссийского декрета, подписанного Советом Народных Комиссаров РСФСР и Всероссийским Советом профессиональных союзов.

Следует также учитывать, что определенное превышение компетенции Петросовета в редакции п. 6 проекта декрета о всеобщей грамотности в Петрограде имело и объективные причины, коренящиеся в несовершенстве общероссийских норм права, особенностях государственного строительства в годы гражданской войны, что являлось неизбежным следствием начального этапа становления Советского государства и права.

В результате обсуждения проекта о всеобщей грамотности на заседании Исполнительного комитета Петроградского Совета поправки как по существу, так и редакционного характера были внесены только в 4-й и 6-й пункты. Поправки эти в значительной степени повлияли на содержание декрета как правового документа.

Авторство проекта декрета о всеобщей грамотности в Петрограде может быть установлено только косвенным путем, так как выявленный машинописный текст проекта не подписан. Известно, что проект составлялся во внешкольном подотделе Отдела народного образования Петросовета. Вполне вероятно, что автором его была заведующая подотделом Л. Р. Менжинская. В пользу этого говорят следующие предположения. Именно Л. Р. Менжинская выступала с проектом декрета на заседании Петроградского Совета, причем из ее доклада следует, что проект готовился по инициативе и при прямом участии внешкольного подотдела. Далее, к проекту декрета о всеобщей грамотности, обсуждавшемуся на заседании Исполкома 23 сентября, был приложен проект резолюции Исполкома по итогам обсуждения проекта. Логично предположить, что проект декрета и текст резолюции принадлежат перу одного и того же автора. 4 октября 1919 г. Л. Р. Менжинская выступила с докладом о ликвидации неграмотности на собрании коммунистов 2-го городского района; она же предложила и резолюцию, которая была принята на собрании. Текст этой резолюции совпадает с текстом резолюции Исполкома Петросовета по итогам обсуждения проекта о ликвидации неграмотности.

Резолюция Исполкома:

«Проклятое наследие прошлого — темнота народных масс тяготеет над Петербургом и всей страной. Этим пользуются наши враги, на этом

Резолюция, принятая на собрании коммунистов 2-го городского района:

«Темнота народных масс тяготеет над Петроградом и страной. Этим пользуются наши враги. На этом играет контрреволюция. Этому дол-

играет контрреволюция. В этом наша слабость и этому должен быть положен конец. Петроград первым должен скорее выдернуть тяжелое наследие прошлого и рассеять тьму, застилающую сознание неграмотных граждан».¹⁹

жен быть положен конец. Петроград первым должен рассеять тьму, застилающую сознание неграмотных граждан. Всем вменяется партийная обязанность содействовать тому, чтобы к 1-му мая в Красном Петрограде не осталось ни одного неграмотного».²⁰

Очевидно, что автор резолюции, одобренной на собрании коммунистов 2-го городского района, был знаком с содержанием резолюции Исполкома Петроградского Совета. Однако резолюция Исполкома не только не публиковалась, но с нею не были ознакомлены и участники обсуждения проекта декрета на заседании Исполкома 23 сентября, на котором Л. Р. Менжинская не присутствовала. Следовательно, обе приведенные выше резолюции скорее всего составлялись одним автором — Л. Р. Менжинской. Таким образом, предположение о ее непосредственном участии в составлении текста проекта декрета о всеобщей грамотности в Петрограде можно считать обоснованным с большой долей вероятности.

Сообщения об обсуждении на заседании Исполкома Петросовета проекта о всеобщей грамотности были опубликованы на следующий день после заседания Исполкома 24 сентября; они, разумеется, не могли повлиять на утверждение проекта в Петроградском Совете, которое состоялось в тот же день. Но эти сообщения нуждаются в известном источниковедческом исследовании, так как не во всем соответствуют стенографической записи заседания Исполкома 23 сентября. Так, например, публикация в «Петроградской правде» озаглавлена как сообщение о совместном заседании Исполкома Петросовета и Петроградского комитета РКП(б), которое якобы состоялось 23 сентября и обсудило проект декрета о всеобщей грамотности. Между тем из стенограммы заседания Исполкома следует, что совместного заседания Исполкома и ПК 23 сентября не было. Следовательно, в сообщении «Петроградской правды» вкралась, видимо, ошибка, вызванная, возможно, тем, что на заседание Исполкома были приглашены представители ПК, к тому же многие члены Исполкома входили в состав городского партийного комитета большевиков. В «Петроградской правде» указывалось также, что, согласно проекту, рассмотренному на заседании Исполкома и ПК, предусматривался курс обучения грамоте, который должен был состоять из 54 час.: 32 часа на грамоту, 8 — на счет, 14 — на обучение политграмоте. Однако подобные положения не содержались в проекте декрета, о них лишь говорил во вступитель-

¹⁹ Там же, д. 301, л. 52.

²⁰ Красная газета, 1919, 5 октября.

ном слове перед обсуждением проекта З. Гринберг (см. стенограмму заседания Исполкома).²¹

Некоторые неточности содержались и в публикации о заседании Исполкома Петросовета 23 сентября, помещенной в «Красной газете». Так, в ней говорилось, что прозвучавшее на заседании предложение о выдаче дополнительного хлебного пайка лицам, посещающим школы грамоты, якобы передано на рассмотрение городского комиссариата продовольствия. Между тем, как это следует из стенограммы заседания Исполкома, никакого решения по существу подобного предложения, выдвинутого З. И. Лилиной, не принималось.²²

Таким образом, вероятно предположить, что источником газетных сообщений о заседании Исполкома Петроградского Совета 23 сентября не мог быть стенографический отчет о заседании, скорее всего они были составлены со слов или записей лиц, присутствовавших при обсуждении проекта декрета о всеобщей грамотности или принимавших в нем непосредственное участие.

Одна из трудноразрешимых проблем, возникающих при исследовании декрета о всеобщей грамотности, а также его проекта, состоит в определении источника этих документов. Бесспорно, что авторы декрета исходили прежде всего из программных положений большевистской партии по вопросу о значении политического, революционного сознания трудящихся, высокий уровень которого был невозможен без повышения грамотности населения. Несомненно влияние на авторов декрета и многочисленных трудов В. И. Ленина периода 1918—1919 гг., нацеливавших рабочих на решение задач мирного социалистического строительства. Вместе с тем одной из особенностей истории создания декрета о всеобщей грамотности в Петрограде являлось его принятие Петроградским Советом без широкого предварительного обсуждения в печати, на собраниях рабочих и служащих. Выяснить поэтому первоначальные взгляды авторов декрета на проблему ликвидации неграмотности, проследить последующую эволюцию этих взглядов по существу не представляется возможным.

Наряду с подготовкой декрета о всеобщей грамотности распорядительные органы Петроградского Совета много сделали для немедленного проведения его в жизнь. Уже 26 сентября 1919 г. в «Красной газете» была опубликована статья А. Болотина с разъяснением п. 9 декрета в той его части, в которой шла речь об обязанности отдела народного образования установить программу обучения и определить порядок комплектования школ грамоты. В статье сообщалось, что неграмотных предполагается распределить по четырем возрастным группам: от 7 до 25 лет, от 26 до 35, от 36 до 45, свыше 45 лет. 1-я группа должна была

²¹ ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 3, д. 50, л. 39.

²² Там же, д. 51, л. 42.

завершить обучение к 1 декабря 1919 г., 2-я — к февралю 1920 г., 3-я — к 15 марта 1920 г., 4-я — к 1 мая 1920 г.

Был определен и порядок регистрации преподавателей, которые, согласно декрету, подлежали привлечению в школы грамотности на началах трудовой повинности. В развитие п. 7 декрета внешкольный подотдел городского отдела народного образования установил, что регистрация распространялась на преподавателей единой трудовой школы, преподавателей родного языка и математики в школах 2-й ступени, студентов высших педагогических учебных заведений начиная со второго курса.²³

Работа по проведению в жизнь декрета о всеобщей грамотности была прервана наступлением белогвардейцев на Петроград и возобновилась только в декабре 1919 г. К этому времени изменились структура и руководство отдела народного образования. Контроль за исполнением декрета был возложен на комиссию по всеобщей грамотности при городском отделе народного образования. На основании пунктов 5 и 9 декрета комиссия в виде общенормативного акта издала постановление о проведении в Петрограде 26, 27 и 29 декабря переписи неграмотных. Во исполнение декрета были организованы (не ранее 29 декабря 1919 г.) краткосрочные курсы для подготовки преподавателей школ грамоты. Однако уже 30 декабря 1919 г. с распубликованием декрета Совета Народных Комиссаров о ликвидации безграмотности среди населения РСФСР декрет Петроградского Совета от 24 сентября 1919 г. утратил юридическую силу.

Как уже отмечалось, источником для декрета СНК РСФСР в определенной степени послужил петроградский опыт работы по ликвидации неграмотности в сентябре—октябре 1919 г. Наблюдаются текстуальные, а также композиционные совпадения некоторых пунктов декретов СНК РСФСР и декрета Петроградского Совета.

Декрет СНК о ликвидации безграмотности среди населения РСФСР (26 декабря 1919 г.):

«1) Все население Республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязано обучиться грамоте на родном или русском языке по желанию. Обучение это ведется в государственных школах, как существующих, так и в учреждаемых для неграмотного населения по планам Народного Комиссариата просвещения.

Декрет Петроградского Совета о всеобщей грамотности в Петрограде (24 сентября 1919 г.):

«1. Не более чем в полугодичный срок, считая с 15 октября 1919 г., все жители Петрограда от 17 до 50 лет, не умеющие читать или писать, обязаны обучиться грамоте в государственных школах, как существующих, так и специально для неграмотного населения учреждаемых по плану местного отдела внешкольного образования.

²³ Известия Петроградского Совета, 1919, 6 октября.

Примечание. Действие этого пункта распространяется на красноармейцев, причем соответственная работа в военных частях производится при ближайшем участии политотделов Красной Армии и флота».²⁴

Примечание. Действие п. 1 распространяется на красноармейцев и моряков, причем соответственная работа в воинских частях производится при ближайшем участии культурно-просветительного отдела военкома и политотдела флота».²⁵

Как видим, при совпадении основного содержания п. 1 двух декретов по существу наблюдаются редакционные расхождения, вызванные различным характером указанных документов. Первое, главное отличие декрета СНК РСФСР от декрета Петроградского Совета, зафиксированное уже в п. 1 декрета СНК, состоит в том, что общероссийский акт предусматривал ликвидацию неграмотности не только среди взрослых, но и среди детей, а следовательно, был шире, глубже по своей социальной направленности.

При некоторых редакционных изменениях в декрете СНК далее были использованы следующие положения из декрета Петроградского Совета: о привлечении преподавателей школ грамоты на началах трудовой повинности, о сокращении обучающимся грамоте рабочего дня на два часа с сохранением заработной платы,²⁶ об ответственности перед законом лиц, нарушающих порядок, установленный декретом.

В то же время декрет СНК содержал и ряд положений, отсутствовавших в декрете Петроградского Совета: о привлечении к работе по ликвидации неграмотности общественных и политических организаций, о преимущественном праве на снабжение учреждений, созданных с целью ликвидации неграмотности.

Особо следует указать, что декрет СНК не устанавливал сроков его исполнения, предоставив решение этого вопроса губернским и городским Советам. Более обоснованно и юридически точно была решена в декрете СНК и проблема уголовной ответственности, возникавшая за нарушение положений, зафиксированных в декрете. В п. 8 говорилось: «Уклоняющиеся от установленных настоящим декретом повинностей и препятствующие неграмотным посещать школы привлекаются к уголовной ответственности».²⁷ Таким образом, в соответствии со сложившейся практикой и конституционными нормами привлечение к ответственности за нарушение декрета и определение меры наказания должны были составлять компетенцию правоохранительных органов.

²⁴ Декреты Советской власти, т. 7. 10 декабря 1919 г.—31 марта 1920 г. М., 1974, с. 50.

²⁵ ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 3, д. 301, л. 79.

²⁶ Декрет СНК не предусматривал сокращения продолжительности рабочего дня для лиц, занятых на оборонных предприятиях.

²⁷ Декреты Советской власти, т. 7, с. 51.

Различия в содержании и композиции декретов Петроградского Совета и Совета Народных Комиссаров РСФСР были неизбежными, так как эти акты отличались объектом применения, широтой и глубиной поставленных в них проблем. Декрет СНК о ликвидации безграмотности в большей степени выступал как документ яркой политической направленности, текст его был лишен излишних технических подробностей. По существу декрет СНК провозглашал только общие положения политики рабоче-крестьянского государства в деле ликвидации неграмотности, разработка же практических мероприятий в этой области, если судить по тексту декрета, относилась к компетенции местных органов государственной власти и управления.

Декрет Петроградского Совета о всеобщей грамотности в Петрограде имел юридическую силу не многим более трех месяцев (сентябрь—декабрь 1919 г.), однако его историческое значение велико. Он стал первым в истории пролетарского государства актом, направленным на ликвидацию массовой неграмотности трудящихся двухмиллионного города. По характеру затронутых в декрете Петросовета общеполитических проблем он в определенной степени выходит из пределов акта только местного значения. Декрет указал возможные направления решения такой важной социальной и политической задачи, как повышение уровня грамотности трудящихся после победы социалистической революции. Несомненно, что положения декрета Петроградского Совета, а также первые шаги в их практической реализации были учтены при составлении Декрета Совета Народных Комиссаров о ликвидации безграмотности, а также ряда последующих общенормативных актов начального периода культурной революции в СССР.

Е. Б. НОВИКОВ

О РЕКОНСТРУКЦИИ АНТИЧНЫХ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

(формуляр ольвийских почетных публикаций
V—первой половины IV в. до н. э.)

Известные нам почетные публикации Ольвии V—первой половины IV в. до н. э. немногочисленны и, к сожалению, фрагментарны. Несмотря на это представляется возможным уже сейчас выделить некоторые особенности в формуляре этих документов, которые могли бы служить подспорьем при реконструкции и датировке новых находок. Автор настоящей статьи полностью присоединяется к мнению Ю. Г. Виноградова, что «сейчас уже нельзя ограничиваться определениями вроде: „сокращенная, развернутая формула“ — каждый тип должен быть подробно охарактеризован, причем должно быть строго определено его место в эволюционном ряду».¹

Единственным способом составить более или менее полное представление о форме ранних ольвийских декретов является попытка реконструкции известных надписей, ибо ни одна из них не сохранилась целиком. По палеографии и языковым особенностям к V в. относятся два декрета (НО № 1 и 2: первая половина и конец века соответственно), формуляр которых не находит себе полных параллелей ни в самой ольвийской эпиграфической традиции, ни в декретах других областей греческого мира. В сборнике НО они определяются как «проксенические» (с. 6 и 14), хотя ни один из них не содержит прямых указаний на то, что в тексте шла речь о предоставлении чествуемому лицу статуса проксена.

Наиболее полно сохранилась надпись НО № 2, исполненная в манере силлабического стойхедона. Два ее фрагмента представляют собой две строки на боковой стороне плиты (фр. А)

¹ Виноградов Ю. Г. О методике обработки греческих эпиграфических памятников (по ольвийским материалам). — В кн.: Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978, с. 60.

и пять заключительных строк декрета на лицевой стороне (фр. Б), т. е. сохранилась только нижняя часть плиты, немного сужающейся книзу. И. Б. Брашинский, впервые опубликовавший этот декрет, справедливо полагает, что фрагменты А и Б содержат текст одного и того же документа.² Об этом свидетельствуют и палеография, и, как увидим дальше, содержание надписи.

Фр. А сохранил в 1-й строке часть отчества и этника чествуемого лица, в строке 2 упоминается «имущество»:

Δ Ω Ρ Ο Η Ρ Α
Α Ι Χ Ρ Η Μ

Чтение Брашинского: [τῶι δεῖνι...] δῶρο Ἰρα[χλεώτῃ αὐτῶι κ]αὶ χρῆ-
μ[ασι], т. е. «сыну ...дора из Гераклеи самому и имуществу».

Если рассматривать оба фрагмента как части единой надписи, то фр. А должен выполнять функцию заголовка.³ Заголовки обыкновенно вырезались более крупными буквами (что и наблюдается во фр. А) и могли служить различным целям: посвящение, датировка, суммарное содержание постановления или просто имя чествуемого лица в дательном или родительном (в проксенических декретах) падеже. Последние две функции наиболее подходят к рассматриваемому фрагменту.

Упоминание во фр. А имени чествуемого лица в связи со словом χρῆματα — «имущество» наводит на мысль, что в основном тексте декрета речь идет прежде всего об имущественной привилегии, тем более что фр. Б также содержит это слово. Такой привилегией в Ольвии была ателия — право беспошлинного ввоза и вывоза товаров. О ее существовании в первой половине V в. свидетельствует НО № 1, от которой сохранился, по-видимому, также только один заголовок: Ἰητροκλεῖ τῶι Ἐκαταῖο Σικωπῆι ἀτελέη κα[ὶ] ἐγγόν[οις ...].

Таким образом, для реконструкции фр. А НО № 2 есть две возможности: либо следует восстанавливать по аналогии с НО № 1, либо предполагать только имя чествуемого лица в дательном падеже. Все зависит от объема текста на лицевой стороне плиты, который и определит длину фр. Б, и позволит выбрать наиболее оптимальный вариант. Фр. Б содержит только 5 заключительных строк декрета:

ἐσπλεῖγ
καὶ ἐκπλ[εῖγ]
καὶ αὐτὸς
καὶ χρῆμα-
τα vac.

т. е. «вплывать и выплывать и самим и имуществу».⁴

² СА, 1963, № 3, с. 191.

³ Выбор несколько необычного места для заголовка легче всего объяснить тем, что он был вырезан после того, как была исполнена надпись на лицевой стороне, и места для него уже не оставалось.

⁴ А. И. Доватур (рец. на НО — ВДИ, 1969, № 2) справедливо отмечает, что местоимение αὐτός надо понимать здесь как асс. pl., так как написание

Реконструкция декрета возможна на следующих основаниях: 1) право вливаться в гавань и выплывать из нее всегда связано в ольвийских декретах с ателией на ввозимые и вывозимые товары (*χρήματα*), которая следует в списке почестей после проксения и политики; 2) содержание фр. А не позволяет предполагать в тексте декрета таких привилегий, как проксения и гражданство, ибо они не согласуются со словом *χρήματα*, таким образом, в тексте постановления речь шла только об ателии; 3) постановление грамматически представляет собой асс. *сип. inf.* (*αὐτός — ἐσπλείγ*), следовательно, предполагает зависимость от глагола, который в аналогичных по грамматической конструкции декретах употребляется в формуле санкции типа *οἱ δεῖνες ἔδωκαν*. В начале IV в. в Ольвии уже встречается такая санкция: *᾽Ολβιοπολίται ἔδωκαν* (НО № 3).⁵ В этой надписи (о ней подробнее далее) от глагола формулы санкции зависят в тексте постановления инфинитивы [*εἰσπλ*]εῖγ κα[ι] ἐκπλείν] вместо употребительных впоследствии асс. существительных *εἰσπλους καὶ ἐκπλους*. Кроме того, НО № 3, как и НО № 2, содержит в языке ионизмы ([*προ*]ξενίηγ и ассимиляция *ν* в *γ* перед гортанным). Таким образом, декрет № 3 является хорошей параллелью, на которую можно опереться при восстановлении текста НО № 2, в частности формулы предоставления ателии, реконструируемой в НО № 3 несомненно: *καὶ ἀτελείην πά|ντων [χρημάτων]*. 4) Наконец, множественное число *αὐτός* указывает на то, что в НО № 2 упоминались, как и в НО № 1, потомки чествуемого лица.

Таким образом, грамматическая конструкция декрета ясна; не оставляет сомнений и содержание постановления, следовавшего после преамбулы: в него входило лишь предоставление некоему сыну . . . дора из Гераклеи и его потомкам ателии и права вливаться и выплывать им самим и имуществу. Ничего большего, учитывая имеющиеся у нас параллели, в содержании декрета предположить невозможно. Ранние ольвийские декреты НО № 3 и 4 дают основание реконструировать преамбулу по формуле *᾽Ολβιοπολίται τῷ δεῖνι ἔδωκαν* вместо обычной в IV в. *᾽Ολβιοπολίται ἔδωκαν τῷ δεῖνι*.

Упоминание о наследственности прав, предоставляемых декретом, следовало в ольвийском формуляре первой половины IV в. до н. э. после перечисления основных привилегий, а не сразу после имени чествуемого лица, как во второй половине IV в. (см. об этом далее).

При восстановлении текста необходимо учитывать обязательное в ольвийской эпиграфической традиции деление слова по слогам при переносе, которое неукоснительно соблюдалось даже

дифтонга *ου* через *ο* — обычный графический прием в надписях на ионийском диалекте.

⁵ Мы не учитываем здесь опубликованный Ю. Г. Виноградовым (ВДИ, 1981, № 2) декрет об ателии и политике братьям-синопейцам V в., где исследователь реконструирует формулу санкции [*δόγμ*]α [*᾽Ολβιο*]πολιτέων].

в декретах римского времени. (Единственное исключение из правил НО № 1, но этот декрет датируется первой половиной V в. до н. э.). О таком делении в НО № 2 свидетельствует вторая строка сохранившейся части фр. Б, где слово ἐκπλε[ιγ] едва умещается в строке.

Приводимая далее реконструкция содержит 16 строк, что при расстоянии между строками 1.7 см дает длину текста на лицевой стороне плиты приблизительно 27 см. Это позволяет поместить на боковой стороне, где расстояние между буквами стойхедона 1.9 см, вдоль самого текста фр. Б 14 букв. Ρ 1-й строки и Μ 2-й строки фр. А находятся на уровне последней строки фр. Б; за Μ во 2-й строке должны следовать по крайней мере еще три буквы (скорее четыре, учитывая ν — prostheticum): [ΑΣΙ(N)]. Сверху плиты обычно делалось отступление в 1—1.2 строки (ср. НО № 3), т. е. возможно добавить еще две буквы во фр. А. Число букв на боковой стороне плиты могло достигать до 20 в одной строке, не более.

Кроме того, учитывая стойхедон и длину 2-й строки фр. А, в 1-й строке после первых двух слогов этника сына ... дора необходимо добавить еще один слог, перенесенный издателями во 2-ю строку без видимых причин.

Число букв в строке фр. Б могло быть от 7 до 10.

На основании всего сказанного возможна следующая реконструкция НО № 2:

Фр. А

Фр. Б

(силлабический
стойхедон 7—10 букв)

[Ϝ .	[[Ο Λ Β Ι Ο Π Ο]-
Τ .		[Λ Ι Τ Α Ι...]-
Η .		[.....]
Ι .		[Δ Ω Ρ Ο Η Ρ Α]-
Α .	5	[Κ Λ Ε Ω Τ Η Ι]
Ι .		[Ε Δ Ω Κ Α Ν Α Τ Ε]-
Τ .		[Λ Ε Ι Η Ν Π Α Ν]-
Ϝ .		[Τ Ω Ν Χ Ρ Η Μ Α]-
Ι .		[Τ Ω Ν Α Υ Τ Ω Ι]
[Κ]]	10	[Κ Α Ι Ε Γ Γ Ο]-
Α Δ		[Ν Ο Ι Σ Κ Α Ι]
Ι Ϝ		Ε Σ Π Λ Ε Ι Γ
Χ Ρ		Κ Α Ι Ε Κ Π Λ Ε [Ι Γ]
Ρ Ο		Κ Α Ι Α Υ Τ Ο Σ
Η Η		Κ Α Ι Χ Ρ Η Μ Α-
Μ Ρ		Τ Α vac.
Α		

Обратимся теперь к упомянутому декрету НО № 3, который неоднократно привлекал внимание исследователей.⁶ Он состоит из трех фрагментов, два из которых (А—Б) соединяются по излому, а третий (В) идентифицируется с первыми двумя по манере исполнения. Трудности в восстановлении текста вызваны тем, что, с одной стороны, грамматическая структура текста представляет собой, как и в НО № 2, инфинитивную конструкцию; с другой стороны, само постановление содержит формулировку, обычную для ольвийских проксений второй половины IV—III в., где инфинитивы *εἰσπλεῖν καὶ ἐκπλεῖν* заменяются существительными. Таким образом, НО № 3 интересен тем, что представляет, по-видимому, образец переходного этапа от декретов об ателии V—начала IV в. (НО, № 1 и 2) к проксеническим декретам IV—III вв. Уже отмечалось, что в языке декрета наблюдаются черты ионийского диалекта.

В 4-й строке декрета (фр. А—Б) после слова [*προ*] *ξενίη* единственно возможное чтение *καὶ ἀτελείην πάντων [χρημάτων]*. Дальнейшая лакуна трудновосполнима. Попытка П. О. Карышковского присоединить к этой надписи еще и фрагмент НО № 12 неудачна. После 5-й строки он читает: [*ὦν ἂν αὐτός καὶ ἐγγ[όνοι καὶ εἰσαγ[ωγήν [καὶ ἐξαγωγήν π]άν[τη]*]. Такая реконструкция неприемлема, во-первых, грамматически (отсутствие сказуемого к *αὐτός καὶ ἐγγονοί*), во-вторых, по формуле, не находящей никаких аналогий: в обычном формуляре Ольвии всегда читаем *ὦν ἂν αὐτός εἰσάγη ἢ ἐξάγη* и т. д. *Ἐγγονοί* в формулу никогда не включаются. Восстановление наречия *πάντη* по аналогии с боспорскими декретами (*ἐν παντί* *Βασπόρωι*) по меньшей мере нелогично, так как Боспор являлся царством, занимавшим обширную территорию, а Ольвия представляла собой сравнительно небольшой полис.

Единственно возможное восстановление прескрипта НО № 3 демонстрирует формулу *Ὀλβιοπολίται τῶι δεῖνι ἔδωκαν* с последующим перечислением прав и привилегий в постановлении. Та же формула в НО № 4. Формулировка прескрипта декретов № 3, 4 и 14 не включает упоминания потомков проксена, что побудило некоторых исследователей сомневаться в наследственной передаче прав в ранних ольвийских почетных публикациях. П. О. Карышковский в своем сообщении о НО № 14 пишет: «После имени, отчества и этника иноземца отсутствует указание о том,

⁶ Левин Е. И. 1) КСИА, 1967, в. 109, с. 31; 2) СА, 1958, XXVIII, с. 234; Карышковский П. О. 1) Рец. на НО.—ВДИ, 1969, № 2, с. 111; 2) Древнейшая ольвийская проксения херсонесца (НО, 3÷12).—В кн.: Одесский археологический музей. Тез. докл. Киев, 1975, с. 126.

что все права и привилегии предоставлены как лично проксену, так и его потомкам, αὐτῶι καὶ ἐκγόνοις, эти слова отсутствуют и в одной из ранее известных проксений (имеется в виду НО № 4. — Е. Н.)». ⁷ Того же мнения придерживается И. П. Никитина, утверждая (со ссылкой на НО № 3, 4 и 14), что в V и первой половине IV в. проксения в Ольвии предоставлялась только одному лицу. ⁸

На эти утверждения можно возразить следующим образом: во-первых, в нашем распоряжении нет ни одной целиком дошедшей ольвийской проксении, где бы не упоминалось о передаче прав по наследству; во-вторых, самый ранний ольвийский декрет (первая половина V в.!) свидетельствует о противоположном — ателия предоставляется Иетроклу и потомкам; в-третьих, имеется фрагмент декрета (НО № 12), относящийся к первой половине IV в., где указание на наследственность прав следовало после их перечисления (как и в НО № 1). Отсюда можно сделать заключение, что права чествуемых лиц передавались в Ольвии по наследству с самых ранних времен (таким образом, Ольвия не представляет собой исключения среди других государств греческого мира) и что указание на наследственность в раннем ольвийском формуляре следовало в тексте самого постановления после перечисления основных прав. Последнее находит самые многочисленные параллели в греческой эпиграфической традиции: (ΙΡΕ, I², 340 — Херсонес, IV в.) [δόμεν Τιμαγόραι Ν]ικαγόρα Ῥοδίωι προξενίαν καὶ πολίτειαν αὐτῶι καὶ γένει καὶ εἰσπλοῦν καὶ ἔκπλ[οῦν αὐτοῖς καὶ χράμ]ασι τοῖς [α]ῦτ[ῶν] κτλ; ср. также SEG XVI, 373; КБН, 3, 4. Примеры можно умножить.

П. О. Карышковский прав, когда предлагает читать во 2-й строке декрета не имя Пирралий, как предлагают издатели НО, а отчество — сын Пирралиона. ⁹ В постановлении декрета упоминались только проксения и ателия, о чем свидетельствует несомненно восстанавливаемый союз καὶ в 4-й строке: в Ольвии при перечислении прав обыкновенно только асиндетон. Дополнять формулировку ателии дальше 5-й строки рискованно, так как можно опираться только на более поздние параллели. Скорее всего она ограничивалась только словами ἀτελείην πάντων χρημάτων. Приведу возможное восстановление текста декрета:

Ῥολβιοπολ[ίται τῶι δεῖνι]
 Πυρραλιῶ[νος Χερσο]-
 νησίτηι ἔ[δωκαν προ]-
 ξενίην καὶ ἀτελείην]
⁵ [πά]ντων [χρημάτων]
 [καὶ αὐτῶι καὶ τοῖς]

⁷ Карышковский П. О. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды. — ВДИ, 1966, № 2, с. 157.

⁸ Никитина И. П. Эволюция института проксении в Ольвии. — Научн. труды Свердловск. юридического ин-та, 1976, в. 44, с. 136.

⁹ Карышковский П. О. Рец. на НО, с. 114.

[ἐγγόνοις καὶ εἰσπλεῖγ]
 [καὶ ἐκπλεῖγ κα[ὶ ἐν]
 [πολέμωι καὶ ἐν εἰ[ρήνηι]
¹⁰ [ἀσυλεῖ καὶ ἀσπο[νδεῖ].

Завершая обзор ранних ольвийских почетных публикаций, хочу остановиться на упомянутом фрагменте декрета первой половины IV в. НО № 12 и рассмотреть его в сравнении с небольшим фрагментом, относящимся по характеру шрифта к тому же времени НО № 108, от реконструкции которого издатели НО отказались. Вот что сохранилось от обеих надписей:

НО № 12	НО № 108
Α	Ω Γ Η Σ
Ι Ε Κ Γ	Ν
Ω Γ Η Ν	Α Ι
Α Ν	Α Ι
Ι	

Оба фрагмента объединяет одно слово, которое восстанавливается с полной достоверностью: это либо εἰσαγωγή, либо ἐξαγωγή, т. е. в обоих декретах речь шла о ввозе и вывозе товаров, что в ольвийском формуляре IV в. всегда связано с правом ателии. Ателия в списке ольвийских почестей занимает всегда третье место после проксении и гражданства¹⁰ и дается «на все товары, какие бы он (т. е. чествуемое лицо) ни ввез и ни вывез» (εἰσάγηι ἢ ἐξάγηι). Эта формула сопровождается гарантией аслии и права убежища в мирное и военное время. Однако в ольвийских проксениях второй половины IV в. мы не встречаем самих существительных εἰσαγωγή и ἐξαγωγή, которые заменены глаголами определительного придаточного предложения, завершающего формулу предоставления ателии. Существительные эти зафиксированы только один раз в «декрете о деньгах» (ΙΡΕ, I², № 24), который датируется также первой половиной IV в. Очевидно, эти существительные могут служить в формуляре декрета признаком более раннего времени — до сложения окончательной стандартной формулировки ателии с глагольной конструкцией. Итак, НО № 12 можно с большой долей вероятности реконструировать следующим образом:

[Ὀλβιοπολίται ἔδωκαν]
 [τῶι δεῖνι -----]
 [-----]
 [----- ἀτέλει]α[ν]
⁵ [καὶ αὐτῶι κα]ι ἐκγ[ό]-
 [νοισ καὶ εἰσαγ]ωγήν

¹⁰ Или второе, если «гражданство» отсутствует (как в НО № 3). Но никогда не может быть обратного порядка — чтобы проксения следовала, например, на втором или третьем месте. Таким образом, предложение издателей НО видеть в 4-й строке [προξενί]α[ν] неприемлемо.

[καὶ ἐξαγωγὴν π]άν-
[των χρημάτων κ]αὶ
[πολέμου καὶ εἰρήνης κτλ.]

В НО № 108 опорной точкой для реконструкции может служить родительный падеж — ΩΓΗΣ, который указывает на формулу, встречающуюся, например, в проксеническом декрете из Эрифр начала IV в. (Dittenberger. Syll.³, 126): αὐτῶν εἶναι ἐν Ἐρυ-
[θρῆ]σιν καὶ ἀτέλειαν [π]άντων χρημάτων καὶ [ἐσ]αγωγῆς καὶ ἐξαγωγῆς [κ]αὶ πολέμο καὶ εἰρήνης.

Тогда, несмотря даже на такую фрагментарность, возможно дополнить фрагмент НО № 108 приблизительно так:

[καὶ ἀτέλειαν εἰσαγ]ωγῆς
[καὶ ἐξαγωγῆς π]άν-
[των χρημάτων κ]αὶ
[ἐν πολέμοι κ]αὶ
[ἐν εἰρήνῃ κτλ].

Итак, рассмотренные в настоящей статье надписи позволяют хотя бы в общих чертах проследить развитие формуляра ольвийских почетных публикаций в первой половине IV в., которое приводит к выработке стиля и формуляра ольвийских проксений, продержавшегося около столетия.

Ольвийским проксеническим декретам, по-видимому, предшествовали декреты об ателии, как НО № 1 и 2. Пока я могу привести только один пример подобного декрета, который Диттенбергер датирует VI в. до н. э. — это надпись из Кизика (Dittenberger. Syll.³, 464): Πόλις Μηδίκεω κ(α)ὶ τοῖσιν Αἰσήπου παισὶν κ(α)ὶ τοῖσιν ἐχγόνοισιν ἀτε(λ)εῖην καὶ πρυτανεῖον δέδοται, πάρεξ ναύ[σ]ου καὶ τοῦ τάλαντου καὶ ἱππονίης καὶ τῆς τετάρτης καὶ ἀνδραποδωνίης· τῶν δὲ ἄλλων πάντων ἀτελεῖς . . .

В этом декрете слово ἀτέλεια впервые засвидетельствовано в греческой эпиграфике.¹¹ Возникновение проксении как официального института, очевидно, берет начало с предоставления иностранцу торгово-экономических привилегий. К середине VI в. следует отнести цитируемый Геродотом (I, 54) дельфийский декрет в честь Креза и лидийцев, где также упомянута ателия без проксении. Поэтому ольвийские декреты об ателии НО № 1 и 2 являются уникальными и ценными памятниками при рассмотрении вопросов, связанных с развитием института проксении в Греции на раннем этапе.

Отметим теперь, насколько это возможно при скудости эпиграфического материала V—первой половины IV в. до н. э., черты, присущие в это время ольвийскому формуляру почетных публикаций.

1. Имя, отчество и этникон чествуемого лица писались перед глаголом формулы санкции: Ὀλβιοπολίται τῶι δεῖνι ἔδωκαν (№ 3, 4, 14).

¹¹ Busolt G. Griechische Staatskunde. München, 1963, I, S. 299.

Со второй половины IV в. происходит инверсия: Ὀλβιοπολιται ἔδωκαν τῶι δεῖνι.

2. В тексте постановления употреблялась инфинитивная конструкция с глаголами εἰσπλεῖν, ἐκπλεῖν вместо обычных впоследствии существительных εἰσπλους καὶ ἐκπλους (НО № 2 и 3).

3. Указание на наследственность прав (αὐτῶι καὶ ἐχγόνοις) сохранилось не в преамбуле, а в тексте постановления после перечисления почестей (НО № 12 и надежно реконструируется в № 3, 4, 14).

4. Вместо ателической формулы второй половины IV в. ἀτέλεια, ὧν ἂν αὐτὸς εἰσάγηι ἢ ἐξάγηι κτλ. употреблялись формулы с существительными εἰσαγωγή καὶ ἐξαγωγή, о чем свидетельствуют незначительные фрагменты НО № 12 и 108, об остальном формуляре которых ничего более определенного сказать пока нельзя.

5. В № 1, 3 и 4 отсутствует boni eventus apprecatio, обязательная в проксенических декретах второй половины IV в.

6. Ионизмы в языке надписей исчезают, по-видимому, в первой четверти IV в. В НО № 3 мы их еще наблюдаем, а в близком по времени декрете НО № 4 их уже нет: [προ]ξενίηγ (№ 3), [προ]ξενίαν (№ 4).

С. О. ВЯЛОВА

**ГЛАГОЛИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ И РЕДКИХ КНИГ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
ИМ. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА**

Глаголические памятники, находящиеся в собраниях Отдела рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ОРиРК ГПБ), составляют одну из лучших такого рода коллекций европейских хранилищ. Она не только насчитывает значительное число рукописей; ценность данных материалов также и в их разнообразии. Различны они как по содержанию, так и по типам письма, по графике, хронологическому диапазону, наконец, материалу, на котором написаны. В коллекцию входят материалы актовые (завещания, акт передачи земли в вечно-наследственное владение), юридического характера (семинарский устав) и тексты «традиционного содержания» (богослужебные кодексы и их фрагменты, проповеди, молитвы, духовные стихи и т. п.), написанные как округлой болгарской глаголицей, так и угловатой хорватской, как книжным письмом, так и скорописью, на пергамене и на бумаге. Их хронологические рамки — XI и XVIII вв.

Интерес представляют их различное первоначальное местонахождение и способ приобретения. Одни хранились в монастырских библиотеках и были либо куплены Публичной библиотекой,

либо получены ею в дар, другие — собирались учеными в течение десятилетий с определенными научными целями и в библиотеку попали в виде коллекций.

Рассматривая конкретные материалы, разбиваем их на две основные группы по происхождению и типам письма, а затем уже классифицируем и по другим признакам.

Три рукописи XI в., помимо времени написания, объединяет и то, что это известные старославянские памятники и их характер — богослужебный, и тип письма — округлая болгарская глаголица, материал, на котором написаны, — пергамен, и первоначальное место хранения — монастырские библиотеки. Рукописи эти хорошо известны в научной литературе: «Зографское евангелие» (Глаг. 1, 304 л.), поднесенное в 1860 г. монахами Зографского монастыря русскому царю и в 1861 г. переданное Александром II Публичной библиотеке;¹ отрывок требника — «Синайский требник» (Глаг. 3, 1 л.), хранившийся первоначально в библиотеке Синайского монастыря, Публичной библиотекой был получен в дар от профессора Н. П. Кондакова в 1885 г.;² отрывок служебника (Глаг. 2, 2 л.), который хранился в библиотеке Синайского монастыря и приобретен Публичной библиотекой в 1883 г. в составе коллекции епископа Порфирия (Успенского).³

Вторую группу материалов составляют памятники, значительно отличающиеся от первых трех рукописей. Они написаны хорватской угловатой глаголицей и относятся к более позднему времени.

В литературе обойдены вниманием пергаменные фрагменты богослужебных кодексов XIII—XV вв., хранившиеся с XIX в. в собрании ОЛДП и вместе с этим собранием поступившие в ОРиРК ГПБ в 1932 г. Описаний их в научной литературе обнаружить пока не удалось. В описании собрания ОЛДП, состав-

¹ Рукопись издана: Jagić V. Quattuor Evangelium codex glagoliticus olim Zographiensis nunc Petropolitanus. Berolini, 1879. См. также: Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953, с. 77; Загребин В. М. О происхождении современного оклада Зографского евангелия. — *Palaeobulgarica. Старобългаристика*, II (1978), 1, с. 66—73; описание рукописи для Сводного каталога рукописей XI—XIII вв., хранящихся в СССР, предпринятого Археографической комиссией, подготовлено В. М. Загребиним. (Рукопись).

² Текст требника издан кириллицей: Geitler L. Euchologium. Glagolski spomenik manastira Sinai Brda. U Zagrebu, 1882, s. 18—19; 1 л. издан кириллицей (со снимком) в кн.: Каринский Н. М. Образцы глаголицы. СПб., 1908, с. 3, табл. 7. См. также: Гранстрем Е. Э. Описание..., с. 78; описание рукописи для Сводного каталога рукописей XI—XIII вв. ... подготовлено В. М. Загребиним. (Рукопись).

³ Текст издан в кн.: Срезневский И. И. Древние глаголические памятники. СПб., 1886, с. 248—255; Каринский Н. М. Образцы глаголицы, с. 3, табл. 8 (1 л. кириллицей со снимком). Описание см.: Гранстрем Е. Э. Описание..., с. 78—79; описание рукописи для Сводного каталога рукописей XI—XIII вв. ... подготовлено В. М. Загребиним. (Рукопись).

ленном Х. М. Лопаревым, под № 166 (2000) значатся «отрывки из хорватской глаголической рукописи, XII—XIII века (5 л.)». Фактически здесь четыре фрагмента. Три из них определены как «1) Псалом 67, стих 6 и след.; 2) Послание апостола Павла к Римлянам II ст[их] 13 и след. и 3) чтение из часослова».⁴ Четвертый фрагмент, из-за незначительной величины сохранивший лишь части слов, весьма сложен для определения и не учтен Лопаревым. После ознакомления с текстами можно повторить, что они относятся к XIII в. (мало вероятно, что к XII в.).

Далее под № 168 (2003) значится «Отрывок из Часослова глаголического письма XV в. 1 л.».⁵ Этот отрывок также написан хорватской угловатой глаголицей, письмо сжатое, плотное, очень строгое, в отличие от письма указанного фрагмента с Псалмом 67-м, написанным размашисто и содержащим те признаки, по которым В. Ягич предлагал отличать письмо более древнее от письма XIV—XV вв.

Основную долю хранящихся в ОРиРК ГПБ глаголических рукописей составляют глаголические материалы собрания известного далматинского ученого Ивана Берчича (1824—1870), купленные Публичной библиотекой в 1874 г. в Задаре после его смерти. Все эти материалы также написаны хорватской угловатой глаголицей. Они интересны тем, что попали в руки ученого в результате его целенаправленных поисков. Стремясь воскресить глаголицу и отстоять право служить славянскую литургию, что было одним из путей сохранения национального самосознания населения Далмации, перманентно находившейся под иноземным игмом, И. Берчич надеялся восстановить полный древний глаголический текст Священного писания. С другой стороны, исследуя язык и письменность своего народа, он собирал материалы для пособия по изучению глаголицы (и одновременно босанчицы⁶), а также и для словаря старославянского языка. В связи с этим И. Берчич и предпринимал с 1848 и до конца 1860-х гг. свои «археологические» поездки в районы Хорватского Приморья и на многие далматинские острова (Крк, Углян, Дуги Оток, Пашман и др.), в результате чего и составила его уникальная коллекция.

На основе собранных материалов, а также исследований глаголических рукописей других коллекций И. Берчич написал ряд интересных работ, в том числе глаголические учебники для семинаристов и священников, где впервые были даны образцы угловатой хорватской глаголицы, опубликованы глаголические тексты хорватского происхождения. Особенно важным было издание Бук-

⁴ Лопарев Х. М. Описание рукописей имп. Общества любителей древней письменности, ч. 1. СПб., 1892, с. 318.

⁵ Там же.

⁶ Материалы собрания И. Берчича (ф. 67) и его работы говорят о большом внимании ученого и к босанчице.

варя старославянского языка.⁷ Это не обычный учебник, а научное исследование, содержащее важное приложение, где даны сокращения и глаголические лигатуры, встречающиеся в Миссале 1741 г. и Часослове 1791 г., глаголическая курсивная азбука, числовые значения буквенных знаков и ряд образцов глаголического курсивного письма разных типов; кроме того, приведена азбука босанская (книжного и курсивного письма), сокращения и лигатуры этого письма, числовое значение букв и образцы рукописей, написанных босанчицей. Этими примерами в ряде случаев служили рукописи его собственной коллекции.⁸

При описании этой покупки (собрания Берчича) А. Ф. Бычков, хранитель Отдела рукописей и старопечатных книг Публичной библиотеки, писал: «Эта коллекция рукописей хорватского глаголического письма, единственная в России, представляет весьма важные материалы как для изучения текста Св. писания, так и для истории славянского языка и движения славянской письменности из Болгарии».⁹

Коллекция И. Берчича до настоящего времени была известна как собрание глаголических пергаменных рукописей и старопечатных книг. В описаниях рукописной части собрания значится пять глаголических кодексов (сохранившихся неполностью). Рукописи эти уже описаны И. Мильчетичем и О. И. Трофимкиной, поэтому будут просто перечислены.¹⁰ Это прежде всего часть обрядника (*obrednik*), написанного Шимуном Климантовичем¹¹ на о. Крк в 1514 г. (Берч. 1, 72 л., пергамен).¹² Обрядником, написанным тем же Ш. Климантовичем в 1509 г., является и вторая рукопись (Берч. 2, 33 л., пергамен).¹³ Третья включает проповедь «О почитании святого воскресения», переписанную монахом Петром Милутиничем в 1556 г.; последние ее листы представляют собой проповедь о жизни Иисуса, написанные поздним

⁷ Berčić I. Bukvar staroslovenskoga jezika glagolskimi pismeni za čitanje crkvenih knjig. U zlatom Pragu, 1862.

⁸ Подробнее см.: Milčetić I. Berčićeva zbirka glagolskih rukopisa i štampanih knjiga u Lenjingradu. — Radovi Staroslovenskog Instituta, knj. 2. Zagreb, 1955, s. 93—128; Трофимкина О. И. Иван Берчич и его собрание глаголических рукописей и старопечатных книг, хранящихся в ГПБ. — В кн.: Книги. Архивы. Автографы. М., 1973, с. 130—135.

⁹ Отчет ПБ за 1874 г. СПб., 1875, с. 71.

¹⁰ Milčetić I. Berčićeva..., s. 100—108; Трофимкина О. И. Иван Берчич..., с. 133—134.

¹¹ Klimantović (Klemenović) Šimun — (третья четверть XV в.—после 1540 г.) — францисканский монах, известный «глаголяпский писец». Сохранилось всего три написанных им обрядника: два хранятся в ОРПРК ГПБ в собр. Берчича (ф. 67), один — 1501—1512 гг. — находится в Задаре во францисканском монастыре св. Ксаверия.

¹² См.: Berčić I. Njekoliko staroslovenskih i hrvatskih knjiga, što pisanih, što tiskanih glagolicom kojim se u skorašnje doba u trag ušlo. — Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti, knj. 2. Zagreb, 1867. См. также: Milčetić I. Berčićeva..., s. 100—102; Трофимкина О. И. Иван Берчич..., с. 133.

¹³ Berčić I. Njekoliko..., s. 164; Milčetić I. Berčićeva..., s. 102—103; Трофимкина О. И. Иван Берчич..., с. 134.

курсивом (Берч. 3, 34 л., бумага).¹⁴ Четвертая рукопись, написанная в 1529 г. монахом Андреем Чучковичем,¹⁵ является частью обрядника ордена францисканцев (Берч. 4, 6 л., пергамен).¹⁶ Сборник различных текстов «традиционного содержания» XV в. представляет собой пятая рукопись (Берч. 5, 7 л., пергамен).¹⁷

Кроме того, в кратком описании собрания И. Берчича в Отчете ПБ сказано и о пергаменных глаголических фрагментах¹⁸ — их около 180 (около 280 листов). Познакомившись с данными материалами в 1911 г. в Петербурге, хорватский ученый И. Мильчетич писал о них как о «вообще наибольшей коллекции хорватских глаголических фрагментов». ¹⁹ Это тексты «традиционного содержания»: главным образом отрывки из Священного писания, служебников, часословов и т. п. Фрагменты объединены в два тома (Берч. т. 1 и Берч. т. 2). Все они имеют пометы «М» и «В», обозначающие тип памятника (соответственно — *missale* и *breuiarium*), определенный в каждом случае самим И. Берчичем.²⁰ Кроме того, на них есть пометы, где и когда получен тот или иной материал.

И. Берчич, превосходный знаток рукописей, в ряде случаев дал и датировку текста. Единичные фрагменты изданы. Так, например, два фрагмента XIII в. (Берч. т. 1, л. 20—20 об. и 21—21 об.) опубликованы И. Берчичем в Хрестоматии²¹ и два других отрывка XIII в. (Берч. т. 1, л. 5 об. и 97 (часть текста)) —

¹⁴ Berčić I. Njekoliko..., s. 165; снимок листа данной рукописи см. в кн.: Каринский Н. М. Образцы глаголицы, табл. 19; Milčetić I. Berčićeva..., s. 103—104; Трофимкина О. И. Иван Берчич..., с. 134. — О. И. Трофимкиной и И. Мильчетичем рукопись ошибочно описана как пергаменная. В действительности текст написан на бумаге XVI в., имеющей водяной знак «Кардинальская шляпа» (см. л. 12 и 27 рукописи).

¹⁵ Milutinić Petar и Sučković Andrija — монахи-францисканцы (XV в.), последователи Ш. Климантовича в деле переписки глаголических рукописей.

¹⁶ Berčić I. Njekoliko..., s. 165; Milčetić I. Berčićeva..., s. 104—105; Трофимкина О. И. Иван Берчич..., с. 134.

¹⁷ Milčetić I. Berčićeva..., s. 105—108; Трофимкина О. И. Иван Берчич..., с. 134.

¹⁸ См.: Отчет ПБ за 1874, с. 70—71. — Краткое описание фрагментов, но с приведением всех помет на них, помещено в кн.: Milčetić I. Berčićeva..., s. 108—124; о них упоминает и О. И. Трофимкина (Иван Берчич..., с. 134—135), однако она, считая каждый лист за отдельный фрагмент, указывает общее число фрагментов ошибочно как 280. Хотя исследователи упоминают об этих отрывках как целиком о пергаменном материале, но три фрагмента из первого тома написаны на бумаге.

¹⁹ Milčetić I. Berčićeva glagolska zbirka u Petrogradu. — In: Ljetopis Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti za god 1911, sv. 26. U Zagrebu, 1912, s. 269.

²⁰ Можно сказать, что почти все «бревиарии» объединены в первом томе, а во втором сосредоточены «миссалы». Во втором томе встречается несколько единиц, помеченных литерой R, что соответствует понятию Različitoga sadržaja. В начале первого тома помещен фотопортрет И. Берчича.

²¹ Berčić I. Chrestomathia linguae veteroslovenicae caractere glagolico e codicibus codicum fragmentis et libris impressis. Pragae, 1859, f. 81 u. 82.

в альбоме Н. М. Каринского,²² эти фрагменты приведены Берчи-чем и в его Книге для чтения.²³ Фрагмент XIII в., который Бер-чич считал возможным отнести к XII в. (Берч. т. 2, 68), опубли-кован также в Книге для чтения.²⁴ Н. К. Грунский, рассматри-вая лингвистические особенности текста данного фрагмента, по-местил в своей работе и его кириллическую транскрипцию.²⁵ Вся эта часть собрания Берчича в том или ином виде вошла в его пя-тикнижье.²⁶

В неразобранных материалах ОРиРК ГПБ недавно был обна-ружен комплекс глаголических и кириллических рукописных ма-териалов XV—XIX вв. В результате их изучения автору данной статьи удалось установить, что они являются составной частью собрания И. Берчича, хотя и не включены ни в одно его описа-ние. Судя по всему, материалы эти до настоящего времени не были известны ученым-славистам.²⁷

Как оказалось, 51 (из 79 выявленных) написанная и обнару-женная на территории Далмации рукопись представляет собой превосходные образцы хорватского (угловатого) глаголического курсива. Все материалы написаны на сербохорватском языке, но, в отличие от известной ранее части собрания, на бумаге.

Немаловажно отметить, что все перечисленные ранее глаголи-ческие памятники привлекали внимание ученых главным обра-зом с точки зрения лингвистики. Рассматриваемые же материалы представляют интерес не только для лингвистов, но и для палео-графов, историков и этнографов. Среди них особое место зани-мают два подлинных датированных акта XV в. Эти документы имеют тем большее значение, что написанного глаголицей акто-вого материала сохранилось от средневековья чрезвычайно мало. Оба документа представляют собой завещания. Одно составлено от имени дом Петра сына Микулы Кршавича из селения Стипани Луки на Велом отоке (= Дуги оток) 12 января 1460 г. Оно сви-детельствует о том, что дом Петар, назначая своими душеприказ-чиками трех названных лиц, завещает им распоряжаться своим имуществом и передать определенные указанные суммы ближай-шим его родственникам, а также другим специально оговоренным в документе людям. Кроме того, им надлежит передать в два мо-настыря (на о. Углян и о. Пашман) деньги, вино и муку, чтобы монахи поминали его в течение 30 дней, а его Псалтирь следо-ванную надлежит передать дьякону Ивану.

²² Каринский Н. М. Образцы глаголицы, с. 7, а также табл. 15 и 16.

²³ Berčić I. Citanka staroslovenskoga jezika. U zlatom Pragu. 1864, s. 45—46 и 40—41.

²⁴ Ibid., s. 33—34.

²⁵ Грунский Н. К. Пражские глаголические отрывки и из истории хорватской глаголицы. Юрьев, 1904, с. 39—40.

²⁶ Berčić I. Ulomci svetoga pisma obojega uvjeta staroslovenskim jezikom. Dio 1—5. Praha, 1864—1871.

²⁷ Подробнее см.: Вялова С. О. Неизвестные глаголические и кирил-лические материалы ОРиРК ГПБ. — Сов. славяноведение, 1980, № 2, с. 63—74.

Как свидетельствуют последние строки завещания, оно скреплено печатью задарского викария дом Микулы Бенедиковича. Печать под бумагой сохранилась. Написано завещание на сербохорватском языке глаголическим курсивом на бумаге с водяным знаком «Наковальня».²⁸

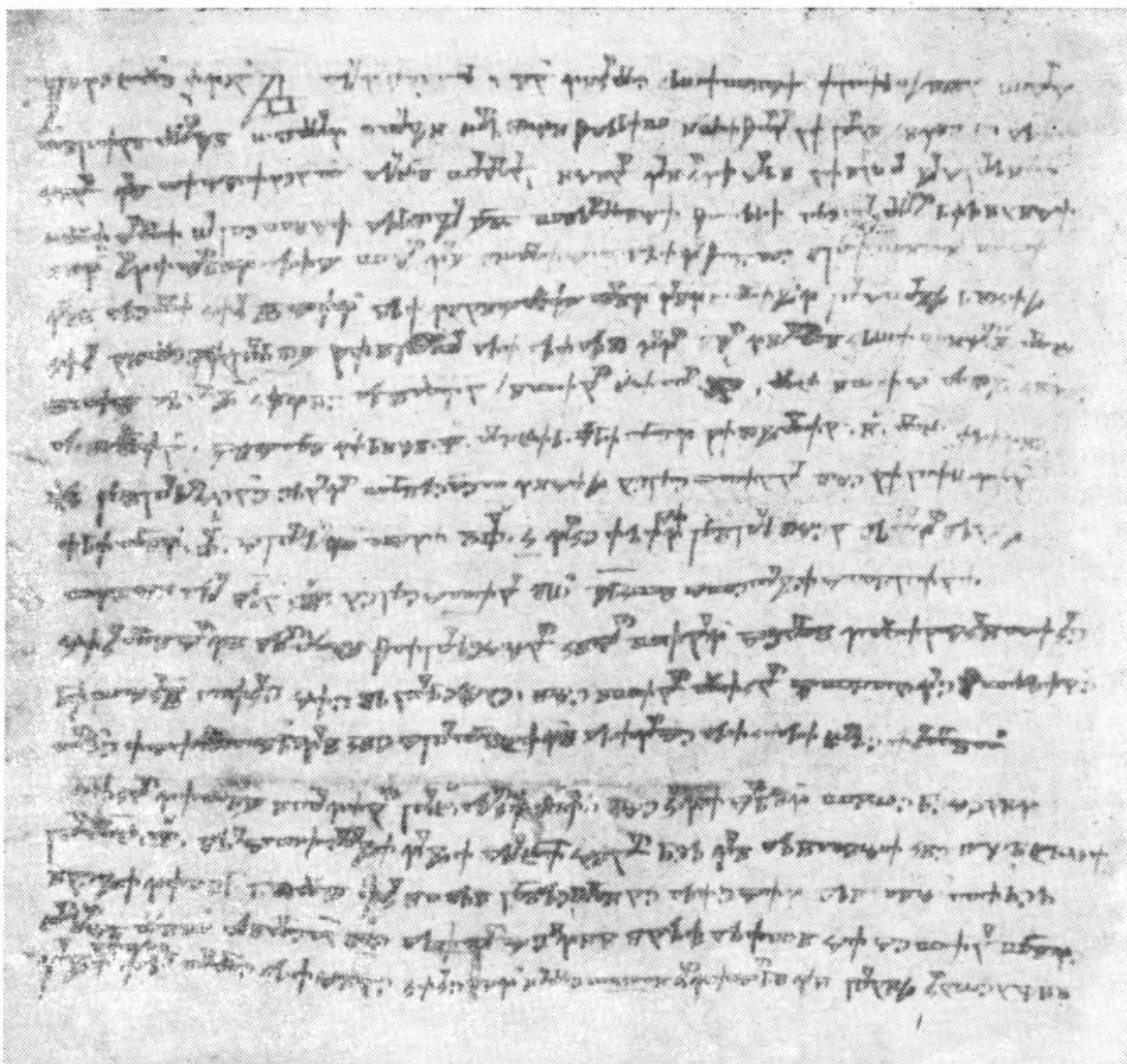

Рис. 1. Завещание Петра Кршавича. 12 января 1460 г. Стипани Луки, л. 1 (Берч. 6).

Второе завещание от 12 мая 1472 г. некоего Брайко, которым он прежде всего оставляет перечисленное имущество («шляпу черную суконную», «плащ синий» и еще один плащ) указанным

²⁸ Глаголический текст опубликован Кукулевичем: *Monumenta historica slavorum meridionalium*. — *Acta croatica*. — *Izdaje Ivan Kukuljević Sakcinski*. (Povjestni spomenici južnih slavenah, kn. I. Listine Hrvatske). Zagreb, 1863, S. 87—88, № LXVI. Отмечено, что оригинал находится у И. Берчица в Задаре. Кириллицей текст издан в кн.: *Monumenta historico-juridica slavorum meridionalium*, vol. 6. — *Acta croatica*. (Hrvatski spomenici, sv. I (od g. 1100—1499)). Zbirku I. Kukuljevića i R. Lopašića popunio i za tisak priredio dr. D. Šurmin). Zagreb, 1898, S. 221—222, № 131.

12. 100000

Handwritten text in an old Cyrillic script, likely a testament or legal document. The text is written in a cursive style and covers most of the page.

Рис. 2. Завещание Брайко. 12 мая 1472 г. (Берч. 7).

в документе монахам-францисканцам, а также распределяет и остальную собственность. Завещание написано на сербохорватском языке глаголическим курсивом на бумаге с водяным знаком «Кардинальская шляпа». Сохранились следы сургучной печати²⁹ (рис. 1—2).

Язык этих двух документов XV в. настолько интересен, что ряд слов попал в Словарь хорватского языка Будмани³⁰ (со ссылкой на названные документы). Термин же *kršćerša*, употребленный в завещании Брайко, помещен в словарь с аннотацией, из которой следует, что он известен лишь по этому глаголическому памятнику XV в.³¹

Помимо безусловного палеографического значения в качестве памятников глаголического курсивного письма XV в. и лингвистического — с точки зрения истории языка, эти документы представляют интерес и с позиций исторических, а также могут послужить и для этнографических наблюдений, поскольку содержат названия предметов, одежды, метрические термины и т. п.

Интересно обратить внимание на то, что в издании Шупука, содержащем наибольшее число завещаний, написанных глаголицей, нет ни одного, относящегося к XV в. (218 приведенных здесь завещаний относятся к XVII и XVIII вв.).³²

Третий подлинный датированный акт несколько более позднего времени — XVII в. — относится к типу глаголических документов, дошедших до нас в крайне незначительном числе. Это запись о передаче в вечнонаследственное владение участка земли «за церковью» монахами монастыря св. Екатерины Матии Вуконичу при условии ежегодной выплаты одной шестой части «всего» (при этом учитывается, что они с сыном раскорчевали данный участок). Документ составлен попом Черничем в день св. Екатерины (25 ноября) 1635 г. и имеет собственный знак этого писца, в который вписан ряд литер, в том числе и его монограмма (рис. 3). Написан документ на сербохорватском языке глаголическим курсивом на бумаге с водяным знаком «Три горы с птицей в круге».³³

²⁹ Глаголический текст опубликован Кукулевичем: *Monumenta historica slavorum meridionalium*, s. 110, № XCII. Отмечено, что оригинал находится у И. Берчича в Задаре. Кириллицей текст издан: *Monumenta historico-juridica slavorum meridionalium*, vol. 6, s. 268—269, № 169.

³⁰ *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika na svijet izdaje Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti*. Zagreb, D., 1—23, 1880—1976.

³¹ В аннотации приведена и фраза из этого документа: «Ja, domin Brajko ... pušćam Perući mojej kršćerši s materju ne vsega moga mala i velika polovicu». — *Ibid.*, D. V, 1898—1903, s. 651.

³² Šupuk A. *Šibenski glagoljski spomenici*. Zagreb, 1957.

³³ У Штефанича под № 210 описана «Postila Jurja Črnića», относящаяся, как и рассматриваемое завещание, к XVII в. (б. г.). Можно предположить, что оба документа вышли из одних рук (как и ряд других материалов, упоминаемых Штефаничем в этом описании). См.: *Stefanić Vj. Glagoljski rukopisi Jugoslavenske Akademije*, D. I. Zagreb, 1969, s. 238—241, № 210.

Обращаясь опять к изданию Шупука, где опубликовано 240 глаголических документов, хранящихся в Городском музее г. Шибеника (судя по изданным к настоящему времени описаниям, это самая крупная коллекция глаголических памятников), нема-

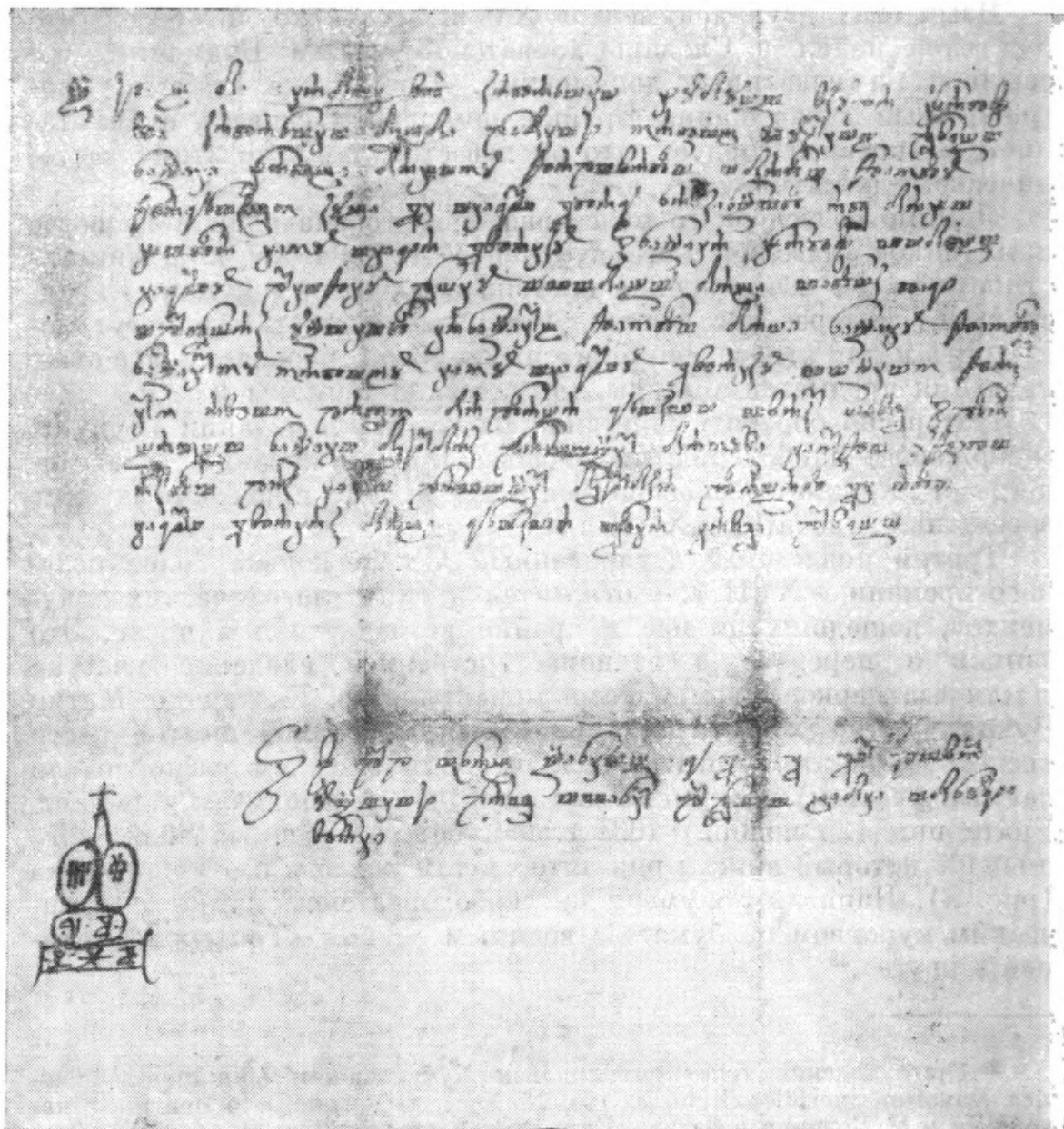

Рис. 3. Запись о передаче монастырской земли в вечнонаследственное владение. (25 ноября) 1635 г. Монастырь св. Екатерины, л. 1 (Берч. 8).

ловажно отметить, что среди них нет аналогичных данному акту материалов.

Интересным документом является распоряжение венецианского правителя Задара Жуана Моро о соблюдении жителями города и его окрестностей правил гражданской и уголовной юрисдикции, условий торговли и т. п. Оно относится к тому времени, когда венецианские власти начали усиленно регламентировать

все стороны жизни населения занятой Венецианской республикой части Далмации, с чем и было связано появление различных постановлений, распоряжений, правил, регламентаций. Документ датирован 15 ноября 1762 г. Он имеет два параллельных текста: один — на итальянском языке (латиницей) и другой — на сербохорватском, написанный глаголицей. Это чрезвычайно интересный пример употребления глаголического письма в официальном документе, к тому же еще исходящем от венецианских властей, свидетельствующий о признании полноправного существования этого рода письменности.

Следующие материалы можно определить как тексты «традиционного содержания»: это 41 проповедь на темы библейских стихов, записанная разными лицами в различные годы XVIII в. Некоторые из этих проповедей датированы (1756—1781 гг.). Кроме того, сюда относятся и духовные стихи на тему о причащении, молитва, записка с перечнем святых (?), поминальная записка (?) и запись Дон Тома Шешела из Заглава о совершении двух месс за семью Миличей. Перечень грехов, отпущение которых оставлено за епископом Задарским, также написан в XVIII в.³⁴ Почерк этого памятника значительно отличается от остальных материалов и является интересным образцом глаголического далматинского письма XVIII в. Написан «Перечень» на сербохорватском языке на бумаге с водяным знаком «Птица в картуше» (рис. 4).

К разряду юридических документов можно отнести «Семинарский устав», автором которого является архиепископ Задарский Иван Каршана. Написан он в 1777 г. на сербохорватском языке на 12 листах бумаги с водяным знаком «Птица». Интересен он, как и все рассмотренные материалы, с точки зрения палеографии и лингвистики, а также церковного права (рис. 5).

Одно общее для всех документов дополнение из области кодикологии. В связи с тем что итальянская и венская бумага XVII—XVIII вв. исследована мало, представляет интерес даже простой перечень встречающихся сюжетов филиграней бумаги перечисленных материалов: двуглавый орел, ключи, корона, лев с книгой, лилии, наковальня, птицы, цветок, кардинальская шляпа. Сюжеты эти имеют различные варианты (например, цветок различной формы и величины, птицы на горах, в круге или картуше и т. д.).

В завершение уместно повторить, что все выявленные материалы имеют большое значение как лингвистическое, поскольку, со-

³⁴ Штефаничем описан аналогичный документ из собрания архива Югославянской академии в Загребе. Оба документа имеют один и тот же заголовок: «Kazi sahraneni prisvitlomu arcibiskupu zadarskomu», одинаковое число пунктов — 20; но, если судить по трем приведенным Штефаничем пунктам (1, 19, 20), — с разной редакцией. Двенадцатый пункт документа ОРЯРК ГИБ, как и описанного Штефаничем (но в иной редакции), носит отпечаток запрета правового установления Венецианской республики. См.: Štefan ić Vj. Glagoljski rukopisi..., s. 211, № 196.

бранные в разных областях Далмации, они написаны на различных диалектах, памятников которых зачастую сохранилось весьма ограниченное число, так и палеографическое, так как представ-

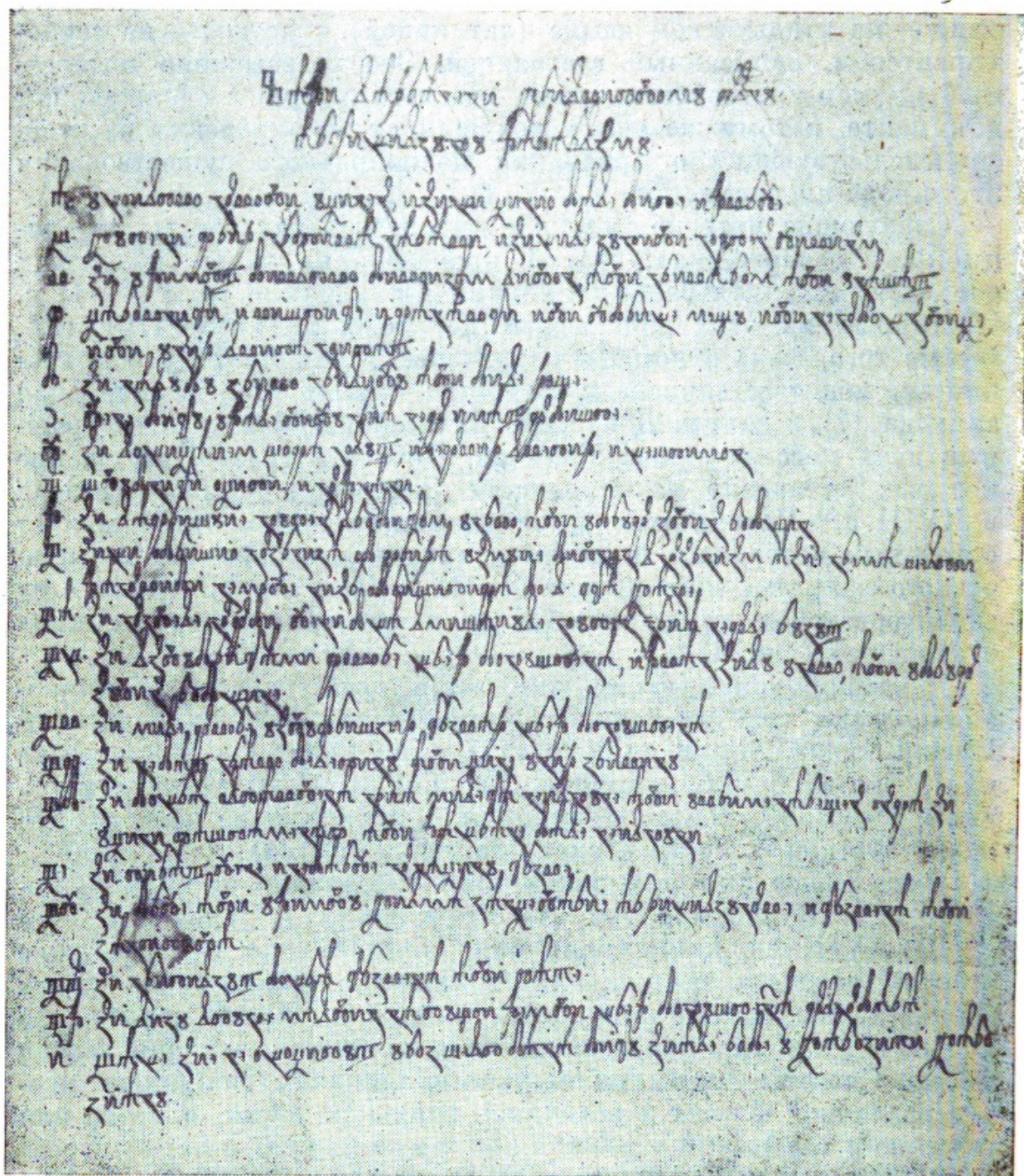

Рис. 4. Перечень прегрешений, отпускаемых Задарским епископством (XVIII в., Задар) (Берч. 11).

лены многообразные почерка XV—XIX вв. до сих пор еще мало исследованного глаголического курсива. Что же касается фондов ОРиРК ГПБ, то ранее в них не были зарегистрированы памятники глаголического курсивного письма. Кроме того, уже отмечалось большое историческое значение подлинных датированных

средневековых документов. В настоящее время нами подготовлен каталог этих материалов.³⁵

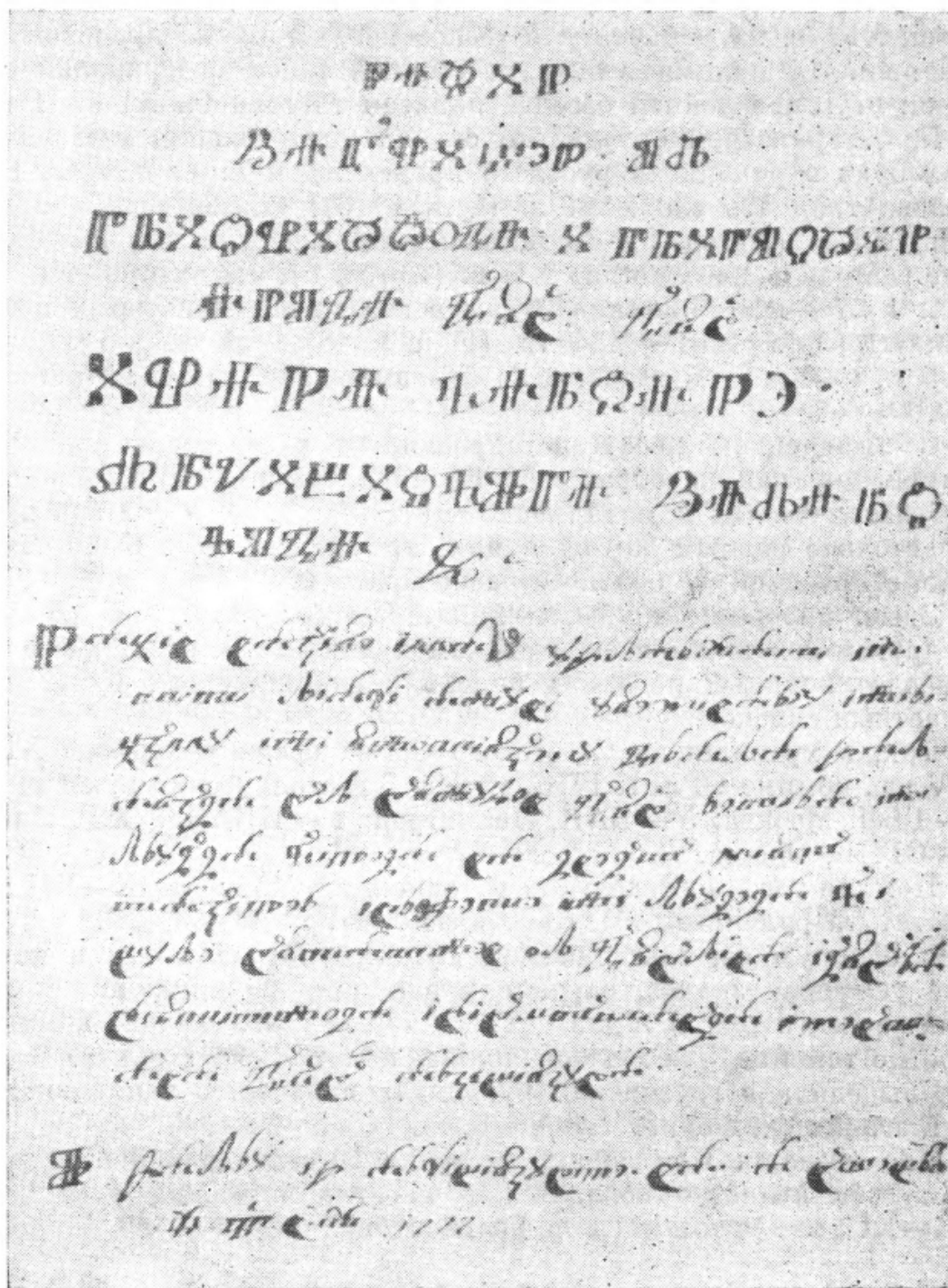

Рис. 5. Семинарский устав Ивана Каршаны. 1 ноября 1777 г. Задар, л. 1 (Берч. 10).

Необходимым дополнением к обзору является перечень рукописей ОРиРК ГПБ, в которых находятся глаголические вкрап-

³⁵ Рукописи собрания Ивана Берчича. Каталог, в. 1. Сост. С. О. Вялова. Изд. ГПБ, Л., 1982.

ления в виде отдельных фраз, слов и даже отдельных букв. Все они учтены в работе Е. Э. Гранстрем. Так, в рукописи болгарского происхождения «Триодъ постная и цветная, или Шафариковская» XII—XIII вв. (F п I 74) два тропаря написаны глаголицей, а отрывок XIV в. из «Сборника богословского» того же происхождения является палимпсестом, где смытый текст, содержащий отрывок неустановленной беседы, написан глаголицей XI—XII вв.

Е. Э. Гранстрем отмечает и случаи употребления глаголических букв в рукописях русского происхождения: «Григория Богослова тридцать слов» XI в. (Q п I 16), «Евгеньевская псалтирь» XI в. (Погод. 9) — инициалы; «Московские или Погодинские глаголические листки» XII в. (Погод. 6), «Псалтирь» XIV в. (F п I 2) — глаголические буквы в заголовках некоторых псалмов; «Пролог» 1431—1434 гг. (F п I 48) — на л. 255 помета 1456 г., написанная греческими буквами, тайнописью и глаголицей.³⁶

С выявлением незарегистрированных ранее перечисленных материалов (как из собрания И. Берчича, так и ОЛДП) общее число глаголических памятников ОРиРК ГПБ можно считать приблизительно равным 250 единицам, причем, как уже было отмечено, отличающимся большим разнообразием.

Здесь интересно привести некоторые сравнительные данные по другим советским и европейским хранилищам, основанные на наиболее крупных изданиях описаний глаголических рукописей и учетных списков.

Так, в хранилищах Советского Союза среди рукописей XI—XIV вв., помимо ОРиРК ГПБ, учтено 8 глаголических рукописей: 1 — ГБЛ, Москва; 5 — БАН, Ленинград; 1 — ЦБАН УССР, Киев; 1 — ОГНБ, Одесса.³⁷

Помимо того, в нескольких грузинских рукописях IX—XII вв. Института рукописей им. Кекелидзе АН Грузинской ССР в Тбилиси обнаружены глаголические буквы, употребленные в качестве условных знаков, служащих для обозначения конца и начала разделов текста и для цитат, а также связывающие комментарий с текстом. Эта находка принадлежит Л. Я. Каджая. Всего она выделила в грузинских рукописях в качестве таких знаков 13 глаголических букв.³⁸

Что касается Югославии, то архив Югославянской академии в Загребе является обладателем 444 глаголических рукописей XII—XIX вв. (в том числе и фрагментов).³⁹

³⁶ См.: Гранстрем Е. Э. Описание..., с. 80, 84, 16, 18, 21, 51, 64. О палимпсесте «Q п I 64» см.: Lunt H. On slavonic palimpsests. — In: American Contributions to the Fourth International Congress of Slavists. Moscow, september 1958.

³⁷ См.: Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР (для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно»). — Археограф. ежегодник за 1965 г., М., 1966, с. 187—271.

³⁸ См.: Визант. временник, 1968, т. XXVIII, с. 317.

³⁹ Stefanić Vj. Glagoljski rukopisi..., D. I—II. Zagreb, 1969—1970.

В архивах и библиотеках разных городов и монастырей о. Крк находится 255 глаголических памятников XIII—XX вв.⁴⁰

Большое собрание глаголических документов Городского музея г. Шибеника насчитывает 240 единиц (конец XVI—XVIII в.).⁴¹

В хранилищах Австрии, согласно каталогу Биркфельнера, находится всего 19 глаголических рукописей X—начала XVI в., из них 15 — в Österreichische Nationalbibliothek в Вене.⁴²

Таким образом, можно получить наглядное представление о том значении, какое заслуживают многочисленные и многообразные рукописные глаголические памятники ОРиРК ГПБ в Ленинграде.

Глаголических памятников, как рукописных, так и старопечатных, значительно меньше, нежели кириллических. В связи с этим любые новые материалы, расширяющие возможности для изучения этого вида славянской письменности, безусловно не могут не привлечь внимания ученых. Собрание глаголических рукописей И. Берчича должно заинтересовать специалистов — лингвистов, палеографов и историков.

В заключение уместно добавить, что в ОРиРК ГПБ хранится и превосходная коллекция старопечатных и первопечатных глаголических изданий, насчитывающая 36 названий основную ее часть составляет собрание старопечатных глаголических книг И. Берчича). По заключению исследователя старопечатных изданий глаголического шрифта, «коллекция глаголических книг ГПБ, несомненно, одна из лучших в мире».⁴³

Н. Н. ЯКОВЕНКО

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ЛАТИНСКОГО ПИСЬМА НА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ В КОНЦЕ XVI—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

(на материалах архивных и библиотечных хранилищ УССР)

Значительная часть документальных источников Правобережной Украины, присоединенной со второй половины XVI в. к Польскому королевству, написана по-польски или по-латыни. Задача палеографа — прочесть и датировать данные источники,

⁴⁰ Štefanić Vj. Glagoljski rukopisi otoka Krka. Zagreb, 1960. — Кроме того, в работе перечислены все глаголические рукописи, происходящие с о. Крк, но находящиеся в настоящее время в различных европейских хранилищах.

⁴¹ Šupuk A. Šibenski glagoljski spomenici.

⁴² Birkfellner G. Glagolitische und kyrillische Handschriften in Österreich. Wien, 1975.

⁴³ Круминг А. А. Славянские старопечатные книги глаголического шрифта в библиотеках СССР. — В кн.: Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976, с. 103.

но цель изучения латинского письма, употреблявшегося на Украине, выходит за рамки прикладной палеографии. Прежде всего история письма, одного из компонентов культуры, неотделима от социально-политической истории народа. Захват украинских земель в XVI—XVII вв. польской шляхтой вызвал острую национально-освободительную борьбу украинского народа, одним из важнейших моментов которой стал вопрос о сохранении украинского языка и письменности. Изучение письма дает значимый массовый материал о времени и характере проникновения латино-польского письма в различные местности Украины, характеризует уровень украинской культурно-национальной традиции и образования, показывает взаимовлияние украинской и польской культуры. Обращаясь непосредственно к палеографии, следует отметить, что латинское и украинское кирилловское письмо, употребляясь параллельно, а часто и рядом на одной странице около двух с половиной столетий, неизбежно взаимовлияли графически.¹ Поэтому латинское письмо требует специального изучения как один из источников влияния на этапы развития и графику украинского письма. Само латинское письмо, хоть и перенесенное на Украину в поздних зрелых формах, в результате тесного контакта также не избежало изменений, заимствовав ряд черт украинской полууставной скорописи. Таким образом, на стыке двух письменных традиций — кирилловской и латинской — образовалась уникальная в латинской палеографии смесь, изучение которой представляет интерес и для истории письма, и для истории культуры в целом.

Однако до сих пор латинское письмо, употреблявшееся на Украине, почти не исследовалось. Впервые о нем упомянул И. Каманин, обобщенно охарактеризовав его в XVI—начале XVII в. как готическое.² Латинскому письму Западной Украины³ посвящено три статьи Э. Ружицкого о сокращениях и цифрах латин-

¹ См.: Каманин И. Главные моменты в истории развития южнорусского письма в XV—XVIII вв. — Палеографический сборник. Материалы по истории южнорусского письма в XV—XVIII вв. Киев, 1899, в. 1, с. 12—17; Соболевский А. И. Славяно-русская палеография. СПб., 1908, с. 60; Колесников И. Палеография документальной архивной письменности. — Архивное дело, 1939, 4 (52), с. 26; Панашенко В. В. Палеография украинского скоропису другої половини XVII ст. Київ, 1974, с. 37, 40—42, 53 и др.; Захарчишин П. І. Палеографічні особливості львівського письма XVI—XVII ст. — Історичні джерела та їх використання. Київ, 1964, в. 1, с. 193; Ружицький Е. Й. Скорочення в латинських документах XIV—XVIII ст. (на матеріалах ЦДІА УРСР в м. Львові). — Третя республіканська наукова конференція з архівознавства та інших спеціальних історичних дисциплін. Київ, 1968, с. 151; Górgski K. Zagryś dziejów pisma łacińskiego w Polsce (od w. XVI). — Archeion, 1969, LI, s. 117.

² Каманин И. Главные моменты. . . , с. 13.

³ Латинское письмо Западной (Галицкой) Украины и Подолии, захваченных польской шляхтой в XIV—XV вв., развивалось преимущественно по польским графическим образцам, не имея достаточно развитой традиции кирилловской документальной скорописи ко времени внедрения латинской письменности.

ских документов ЦГИА УССР в г. Львове.⁴ Первая попытка проанализировать графический характер и этапы развития латинского письма Правобережной Украины была предпринята автором этих строк на материале Житомирской гродской канцелярии.⁵

Цель данной статьи — проследить пути проникновения латинского письма, а также определить сферы его применения в особых условиях Правобережной Украины указанного времени.

Автором использованы материалы Центральных государственных исторических архивов (далее — ЦГИА) УССР в Киеве и Львове, а также отделов рукописей Центральной научной библиотеки (далее — ЦНБ) и Львовской научной библиотеки (далее — ЛНБ) АН УССР. Изучено также определенное число документов ЦГИА Литовской ССР и Отдела рукописей ЦНБ АН Литовской ССР.

Первыми вестниками латинского письма на Украине были книги латинской печати, изданные как в Польше, так и в Западной Европе.⁶ В библиотеке Киево-Печерской лавры по разделам «Философия; Словесность; Общая гражданская история», насчитывающим 1161 отечественное и зарубежное издание XVI—XIX вв., 134 книги изданы в XVI—первой половине XVII в. в Западной Европе, в том числе в Базеле 17, Лионе — 16, Франкфурте — 11, Кельне — 10, Лейпциге — 9, Париже — 7 и т. д. Из польских изданий есть 5 краковских, 1 гданьское, 1 калишское и 1 перемышльское.⁷ В библиотеке Киевской духовной академии, унаследованной от Киево-Могилянского коллегиума, по разделу «Классическая словесность» (880 томов) насчитывается 69 европейских изданий XVI—первой половины XVII в., в том числе лионских 13, базельских — 8, женевских и франкфуртских — по 6, парижских, антверпенских, лейпцигских и кельнских — по 4 и т. д. Из польских отмечено одно краковское и одно гданьское издания.⁸

Книги западноевропейской печати находим и в частных библиотеках. Например, П. Могила только в 1632—1633 гг. закупил

⁴ Ружицкий Э. И. 1) Скорочення...; 2) Цифри латинського письма XIV—XVIII ст. (на матеріалах ЦДІА УРСР в м. Львові). — Історичні джерела... Київ, 1971, в. 6, с. 145—153; 3) Скорочення в латинському готичному письмі XIII—XVI ст. (за матеріалами ЦДІА УРСР в м. Львові). — Історичні джерела... Київ, 1972, в. 7, с. 93—102.

⁵ Яковенко Н. М. Передумови розвитку і характер латинського палеографічного письма на Правобережній Україні в II пол. XVI—I пол. XVII ст. (на матеріалах актових книг Київського воєводства ЦДІА УРСР). — Архіви України, 1978, № 6, с. 8—19.

⁶ На древность традиции ввоза книг указывает факт распространения на Украине славянских изданий Швайпольта Фиоля 1491 г. (см.: Памятники полемической литературы в Западной Руси. СПб., 1878, кн. 1, с. 991).

⁷ Систематический каталог книг библиотеки Киево-Печерской лавры. Киев, 1912, т. 2, с. 1—42, 204—253.

⁸ Систематический каталог библиотеки Киевской духовной академии, составленный библиотекарем Академии А. С. Крыловским, т. 2. Словесность. В. пятый. Киев, 1901, с. 4—87.

в Варшаве 95 книг.⁹ При нападении на монаха Жидичинского монастыря Б. Гриневицкого у него было отнято польское евангелие «друку кгданского» (1637 г.).¹⁰ Во время наезда на имение Гулевичей в с. Радошине на Волыни вывезена их библиотека «больше нижли тысячу книг» (1645 г.).¹¹ Несомненно, что значительная часть этой библиотеки издана за пределами Украины в XVI—начале XVII в. Распространение книг латинской печати свидетельствует о наличии европейской образованности в украинских землях. Кроме того, печатная книга при отсутствии прописей и каллиграфических трактатов становилась невольным образцом подражания для пишущих, влияя на формирование их почерков. Следующим хронологическим этапом проникновения латинского письма на Украину стало расселение выходцев из Польши в правобережных воеводствах, усилившееся после закона 1564 г. о праве лицам польской национальности приобретать земельную собственность в Великом княжестве Литовском, в том числе и на Украине.¹² Среди мещанского и служилого населения середины XVI в. поляки составляли около 2%; в роли замковых пушкарей выступали также немцы и чехи.¹³ Таким образом, латинское письмо sporadически проникало на Украину еще до административного подчинения правобережных воеводств Короне.

К концу XVI—началу XVII в. значительные изменения происходят внутри самого украинского общества. Классовые интересы верхов, стремившихся упрочить сословные привилегии по мере распространения польского государственного строя на Украине, побеждают национальный антагонизм, а тенденция отстранения лиц православного вероисповедания от участия в политической жизни ускоряет дезертирство украинской аристократии в польско-католический лагерь.¹⁴ Польское государство неминуемо втягивает в сферу своих социально-экономических отношений не только окатоличившуюся, но и православную часть украинского землянства.¹⁵ Процесс денационализации высших слоев украинского народа значительно ускоряется также благодаря усилиям иезуитских школ.¹⁶ В силу указанных причин ла-

⁹ Архив Юго-Западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов (далее — АЮЗР). Киев, 1887, ч. 1, т. 7, с. 186—189.

¹⁰ Там же, ч. 1, т. 6, с. 730.

¹¹ ЦГИА УССР, ф. 256, оп. 1, д. 90, л. 96.

¹² И в а н и ш е в Н. Д. Сочинения. Отдел второй. Исследования по истории Юго-Западного края. Киев, 1876, с. 376—378.

¹³ В л а д и м и р с к и й - Б у д а н о в М. Ф. 1) Население Юго-Западной России от второй половины XV в. до Люблинской унии 1569 г. — В кн.: АЮЗР, ч. 7, т. 2, с. 118—120, 189—190; 2) Акты о заселении Южной России XVI и XVII вв. — Там же, ч. 7, т. 3, с. XXVIII—LXII.

¹⁴ См.: Б а т ю ш к о в П. Н. Волянь. Исторические судьбы Юго-Западного края. СПб., 1888, с. 122.

¹⁵ См.: Г о л у б е в С. История Киевской духовной академии, в. I. Период домогилянский. Киев, 1886, Приложения, с. 82.

¹⁶ Только в первой половине XVII в. на Правобережной Украине от-

тинско-польская письменность массово проникает в частный быт Правобережной Украины конца XVI—начала XVII в.

Польское правительство насаждало латинско-польскую письменность в общественно-политических и правовых отношениях. Акт Люблинской унии оговаривал обязательное сохранение национального языка как в правительственных, так и в местных судебно-административных актах Киевского, Волынского и Брацлавского воеводств.¹⁷ Однако протесты украинского землячества против нарушения этого закона уже в конце XVI—начале XVII в. становятся обыденным явлением,¹⁸ что свидетельствует о преднамеренном игнорировании упомянутого обязательства. При последующем массовом распространении польского языка в быту украинского землячества соблюдение упомянутого закона к середине XVII в. превращается в формальность, а к концу XVII—началу XVIII в. практически изживает себя.¹⁹ Королевские указы общегосударственного значения с самого начала извещались по-латыни или по-польски.²⁰

Таким образом, полонизационные меры польского правительства, поддержанные внутренними общественно-политическими процессами, привели к постепенной языковой перестройке судебно-административного аппарата правобережных украинских воеводств и внедрению латинской письменности в деловую жизнь.

К началу XVII в. определяются сферы применения латинского письма на Украине, представленные в перечисленных далее группах источников.

Следует оговорить, что между сферами применения латинского письма и его палеографическими разновидностями, выделяемыми на основе особенностей самой письменной графики, нет строгого соответствия. Однако сохранившиеся источники столь многочисленны и разнородны, что их палеографическому изучению должен предшествовать предварительный разбор в зависимости от сферы общественной, политической и культурной жизни, в которой те или иные документы либо рукописи возникли и которая определяла общественное положение и образовательный уровень пишущих.

крыто 9 иезуитских коллегіумов (Савич А. Нариси з історії культурних рухів на Україні та Білорусії в XVI—XVIII вв. Київ, 1929, с. 94—99).

¹⁷ *Volumina legum regni Poloniae et Magni ducatus Lithuaniae ab anno 1347 ad annum 1780*. СПб., 1859, т. 2, с. 83, 86.

¹⁸ Акты, относящиеся к истории Западной России, т. 3. 1544—1587. СПб., 1848, с. 187; ЦГИА УССР, ф. 25, оп. 1, д. 23, л. 340; д. 459, л. 114; ф. 26, оп. 1, д. 7, л. 447 и др.

¹⁹ Ср. процесс постепенного вытеснения украинского письма латинско-польским в Житомирских городских книгах: в конце XVI—первом десятилетии XVII в. число записей латинского алфавита составляет здесь 0.1%, во втором десятилетии колеблется от 2.3 до 3.8%, в третьем — от 8.1 до 14.7%, а к середине XVII в. составляет уже 38.4% (Яковенко Н. М. *Передумови...*, с. 9).

²⁰ ЦГИА УССР, ф. 11, оп. 1, д. 5, л. 179; д. 7, л. 96, 97, 98, 181; ф. 28, оп. 1, д. 21, л. 125, 321; д. 29, л. 512; д. 23, л. 409, 650 и др.

Ведущее место среди сохранившихся латинописных источников принадлежит образцам *профессионального письма судебно-административных канцелярий* гродских и земских судов, магистратов и ратуш. Как подтверждает звучание фамилий, писцами (или подписками, как их называет официальная терминология польско-украинского делопроизводства) судебно-административных канцелярий служили преимущественно украинские мещане, реже — мелкая шляхта.²¹ Они с равным искусством владели не только польско-латинским, но и украинским письмом,²² что убеждает в несомненности их украинского происхождения.

Профессиональное письмо исследуемого периода наиболее полно представлено в актовых книгах гродских и земских судов Киевского, Волынского и Брацлавского воеводств. Записи латинского алфавита появляются в них к концу XVI в. Таких книг (до 1648 г.) насчитывается 343, в том числе 330 волынских. Их территориальное и хронологическое распределение показано в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Место написания книги	Гродские книги		Земские книги	
	годы	фонд ЦГИА УССР, номера книг	годы	фонд ЦГИА УССР, номера книг
В о л ы н с к о е в о е в о д с т в о				
Луцк	1586—1648	ф. 25, кн. 33—261 ²³	1588—1648	ф. 26, кн. 14—47, 61
Владимир	1614—1648	ф. 28, кн. 46—84	1600—1648	ф. 27, кн. 2, 13—40, 48
Кременец	1596—1647	ф. 21, кн. 32—138	1593—1647	ф. 22, кн. 8—49
К и е в с к о е в о е в о д с т в о				
Житомир	1590—1648	ф. 11, кн. 2—12	—	—
Б р а ц л а в с к о е в о е в о д с т в о				
Брацлав	—	—	1639—1647	ф. 43, кн. 1
Винница	1645	ф. 44, кн. 2	—	—

²¹ Например: Луцк — Андросович, Грузевич, Еневич, Суетич, Трушевич; Владимир — Гузикович, Ярмоген; Кременец — Кретович, Романкевич; Киев — Григорович, Кощич, Рогуцкий; Винница — Духанич; Ровно — Петрашкевич и др. (по рассматриваемым источникам и археографическим публикациям).

²² Во всех без исключения актовых книгах чередуются польско-латинские и украинские записи, исполненные одними и теми же почерками: ЦГИА УССР, ф. 26, оп. 1, д. 17, л. 867—869; д. 21, л. 771—773; д. 29, л. 499; ф. 25, оп. 1, д. 41, л. 420—421; д. 47, л. 13 и др.

²³ Книги нумерованы не хронологически. В пределах указанных номеров к исследуемому периоду относятся следующие: 33, 35, 36, 41, 42, 47, 49, 52, 54, 56, 59, 60, 61, 63, 65, 69, 72, 79, 81, 82, 89, 95, 101, 103, 105, 106, 109,

Книги канцелярий Киева и Овруча не сохранились, практически не представлена Брацлавщина. Кременецкие акты уцелели в неполной россыпи, из которой советскими архивистами условно сформированы существующие ныне книги.

Пробелы частично восполняются засвидетельствованными выписями из книг, скрепленными печатью и подписями писаря и регента канцелярии. Это выписи из книг Киевского земского (1619—1640) и Киевского гродского (1628—1648) судов,²⁴ а также Киевского магистрата (1620—1646).²⁵ Север Киевского воеводства представлен двумя выписями из овручских гродских книг за 1648 г.²⁶ Из канцелярии Винницкого гродского суда уцелело 11 выписей за 1636—1647 гг.²⁷ Существует огромное число незасвидетельствованных выписей, но их палеографическая достоверность недоказуема, поэтому они в данной работе не учтены.

Вспомогательный характер в исследовании профессионального письма Волыни имеют не включенные в таблицу пять книг Луцкого подкоморского суда за 1601—1648 гг.,²⁸ переписанные несколькими почерками в 1617—1649 гг. Сличение почерков подтверждает, что книги переписаны в луцкой земской канцелярии.²⁹ Представление о письме волынских городов дополняют фрагментарно сохранившиеся книги Луцкого магистрата за 1638—1640 гг., Дубенского магистрата за 1648—1650 гг., каптурового суда Волынского воеводства за 1632 г., Миляновичского магистрата за 1586—1735 гг. и Ровенского магистрата за 1623—1629 гг.³⁰ Остальные актовые книги исследуемых территорий, хранящиеся в ЦГИА УССР, переписаны в конце XVII—начале XVIII в. Некоторые из них написаны полностью по-украински, без польско-латинских записей.

Актовые книги являются источником первостепенной важности для изучения латинской палеографии на Украине, так как в них собраны образцы письма определенных местностей год за годом на протяжении длительного времени. Не менее важна и однородность внутренней характеристики актового письма, т. е.

112, 124, 127, 129, 131, 133, 135, 138, 139, 142, 146, 147, 149, 154, 160, 166, 168, 170, 182, 187, 191, 192, 196, 198, 199, 200, 204, 206, 210, 213, 215, 216, 219, 221, 225, 230, 233, 236, 238, 240, 242, 244, 245, 247, 251, 255, 258, 259, 261.

²⁴ ЦНБ, ДА, 517/Л, 10; ДА, 595/Л «В», 167, 168, 169; ЦГИА УССР, ф. 221, оп. 1, д. 12, л. 25, 29, 34; д. 75, л. 11, 21.

²⁵ ЦНБ, ДА, 517/Л, 10; ЦГИА УССР, ф. 49, оп. 1, д. 2957, л. 24; ф. 221, оп. 1, д. 157, л. 1.

²⁶ ЛНБ, ф. Радзим., 128/V, 2; 253/V, 3, № 90.

²⁷ ЦГИА УССР, ф. 223, оп. 1, д. 227, л. 1; ф. 256, оп. 1, д. 250, л. 1; ф. 49, оп. 1, д. 246, л. 8, 10; д. 849, л. 10; д. 857, л. 22, 34; д. 872, л. 5; д. 945, л. 23; ЦНБ; 1, 60943; ЛНБ, ф. Радзим., 235/V, 3, № 81.

²⁸ ЦГИА УССР, ф. 24, оп. 1, д. 2—6.

²⁹ Ср. почерки: ЦГИА УССР, ф. 24, оп. 1, д. 4, л. 221; ф. 26, оп. 1, д. 42, л. 858 и др.

³⁰ ЦГИА УССР, ф. 23, оп. 1, д. 1; ф. 33, оп. 1, д. 6; ф. 17, оп. 1, д. 1; ф. 1401, оп. 1, д. 1 (Книга реставрирована и сшита в послевоенное время. Идентичность части ее записей сомнительна); ЛНБ, ф. Радзим., 44/III, 5, т. 1.

цели и назначения написанного,³¹ что позволяет сравнивать индивидуальные писарские почерки, выделяя черты, свойственные данной графической норме, на основании которой можно установить закономерности развития письма. Актовые книги являются также единственным источником определения сроков проникновения и степени внедрения латинского письма в украинские канцелярии.

К письму актовых книг непосредственно примыкает *письмо частных юридических актов*: купчих, дарственных, завещаний и др. На Украине функции наемного писарства исполняли упомянутые выше подписки тех же судебно-административных канцелярий, составлявшие за плату частные юридические акты. Избирательное сличение актовых книг с частными документами, составленными в Луцке и Владимире, подтверждает, что они писались одними и теми же писцами, возможно непосредственно в канцеляриях.³² Но если потребность в наемном писце удовлетворялась именно так в больших городах, то логично предположить, что не иначе было в маленьких, где сделка оформлялась скорее всего у местного грамотея — магистратского подписка или ратушного писаря. А если сделки заключались в селах, где канцелярии отсутствовали, их записывали либо дьяки-секретари, либо сами грамотные участники сделки.³³ Таким образом, формальных обязательных требований к месту составления частного акта не существовало, но традиция его написания в официальном месте превалировала.

Образцов частного юридического письма, исполненного писцами, выявлено 316. Их территориально-количественное распределение показано в табл. 2.

Указанные документы охватывают 1582—1666 гг. и хранятся в таких архивных и библиотечных фондах: 1) ЦГИА УССР, ф. 48, оп. 1; ф. 49, оп. 1, 2; ф. 220, оп. 1; ф. 221, оп. 1; ф. 223, оп. 1; ф. 252, оп. 1; ф. 256, оп. 1, 2; ф. 2070, оп. 1, 2; ф. 2071, оп. 1; ф. 2072, оп. 1; ф. 2073, оп. 1, 2; ф. 2074, оп. 1; 2) ЦГИА Литовской ССР, ф. 292, оп. 1; 3) ЦНБ, ф. I; II; XXIV; ДА, Л; ДА, П; 4) ЛНБ, ф. Оссолинских, Радзиминских, Сапег, Еловицких, Чоловского.

³¹ Актовые книги написаны регуляризованным или умеренно беглым курсивом, предназначенным для неоднократного чтения. Черновики актов по исследуемым территориям не сохранились.

³² Ср. почерки: ЦГИА УССР, ф. 26, оп. 1, д. 42, л. 858; ЛНБ, ф. Оссолинские, 4138, л. 165—167; ЦГИА УССР, ф. 25, оп. 1, д. 210, л. 102, 185; ф. 2073, оп. 2, д. 11, л. 1; ф. 28, оп. 1, д. 55, л. 518; ЛНБ, ф. Радзим., 252/V, 5 и др.

³³ ЛНБ, ф. Радзим., 230/V, 3, 53; 236/V, 3, 104; ЦГИА УССР, ф. 49, оп. 1, д. 797, л. 1 и др. — Документы, составленные рукой одного из участников сделки, учтены в описанной далее группе источников — «частное шляхетское письмо». Следует заметить, что дьяков-секретарей имели только крупные земляне. Так, волынская землянка Несвицкая отвечает возному: «Я дей сама чести не вмею и дяка, который бы его чести мел, не маю» (АЮЗР, ч. 8, т. 3, с. 53).

Таблица 2

Уезды	Из уездного города	Из местечек	Из сел
Луцкий	101	24 (из 11 местечек)	16 (из 13 сел)
Кременецкий	23	18 (из 8 местечек)	15 (из 8 сел)
Владимирский	11	1 (из 1 местечка)	7 (из 6 сел)
Киевский	35	7 (из 6 местечек)	5 (из 3 сел)
Житомирский	4	4 (из 4 местечек)	—
Овручский	3	2 (из 2 местечек)	3 (из 3 сел)
Брацлавский	—	6 (из 4 местечек)	1 (из 1 села)
Винницкий	22	6 (из 5 местечек)	2 (из 2 сел)

Письмо частных юридических актов выполнено регуляризованным курсивом, несколько тщательнее письма актов книг,³⁴ что интересно для палеографического сравнения. Кроме того, оно расширяет представление о письменной культуре тех городов, где судебные-административные книги не уцелели, и дает возможность сопоставить графические нормы центральных городов и провинции.

Значительная часть латинописных источников Правобережной Украины — это *частное шляхетское письмо*, т. е. собственноручные письма, бытовые записи, долговые расписки украинских земель и т. п. Наиболее ранние из названных источников относятся к 1586 и 1592 гг.³⁵ Остальные (всего 118 документов) написаны преимущественно в 20—40-х гг. XVII в. Они хранятся в следующих фондах: 1) ЦГИА УССР, ф. 49, оп. 1; ф. 221, оп. 1; ф. 223, оп. 1; ф. 252, оп. 1; ф. 256, оп. 1; 2; ф. 2070, оп. 2; ф. 2071, оп. 1; ф. 2072, оп. 1; ф. 2073, оп. 1; 2) ЦНБ, ф. ДА, 595/П; 3) ЛНБ, ф. Оссолинских, Радзиминских, Сапег, Еловицких, Чоловского.

Частное шляхетское письмо более небрежно и индивидуализировано по сравнению с профессиональным.³⁶ Часть образцов (особенно женского письма) исполнена неумелыми руками,³⁷ что дает материал для исследования техники обучения письму, а также уровня образования пишущих.

Промежуточное положение между профессиональным и частным шляхетским письмом занимает *письмо магнатских канцелярий*, в которых служили как профессиональные писцы-мещане, так и представители мелкой шляхты, искавшей счастья при маг-

³⁴ Ср.: ЛНБ, ф. Оссол., 3844, л. 36—38; 4138, л. 224; 4145, л. 73—89; ф. Радзим., 231/V, 3; 232/V, 3; 244/V, 4; 245/V, 4; ф. Сап., 21/Id, 2002, 2010, л. 91; 22/Id, 2013, л. 23 и др.

³⁵ ЦГИА УССР, ф. 2071, оп. 1, д. 128; ЛНБ, ф. Сап., 46/Id, 3752, л. 18.

³⁶ Ср.: ЦГИА УССР, ф. 2073, оп. 1, д. 39; 2070, оп. 2, д. 133; д. 137; ф. 256, оп. 2, д. 106, л. 18; ф. 252, оп. 1, д. 6, л. 1; ЛНБ, ф. Оссол., 4168, л. 85, 120; ф. Елов., XIV, 5; XIV, 15 и др.

³⁷ ЛНБ, ф. Радзим., 186/VI.3; ф. Сап., 22/Id, 2013, л. 2; Библиотека василян у Львові, 393, л. 124, 169, 189; ЦГИА УССР, ф. 256, оп. 1, д. 48, л. 44 и др.

натских дворах.³⁸ Магнатские акты сохранились отрывочно: из канцелярии кн. Острожских найдено 9 документов за 1571—1641 гг. (ЦГИА УССР, ф. 220, оп. 1, д. 57; ЦНБ, собр. Шептицкого, XVIII, 35—38; П, 23300; ЛНБ, ф. Радзим., 181/VI, ч. 1, л. 228; 39/I.1, л. 1; Оссол., 1802, л. 1); из канцелярий князей Заславских — 9 документов за 1625—1644 гг. (ЦГИА УССР, ф. 2072, оп. 1, д. 145; д. 103, л. 3, 4, 5; ЦНБ, П, 22643; ЛНБ, ф. Сап., 55/Ie, 256, л. 31; Елов, XIV, 17; Оссол., 6746, л. 3; Радзим., 242/V. 4); из канцелярии князей Вишневецких — 6 документов за 1639—1652 гг. (ЦГИА УССР, ф. 256, оп. 1, д. 41, л. 109; ЦНБ, П, 8249; ЛНБ, ф. Радзим., 171/П.2 «w» (2 док.); 254/VI.1/2 док.); из канцелярии князей Пронских — 7 документов за 1628—1631 гг. (ЦГИА УССР, ф. 256, оп. 1, д. 79, л. 32, 37, 44; д. 151, л. 3; д. 153, л. 11; д. 200, л. 1, 3); из канцелярии князей Корецких — 2 документа за 1633 и 1640 гг. (ЦГИА УССР, ф. 220, оп. 1, д. 117; ЛНБ, ф. Радзим., 9/1.1); из канцелярии князей Порицких — 1 документ за 1632 г. (ЦГИА УССР, ф. 2070, оп. 2, д. 138); из канцелярии князей Сангушков — 1 документ за 1625 г. (ЦГИА УССР, ф. 220, оп. 1, д. 106); из канцелярии киевского воеводы Адама Киселя — 2 документа за 1643 и 1649 гг. (ЦНБ, ДА, 517/Л, 10; ЛНБ, ф. Сап., 20/Id, 1992).

Указанные 37 актов написаны в Остроге, Вишневце, Заславле, Полонном, Дубно, Берестечке, Корце, Порицке, Владимире, Киеве и Гнойно. Документация магнатских канцелярий представляет особый интерес для палеографа, так как здесь наряду с регуляризованными и беглыми встречаются парадные курсивы универсалов,³⁹ служившие своеобразным эталоном подражания для рядовых судебно-административных канцелярий.

Для удобства исследования целесообразно выделить *латинописные источники канцелярии Войска Запорожского*: 13 писем Богдана Хмельницкого (1655 г.) из военного лагеря под Львовом, написанных тремя писарскими почерками;⁴⁰ 2 его же письма из Чигирина к перемышльскому епископу (1656 г.) и к шляхте Пинского уезда (1657 г.).⁴¹ Выявлено также 3 письма наказных гетманов: 2 — Данила Выговского (1655 г.)⁴² и 1 — Антона Ждановича (1657 г.).⁴³ Из канцелярии Юрия Хмельницкого найдено

³⁸ Ср.: АЮЗР, ч. 1, т. 1, с. 105; ЦГИА УССР, ф. 25, оп. 1, д. 4, л. 84; д. 19, л. 89; ф. 44, оп. 1, д. 1, л. 242 и др.

³⁹ ЦГИА УССР, ф. 220, оп. 1, д. 106; ф. 2072, оп. 1, д. 103, л. 5; ЦНБ, собр. Шептицкого, XVIII, 35; ЛНБ, ф. Оссол., 1802, 6746; ф. Радзим., 39/I.1; 242/V.4 и др.

⁴⁰ ЦГИА УССР во Львове, ф. 132, оп. 1, д. 1—12 (по отдельным почеркам: 1—4, 6; 5, 7—10; 11, 12); ЛНБ, ф. Оссол., 2440/III, л. 13—14 (почерк тот же, что и в письмах ф. 132, оп. 1, д. 1—4, 6).

⁴¹ ЦГИА УССР, ф. 1407, оп. 1, д. 68 и 71.

⁴² ЦГИА УССР во Львове, ф. 132, оп. 2, д. 7 (собственноручный ?); ЛНБ, ф. Оссол., 2440/III, л. 15 (почерк тот же, что и в письмах: ЦГИА, ф. 132, оп. 1, д. 5, 7—10).

⁴³ ЦГИА УССР, ф. 1230, оп. 1, д. 378. Автограф. Фотокопия.

2 письма за 1659 и 1661 гг.⁴⁴ В фонде фотокопий материалов об освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг. (ЦГИА УССР, ф. 1230) хранится 13 фотокопий писем генерального писаря Войска Запорожского Ивана Выговского к трансильванскому князю Дьердью II Ракоци за 1654—1657 гг. и одно его же письмо — к шведской королеве Христине (1654 г.); здесь же — 2 письма войсковых писарей (Павла Тетери и Ивана Груши, автографы) к Ракоци за 1651 и 1656 гг.⁴⁵

Обязанности писцов Генеральной войсковой канцелярии Войска Запорожского выполняли преимущественно мелкопоместные православные шляхтичи, захваченные волной освободительной войны.⁴⁶ Следует заметить, что и до освободительной войны войсковое писарство на Запорожье исполняли преимущественно представители шляхетского сословия, что вполне объяснимо их более высоким образовательным уровнем.⁴⁷ В палеографическом отношении образцы письма войсковой канцелярии, исполненные теми же беглыми курсивами, интересны как шляхетское письмо в «служебном», т. е. более тщательном, варианте.

Среди источников латинского письма, употреблявшегося на Украине, можно выделить *письмо православных и униатских церковных канцелярий*. Следует заметить, что в православной и в ранней униатской церкви латинское письмо играло второстепенную роль по сравнению с кириллицей. Церковные канцелярии на Украине, в отличие от католической Европы, где основные формы частнопроводного акта и его внешнее оформление были вы-

⁴⁴ ЦГИА УССР во Львове, ф. 132, оп. 1, д. 13, л. 1 (рука войскового писаря Павла Тетери ?); ЦГИА УССР, ф. 1230, оп. 1, д. 384. Фотокопия.

⁴⁵ Д. 358, 363 (автограф Выговского), 367—369, 371—376, 379, 380 (из них 368, 369, 371, 375 написаны рукой войскового писаря Ивана Груши); д. 361; д. 357, 377. Фотокопии. Оригиналы хранятся в Венгерском государственном архиве.

⁴⁶ См.: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3. 1638—1657. СПб., 1862, с. 374, 497; Т. 8. 1648—1657. СПб., 1875, с. 356, 357, 369; Т. 10. 1653—1654. СПб., 1878, с. 425—427; АЮЗР, ч. 3, т. 4, с. 380—382, 709; Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. М., 1954, т. 2, с. 149, 266, 442; т. 3, с. 363; Документы об освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг. Киев, 1965, с. 378; Jakuba Michałowskiego Księga pamiętnicza. Wydał Z. Helcel. Kraków, 1864, р. 74. О путях шляхты к Войску Запорожскому ср. в детальном исследовании: Lipiński W. Stanisław Michał Krzyczewski. Z dziejów walki szlachty ukraińskiej w szeregach powstańców pod wodzą Bohdana Chmielnickiego. Kraków, 1912.

⁴⁷ Ср. сохранившиеся сведения о писарях Войска Запорожского за 1578—1638 гг.: Костомаров Н. Исторические монографии. СПб., 1867, т. 3, с. 250; Кулиш П. А. История воссоединения Руси. СПб., 1874, т. 2, с. 260, 310; 2) Отпадение Малороссии от Польши (1340—1654). М., 1888, т. 1, с. 61, 207, 229, 265; Стороженко А. В. Стефан Баторий и днепровские казаки. Исследования, памятники, документы и заметки. Киев, 1904, с. 63—108; Доманицкий В. Козаччина на переломі XVI—XVII в. Львів, 1905, с. 157—167; Крип'якевич І. П. Богдан Хмельницький. Київ, 1954, с. 62—74; ЦНБ, ф. Рукописи Киево-Печерской лавры, № 74 (доп. 20), л. 45; 74п, л. 72; ЦГИА УССР, ф. 221, оп. 1, д. 562, л. 1 и др.

работаны в духовных канцеляриях, а затем усвоены канцелярскими светскими, наследовали и дипломатику, и письменную графику латинского документа судебно-административного происхождения. Для удобства исследования к этой же группе источников мы условно присоединяем и образцы письма отдельных духовных лиц, перекликающиеся в графике с частным шляхетским письмом. Включая последние, обнаружено 35 образцов такого письма. Из них 7 вышло из канцелярий киевских униатских митрополитов Потей и Рутского (1602—1632), в том числе два автографа: Ипатия Потей за 1611 г. и Иосифа Вельямина Рутского за 1614 г.⁴⁸ Четыре документа написано в Киево-Печерской лавре: один — от имени митрополита Петра Могилы с его собственноручной припиской (1642 г.) и три — от имени архимандрита Иннокентия Гизеля за 1673—1675 гг.⁴⁹ Здесь же составлен сборник копий документов о борьбе православных с католиками и униатами в 1620—1650 гг.,⁵⁰ состоящий из отдельных тетрадей, выполненных разными почерками, предположительно 30—60-х гг. XVII в. Четыре документа вышло из канцелярий луцких и острожских православных епископов Афанасия Пузины (1632 г.), Иосифа Чаплича-Шпановского (1653 г.) и Гедеона Святополка-Четвертинского (1663, 1666 гг.).⁵¹ 18 документов за 1625—1673 гг. составлено в монастырях: Жидичинском, Дубенском, Подгаецком, Межигорском, Киево-Выдубицком и Киево-Пустынно-Никольском. Из них 5 написано писарской рукой,⁵² 13 — автографы игуменов Исаакия Вычинского, Феодосия Углицкого, Германа Кердановского, Феодосия Васьковского и Климентия Старушича.⁵³ К этому же виду источников можно отнести автограф из 8 строк ректора Киево-Могилянского коллегиума Варлаама Ясинского (1674 г.) и собственноручное письмо Мелетия Смотрицкого (1627 г.).⁵⁴

В латинском курсиве духовных канцелярий и некоторых духовных лиц до середины XVII в. встречаются элементы кирилловского полуустава,⁵⁵ изжитые в практике большинства светских канцелярий двумя-тремя десятилетиями раньше, что составляет интересный материал для палеографического сравнения.

⁴⁸ ЦГИА УССР, ф. 48, оп. 1, д. 555, 738, 777; ф. 2071, оп. 1, д. 116, л. 20; ЦНБ, П, 21977; автографы: ЦГИА УССР, ф. 48, оп. 1, д. 478, 546.

⁴⁹ ЦНБ, П, 13970, 13982, 13983; документ с припиской Могилы: ЛНБ, ф. Сап., 21/1d, 2004, л. 3.

⁵⁰ ЦНБ, ф. Рукописи Киево-Печерской лавры, № 74п (доп. 20).

⁵¹ ЦГИА УССР, ф. 2073, оп. 2, д. 11; ф. 49, оп. 2, д. 2946, л. 1; ф. 2073, оп. 1, д. 45; ЦНБ, ДА, 656/Л. — На последнем документе приписка из 7 строк рукой Святополка-Четвертинского.

⁵² ЦНБ, ДА, 595/П «В», 142, 155, 164; ЛНБ, ф. Радзим., 231/V.3; 236/V.3, 136.

⁵³ ЦНБ, П, 13967, 13971, 13988—13995, 14002, 20926; ДА, 216/Л, 31 (77), л. 176.

⁵⁴ Там же, ДС, 229/П (VIII.1.89); ЦНБ АН Литовской ССР, ф. 139, SK-4285.

⁵⁵ Ср.: ЦНБ, ДА, 595/П «В», 142, 164; П, 13967, 13988—13995, 14002, 20926.

В отдельную группу источников можно выделить и книжно-конспективное письмо. Термин этот условен, так как латинское книжное письмо в строгих формах западноевропейского книгописания на Украине не употреблялось, поскольку в основной сфере его применения — богословской литературе — господствовала кириллица. Под «книжным» письмом в данном случае подразумеваются исполненные курсивом черновые и беловые конспекты либо изложения учебных курсов философии, поэтики и проч., переплетенные и используемые вместо печатных книг. Решить вопрос о палеографическом происхождении, т. е. месте написания и писарском авторстве подобных конспектов затруднительно, так как сам факт принадлежности конспекта православному монастырю либо частному православному лицу, естественно, не является доказательством его украинского происхождения. Установить украинское писарское авторство можно косвенно: по заметкам на оборотах обложек, наличию украинских помет на полях и т. д. При изучении рукописных книг Центральной и Львовской научных библиотек выделено 11 конспектов, составленных до 1675 г., украинское писарское авторство которых представляется доказуемым. Четыре из них принадлежали библиотеке Мелецкого монастыря (Волынь):

«Subsidium logicae»: курс диалектики и логики, прочитанный Иосифом Кононовичем-Горбацким в Киево-Могилянском коллегиуме в 1639—1640 гг.⁵⁶ Это тетрадь конспектов, переписанных, как свидетельствуют записи на л. 69 об. и 443 об., непосредственно после прослушивания курса. Вставка текста студенческой речи на публичном диспуте (л. 70 и об.) подтверждает рабочий характер конспекта, так как при переписывании курса на бело это школярское упражнение, очевидно, было бы изъято.

«Opus totius philosophiae»: курс философии, прочитанный Иннокентием Гизелем в Киево-Могилянском коллегиуме в 1646—1647 гг.⁵⁷ На рабочий характер конспекта указывают записи на л. 278 и 678. Автор конспекта — Theo Husky (Федор Гусский? Горбский?).

«Logicae et dialecticae tractatus»: рукопись без начала, условно датируемая 1645—1647 гг.⁵⁸ Исполнена той же рукой, что и предыдущая.

«Logica»: конспект середины XVII в.⁵⁹ По характеру письма и числу сокращений на странице — черновик. На обороте нижней обложки — латинские школярские каламбуры с украинскими фольклорными мотивами.

Конспективный характер имеет книга из библиотеки Межигорского монастыря на Киевщине: «Tractatus secundus in octo

⁵⁶ ЦНБ, ф. Коллекция киевских рукописных собраний, 126/П (Аа, 1276), л. 1—446.

⁵⁷ Там же, 128/П (Аа, 1270), л. 1—699.

⁵⁸ Там же, 127/П (Аа, 1272), л. 1—196.

⁵⁹ Там же, 129/П (Аа, 1279), л. 1—160.

libros Aristotelis». ⁶⁰ Составлена около середины XVII в. одним почерком, но разными чернилами (т. е. неодновременно); крайне небрежна. Библиотеке Киево-Могилянского коллегиума принадлежала книга с изложением нескольких разделов курса философии («Physica»), ⁶¹ написанная рукой проповедника Киевского братства Паисия Мокачевского (л. 3 об.) в середине XVII в.

Несомненно украинское происхождение тетради с выписями из Библии для школьного пользования под названием «Metho-giale librorum» ⁶² (первая половина—середина XVII в.). Имеются украинские подписи на оборотах обложек и вкрапления украинских слов в предисловии (л. 2).

Студенты Кременецкого иезуитского коллегиума в середине XVIII в. пользовались подборкой образцов красноречия «Ligata eloquentia in breves soluta periodes». ⁶³ На оборотах обеих обложек, а также на полях имеется множество украинских записей XVII в. (л. 4, 120 об.). На обороте нижней обложки указано имя прежнего хозяина книги — иеродиякона Загоровского монастыря Дионисия Сеницкого.

В Отделе рукописей ЛНБ АН УССР хранится список полеми-ческого сочинения Иннокентия Гизеля «Prawdziwa wiara stara...», ⁶⁴ написанного в 1670 г. В отличие от четырех экземпляров библиотеки Киево-Софийского собора, ⁶⁵ данная рукопись на последних пяти листах содержит так называемые «Дополнения к книге „Правдивой старой веры“, которые внутри той книги на определенных местах должны быть дописаны», т. е. поправки к тексту. Это позволяет предполагать, что книга переписывалась в лавре непосредственно после ее составления. К середине—второй половине XVII в. относится и латинско-украинский словарь, в котором при объяснении многих латинских выражений наряду с украинскими словами употреблены польские аналоги (л. 4, 10, 16, 24 об., 78 об. и др.). ⁶⁶ Составлен предположительно в Киево-Могилянском коллегиуме.

Образцы письма данной группы источников в палеографическом отношении неоднородны — от крайне беглого чернового курсива ⁶⁷ до четких, парадных курсивных форм в экземплярах

⁶⁰ Там же, 616 (391), л. 1—346.

⁶¹ ЦНБ, ф. Библиотека Киево-Могилянского коллегиума, ДС, 39/П, л. 1—500.

⁶² ЦНБ, ф. Библиотека Киевской академии, ДС, 144/П (VIII.7.2), л. 1—74.

⁶³ Там же, I, 5756, л. 1—150.

⁶⁴ ЛНБ, ф. Бавор., 1309/1, л. 1—552.

⁶⁵ ЦНБ, ф. Библиотека Киево-Софийского собора, 480 (302 с), 482 (304), 483 (305), 484 (306). — Все экземпляры переписаны в лавре в последней трети XVII в.

⁶⁶ Там же, I, 57485 (Лаз., 46), л. 1—267. — Пометки о принадлежности словаря определенным лицам (л. 4 и др.) относятся к XVIII в.

⁶⁷ ЦНБ, ф. Коллекция киевских рукописных собраний, 129/П (Аа, 1279); 616 (391).

книги И. Гизеля «Об истинной вере».⁶⁸ Особый интерес письмо конспектов представляет как материал для изучения черновигов, почти не сохранившихся в других видах латинописных источников Правобережной Украины, в частности для изучения употреблявшейся системы сокращений.

Итак, рассмотрев предпосылки внедрения и распространения латинского письма на Правобережной Украине во второй половине XVI—первой половине XVII в., можно сделать следующие выводы.

Захват украинских территорий польской шляхтой стал определяющей причиной массового распространения латинско-польской письменности на Украине. Распространение латинского письма шло разными путями: а) через ввоз книг; б) через расселение польского этнического элемента на Украине; в) через школьное образование; г) через административно-государственные каналы. Полонизация высших слоев украинского народа, вызванная стремлением упрочить сословные привилегии в Польском государстве и ускоренная отсутствием национальной школы высшего типа, стала причиной широкого распространения латинско-польской письменности в частной, а затем в общественной и деловой жизни.

К началу XVII в. на Правобережной Украине определились сферы применения латинского письма, представленные в следующих, условно сгруппированных видах источников: а) профессиональное письмо судебно-административных канцелярий и частных юридических актов; б) частное шляхетское письмо; в) письмо магнатских канцелярий; г) письмо войсковых канцелярий Войска Запорожского; д) письмо церковных канцелярий и духовных лиц; е) условно книжное или конспективное письмо.

Названные группы источников не тождественны палеографическим разновидностям латинского письма, употреблявшегося на Украине, но дают достаточный материал для многопланового изучения его внутренних графических особенностей. Подробное и последовательное изучение графики названного письма позволит установить процессы и закономерности его развития на Украине, а также выявить степень взаимодействия латинской и кирилловской письменных традиций.

⁶⁸ ЦНБ, ф. Библиотека Киево-Софийского собора, 480 (302 с), 482 (304), 483 (305), 484 (306).

А. И. ДОВАТУР И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ АНТИЧНОСТИ

В отечественной науке об античности проблемы источниковедения еще с конца XIX в. привлекали внимание крупнейших исследователей. Энергично выступал против гиперкритицизма в отношении античной традиции Ф. Ф. Соколов, который по праву может быть назван отцом русской эпиграфики. Изданием эпиграфических и нарративных источников по истории юга нашей страны много занимался В. В. Латышев. Эта традиция уже в советское время была продолжена С. А. Жебелевым. Инициатором ряда комментированных изданий источников был В. В. Струве. Большие заслуги в развитии античного источниковедения принадлежат также крупнейшему специалисту в области классической филологии и античной истории Аристиду Ивановичу Доватуру.

Сам Аристид Иванович считал себя учеником С. В. Меликовой-Толстой, С. А. Жебелева, И. И. Толстого, чьих строгих принципов изучения исторических источников (в том числе эпиграфических памятников) с помощью филологических методов он неуклонно придерживался.

Каждое обращение А. И. к античному наследию носит черты подлинного источниковедческого исследования, и это при том, что диапазон его творческих интересов был необычайно широк — от древнегреческой лирики Солона и Феогида до поздней римской историографии — «Писателей истории Августов» и Геродиана.

Среди античных авторов можно отметить тех, чье творчество было особенно близким А. И. Доватуру. К их изучению он обращался неоднократно на протяжении всей своей трудной, но по существу счастливой жизни. Так, еще в студенческие годы он посвятил свое конкурсное сочинение элегиям Солона. В дальнейшем элегии Солона были предметом постоянных размышлений А. И., отразившихся в статьях о влиянии стихотворений Солона на греческую традицию, о наследственной вине в его представлении и т. п. Поэтическое наследие Солона было подвергнуто самому тщательному изучению при исследовании социального положения аттического крестьянства накануне реформ Солона. С такой полнотой, как это было сделано А. И. Доватуром в его последней книге «Рабство в Аттике VI—V вв. до н. э.», элегии Солона при изучении социальной действительности афинского государства в нашей литературе не использовались. К творчеству Солона А. И. обратился и в последней из своих статей «Солон и Мимнерм» («Филология и классика», 1982, в. 2), к сожалению, увидевшей свет уже после его смерти.

Одним из любимых авторов А. И. Доватура был Геродот. «Заметки к Геродоту» были опубликованы им в «Докладах Академии наук» еще в 1928 г. Геродоту была посвящена его кандидатская диссертация, опубликованная в 1957 г. книгой «Повествователь-

ный и научный стиль Геродота», в которой рассматриваются вопросы об истоках научного стиля греческой историографии и о взаимоотношении научного и фольклорного стиля в «Истории» Геродота. В книге приведен огромный сравнительный материал: сохранившиеся отрывки из сочинений бесспорных предшественников Геродота, а также его современников, надписи VII—V вв. до н. э., позволяющие проследить появление документальной прозы, послужившей для Геродота источником ряда приведенных в его «Истории» географических и этнографических описаний, отдельных исторических сообщений и т. д. Скрупулезно отметив результаты, достигнутые учеными, обращавшимися к анализу литературного стиля Геродота, А. И. подверг серьезному пересмотру, дополнениям и уточнениям выводы, полученные филологами (В. Али, Шмиттом и др.) в результате исследования фольклорных рассказов Геродота. Так, в отличие от своих предшественников, А. И. считал важной особенностью стиля новелл в передаче их Геродотом ученые примечания, характерные для историографической манеры Геродота.

Многолетнее изучение «Истории» Геродота и той поистине безграничной литературы, которая посвящена самым различным аспектам этого уникального памятника, было широко использовано А. И. при подготовке комментированного издания «Скифского рассказа», для которого он специально написал обширный очерк зарубежной литературы начиная с XVIII в., и филологического комментария к отредактированному им новому переводу IV книги Геродота. Подготовка этого издания, в настоящее время находящегося в печати, была прекрасной школой для тех, кто работал над ним под руководством А. И. Это издание, подводя итоги изучения труда Геродота как источника по истории юга нашей страны, позволит оценить и заслуги такого крупнейшего специалиста в этой области, каким был А. И. Доватур.

Среди античных авторов, к творчеству которых А. И. обращался в течение всей своей жизни, особое место занимает крупнейший теоретик древности Аристотель. Еще в 1933 г. Доватур опубликовал исследование, посвященное отрывку из Дельфийской Политии. В конце 50-х—начале 60-х гг. о пристальном внимании к Аристотелю свидетельствует ряд специальных статей и об отдельных Политиях, и по более общим вопросам, таким, например, как историографический жанр аристотелевских Политий, их композиция. За эти годы была проделана поистине гигантская работа по изучению текста Политики и Политий Аристотеля, а также многочисленных монографий, статей и заметок, посвященных историческому наследию великого Стагирита. Труд этот увенчался блестящей защитой докторской диссертации в 1964 г. и опубликованием в 1965 г. книги «Политика и Политии Аристотеля». Книга получила очень высокие отзывы в нашей печати. В них труд А. И. справедливо оценивается как крупнейшее достижение советской и мировой науки. Книга «Политика и Политии Аристотеля» удостоена 1-й университетской премии.

Еще В. П. Бузескул и С. А. Жебелов, изучавшие «Афинскую Политию» и «Политику», отмечали, что выводы Аристотеля основаны на богатейшем историческом материале. А. И. всегда подчеркивал, что Аристотель отнюдь не был кабинетным ученым, далеким от реальной действительности. Показав в своей книге, что Политии Аристотеля — это серия научно-популярных монографий, представляющих собой новшество в греческой литературе, он серьезно обосновал тезис о постоянном и пристальном интересе Аристотеля к окружавшей его исторической действительности. Новую трактовку получила основная тенденция Аристотеля, доказавшего на материале истории Афин и других городов, что государственный строй греческих полисов постоянно и неуклонно ухудшается. Из числа решенных в этой книге проблем особого внимания заслуживает отождествление в главе II (отдел I) (Политика, IV, 9, 12, 1296a) «единственного мужа», который готов даровать греческим полисам «средний строй», идеальный, с точки зрения Аристотеля. Все предшествующие исследователи усматривали в этом «единственном муже» различных выдающихся деятелей прошлого, в их числе Тесея, Ликурга, Солон и других. Тонкий филологический анализ указанного отрывка позволил А. И. обосновать предположение, выдвинутое Целлером (от этого предположения Целлер, не нашедший необходимых аргументов, был вынужден отказаться во втором издании своей «Философии греков»), согласно которому «единственный муж» — это Александр Македонский. С деятельностью своего царственного воспитанника Аристотель связывал много надежд на его благотворное вмешательство в дела Греции. Как подчеркивает А. И., «перед нами одно из тех мест, в которых отчетливо видна обращенность теоретических рассуждений Аристотеля к современности». По силе и стройности аргументации эта глава одна из самых блестящих в этом труде. Книга А. И. настолько богата примерами ярких и оригинальных решений самых сложных проблем, возникающих при исследовании такого памятника, как Политии и Политика Аристотеля, что перечислить их в краткой статье невозможно. Можно лишь повторить вслед за одним из рецензентов, что книга А. И. Доватура оставит после себя неизгладимый след в истории изучения творчества одного из величайших мыслителей и ученых древности. Остается добавить, что на этом работа над Аристотелем не завершилась: еще выйдет в свет комментированный перевод «Политики», издаваемой Институтом философии АН СССР. Последние годы А. И. работал над книгой об Аристотеле как историке.

Краткий очерк о роли А. И. в развитии античного источниковедения, был бы не полон без упоминания его заслуг перед отечественной эпиграфикой. О большом внимании к эпиграфическим материалам свидетельствуют как его большие монографические исследования, так и отдельные статьи, посвященные трактовке различных надписей. Несомненно, без участия А. И. не смог бы выйти в свет «Корпус боспорских надписей», где ему, кроме ис-

следования нескольких сотен надписей, принадлежит еще исчерпывающий очерк грамматики их языка. В последние годы А. И. интенсивно работал над подготовкой избранных северочерноморских надписей, с обширным комментарием. Нам, работавшим вместе с ним в последние годы, посчастливилось слышать его доклады о работе над стихотворными эпитафиями. Он оставил ряд интереснейших статей, посвященных их тонкому филологическому анализу. А. И. принадлежит множество переводов античных авторов, статей о греческой и римской историографии; он отредактировал десятки переводов, написал рецензии на большое число новых зарубежных исследований. В его архиве остались ценные библиографические обзоры, составлявшиеся на протяжении многих лет. А. И. Доватур, возглавлявший кафедру классической филологии ЛГУ с 1957 по 1971 г. и позднее продолжавший безвозмездно нести полную профессорскую нагрузку, создал школу учеников. Им он стремился передать тот историко-филологический метод работы с источниками, которым сам владел в совершенстве. Издание материалов архива А. И. — дело чести его учеников и коллег.

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР В 1982 г.

В XIII томе «Вспомогательных исторических дисциплин» была помещена статья председателя Ленинградского отделения Археологической комиссии А. И. Копанева о деятельности отделения за 1965—1981 гг.¹ В 1982 г. характер работы Ленинградского отделения комиссии, ее виды и формы были такими же, как и в прежние годы.

Важное место в работе Ленинградского отделения Археологической комиссии занимает организация археологических экспедиций в традиционно сложившиеся районы поисков. Цель экспедиций — сбор памятников книжной письменности, старопечатных книг, а также выявление и учет их у местного населения.

В Псковской области в 1982 г. продолжала начатый прежде поиск экспедиция Древлехранилища Института русской литературы (Пушкинского Дома). Коллекции его пополнились еще десятью рукописями XVII—XX вв., среди которых особенно интересны Сборник середины XVIII в., содержащий малоизвестное и почти не исследованное «Житие св. Варвары»; певческая тетрадь с записями владельцев, позволяющими проследить ее историю; Сборник XIX в., в состав которого включена редко встречающаяся повесть «Сказание о ношении галстуков». Во время прежних поездок, как уже отмечалось, были выявлены и учтены рукописи, хранящиеся у разных владельцев, которые живут в районе поиска только летом, а на зимнее время переезжают в Ленинград. У этих лиц приобретено еще четыре рукописи на месте, т. е. в Псковской области, а одна получена в Ленинграде. Из этого приобретения наиболее интересен Октоих 30-х гг. XVI в. Экспедиции на Псковщину показали, что на руках у местного населения имеются старопечатные издания, а рукописи встречаются довольно редко, поэтому говорить о рукописной книжной традиции для исследованных районов Псковской области нельзя. Псковская экспедиция была проведена сотрудником Древлехранилища ИРЛИ В. П. Бударагиным.

¹ См.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1982, XIII, с. 332—335. — Подробные отчеты о деятельности и об археологических экспедициях Ленинградского отделения Археологической комиссии публикуются в «Археологических ежегодниках».

Вторая экспедиция Пушкинского Дома в составе Г. В. Маркелова, Романова и А. А. Цехановича работала в Прибалтике, в районе Даугавпилса. Поездка в этот район дала хорошие результаты — привезено 29 рукописей, пополнивших Латгальское собрание, которому в 1982 г. исполнилось десять лет. Ровно десять лет назад были привезены первые рукописи, положившие начало новому собранию Древлехранилища ИРЛИ. За эти десять лет оно выросло до 330 единиц. Латгальское собрание является одной из тех коллекций, которая стабильно пополняется. Среди рукописных книг, привезенных в 1982 г., Сборник 1749 г., содержащий малоизученный текст Риторики, сочинения Стефана Яворского, найдены жития св. Георгия, Афанасия, Кириака и Улиты, в одном из Месяцесловов приведены архаичные названия месяцев. К 1938 г. относится рукопись, содержащая заговоры от болезней. Многие из привезенных рукописей интересны владельческими записями. Поездка в Прибалтику показала, что у местного населения еще есть рукописи и что их разыскания следует проводить и впредь. Наряду с рукописями местное население охотно пользуется старопечатными изданиями, которые тоже представляют интерес для ученых.

Кроме указанных находок, Древлехранилище обогатилось приобретенными и полученными в дар старинными изданиями и рукописями. Академик Д. С. Лихачев передал в дар ряд принадлежавших ему памятников русской письменности и первое издание «Слова о полку Игореве»; жительница Ленинграда Н. А. Чебышева передала документы родового архива — жалованные грамоты 1623, 1633, 1676, 1682 гг. на земли в Московском, Мещерском и других уездах центральных районов страны, генеалогический список рода Чебышевых и пр. Среди других приобретенных интересен Сборник первой трети XVI в., содержащий службы кн. Владимира, кн. Бориса и Глеба, повесть о Темир-аксаке.

В течение многих лет ленинградские археографы проводят экспедиции на Северную Двину. Поездки всегда давали хороший результат. И до сих пор находки и открытия в этом хорошо изученном районе возможны. Так, в 1982 г. с берегов Северной Двины привезено десять рукописей и девять старопечатных книг. Экспедиции на Северную Двину стали традиционным местом практики студентов филологического факультета Ленинградского государственного университета. В этом году практику проходили студенты 2-го и 4-го курсов под руководством И. А. Евсеевой. Чрезвычайно интересные находки сделаны в этом же году в Вологодской области. Сотрудник Библиотеки АН СССР А. А. Амосов совместно с сотрудниками Вологодского краеведческого музея и Вологодского педагогического института побывали в Верховажском районе, куда ранее трудно было попасть. В прошедшем году была закончена работа по прокладке хорошей дороги в этот район, что сделало его доступным для археографических экспедиций. Было найдено до тридцати печатных изданий конца XVII—начала XX в., обнаружены неизвестные произведения жи-

вописи, главным образом XVIII в., выявлено и взято на учет до тридцати памятников архитектуры. Наряду с этим приобретена уникальная коллекция — все хозяйственные документы одной крестьянской семьи с момента коллективизации и до наших дней, т. е. почти за полвека. Эти документы поступили в Вологодский краеведческий музей. Продолжалась работа по выявлению и сбору писем периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., они переданы в Вологодский партийный архив.

Неожиданные находки ждали экспедицию в Грязовецком районе Вологодской области. Район этот не был старообрядческим, и рассчитывать на то, что у местного населения имеется рукописная и старопечатная книга не приходилось, не было оснований считать, что в Грязовецком районе сохраняется своя рукописная традиция. Было известно только, что какие-то старые книги имеются у местной жительницы А. П. Калягиной, установить контакты с которой во время прежних экспедиций не удалось, а в конце 1981 г. А. П. Калягина скончалась. Ее наследники продали Вологодскому краеведческому музею 100 рукописей и разрешили обследовать дом, в котором проживала А. П. Калягина. Были обследованы помещения дома, чердак и все усадебные постройки, где найдено около 200 рукописей и 35 печатных книг. Среди находок интересны вариант «Повести о Петре и Февронии», стрелецкие сказания, многие сборники стихов. При первоначальном ознакомлении удалось установить имена почти двух десятков переписчиков и особенности местной традиции. После чистки и реставрации в Лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР будет начата работа по детальному изучению каждого памятника этого уникального собрания.

Значительным достижением 1982 г. является выход в свет первого тома каталога рукописей и старопечатных книг, хранящихся в местных библиотеках и краеведческих музеях Вологодской области. Эта большая и чрезвычайно важная работа завершена, о чем и свидетельствует выпуск первого тома каталога,² второй том намечен к изданию в 1983 г.

Работа по описанию местных библиотек и музейных рукописей, начатая в Вологде, является примером для проведения такой же работы по другим регионам Северо-Запада, в первую очередь в Ленинградской области.

Библиотека АН СССР продолжала выявление и учет рукописных и старопечатных собраний в районах северной Литвы, где до сих пор существуют старообрядческие поселения. Экспедиция дает основания предполагать, что больших находок в этом районе не будет, так как у местного населения осталось очень мало рукописей и книг.

Экспедиции 1982 г. показали, что работа по сбору старопечатных и рукописных книг должна быть продолжена.

² См.: Памятники письменности в музеях Вологодской области. Вологда, 1982.

Участники археографических экспедиций отметили ряд трудностей, возникших в ходе их работы. Это прежде всего недостаточное количество денежных средств, а порой и полное отсутствие их, что затрудняет приобретение нужных памятников, ведь владельцы рукописей не всегда согласны отдать их безвозмездно, а этим пользуются частные приобретатели, деятельность которых носит недопустимый характер и отражается на отношении местного населения к экспедициям, организованным Археографической комиссией.

Другой формой деятельности Ленинградского отделения Археографической комиссии была работа по проведению заседания с целью ознакомления историков Ленинграда с источниками по истории крестьянства Северо-Запада периода феодализма, хранящихся в архивах, рукописных отделах библиотек и музеях нашего города. Подобное заседание было вызвано созданием Объединения по изучению истории крестьянства Северо-Запада. Оно было проведено Археографической комиссией совместно с сектором истории СССР периода феодализма и сектором изучения и публикации исторических источников Ленинградского отделения Института истории СССР.

В заседании, состоявшемся 31 марта 1982 г., приняли участие как члены Ленинградского отделения Археографической комиссии, так и широкие круги научной общественности Ленинграда. С докладами и сообщениями выступили Г. А. Победимова (ЛЮ Института истории СССР), Д. И. Раскин и Н. А. Малеванов (Центральный государственный исторический архив СССР), О. А. Кондратьева (Музей этнографии народов СССР), В. А. Долотов (Центральный музей почвоведения имени В. В. Докучаева), В. И. Афанасьев и Н. А. Дворецкая (Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина), А. А. Амосов (Библиотека АН СССР), Г. В. Маркелов и М. Г. Лепехин (Институт русской литературы (Пушкинский Дом)), Н. Н. Масленникова (Институт культуры имени Н. К. Крупской), А. С. Мыльников и Н. В. Ушаков (Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая).

Все выступившие сообщили подробные сведения о хранящихся в их архивах, рукописных отделах и музеях документах и памятниках материальной культуры, отражающих хозяйственную и духовную стороны жизни крестьян северо-западного региона. Во всех вотчинных, поместных и монастырских фондах, в фондах местных и центральных учреждений России содержатся материалы, где приведены сведения о повседневной хозяйственной деятельности крестьянина, его дворе, скоте, различных побочных занятиях, борьбе со светскими и духовными феодалами, побегам и пр. Картографический материал содержит данные о крестьянской пашне, сенокосе, рыбной ловле, охоте; музеи хранят орудия по обработке почв и волокнистых культур, охоты, рыболовства, средств передвижения, наружного декора крестьянских изб, домашней мебели и утвари, а также ткань, вышивки,

вязанья; о духовной жизни дают представления книги и владельческие записи на них, детские игрушки и пр.

Участники заседания отметили полезность и своевременность этого собрания, которое дало необходимую информацию о состоянии и характере источников по истории крестьянства северо-западного региона.

Заседание отметило, что успех в работе может быть только при объединении сил историков, археологов, этнографов, почвоведов, филологов, только при таком содружестве возможно создание истории русского крестьянства северо-западного региона на высоком научном уровне.

Чрезвычайно важной стороной деятельности Археографической комиссии было продолжение работы по подготовке к изданию массовых источников по истории крестьянского хозяйства и повинностей, начатая еще в 1977 г. В этом году А. И. Копанев и Д. И. Петрикеев подготовили к печати переписную книгу по селу Лыскову с приселками и деревнями. Подготовлена она была табличным методом, а издана ротационным способом. Переписная книга на село Лысково была найдена в Горьковской областной библиотеке, она составлена в 1672 г., т. е. во время восстания под руководством Степана Разина. В книге подробно отражено состояние крестьянского хозяйства (посевы, наличие зерна и скота, сведения о сенокосах, числе работников и пр.). Большой объем книги обусловил издание ее в двух выпусках.³

Ленинградское отделение Археографической комиссии и впредь будет продолжать свою работу в указанном выше направлении.

И. З. Либерзон.

³ См.: Хозяйство крепостного крестьянина XVII в. Л., 1982, вып. 1 и 2.

СОДЕРЖАНИЕ

I

М. Е. Бычкова. Некоторые задачи генеалогического исследования	3
Н. Е. Носов. Уставная книга Разбойного приказа 1555—1556 гг. . .	23
В. Б. Кобрин. Опыт изучения семейной генеалогии (Протопоповы—Мезецкие—Пронские)	50
Г. А. Победимова. Писцовые материалы Деревской пятины как источник по генеалогии служилого сословия XVI в.	59
А. В. Фомин. Методические проблемы систематизации кладов с куфическими монетами IX—X вв.	74
В. Л. Янин. Новые материалы о Новгородском денежном дворе при Михаиле Федоровиче	81
Н. А. Казакова. Из истории русской хронографии XVII в.	101
В. М. Панеях. Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии А. А. Зимина	107

II

И. З. Либерзон. Неизвестные акты XV в.	136
В. С. Барашкова, З. В. Дмитриева, Л. С. Прокофьева. Писцовая книга езовых дворцовых волостей Белозерского уезда 1585 г.	140
Л. И. Ивина. Уложение 1649 г. и его издания (в связи с подготовкой нового издания Уложения)	152
Ю. А. Лимонов. «Потерянный рай» Джона Мильтона в русской рукописной традиции как памятник культурных связей Англии и России в XVIII в.	175

III

М. М. Сафонов. Записка А. А. Безбородко о потребностях империи Российской	180
В. Г. Чернуха. Мемуары столичного чиновничества второй половины XIX в.	195
В. В. Лапин. Мемуары адмирала И. А. Шестакова	216
Р. Ш. Ганелин. К истории текста петиции 9 января 1905 г.	229
А. В. Гоголевский. Опыт текстологического анализа первых советских декретов о ликвидации неграмотности (1919 г.)	250

Е. Б. Новиков. О реконструкции античных эпиграфических памятников (формуляр ольвийских почетных публикаций V—первой половины IV в. до н. э.)	263
С. О. Вялова. Глаголические материалы Отдела рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина	271
Н. Н. Яковенко. Источники изучения латинского письма на Правобережной Украине в конце XVI—первой половине XVII в. (на материалах архивных и библиотечных хранилищ УССР)	285
И. А. Шишова. А. И. Доватур и источниковедение античности	300
Ленинградское отделение Археографической комиссии Академии наук СССР в 1982 г. (И. З. Либерзон)	304

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ**

т. XIV

Утверждено к печати

*Ленинградским отделением Института истории СССР
АН СССР и Ленинградским отделением
Археографической комиссии
при Отделении истории АН СССР*

Редактор издательства Р. К. Паэгле
Технический редактор Н. Ф. Соколова
Корректоры Л. М. Бова, О. И. Буркова
и Н. И. Журавлева

ИБ № 20455

Сдано в набор 17.08.82. Подписано к печати 03.08.83.
М-32017. Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага типографская № 1.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ.
л. 19.50. Усл. кр.-от. 19.50. Уч.-изд. л. 24.71.
Тираж 2200. Тип. зак. № 1709. Цена 2 р. 90 к.

Издательство «Наука». Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

**КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ
В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»**

*Для получения книг почтой
заказы просим направлять по адресу:*

117192 Москва, В-192, Мичуринский пр., 12
Магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197345 Ленинград, П-345, Петрозаводская ул., 7
Магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига»
*или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел
«Книга — почтой»:*

480091 Алма-Ата, ул. Фурманова,
91/97 («Книга — почтой»);	343900 Краматорск Донецкой обл.,
ул. Марата, 1;
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13;	660049 Красноярск, пр. Мира, 84;
320093 Днепропетровск, пр. Гагари-
на, 24 («Книга — почтой»);	443002 Куйбышев, пр. Ленина, 2
(«Книга — почтой»);
734001 Душанбе, пр. Ленина, 95
(«Книга — почтой»);	191104 Ленинград, Литейный пр., 57;
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;	199164 Ленинград, Таможенный пер.,
2;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;	199034 Ленинград, 9 линия, 16;
252030 Киев, ул. Ленина, 42;	220012 Минск, Ленинский пр., 72
(«Книга — почтой»);
252030 Киев, ул. Пирогова, 2;	103009 Москва, ул. Горького, 8;
252142 Киев, пр. Вернадского, 79;	117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Кни-
га — почтой»);	630076 Новосибирск, Красный пр.,
51;
277012 Кишинев, пр. Ленина, 148
(«Книга — почтой»);	630090 Новосибирск, Морской пр.,
22 («Книга — почтой»);

- 142292 Пущино Московской обл., МР «В», 1;
- 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
- 700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
- 700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
- 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
- 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
- 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
- 450025 Уфа, Коммунистическая ул., 49;
- 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
- 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

11. 6

11. 7

11. 8

11. 9

11. 10

11. 11

